КНИЖКОВЕ ПРОСТОРАСТВО BOOK SPACE

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Іюнь и Іюль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VI. КАПИТАНША 1

II. СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО. (Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній. *(Окончаніе).*—**Сергѣя Венгрженовскаго** 26

III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ). *(Окончаніе)* . . . 52

IV. РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.—**А. Лашкевича.** 73

V. ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАЙНЫ КОНЦА XVIII В. (I. Сожженіе вѣдьмы).—**Н. Оглоблина.** 92

VI. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ. (*Продолженіе*).—**А. М. Туренка** 125

VII. НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО. (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ). Сообщ. **А. Твердохлѣбовъ.** 152

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2-е. Черниговъ. 1887. —*А. Л.*—б) Складка Альманахъ. Р. Б. 1877. № 1. Спорудывъ Вл. Александровъ. Харьковъ.—*З.*—в) Исторія кіевской духовной академіи. Выпускъ 1-й. Періодъ до-могилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886 года.—*И. Каманина.*—г) Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.—*А. Комарова.* . . 171

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ.—*L.* —б) Жалоба роменскаго духовенства на протопопа Мартына Са-

мойлова.—*А. Востокова.*—в) Изъ народныхъ вѣрованій.—Сообщ. *Юрій Олтаржевскій.*—г) Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства.—*Я. Г.*—д) Волынская полоненница XVI вѣка и ея «орменскій» обожатель.—Сообщ. *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.*—е) На пути въ Іерусалимъ.—*W.*—ж) Старинные проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей 158

X. **Приложеніе.** Снимокъ въ краскахъ съ ожерелья Домны Роксанды Хмельницкой, хранящагося въ Спасской Паліевской церкви м. Бѣлой Церкви.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

I. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ И ПѢСЕНЪ 215

II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ 269

III. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ (*Окончаніе*). **А. М. Туренка** 335

IV. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 15. БОРОЗДНЫ. **Ал. Лазаревскаго** 379

V. МЕМУАРЫ К. А. РОЩАХОВСКАГО ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. *Съ предисловіемъ* **А. Р.** 396

VI. МАЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕЯСЛАВА. **С. Н. Исаевича** 451

VII. СЛѢДЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИМП. ПЕТРА I. СЪ САВВОЮ РАГУЗИНСКИМЪ. **А. Лашкевича** 487

VIII. ПАНЕГИРИКЪ КОЧУБЕЯМЪ (I-й половины XVIII в.). *Съ предисловіемъ* **В. Каллаша** 495

IX. МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА XIX ВѢКА . 511

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Poczet rodów w wielkiém księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Warszawa, 1887 г.).—*О. Л.*—б) Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. С.-Петербургъ, 1887 г.—*О.*—в) Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Москва. 1886 г.—*Н. С.*—г) Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'a nos jours par Léon Sichler. Paris. 1886 г.—*В. К—ша.*—д) 1) Шебелинскій бунтъ, Л. Илляшевича, 2) П. П. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки, И. П. Сокальскаго. 1887 г.—*С.* . . . 525

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) А.-Г. К. Киркоръ, ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи (некрологъ).—*Н. Янчука.*—б) Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ.—*С.*—в) Три «черкасскія» слободы XVIII в. по современному ихъ описанію.—Сообщ. *Д. И. Багалѣй.*—г) По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни.—*Н. С.*—д) Вниманію археологовъ.—*С.*—е) Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря.—Сообщ. *А. Востоковъ.*—ж) Загадочный портретъ Шевченка.—*А. Бабича.*—з) Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2-й половины XVIII ст.—*С. Н—ю.*—и) Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоша Хмельницкаго».—*П. Л—ва.*—і) Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ.—Сообщ. *В. К—шъ.*—к) Свѣдѣніе о Иванѣ Головатомъ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ.—Сообщ. *А. С. Лашкевичъ.*—л) Запорожская пѣсня.—Зап. *Иванъ Пономаревъ.* 539

Августъ, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ *(Продолженіе)* 589

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 16. РАКОВИЧИ. 17. ОБОЛОНСКІЕ. 18. МАНУЙЛОВИЧИ. **А. Лазаревскаго** 627

III. НА ДНѢСТРОВСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ. **К. Мельникъ** . . . 638

IV. ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. **П. Кузмичевскаго** 676

V. ПЕРВЫЯ СНОШЕНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО СЪ МОСКВОЙ. **А. Востокова** 714

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 54-й. Спб. 1886 г.—*В. Н.*—б) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г.—*В. К—ша.*—в) Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммисіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. VII, т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886 г.—*И. Каманина.*—г) Труды комитета для историко-статистическаго

описанія подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 г.—*И. Каманина* 745

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ археологической экскурсіи. Село Кальникъ и его памятники старины.—*В. Антоновича.*—б) «Парубоцтво», какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ.—*Валеріана Боржковскаго.*—в) Псальма XVIII столѣтія.—Сообщ. *П. Е.*—г) Указъ Петра I-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго.—*П. Е.*—д) Къ исторіи пословицъ.—*Н. С.*—е) Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII ст., ея составъ и содержаніе.—Сообщ *Л. П.*—ж) Изъ временъ упадка Запорожья.—*К. Ц.*—з) Варіантъ пѣсни о Нечаѣ.—Сообщ. *А. Залѣсскій* 761

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

Содержаніе.

Проникновеніе апокрифовъ въ южную Русь изъ Византіи, Болгаріи и Польши черезъ странниковъ-богомольцевъ и литературные памятники.—Свидѣтельства объ отреченныхъ книгахъ въ до-монгольской Руси и въ южной Руси XVI—XVIII ст.—Сліяніе апокрифическихъ и религіозно-миѳическихъ элементовъ въ галицко-русской царинной пѣснѣ „Війте, дѣвойки".—Хранители и распространители апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Россіи.—Южнорусскія апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ: 1) Сотвореніе міра. 2) Происхожденіе демоновъ. 3) Сотвореніе человѣка. 4) Адамъ и Ева. 5) Происхожденіе великановъ. 6) Потопъ. 7) Самсонъ. 8) Царь Давидъ. 9) Соломонъ. Южнорусскія апокрифическія сказанія и пѣсни о пресвятой Богородицѣ, о Спасителѣ, апостолахъ и святыхъ. 10) Сказавія о происхожденіи пр. Дѣвы Маріи. 11—12) Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы. 13) Рождество Іисуса Христа. 14) Поклоненіе волхвовъ. 15) Избіеніе младенцевъ. 16) Крещеніе Спасителя. 17) Общеніе Іисуса Христа съ народомъ. 18) О іерействѣ Іисуса Христа. 19) Сонъ пр. Богородицы. 20—21) Страданія и крестная смерть Спасителя. 22) Плачъ пр. Богородицы. 23) Происхожденіе перваго храма. 24) О Нерукотворномъ образѣ. 25—27) Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы, или сказаніе объ ап. Ѳомѣ. Сказанія объ Іудѣ. 28) Притча о богатомъ и Лазарѣ. 29) Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи. 30) Святый Николай. 31) Святый Георгій. 32) Святая Меланія. 33) Эпистолія о Недѣлѣ. 34—35) Сказанія о пятницѣ и сказанія о 12 пятницахъ. 36—38) Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай. 39) Сказанія о Рахманахъ. 40) Исторія о женѣ Майдонѣ. 41) Сказанія объ Антихристѣ. 42) Сказанія о Страшномъ Судѣ и кончинѣ міра. 43) Евангелистая пѣсня. 44) Апокрифическія молитвы. 45) Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ. 46) Вопросы и отвѣты святыхъ отцевъ.—Дополнительныя замѣтки.

Подъ названіемъ апокрифовъ извѣстенъ обширный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ, построенныхъ на каноническихъ сюже-

ніяхъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и на житіяхъ святыхъ, съ примѣсью къ библейскимъ сказаніямъ народныхъ преданій и вымысловъ. Въ апокрифическую литературу входятъ сказанія и пѣсни, дополняющія и поясняющія библейскіе мотивы съ точки зрѣнія народной психологіи и частныхъ особенностей народнаго быта. Это—литература безыменная, т. е. безъ указаній на авторовъ и безъ хронологическихъ датъ. Возникнувъ въ древнѣйшія времена, преимущественно въ первые вѣка христіанской эры, апокрифы распространялись по мѣрѣ распространенія христіанства, какъ любимое чтеніе грамотныхъ людей. Они отчасти измѣнялись въ разныхъ странахъ примѣнительно къ образу жизни и нравственному характеру народа и переходили въ народную словесность и въ искусство. «Съ литературной точки зрѣнія, замѣчаетъ проф. Порфирьевъ, апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ» [1]).

Въ южной Руси апокрифы нашли благопріятныя условія для своего развитія и распространенія. Въ до-монгольское время народная жизнь текла по широкому руслу свободы и просвѣщенія. Культурное развитіе шло быстро, что обнаружилось преимущественно въ живомъ и дѣятельномъ усвоеніи христіанства и въ блестящемъ развитіи свѣтской поэзіи. Живое чувство народности сквозитъ во всѣхъ проявленіяхъ древне-кіевскаго быта. Суровая аскетическая регламентація жизни, выходившая изъ стѣнъ кіево-печерскаго монастыря, не могла подавить движенія народной жизни, исполненной свѣжихъ, поэтическихъ началъ. Движеніе это было настолько сильно, что проникло въ притворы и на хоры хра-

мовъ во фрески и водило перомъ монаховъ-лѣтописцевъ. «Страна, благословенная дарами природы, говоритъ Аристовъ о южной Руси, необыкновенное плодородіе, роскошная растительность, умѣренность и благорастворе́ніе климата развили живое воображеніе, теплоту и мягкость чувства въ душѣ южнаго человѣка, которыя давали силу и способъ представить разсказы въ ясныхъ картинахъ [1]).

Апокрифическія сказанія и повѣрья проникали въ Южную Русь изъ Византіи, Болгаріи, преимущественно въ XI—XV ст., и изъ Польши, преимущественно въ XVI—XVII ст., проникали во 1) путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ посѣщавшихъ Русь, и такой же передачи отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Палестину, во 2) черезъ византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно черезъ Палеи и Хроники, и черезъ польскія схоластическія проповѣди и, наконецъ, въ 3) непосредственно въ формѣ апокрифическихъ книгъ. Въ народной памяти сохранились найболѣе апокрифы византійскаго и болгарскаго источниковъ; въ рукописяхъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія, проникшія въ Галицію изъ Польши. Передавая апокрифы въ Великороссію, Малороссія, преимущественно лѣвобережная, получила нѣкоторые апокрифы обратно въ великорусской обработкѣ, напримѣръ, сказанія и пѣсни о 12 пятницахъ.

Въ южной Руси перебывало много грековъ. Изъ 23 митрополитовъ до-монгольскаго періода 17 были несомнѣнно греки; происхожденіе трехъ неизвѣстно и только трое русскіе [2]), На епископскихъ каѳедрахъ по временамъ сидѣли греки. Священники и иноки были отчасти также греки, особенно на первыхъ порахъ. Греки были строителями древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Приходили на Русь изъ Греціи иконописцы и пѣвцы. Греческіе купцы доставляли русскимъ мусію, звонкую монету, металлическую утварь, лѣкарственныя травы, мраморъ, дорогія ткани. Съ возникновеніемъ сильнаго московскаго государства греки стали ѣздить въ Москву за милостыней и по дорогѣ посѣщали Кіевъ. Въ литовской Руси греческіе пришельцы находили болѣе родственную себѣ среду, чѣмъ

---

[1]) *Аристовъ*, въ „Правосл. Собесѣд.“ 1860 г., I, 392.

[2]) *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи, II, 32.

въ Руси московской. «Въ козацкой землѣ, писалъ Павелъ алепскій во второй половинѣ XVII вѣка, мы чувствовали себя какъ дома, потому что обитатели той страны любезны и радушны и относились къ намъ, какъ будто земляки» [1]). Южная Русь XVI ст. съ благодарностью признала заслуги экзарха Никифора, Кирилла Лукариса и патріарха Ѳеофана. При всемъ томъ греки, посѣщавшіе южную Русь, не могли внести много апокрафическихъ сказаній, въ слѣдствіе незнанія или слишкомъ плохаго знанія русскаго языка.

Совсѣмъ противное нужно сказать о приходившихъ на Русь византійскихъ духовныхъ лицахъ славянскаго происхожденія. Такіе люди, замѣчаетъ Ф. А. Терновскій, на половину славяне, на половину греки, т. е. по происхожденію славяне, а по образованію греки, стоя по срединѣ между двумя народностями и двумя міросозерцаніями, всего удобнѣе могли быть духовными руководителями русскаго народа». Такіе люди, добавимъ мы, могли внести въ Русь много апокрифическихъ сказаній; особенно въ этомъ отношеніи могли многое сдѣлать болгарскіе выходцы. Византійская апокрифическая литература получила блестящее развитіе въ Болгаріи въ X вѣкѣ, потому что попала въ руки богомиловъ. Составляя отрасль манихейства, богомилы, подобно манихеямъ, приняли близкое къ древне-персидскому религіозному дуализму ученіе о двухъ началахъ міра, добромъ Богѣ и зломъ Сатанаилѣ, причемъ Богъ создалъ невидимый, духовный міръ, а Сатанаилъ внѣшнюю природу и тѣло человѣка. Основателемъ богомильской ереси былъ болгарскій попъ Богомилъ. Приспособляя св. писаніе къ своему ученію, богумилы прибѣгли къ аллегорическимъ толкованіямъ, воспользовались византійскими апокрифами и развили ихъ далѣе въ приложеніи къ своей сектѣ. Главнымъ распространителемъ апокрифическихъ сказаній въ Болгаріи, по видимому, былъ Богомилъ. Въ одномъ славянскомъ спискѣ индекса отреченныхъ книгъ сказано, что «творци быша еретическимъ книгамъ въ болгарской землѣ попъ Еремей да попъ Богумилъ». Проф. Порфирьевъ Іеремію и Богумила считаетъ за одно лицо, основателя ереси, который носилъ имя Іереміи и прозвище Богомила. Попу Іереміи Богомилу въ индексахъ приписываются апокрифы о древѣ крестномъ, о св. Троицѣ, о Христѣ, какъ

[1]) *Терновскій*, тамъ-же. II, 104.

Его въ попы ставили, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, лживыя молитвы о трясовицахъ и нежитахъ [1]). Апокрифы эти не сочинены Іереміей, а передѣланы, быть можетъ, приспособлены къ богомильской ереси и пущены въ народное обращеніе въ простой формѣ. Нужно думать, что всѣ эти апокрифическія сказанія очень рано проникли въ южную Русь, по причинѣ живаго общенія русскаго народа съ болгарскимъ въ древнее время.

Богомильская литература проникла въ сербскія земли, преимущественно въ Боснію, и перешла въ сербскія рукописи [2]). Нельзя съ достовѣрностью сказать, какія апокрифическія сказанія проникли въ южную Русь прямо изъ Сербіи и въ то время, какъ вліяніе болгарской апокрифической литературы на южно-русскія религіозныя сказанія и пѣсни не подлежитъ сомнѣнію, вліяніе сербскихъ варіантовъ апокрифическихъ сказаній именно въ южной Россіи представляется довольно сомнительнымъ.

Мѣстныя апокрифическія сказанія, т. е. связанныя съ священными мѣстами Палестины, отчасти Константинополя и Аѳона, были усвоены русскими людьми прямо и непосредственно, во время паломничества въ св. Землю, и разнесены въ устныхъ и отчасти литературныхъ пересказахъ по всей землѣ русской. «Многочисленность русскихъ паломниковъ въ Грецію и Палестину, говоритъ Ф. А. Терновскій, въ теченіе всего до-монгольскаго періода находится внѣ всякаго сомнѣнія. Увлекая собою наиболѣе любознательныхъ и предпріимчивыхъ людей, паломничество не только давало матеріалъ для множества устныхъ разсказовъ, но и обогатило скудную русскую письменность нѣсколькими паломническими сказаніями и отразилось въ народной поэзіи въ былинахъ о Василіѣ Буслаевѣ и о сорока каликахъ со каликою» [3]). Какого рода апокрифическія сказанія усваивались русскими паломниками, видно

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 131.

[2]) *Петровъ*, Историч. взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими, стр. 11.

[3]) *Терновскій*, т. II, стр. 8.

изъ «Хожденія» игумена Даніила начала XII столѣтія. Описывая св. мѣста, Даніилъ въ тоже время сообщаетъ о слышанныхъ имъ въ томъ или другомъ мѣстѣ преданіяхъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, Даніилъ говоритъ о находившейся подъ крестомъ головѣ Адама, на которую «сошла вода изъ ребръ Іисуса и омыла грѣхи рода человѣческаго». Упоминая о столбѣ Давида въ Іерусалимѣ, Даніилъ замѣчаетъ, что на этомъ столбѣ Давидъ писалъ псалтырь. Упоминая о Капернаумѣ, онъ же замѣчаетъ, что здѣсь надлежитъ родиться антихристу. Даніилъ говоритъ о пещерѣ, гдѣ Спаситель научилъ учениковъ своихъ пѣть: «Отче нашъ!» и о другой пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхисидекъ. «Подобныхъ разсказовъ, замѣчаетъ И. Я. Порфирьевъ, очень много въ путешествіи Даніила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отчего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній» [1]). Какія апокрифическія сказанія выносили русскіе паломники изъ Константинополя, видно изъ путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ концѣ XII в. Антоній говоритъ, что въ церкви св. Софіи хранились скрижали Моисея, въ церкви св. Михаила крестъ изъ лозы Ноя и палица Моисея. Нельзя сомнѣваться, что подобнаго рода религіозно-церковныя преданія заходили въ южную Русь, до-татаръ и послѣ татаръ, вмѣстѣ съ другими паломническими разсказами. Дѣло это тѣмъ болѣе возможное, что южноруссы ходили въ Палестину, въ Цареградъ и на Аѳонъ въ большомъ числѣ, съ цѣлями преимущественно религіозными, изрѣдка торговыми, и нѣкоторые паломники, напримѣръ, Іоаннъ Вишенскій, проживали на Аѳонѣ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Изъ переводныхъ византійскихъ сочиненій по обилію апокрифическихъ сказаній найболѣе выдаются Палеи и Хроники. Палея—особое сочиненіе, представляющее изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ дополненіями и объясненіями апокрифическаго характера. Различаютъ толковую Палею и Палею историческую, или книгу бытія небеси и земли. Толковая Палея представляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи, съ апокрифическими дополненіями и съ полемическими выходками противъ евреевъ. Толковая Палея состав-

[1]) *Порфирьевъ*, Исторія рус. словесности, т. I, стр. 320.

лена въ IX—XI вв. и очень рано проникла въ южную Россію. Слѣды вліянія Палеи замѣтны въ древнемъ лѣтописномъ сводѣ XII в., въ Словѣ о законѣ и благодати митр. Иларіона и въ Поученіи Владиміра Мономаха. Въ сохранившихся спискахъ Толковой Палеи, довольно позднихъ, XIV—XVI вв., находятся апокрифы о сотвореніи міра, паденіи ангеловъ, раѣ въ Эдемѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сиѳѣ, Ламехѣ, Энохѣ, дочеряхъ Адама, потопѣ, Авраамѣ, Іосифѣ, Моисеѣ и Соломонѣ, всего 17 апокрифовъ, причемъ одни сказанія представляютъ цѣльные апокрифическіе памятники, а другія—отрывки апокрифическихъ сказаній, вошедшія въ Палею изъ сочиненій Ефрема Сирина, Меѳодія Патарскаго, Козьмы Индикоилова, византійскихъ хроникъ и Златоструя. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Толковая Палея подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ со стороны переписчиковъ, нельзя утверждать, что всѣ извѣстныя по позднимъ спискамъ Палеи апокрифическія сказанія находились въ Палеѣ XI—XII вѣковъ. Такъ, позднѣйшими вставками считаютъ разсказъ о смерти Адама, сказанія о Соломонѣ и нѣкоторыя другія [1]). Какъ бы то ни было, Толковой Палеѣ настолько присущи апокрифическія сказанія, что нельзя сомнѣваться въ присутствіи ихъ въ древнѣйшихъ, исчезнувшихъ спискахъ Палеи и въ переходѣ ихъ отсюда въ древне-русскіе литературные памятники и въ народные разсказы.

Историческая Палея, отличается отъ Толковой Палеи отсутствіемъ полемики и сжатостью. Сохранившіеся списки исторической Палеи не древни (старѣйшій XV—XVI в.); но филологи по особенностямъ языка перевода относятъ переводъ «Книги бытія небеси и земли» по крайней мѣрѣ къ XII вѣку» [2]). Въ исторической Палеѣ такъ же много апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, какъ и въ Толковой Палеѣ, и отсюда, т. е. изъ «Книги бытія небеси и земли» древняя, до-монгольская Русь также могла черпать апокрифическія сказанія.

Другимъ источникомъ апокрифическихъ сказаній въ древнія времена были византійскія хроники. Изъ византійскихъ хроникъ весьма рано появились въ славянской письменности хроники Іоанна

---

[1]) *Ждановъ*, Палея, стр- 12, 13, 22.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

Малалы и Георгія Амартола. Въ хроникѣ Малалы находятся апокрифическіи сказанія объ Авраамѣ, Мельхиседекѣ и Завѣты 12 патріарховъ [1]). Гораздо болѣе апокрифическихъ сказаній въ хроникѣ Георгія Амартола. «Для исторіи ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ сказаній, говоритъ И. Я. Порфирьевъ, хроника Амартола имѣетъ особенную важность. Кромѣ множества мелкихъ апокрифическихъ подробностей о разныхъ лицахъ и событіяхъ, здѣсь помѣщены, между прочимъ, сказанія о еврейской письменности при Сиѳѣ и астрономіи при Немвродѣ, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ, о состязаніи Авраама съ египетскими астрологами о судьбѣ, о Мельхиседекѣ, о смерти Моисея, о Соломонѣ и царицѣ Савской» [2]). Слѣды хроники Амартола замѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности. Составитель первоначальной лѣтописи уже черпалъ изъ нея свѣдѣнія о брахманахъ и амазонкахъ.

Къ числу древнѣйшихъ источниковъ апокрифическихъ сказаній въ южной Россіи принадлежитъ еще Слово Меѳодія Патарскаго, на которое ссылается первый нашъ лѣтописецъ, когда говоритъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ.

Профессоръ Порфирьевъ говоритъ, что апокрифическія сказанія въ Россіи «были распространены болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,—были распространены болѣе апокрифическія сказанія, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ самые апокрифы» [3]). Были, повидимому, и цѣльныя апокрифическія сказанія, циркулировавшіе отдѣльно отъ другихъ литературныхъ памятниковъ. Такого рода апокрифы, цѣльные и обособленные, были въ южной Россіи до татарскаго нашествія и въ болѣе позднее время, въ XIV—XVIII вѣкахъ. Профессоръ Е. Голубинскій по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ до-монгольскаго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ перечисляетъ слѣдующіе апокрифы до-монгольскаго періода русской исторіи.

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія по рукоп. соловец. библ., стр. 18.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стр. 2.

1) Сказаніе Агапія, чего ради оставляютъ роды и домы своя, въ майской Четь-Минеи XII в. московскаго Успенскаго собора.

2) Сказаніе Аѳродитіана о бывшемъ въ Перстѣй земли чудеси, въ Толстовской рукописи XIII в.

г) Хожденіе Богородицы по мукамъ въ Троицкомъ лаврскомъ сборникѣ XII в.

4) Глубинныя книги, упоминаемыя въ Житіи Авраамія Смоленскаго (и, вѣроятно, представлявшія «Вопросы Іоанна Богослова»).

5) Видѣніе пророка Исаіи въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

6) Лѣствица патріарха Іакова, переведенная изъ Палеи.

7) Паралипоменъ пророка Іереміи, въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

8) Слово Меѳодія Патарскаго, упоминаемое древнимъ лѣтописцемъ.

9) Житіе Нифонта и Панкратія, въ Четьи-Минеи XII в.

10) Завѣты 12 патріарховъ, переведенные изъ Палеи.

Вѣроятно, были и другіе апокрифы, древніе списки которыхъ потеряны.

Вращаясь среди низшаго духовенства, грамотныхъ горожанъ и крестьянъ, апокрифы не обращали на себя вниманія выдающихся южнорусскихъ духовныхъ лицъ и, повидимому, не подвергались осужденію и порицанію. Къ тому же общій уровень духовнаго образованія былъ не великъ, и въ южнорусскомъ обществѣ почти навѣрно не было сознанія зловредности отреченныхъ книгъ въ смыслѣ строго богословскомъ. Въ Московской Руси болѣе обращали вниманія на апокрифическія сказанія, потому, что здѣсь возсталъ противъ апокрифовъ Максимъ Грекъ. Находившійся подъ вліяніемъ Максима Грека князь Андрей Курбскій также отрицательно относился къ апокрифамъ. Когда онъ поселился въ южной Россіи, то обратилъ вниманіе на распространенность апокрифовъ въ литовской Руси. Одинъ старецъ прислалъ князю Курбскому для прочтенія апокрифическое евангеліе Никодима. «А повѣсть ону, писалъ ему въ отвѣтъ Курбскій, прочтохъ... Довольно, мню, четы-

---

[1]) *Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, стр. 757.

ремъ (евангеліямъ); не надобе пятое; во истину ложь есть сіе писаніе и неправда... А се лжеплетеніе и прежде азъ видѣхъ польскимъ языкомъ написано... Противлюся лжесловесникомъ, преобразующимся во истовые учители, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена своя скрывше, да не обличени будутъ, и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріймется простыми и неучеными... Али не слышалъ еси, какову бѣду отъ таковыхъ въ литовской земли церковь Божія пріемлетъ?... Апостольскія слова превращаются, развращеніе толкуютъ, на святыхъ хулу возлагаютъ... И отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращенныя, отъ Еремеи попа болгарскаго сложены и иныхъ таковыхъ и на Златоустаго имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ носятъ и изъ-за нихъ на законъ Христовъ поруганіи и хулами стрѣляютъ»[1]).

Апокрифическая литература долгое время жила исключительно въ рукописяхъ и въ народной памяти. Перепиской апокрифовъ занимались преимущественно духовныя лица, увлекавшіяся поэтическими и моральными мотивами апокрифическихъ сказаній. Священники пользовались ими при составленіи проповѣдей. По замѣчанію профессора Ом. Огоновскаго, одной изъ главныхъ причинъ распространенія апокрифовъ было списываніе ихъ на языкѣ, близкомъ къ простонародной разговорной рѣчи. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находятся любопытныя южно и западно-русскія рукописи съ апокрифическими сказаніями объ Адамѣ, потопѣ, двѣнадцати пятницахъ, встрѣчаются ложныя молитвы и духовные стихи[2]). Н. Бѣлозерскій указалъ на одинъ южно-русскій сборникъ конца XVII ст., или Пчелу, составленную въ с. Крупичполѣ, борзенск. у. черниг. г., Петромъ Виноградскимъ. Въ этомъ Сборникѣ, среди разныхъ статей, находится «Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей»[3]).

Въ послѣднее десятилѣтіе галицко-русскіе ученые, Вахнянинъ, Калужняцкій, Калитовскій, Франко, Ом. Огоновскій во Львовѣ, Перемышлѣ, Дрогобичѣ въ общественныхъ библіотекахъ и у част-

---

[1]) *Курбскій*, въ „Правосл. Собесѣд." 1863 г., II.

[2]) *Петровъ*, Описаніе рукописей церк.-археол музея. т. II, стр. 351, 355, 407, 409 и др.

[3]) *Бѣлозерскій*, Южно-рус. лѣтописи, стр. 145.

ныхъ лицъ нашли нѣсколько любопытныхъ апокрифовъ и издали ихъ. Такъ, Калужняцкій въ 1877 г. указалъ на своеобразное «Слово о сотвореніи неба и земли», «Сказаніе царя Анфилога» и нѣкоторые другіе любопытные, не вошедшіе въ сборники Пыпина, Тихонравова и Порфирьева апокрифы, сохранившіеся въ одномъ рукописномъ Сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря. Г. Калитовскій въ 1884 г. издалъ «Матеріалы до словесности апокрифичной», куда вошли весьма важныя въ историко-литературномъ отношеніи апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, о Благовѣщеніи, звѣздѣ пр. Богородицы, Рождествѣ Іисуса Христа, женѣ Майдонѣ и кончинѣ міра. Часть этихъ апокрифовъ, именно апокрифы о Майдонѣ, антихристѣ, трехъ юношахъ царяхъ и кончинѣ міра еще ранѣе, въ 1881 г., были изданы Макушевымъ въ сентябрьской книжкѣ Журн. минист. народ. просвѣщенія. Г. Франко въ № 9 «Зори» 1886 года указалъ на небольшой Дрогобицкій сборникъ апокрифическихъ сказаній конца XVIII ст., заключающій въ себѣ отрывокъ сказанія о томъ, какъ Давидъ писалъ псалмы, сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, отрывокъ сказанія о Самсонѣ и такъ называемый Листъ небесный, или Епистолію о недѣлѣ. Профессоръ Ом. Огоновскій въ первомъ томѣ «Исторіи литературы русской» указываетъ еще на «Катехизисъ» 1713 года, изложенный въ формѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя, въ родѣ извѣстнаго Луцидаріуса. Ученикъ спрашиваетъ: на чемъ земля стоитъ? Гдѣ находится рай? Почему нельзя дойти до рая?—и получаетъ соотвѣтствующіе отвѣты отъ учителя. Профессоръ Огоновскій усматриваетъ въ галицкихъ апокрифахъ много элементовъ простой разговорной рѣчи и полагаетъ потому, что апокрифы эти были читаемы не только въ панскихъ дворахъ, но и въ мужицкихъ хатахъ. «Такъ отже, замѣчаетъ по этому поводу г. Огоновскій, литература апокрифична, що своимъ засновкомъ була неначе заграничною ростыною, розрослась буйно на руській землыци; бувши попереду духовнымъ майномъ самыхъ грамотѣевъ, сталась тая литература вельми популярною мѣжь людомъ неписьменнимъ, котрій фантастични образы оріентальни змѣшавъ зо своимъ поетичнымъ свѣтоглядомъ» [1]). Это замѣчаніе можно распространить на всю русскую народную словесность.

[1]) Зоря, 1886 г. № 21, стр. 359.

Изъ соединенія религіозно-политическаго воззрѣнія на природу, древняго, языческаго, вполнѣ народнаго, съ поэтическими мотивами апокрифическихъ сказаній возникли многія религіозно-эпическія сказанія и пѣсни. Среди пѣсенъ послѣдняго разряда встрѣчаются въ высокой степени художественныя. Ограничусь однимъ примѣромъ, именно, превосходной галицко-русской пѣсней о жалобѣ солнца, пѣсней, всецѣло сотканной изъ религіозно-миѳическихъ и христіанско-апокрифическихъ элементовъ:

Війте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровци
На коруговци!
Ей скаржилося свитло сонейко,
Свитло сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недилю рано дрова рубали,
А ми до личка триски прискали»!
Свиты, сонейко, ясь есь свитыло,
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди.
Війте, дѣвойки...
Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди».
Війте, дѣвойки,...
Ей скаржилося свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,

Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недилю рано косы чесали,
А ми до личка волося метали».
«Свити, сонейко, якъ есь свитыло:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди [1]).

Обожествленіе солнца и поклоненіе ему нѣкогда было повсемѣстно. Съ проникновеніемъ въ славянскіе народы христіанства, внѣшняя природа мало-по малу стала терять свои божественныя прерогативы, и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій, слѣдствіемъ котораго нынѣ являются двоевѣрные заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Солнце изъ положенія самостоятольнаго вышемірнаго и божественнаго существа перешло въ положеніе, подчиненное христіанскому Богу, Спасителю, и въ послѣднемъ положеніи еще сохранило за собою многіе народно-поэтическіе образы и мотивы. Въ царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки» солнце представляется олицетвореннымъ и въ подчиненіи Богу. При всемъ томъ въ языкѣ, въ поэзіи, въ частности въ разсматриваемой нами пѣсни, сохранились еще черты солнца, какъ божественной личности.

У индо-европейскихъ народовъ до настоящаго времени въ языкѣ сохранились своеобразные обломки древняго обоготворенія солнца. Одинъ народъ сохранилъ одни эпитеты и образы, другой удержалъ другіе эпитеты и образы древняго божественнаго дѣда, всевидящаго ока—солнца. Въ скандинавской поэзіи солнце—всемірное пламя, окно небесныхъ пировъ, воздушное пламя, небесный огонь, щитъ облаковъ, радость народамъ [1]). Въ новогреческихъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчаются выраженія: солнце погрузилось (т. е. зашло), солнце воцарилось (зашло, т. е. водворилось въ своемъ дворцѣ, на далекомъ западѣ, за горами) [2]). Въ славянской народной поэзіи солнце око (=греч. Геліосъ), колесо, кольцо, ликъ Божій, вѣнецъ,

---

[1]) *Головацкій*, Гал. и Угор. нар. пѣсни, т. II, стр. 243—244.
[2]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, т. I, стр. 191.
[1]) *Веселовскій*, Записки акад. наукъ, т. XXXII, 284.

корона, царевна, птица, яйцо [1]). Въ частности, въ малорусской поэзіи и языкѣ «сонце ся въ мори купае; сонце спочило; сонце, видчины виконце: вже мини ни видъ мисяця, ни видъ сонця; сонце праведне; шанувати сонечко святее; сонце грае» [2]). Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія характерныя выраженія о солнцѣ: солнце кружитъ (Голов. II, 768), сонце вечеріе (Чуб. V, 107), сонце праведное (Ант. и Др., I, 230, 242).

Въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу [3]). Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Въ пѣснѣ солнце не отказывается вполнѣ отъ служенія человѣчеству; оно только заявляетъ, что не будетъ рано выходить, и въ этомъ заявленіи сквозитъ глубоко-древняя черта народнаго міровоззрѣнія. Было время, когда тепло и свѣтъ считались дѣломъ личнаго желанія солнца, которое, пользуясь свойственной человѣку свободной волей, могло дѣйствовать по своему усмотрѣнію, могло капризничать и сердиться. Такого рода воззрѣніе на солнце скрывается въ глубинѣ малорусскаго языка, напримѣръ, въ обычномъ и въ настоящее время выраженіи: «сонечко рано схопилось», «сонечко довго не заходило». Подобная мысль выразилась въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ словахъ «длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала». Всѣ эти выраженія и словесныя формулы вышли изъ поэтическаго

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., т. I—III, въ разн. мѣстахъ.

[2]) *Номисъ*, Украин. приказки, 2337, 598, 2288, 3770, 8372, 13144.

[3]) *Тэйлоръ*, Первобытная культура, II, 341.

олицетворенія солца и ночи, олицетворенія настолько художественнаго, что и новѣйшіе поэты имъ пользуются для художественнаго воздѣйствія на читателей, напримѣръ, Я. П. Полонскій въ превосходномъ стихотвореніи: «Въ колыбель младенца ночью мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

Такова религіозно-миѳическая основа пѣсни «Війте, дѣвойки», и въ эту основу вплетено много апокрифическихъ мотивовъ изъ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Начнемъ съ запѣва. Нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божіей крови на хоругви. Для объясненія этого мотива, внѣшнимъ образомъ приставленнаго къ пѣсни, нужно принять во вниманіе другія апокрифическія пѣсни о крови Спасителя и принять во вниманіе важное значеніе церковной хоругви въ быту малороссіянъ. Есть пѣсни о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя; въ этихъ пѣсняхъ крови Спасителя приписывается чудо, «де кровця упала, церковь стала». Вѣроятно, мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати. Церковная хоругвь вошла въ пѣсню потому, что въ Малороссіи и въ Галиціи издавна этотъ церковный предметъ вошелъ въ употребленіе въ главныхъ событіяхъ семейной жизни, при свадьбахъ и похоронахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи проводы молодыхъ послѣ вѣнчанія изъ церкви въ домъ свадебнаго веселья совершаются или, по крайней мѣрѣ, недавно совершались съ церковной обстановкой: впереди шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ; за нимъ несли церковные хоругви, за которыми уже слѣдовали молодые съ вѣнцами на головахъ. Такъ какъ галицкія царинныя пѣсни поются на Троицынъ день при обхожденіи полевыхъ пашень, то упоминаемые въ запѣвѣ вѣнки относятся къ распространенному во всей Россіи обычаю вить вѣнки на Троицынъ день. Такимъ образомъ, и въ этомъ небольшомъ запѣвѣ религіозно-миѳическій обрядъ слился съ церковно-обрядовыми и апокрифическими элементами.

Жалоба солнца Богу на людей—мотивъ чисто апокрифическій. Источникъ его «Слово о видѣніи апостола Павла». «Вся бо тварь, говорится въ этомъ словѣ, велѣнію Божію повинуется, токмо человѣци едини преступаютъ заповѣди Божія. Многажды бо солнце

моляшеся Богу, глаголя: Господи Вседержителю, доколѣ неправды человѣческія терпиши, беззаконія много ихъ; повели, Господи, да ихъ пожгу, да не творятъ зло. И гласъ бысть ему, глаголя: азъ все вижду и видѣ око мое; но терплю ихъ и покаянію подаю время. аще не покаются и пріидутъ ко мнѣ, то сужду имъ» [1]). Далѣе въ апокрифѣ слѣдуютъ жалобы мѣсяца, звѣздъ, моря, рѣкъ и земли и на всѣ жалобы слѣдуетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «аще не покаются, сужду имъ». Видѣніе апостола Павла начинается жалобой солнца Богу на людей, и эта жалоба вошла въ царинную пѣсню. Не осталась безъ вліянія жалоба земли, еще болѣе поэтически изложенная въ апокрифѣ; жалоба земли на людскіе грѣхи находится, между прочимъ, въ одномъ малорусскомъ прозаическомъ разсказѣ. Плачъ земли встрѣчается также въ великорусскихъ духовнымъ стихахъ, преимущественно раскольническихъ. Профессоръ И. Я. Порфирьевъ полагаетъ, что этотъ мотивъ вошелъ въ Видѣніе ап. Павла изъ апокрифической книги Эноха, гдѣ указывается на плачъ земли, возвысившей свой голосъ даже до вратъ неба; но и въ книгѣ Эноха плачъ земли едва ли можетъ быть признанъ первоначальнымъ мотивомъ; онъ встрѣчается еще въ древне-индійскихъ и персидскихъ сказаніяхъ и составляетъ, по предположенію г. Порфирьева, слѣдъ священнаго преданія объ осужденіи и проклятіи земли Богомъ за грѣхъ перваго человѣка [1]). Какъ бы то ни было, ближайшимъ источникомъ апокрифическаго плача солнца въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» было Видѣніе ап. Павла, и самый фактъ существованія этой пѣсни предполагаетъ существованіе и популярность апокрифа. Въ сочиненіяхъ южнорусскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Іоанна Вишенскаго находится одна фраза, указывающая, что въ XVI вѣкѣ Плачъ земли, а, можетъ быть и все Видѣніе ап. Павла было хорошо извѣстно южнорусскому народу. Обличая въ одномъ посланіи южноруссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вишенскій зъмѣчаетъ: «ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете,

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукописямъ соловец. библ., 6.

[2]) *Памятники* старин. рус. литературы, III, 132; *Тихонравовъ*, Памят. отр. литер., II, 40.

на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірного потопу, которымъ бы васъ погубити и искоренити могль, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Не имѣя въ печати южнорусскихъ редакцій «Видѣнія ап. Павла», трудно сказать, насколько близко къ книжному подлиннику выразился Іоаннъ Вишенскій. Нельзя даже сказать съ достовѣрностью, пользовался ли Іоаннъ Вишенскій апокрифомъ въ письменной формѣ, или онъ только припомнилъ выродившійся изъ Видѣнія ап. Павла странствующій благочестивый разсказъ или пѣсню о плачѣ земли. Какъ бы то ни было, апокрифическій мотивъ о плачѣ земли и солнца въ старинное время былъ весьма извѣстенъ, особенно на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Галиціи, и вошелъ въ южнорусскую письменность и народную поэзію.

Высказанная въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» идея о необходимости почитанія воскреснаго дня и пятницы вытекла изъ апокрифической Епистоліи о недѣли и апокрифическаго сказанія о 12 пятницахъ.

Разложеніе религіозно-эпической пѣсни «Війте дѣвойки» на составные ея элементы отчасти показало, какъ много религіозно-миѳическихъ и церковно-апокрифическихъ мотивовъ можетъ сочетаться въ одной пѣснѣ и какъ тѣсно и органически сливаются эти разнородные элементы въ силу художественнаго творчества народнаго духа.

Апокрифы прежде всего проникли въ грамотную часть населенія, въ среду духовенства, затѣмъ перешли въ глубь народа путемъ устной передачи. Хранителями и распространителями апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ были преимущественно лица духовныя, отчасти козаки, приходившіе въ близкое соприкосновеніе съ духовенствомъ, и затѣмъ уже народные пѣвцы, бандуристы и лирники. »Если, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, просвирни, по свидѣтельству Стоглава, имѣли святотатственное притязаніе на совершеніе какихъ то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій, то, съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали

на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе, и просвирни, и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи, и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей»[1]). Замѣчаніе это, основательное вообще, въ особенности справедливо въ приложеніи къ украинскимъ церковно-служителямъ. Въ дѣлѣ развитія и распространенія религіозныхъ сказаній украинскіе церковно-служители достаточно потрудились, въ то время какъ священно-служители потрудились по части составленія религіозно-полемическихъ сочиненій, проповѣдей и мистерій. Апокрифическія сказанія и религіозныя легенды проникали въ народъ посредствомъ церковныхъ служителей и богомольцевъ странниковъ, въ особенности посредствомъ пономарей, стоявшихъ по своему оощественному положенію между священствомъ и простолюдьемъ. Народные странствующіе пѣвцы и благочестивые странники-богомольцы, толкаясь на церковныхъ папертяхъ и странствуя по монастырямъ, воспринимали религіозныя сказанія и разносили ихъ по всей Украинѣ. Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится замѣчаніе, что Алексѣй Поповичъ «по тричи на день письмо святее бере, та и читае, козакивъ простыхъ на все добре научае»[2]). Въ древнее время переходъ воинственнаго козака въ благочестиваго монаха и, обратно, священника или монаха въ воина совершался легко, и та рука, которая проливала кровь, при измѣнившихся обстоятельствахъ превратной ковацкой жизни, превращалась въ благословляющую десницу. «Межигорскій Дидъ» Стороженка представляетъ вѣрную въ историческомъ отношеніи картинку старика запорожца, переходящаго отъ чтенія евангелія къ пѣнію воинственной пѣсни и отъ неумѣреннаго употребленія водки въ пріятельскомъ кругу къ горячей молитвѣ. «Винъ литъ пятьдесятъ бувъ сичовикомъ, бывся съ ордою, та вже якъ сстарився, пріихавъ на байдаку зъ кошовымъ у Межигорья та зробывсь у ченцивъ пасйшникомъ... Поки ще не выпье, то було и многи лита спива и... Апостола чита. Якъ же вы-

[1]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, II, 198.

[2]) *Антоновичъ и Драгом.*, Истор. пѣс. малор. нар., I, 183.

пивъ чарку, другу, то вже годи зъ писанія, заразъ почне писни спивать, балясы точить, та таке выгадувать, хочъ зъ хаты тикай...» Такіе разносторонные богатыри и пройдысьвиты, какъ Алексѣй Поповичъ малорусской думы и Межигорскій дидъ Стороженка, многое видѣли и слышали, обо многомъ могли поразсказать, начиная отъ пѣсни-думы про землю турецкую, вѣру бусурманскую, и кончая исполненной благочестія религіозною легендой про мѣстную икону или мѣстную церковь. То старина, то и дѣяніе, и Стороженко благоразумно назвалъ свой разсказъ про Межигорскаго дида оповиданнемъ бабуси. Тонкій наблюдатель и правдивый разсказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ повѣсти «Отъ тоби и скарбъ» немногими характерными чертами обрисовалъ современнаго хранителя религіозныхъ сказаній «дяка». Въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ собрался въ церкви, «стоять зъ позасвичуваными свичками, хто слуха, а хто и окунивъ ловить слухаючи, якъ славно чита одыяніе поповичъ хвылёзопъ, що видпросывся зъ бурсы на празныки у село..... Генъ у хуточку зибралися кругъ пана Сымейона, нашого таки дяка, та слухають, якъ винъ тамъ шепчучи росказуе, яке то лыхо людямъ буде, якъ народиться Анцыхрыстъ, та буде православныхъ людей мучити, а за жыдивъ заступатись и ихъ жаловати: якъ набижать гоги та магоги, мовъ крымська татарва, та у тихъ людей, що не шановали духовного чину, та не становили часто обидивъ, та будуть усю худобу отбирати, та нею жыдивъ та цыганивъ наділяти.....» Въ дополненіе къ этой замѣткѣ Квитки нужно указать на любопытный галицко-русскій варіантъ евангелистой пѣсни духовнаго стиха съ христіански-легендарными вопросами: что одинъ? (единъ Богъ), что два, что три? что четыре? (четыре евангелиста) и проч. т. п. Для насъ въ настоящемъ случаѣ въ этомъ варіантѣ интересны куплетные запѣвы:

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь же намъ, що еденъ а еденъ?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралёваць все буде.

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь намъ, що два а два?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ...

и т. д. до девяти включительно (Голов., т. III, стр. 146—147).

Сильное вліяніе церковно-служителей на возникновеніе, развитіе и распрзстраненіе народныхъ религіозныхъ сказаній обнаруживается даже въ ихъ языкѣ. Г. Купчанко, доставившій буковинскія сказки для извѣстнаго сборника: «Малорус. народ. преданія и разсказы», говоритъ: «сказки тѣ записаны частью малороссійскимъ, частью церковнымъ языкомъ».

Число извѣстныхъ въ печати малорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ не велико. Можно думать, что многіе, обращающіеся въ народѣ, разсказы и пѣсни этого рода не вошли въ сборники Чубинскаго и Драгоманова. Матеріалъ, вошедшій въ «Труды этн. ст. экспед.» и въ «Малор. народ. преданія» былъ собираемъ во время господства миѳологической теоріи и отчасти подъ прямымъ ея вліяніемъ. Теорія литературнаго заимствованія обрядовъ, сказаній и пѣсенъ получила въ русской наукѣ право гражданства въ послѣднія два десятилѣтія; вліяніе ея на этнографовъ стало обнаруживаться лишь въ послѣднее время, и то въ слабой степени. Лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ сказанія объ Адамѣ и Евѣ, потопѣ, Самсонѣ, Давидѣ, Соломонѣ не могли привлечь къ себѣ такого вниманія этнографовъ и историковъ литературы, какое они привлекаютъ нынѣ, послѣ научныхъ изслѣдованій Бендеея, В. Гримма, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, А. И. Кирпичникова, г. Жданова.

Изъ южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, отмѣченныхъ въ этнографическихъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова, Кулиша и Новосельскаго, наибольшій научный интересъ представляютъ сказанія о сотвореніи міра и человѣка и сказанія о Самсонѣ.

I.

Сотвореніе міра.

Во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ культуры человѣкъ интересовался вопросомъ о сотвореніи міра, когда, кѣмъ и какимъ образомъ созданъ внѣшній видимый міръ, изъ какого матеріала и въ силу какой причины. Исторія натуралистическихъ религій даетъ множество разнообразныхъ отвѣтовъ на эти вопросы со стороны цивилизованныхъ народовъ древняго міра и дикихъ народовъ настоящаго времени. Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля [1]). Въ апокрифическихъ книгахъ и современныхъ малорусскихъ народныхъ разсказахъ о сотвореніи міра обнаруживается весьма близкое сходство съ космическимъ миѳомъ Чипеваи. Мѣсто Виски занимаетъ Богъ, мѣсто бобра и мыши Сатана или голуби, а въ остальномъ почти полное сходство. Если исключить предположеніе, что апокрифическія сказанія о сотвореніи міра проникли къ Чипеваи чрезъ миссіонеровъ, предположеніе шаткое, то остается только высказать удивленіе передъ фактомъ существованія столь сходныхъ сказаній у народовъ, раздѣленныхъ громадными пространствами и никогда не входившихъ во взаимныя сношенія.

Оставляя въ сторонѣ индійскія преданія о происхожденіи міра изъ Брамы, древне-германскія преданія о происхожденіи міра изъ тѣла убитаго Имира, финскія пѣсни Калевалы о происхожденіи міра изъ яйца, снесеннаго дикой уткой на колѣнѣ матери воды

---

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilisés, т. I, стр. 282.

Ильматаръ, и другія тому подобныя преданія разныхъ народовъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ южно-русскимъ народнымъ разсказамъ о сотвореніи міра, мы должны опредѣлить для уразумѣнія послѣднихъ, во первыхъ, древнія славянскія религіозно-миѳическія сказанія о началѣ міра, во вторыхъ пришедшія на ихъ смѣну апокрифическія сказанія о томъ же предметѣ и, наконецъ, въ третьихъ формы сочетанія и элементы тѣхъ и другихъ въ существующихъ въ настоящее время въ Малороссіи разсказахъ о началѣ міра.

Въ настоящее время нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, каковы были разсказы у славянъ о сотвореніи міра до принятія христіанства, такъ какъ они впослѣдствіи сильно измѣнились подъ вліяніемъ апокрифовъ. Аѳанасьевъ во 2 т. «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» посвятилъ цѣлую главу преданіямъ о сотвореніи міра и человѣка, и однако онъ болѣе затемнилъ предметъ изслѣдованія, чѣмъ разъяснилъ его. Дѣло въ томъ, что здѣсь апокрифическія сказанія объясняются съ славяской религіозно-миѳической точки зрѣнія, какъ понимаетъ ее авторъ, слѣдовательно, предположительной и гадательной. Въ дуалистическомъ противоположеніи Бога и Сатаны апокрифическихъ сказаній Аѳанасьевъ усмотрѣлъ остатокъ вѣрованій въ бога-громовника Перуна и враждебнаго ему демона мрачныхъ тучъ и въ апокрифическомъ созданіи горъ Сатаной славянское представленіе о змѣѣ Горыничѣ. Вышла путаница разнородныхъ и разноплеменныхъ представленій о мірѣ. Весьма возможно, что и въ апокрифахъ находятся натуралистическіе миѳы; но миѳы эти возникли и развились вдали отъ славянства, большею частью на дуалистической основѣ древнихъ иранскихъ религій, и болгарскіе богомилы немногое могли къ нимъ добавить изъ сферы собственно болгарскаго народнаго міровоззрѣнія. Въ космогоническихъ апокрифахъ довольно явственно выразился гностико-богомильскій дуализмъ. По сирско-гностическому ученію и по весьма сходному съ нимъ ученію богомиловъ, первоначальное существо Богъ Отецъ создалъ разные чины ангеловъ и архангеловъ. Высшему существу, непостижимому Богу, противоположно злое начало Сатана. Ангелы, духи 7 планетъ, сотворили міръ и человѣка. Богъ вложилъ въ него душу. Сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностиче-

скаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ. Мощный духъ Сатанаилъ за возмущеніе противъ Бога низверженъ былъ съ высоты небесной. Изъ соревнованія Богу онъ создалъ второе небо и вторую землю себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ создалъ тѣло человѣка, но не могъ вложить въ него душу, и, по его просьбѣ, Богъ послалъ въ тѣло свое дыханіе. Сатана въ теченіи 5500 лѣтъ враждовалъ съ Богомъ, и наконецъ, Богъ создалъ отъ сердца своего великаго ангела Миха, явившагося во плоти въ лицѣ Іисуса Христа. Миха побѣдилъ Сатанаила, отнялъ отъ его имени священное окончаніе *илъ* и присоединилъ его къ своему первоначальному имени Миха [1]).

Изъ различныхъ апокрифовъ о сотвореніи міра на южно-русской почвѣ наиболѣе привился апокрифъ, напечатанный проф. И. Я. Порфирьевымъ по рукописи соловецкой библіотеки [2]). Апокрифъ этотъ извлеченъ г. Порфирьевымъ изъ одного сборника XVII ст.; здѣсь можно ограничиться приведеніемъ части апокрифа, усвоенной простымъ народомъ въ Малороссіи: «Іоаннъ рече: отъ чего земля сотворена бысть? Василій рече: егда сниде (Богъ) и начя ходити по водѣ и узрѣ на водѣ птицу, плаваетъ яко гоголь. И рече Богъ ты кто еси? Птица же рече: азъ есмь богъ?—А азъ кто есмь? Птица же рече: ты богомъ Богъ. Богъ же рече: ты откуду бѣ? Птица же рече: отъ вышнихъ. И рече Богъ: дай же ми отъ нижнихъ. И понре птица въ море и согна пѣну, яко илъ и принесе къ Богу, и взя Богъ илъ въ горсть и распространи сюду и овоюду, и бысть земля; и повелѣ Богъ изсякнути рѣкамъ и источникамъ, и взя Богъ птицу и нарече имя ему Сатанаилъ, и буди ты у мене воевода небеснымъ силамъ, надо всѣми старѣйшина. И сотвори Богъ потомъ небесныя силы... бѣ же старѣйшина ангеломъ нареченный Сатанаилъ, первый воевода... И помысли себѣ Сатана, яко сниду на землю и поставлю престолъ себѣ надъ звѣздами и подобенъ буду Вышнему и да мя славитъ чинъ мой, еже подо мною. Богъ же видѣвъ, яко сице помысли Сатанаилъ, и предастъ старшинство Михаилу на всѣхъ небесныхъ силахъ. И повелѣ Богъ Михаилу соврещи противника своего долу и со отступными его силами»...

---

[1]) *Правосл. Собесѣдникъ*, 1861 г., т. I, стр. 257—258.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рук. солов. библ. С.п.б. 1877 г., стр. 87.

Въ южнорусской Пчелѣ конца XVII ст., описанной отчасти Бѣлозерскимъ, находится, между прочимъ, Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей, съ такой припиской: «теразъ ново съ полского на русское сполностю переложено року 1640, мѣсяца августа 28 дня въ богоспасаемомъ градѣ Погребищахъ, а въ сію книгу переведено року 1679 мѣсяца іюля 3 въ селѣ Камышахъ уѣзду Груньскаго» [1]). Къ сожалѣнію, Бѣлозерскій, имѣвшій въ рукахъ эту любопытную рукопись, не указалъ на содержаніе «исторіи», и мы можемъ только предположить, что содержаніе этой «исторіи» сходно съ вышеприведеннымъ апокрифомъ.

Повидимому, особымъ апокрифическимъ характеромъ отличается небольшое «Слово о сотвореніи неба и земли», находящееся въ рукописномъ сборникѣ львовскаго базиліанскаго монастыря. Въ этомъ Словѣ говорится о 4 углахъ земли, 20 воротахъ свѣта на востокѣ и западѣ, 12 путяхъ солнца и мѣсяца [2]).

Многочисленность и распространенность апокрифовъ о сотвореніи міра въ старинное время видна уже изъ того, что въ настоящее время въ народѣ есть много разсказовъ о сотвореніи міра, большею частью весьма близкихъ къ изданнымъ въ печати апокрифамъ. Большая часть народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра представляетъ повтореніе апокрифическаго сказанія о томъ же предметѣ въ «Бесѣдѣ трехъ святителей». Сравнивая различные варіанты народныхъ сказаній о сотвореніи міра, можно, не дѣлая длинныхъ выписокъ, намѣтить слѣдующіе основные ихъ мотивы:

Перше не було ни неба, ни земли, була тильки тьма и вода змишана съ землею, такъ неначе кваша, а Богъ литавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шумила пиною. Отъ разъ Богъ ходыть по води та дыхнувъ на ту пину и сказавъ: нехай буде янголъ» (Чуб. I, 143). Этотъ мотивъ, записанный въ радомысльскомъ уѣздѣ, чрезвычайно близко подходитъ къ апокрифу. Замѣчательная здѣсь черта—простонародное объясненіе первобытной матеріи, какъ смѣсь воды и земли, и своеобразное сравненіе ея съ квашей. Въ другомъ варіантѣ, записанномъ въ козелецкомъ у. черниговской губ., «Богъ литавъ надъ водою, та и побачивъ, що щось плава таке,

---

[1]) *Бѣлозерскій,* Южно-рус. лѣтописи, т. I, стр. 145.

[2]) *Огоновскій,* въ „Зорѣ“ 1886 г., стр. 371.

мовъ головешка, безъ рукъ и безъ ногъ; а то бувъ Сатанаилъ» (Чуб. II, 359). Въ другихъ варіантахъ разсказъ прямо начинается съ того, что Богъ и Сатанаилъ приступаютъ къ творенію міра, причемъ творитъ собственно Богъ, а Сатанаилъ помогаетъ ему и хитритъ (Драг. 88; Nowos. II, 3). Въ одномъ варіантѣ, несомнѣнно испорченномъ, Богъ и св. ап. Петръ отъ скуки рѣшили создать міръ, и Петръ приглашаетъ на помощь чорта (Чуб. I, 144). Сюда ап. Петръ вошелъ изъ апокрифическихъ сказаній о хожденіи по землѣ Христа и апостоловъ.

Способъ сотворенія земли во всѣхъ варіантахъ описанъ одинаково: Богъ посылаетъ Сатанаила на дно моря взять песку (и синяго камня) и приказываетъ ему произнести при этомъ «не я беру, а Богъ бере»; но Сатанаилъ сказалъ «не Богъ бере, а я беру», и не могъ вынести, и только на третій разъ, исполнивъ приказаніе Бога, захватилъ песку (и камень); Богъ посѣялъ песокъ, приказалъ ему рости, и такимъ образомъ создана была земля, а изъ синяго камня—небо. Тождественный разсказъ о сотвореніи міра записанъ въ Болгаріи (Драг., 429).

Величина земли объясняется различно: Богъ приказалъ горсти песку разростись (Чуб. I, 144; Драг. 90; Nowos. II, 3; Аѳан. II, 460). Дополнительная черта: ап. Петръ и Павелъ остановили ростъ земли, а то она и до сихъ поръ росла бы (Драг. 90, Аѳан. II, 460). Земля выростала по мѣрѣ того, какъ Сатана носилъ спящаго Бога, чтобъ утопить его (Чуб. I, 144, Драг. 90), или толкалъ Его къ водѣ съ цѣлью утопить (Аѳан. II, 461).

Съ сказаніями о сотвореніи міра Богомъ при помощи Сатанаила тѣсно связанъ разсказъ о происхожденіи горъ на землѣ: Сатанаилъ скрылъ за губой немного песку, и когда, по повелѣнію Бога, песокъ сталъ рости, то обнаружился ростъ песка за губой; губу стало распирать; Сатанаилъ началъ выплевывать его, и гдѣ только онъ плевалъ, тамъ являлись горы (Чуб. I, 144, Nowos. II, 3, Аѳан. II, 459). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ происхожденіе горъ просто объясняется тѣмъ, что песокъ, когда Богъ его сѣялъ, упалъ купкою, а гдѣ онъ падалъ ровно, тамъ стали поля (Чуб. II, 360).

Въ ряду малорусскихъ народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра особое мѣсто занимаетъ миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія въ Запискахъ о южной Руси П. А. Кулиша II, 31—32. Всѣ разска-

зы, напечатанные у Чубинскаго, Драгоманова, Новосельскаго, Аѳанасьева и въ «Основѣ» несомнѣнно построены на апокрифахъ гностико-богумильскаго происхожденія. Въ короткомъ и темномъ народномъ разсказѣ о первомъ вѣкѣ творенія, записанномъ г. Кулишемъ, повидимому, сохранились обломки древне-славянскаго космогоническаго миѳа, именно два обломка: объ участіи въ созданіи міра мыши и воробья и о происхожденіи міра изъ яйца: «Колысь-то, ще за первого вику, за старихъ людей, мыша та горобець та засіяли просо. Якъ пожали воны просо, то почали дилытьця, та и не помирились. Ось стали бытьця и стала збиратьця усяка птыця и всякіи звири. Якъ стали бытьця, якъ стали бытьця, то птыця и подужала звиривъ. Да хочъ подужала, а таки и сама побилася. Тилько одна птыця вынялась, що добила усихъ звиривъ. Уже и та птыця вморилася да и сила на такому высокому дереви»! Мимо дерева проходилъ мужикъ. Онъ накормилъ птицу, отдавъ ей своего быка, и отнесъ ее въ лѣсъ, гдѣ она жила. Въ благодарность за такую услугу птица «вынесла ему цáрствечко въ золотому яечку... А винъ и розчинивъ его посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ такій, що Боже храни»! Насилу мужикъ собралъ его и закрылъ яйцо. На вопросъ слушателя, откуда же потомъ взялись звѣри, разскащикъ добавилъ: «Се жъ уже на другій викъ повернуло, то Богъ тогди и людей и всячину намноживъ». Въ религіозно-миѳическихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ разныхъ народовъ мышь и яйцо играютъ важную роль; ранѣе мы уже замѣтили, что мышь участвуетъ въ міросозданіи въ космогоническихъ миѳахъ американскихъ индѣйцевъ, а яйцо является источникомъ міра въ финскихъ миѳахъ Калевалы. Чехи считаютъ мышь созданіемъ чорта. По другому чешскому повѣрью, полевыя мыши ниспадаютъ въ началѣ весны съ мѣсяца (съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день. Въ русскихъ сказкахъ мыши принадлежатъ къ хозяйству Яги, приносятъ дѣтямъ зубы и причиняютъ людямъ смерть.

Апокрифическіи сказанія о созданіи міра Богомъ и Сатанаиломъ настолько были популярны въ южной Россіи, особенно въ Галиціи, что проникли въ народную поэзію, и возникли народныя апокрифическія пѣсни. Такъ, въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что въ началѣ свѣта не было ни неба, ни земли, но

синее море. Среди моря стоитъ яворъ; на немъ три голубя; они совѣтуются, какъ міръ сотворить, и приходятъ къ такому заключенію:

Та спустымося на дно до моря,
Та достанемо дрибного писку,
Дрибный писочокъ посіемо мы.
То намъ ся стане чорна земльця;
Та достанемо золотый камень,
Золотый камень посіемо мы,
То намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свитле сонейко,
Свитло сонейко, ясенъ мѣсячикъ,
Ясенъ мѣсячикъ, ясна зирныця,
Ясна зирныця, дрибни звиздойки.
(Голов., т. II, стр. 5; Kolberg, т. I, стр. 348).

Варіанты незначительны: два дуба вмѣсто явора, два голубя вмѣсто трехъ, причемъ цифра два ближе подходитъ къ тѣмъ апокрифическимъ сказаніямъ, въ которыхъ творцами земли являются плавающіе по морю два гоголя (Богъ и Сатанаилъ); синій камень вмѣсто золотого, причемъ изъ синяго камня создается синее небо (Аѳанас., т. II, стр. 466). Въ нѣкоторыхъ галицко-русскихъ колядкахъ говорится, что Господь и ап. Петръ купались въ криницѣ, возникшей изъ капли росы, и заспорили о томъ, что больше, земля или небо. Господь сказалъ, что земля; ап. Петръ сказалъ, что небо. Господь приказалъ ангеламъ измѣрить небо и землю; бо́льшей оказалась земля:

Чимъ небо меньше? Всюды ривненьке,
Всюды ривненьке та звиздяненьке.
Чимъ земля бильше? Горы и долины,
Горы и долины, та и полонины.
(Голов., т, II, стр. 32; Чуб. т. III, стр. 307).

Введеніе ап. Петра въ апокрифическія сказанія о сотвореніи міра внесло въ послѣднія нѣкоторыя измѣненія. Еще болѣе подверглись измѣненію апокрифическія пѣсни о міросозданіи, вслѣдствіе проникновенія въ нихъ ап. Петра, какъ видно изъ слѣдующей колядки:

Якъ то було спрежде вика
Зачатье свита;
Выгравало синее море.
На синёму морю
Стояло три яворы,
На тихъ яворахъ
Три кислечки.
На першому кисли
Самъ Господь седыть,
На другимъ кисли
Святый Петро;
На третимъ кисли
Святый Павло.
Рече Господь до св. Петра:
«Пурни, Петре, на дно въ море;
Достань, Петре, жовтого писку,
Та посій по всему свиту,
Сотвори, Петре, небо и землю,
Небо зъ звиздами,
Землю съ квитами.
Петро пурнувъ и дна не доставъ,
И писку не взявъ,
И свита не сіявъ...

Затѣмъ Господь предлагаетъ ап. Павлу опуститься на дно морское и достать песку; но и ап. Павелъ не могъ достать дна. Тогда опустился Господь на дно морское, досталъ песку, посѣялъ его и сотворилъ такимъ образомъ небо и землю, небо со звѣздами, землю съ цвѣтами (Nowos., Lud., т. I, стр. 103—104). Въ этой колядкѣ Сатанаилъ совсѣмъ не участвуетъ въ сотвореніи міра, и та роль, которая принадлежитъ ему по апокрифамъ, перешла на св. ап. Петра и Павла, причемъ апостолы свободны отъ хитрости и недоброжелательства Сатаны апокрифовъ.

2.

Происхожденіе чертей.

Какъ въ апокрифахъ, такъ и въ народныхъ сказкахъ происхожденіе чертей тѣсно связывается съ преданіемъ о сотвореніи

міра Богомъ и Сатанаиломъ и непосредственно пріурочивается къ демонической личности павшаго Сатанаила. Въ апокрифахъ о сотвореніи міра Сатана, побѣжденный архангеломъ Михаиломъ, «прошибе землю и ста на безднѣ подъ землею, и ина его сила съ нимъ, иная же сила оста на земли, и претворишася въ бѣсы и прельщаютъ человѣки; иная же сила не допаде до земли и летають по воздуху, и тѣ претворяются въ ангелы и прельщають людей; не таци же сутъ бѣсы, яко ихъ пишутъ, черни, огнеомраченіи суть» [1])...

Южно-русскіе писатели XVII ст. хорошо знали этотъ апокрифическій разсказъ о происхожденіи подземныхъ, земныхъ и воздушныхъ демоновъ и даже вносили его въ свои сочиненія, что усиливало популярность этого апокрифическаго сказанія. Такъ, Іоанникій Галятовскій въ сочиненіи «Души людей умерлыхъ» 1687 г. замѣчаетъ: «на повѣтрѣ полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ». По мнѣнію Галятовскаго, святые въ воздухѣ борятся съ чертями за душу умершаго.

Апокрифическія сказанія о злыхъ духахъ, проникнувъ въ простой народъ, вошли въ связь съ древне-славянскими народными повѣрьями о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ. Когда Богъ низвергнулъ непокорныхъ ангеловъ, говорятъ малороссіяне, они летѣли въ пропасть ада сорокъ дней и сорокъ ночей. Непокорные ангелы падали, какъ дождь. На какомъ мѣстѣ демонъ вспомнилъ о Богѣ, тамъ онъ и остановился, и оставаться ему тамъ до страшнаго суда. Оттого произошли черти водяные, лѣсные, болотные. Если кто нибудь поставитъ хату на томъ мѣстѣ, гдѣ находитси павшій ангелъ, то послѣдній обращается въ домоваго духа. Если онъ полюбитъ хозяина, то послѣдній во всемъ будетъ находить удачу и счастье. Въ противномъ случаѣ онъ причиняетъ хозяину разныя безпокойства и непріятности [2]).

Другія простонародныя объясненія происхожденія чертей также вышли изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ, говорятъ, черти созданы Сатаной такимъ образомъ: а) Сатана умывалъ руки и трясъ

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія по рукоп. солов. библ., 89.

[2]) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. I, стр. 73—74, т. II, стр. 3—4; *Чубинскій*, т. I, стр. 191; *Драгомановъ*, стр. 91.

ими позади себя; изъ каждой капли выходилъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 191); б) Сатана въ морѣ плескалъ воду отъ себя, и изъ волны выходили черти (Драг., стр. 42); в) черти созданы Сатаной изъ камней.

Варіантъ *а* получилъ мѣстную, украинскую окраску: «Оттакъ и теперь жиды роблять. Жидъ, пся вира, ни за що не обитре рукъ по христіански, а неприминно стрепне перше на выдворотъ мокрыми руками» (Драг., стр. 91).

Разсказы о продѣлкахъ чертей вышли изъ разныхъ источниковъ: миѳическихъ, апокрифическихъ и литературно-повѣствовательныхъ. Въ сказкахъ и повѣрьяхъ о чертяхъ преобладаетъ миѳическая основа, въ легендахъ и живописныхъ изображеніяхъ демоновъ—апокрифическая, а въ драматическихъ интермедіяхъ—западно-европейская повѣствовательная.

3.

Сотвореніе человѣка.

Вопросъ о сотвореніи человѣка всегда представлялъ большой интересъ, и натуральныя политеистическія религіи представляютъ весьма разнообразные отвѣты. Многіе дикіе народы южной Африки и Америки, готтентоты, бушмены, патагонцы, вѣрятъ, что люди первоначально жили въ глубинѣ земли и потомъ вышли оттуда. Въ этомъ преданіи можно видѣть воспоминаніе о жизни въ пещерахъ. Весьма распространено также повѣрье о происхожденіи перваго человѣка изъ дерева [1]). Арійскія сказанія о происхожденіи человѣка разсматриваютъ человѣка, какъ микрокосмъ, малый міръ, происшедшій изъ великаго внѣшняго міра, макрокосма. Греки производили родъ человѣческій отъ камней, брошенныхъ Пирой послѣ потопа. Индійскіе миѳы производятъ глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды [2]). Подобнаго рода представленія о созданіи перваго человѣка и составѣ человѣческаго тѣла были свойственны также древнимъ славянамъ, и до сихъ поръ сохранились въ великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. «Космогоническое

---

[1]) *Reville,* Les religions des peuples non civilesés, т. I, стр. 144, 394.

[2]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, т. I, стр. 143.

преданіе о сотвореніи человѣка, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, не только своеземно у насъ, но и являетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того, оно такъ вкоренилось въ народныя вѣрованія, что еще доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это замѣчательное суевѣріе важно потому, что служитъ дополненіемъ къ Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями» [1]). Индо-европейское преданіе о сотвореніи человѣка изъ разныхъ частей внѣшней природы проникло и въ апокрифическое сказаніе «Како сотвори Богъ Адама», напечатанное А. Н. Пыпинымъ по рукописи XVII в.: Богъ.., «вземъ горсть земли отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кость, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли» [2])...

Обращающіеся въ малорусскомъ народѣ разсказы о сотвореніи перваго человѣка носятъ на себѣ слѣды апокрифическаго сказанія, столь же дуалистическаго по противоположенію Бога и Сатаны, какъ и сказанія о сотвореніи міра. Насколько народные разсказы о сотвореніи перваго человѣка близко подходятъ къ апокрифическому сказанію о сотвореніи Адама, можно убѣдиться изъ сравненія ихъ главныхъ мотивовъ. Такъ, въ ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что Сатана слѣпилъ человѣка изъ глины, а Богъ одухотворилъ его. Сатана оплевалъ человѣка; отъ этого человѣкъ теперь плюетъ и кашляетъ. Въ луцкомъ уѣздѣ добавляютъ, что Сатана оплевалъ человѣка изъ зависти къ его красотѣ, а Богъ, чтобы не пачкать рукъ о чортову слюну, вложилъ ее во внутренность человѣка, и съ тѣхъ поръ человѣкъ ее выплевываетъ и все не можетъ вполнѣ выплевать. Въ каневскомъ уѣздѣ записанъ разсказъ, что Богъ перваго мужчину сдѣлалъ изъ земли, а женщину изъ тѣста и приказалъ арх. Михаилу стеречь ихъ; но арх. Михаилъ не былъ достаточно остороженъ, и собака съѣла женщину. Богъ тогда сдѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 147.

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 12.

лалъ другую женщину изъ ребра Адама. Въ радомысльскомъ уѣздѣ этотъ разсказъ варьируется такимъ образомъ, что Богъ сначала сдѣлалъ Адама изъ тѣста и поставилъ на солнце сушиться; но когда пробѣгавшая собака его съѣла, то Богъ слѣпилъ перваго человѣка изъ глины, далъ ему роговое тѣло и вдунулъ въ него ангельскую душу. Богъ создалъ для Адама жену сначала изъ цвѣтовъ, но Адамъ отказался отъ нея. Тогда Богъ создалъ изъ ребра Адама Еву, и Ева понравилась Адаму. Созданную изъ цвѣтовъ женщину Богъ послалъ на небо и опредѣлилъ сдѣлаться ей впослѣдствіи Матерью Спасителя [1]). Въ апокрифическомъ сказаніи «Како сотвори Богъ Адама», говорится: «и поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли, пріиде-же окаянный Сатана къ Адаму и измаза его каломъ, и тиною, и возгрями. И пріиде Господь къ Адаму..... снемъ съ него пакости Сатанины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою (остатки глины, опилки ?), очисти его, яко зерцало отъ всѣхъ скверны и постави собаку, и повелѣ стрещи Адама, и самъ Господь отыде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамово. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну..... Собака начала зло лаяти на дьявола. Окаянный же Сотона вземъ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнего Іерусалима и видѣ Адама древомъ исколота и милосердова о немъ..... И отгна Господь дьявола.... и обороти вся недуги въ него» [2]).

4.

Адамъ и Ева.

Малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ представляютъ, во первыхъ, тотъ интересъ, что отвѣчаютъ всѣмъ главнымъ апокрифамъ о прародителяхъ, и во вторыхъ, настолько распространены, что перешли даже въ народныя пѣсни.

---

[1]) *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146; *Novosielski*, т. II, стр. 5, 9. По древнимъ еврейскимъ сказаніямъ первая жена Адама Лилита была создана изъ земли; она была сильна, не захотѣла повиноваться Адаму и ушла отъ него (Порф., Апокр, стр. 38).

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар- рус. литер., т. III, стр. 13.

Въ Малороссіи встрѣчаются разсказы о грѣхопаденіи Адама, о томъ, какъ онъ обрабатывалъ землю, о рукописаніи, данномъ Адамомъ Сатанѣ и о смерти Адама.

Народные разсказы о грѣхопаденіи прародителей заключаютъ въ себѣ весьма немногія отклоненія отъ библейскаго сказанія о томъ-же предметѣ. Сатана искусилъ Еву, потому что она была очень красива, и Сатана въ нее влюбился. Въ связи съ этимъ мотивомъ стоитъ другой: Ева не знала, какимъ образомъ она можетъ породить людей. Сатана ей показалъ, и отъ плотской связи Сатаны съ Евой родился Каинъ (Чуб., I, 146, 147). Съ грѣхопаденіемъ связывается потеря прародителями роговаго тѣла и замѣна его настоящимъ человѣческимъ тѣломъ, причемъ отъ прежняго тѣла остались только ногти (Nowos., II, 152; Чуб. I, 146). Далѣе народъ добавляетъ, что остриженные ногти не должно бросать на землю, потому что изъ нихъ дьяволъ шьетъ себѣ шапку-невидимку. Когда онъ надѣваетъ эту шапку, Богъ не можетъ попасть въ него молніей. Здѣсь уже примѣшанъ немного миѳическій элементъ. Вполнѣ миѳическій характеръ имѣетъ повѣрье, что остриженные ногти нужно сохранять, чтобы послѣ смерти вскарабкаться на высокую гору рая, повѣрье, встрѣчающееся у славянъ и литовцевъ и вошедшее аъ Талмудъ и Эдду (Now. II, 153).

О началѣ земледѣлія въ народныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ говорится, что ангелъ во время изгнанія прародителей изъ рая Адаму далъ горсть жита и Евѣ горсть конопляннаго сѣмени (Чуб. I, 146). Адамъ вспахалъ поле, но Сатана вскопанное перевернулъ вверхъ травою, и такъ дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока Адамъ не надумался сказать «Помогай, Боже!» (Драг. 92). Въ варіантѣ этого сказанія, указывающемъ на древній способъ земледѣлія посредствомъ корчевки лѣса, говорится, что Адамъ вырывалъ деревья съ корнями, а Сатана потомъ ихъ снова укрѣплялъ въ землѣ, пока Адамъ не сказалъ «Помогай, Боже!» (Nowos. II, 8). Засѣявъ поле, Адамъ запрегся въ борону и сталъ волочить, а чертъ сѣлъ на боронѣ, и Адаму было очень тяжело волочить борону. Замѣтивъ эту продѣлку дьявола, Богъ послалъ на землю ангела. Ангелъ накинулъ на черта оброть и обратилъ его въ коня. Тогда Адамъ запрегъ его въ борону (Драг., 93).

Однажды, дьяволъ предложилъ Адаму заключить договоръ, по которому живые люди должны принадлежать Адаму, а умершіе дьяволу. Не обдумавши предложенія дьявола, Адамъ согласился и росписался своею кровью, взятой изъ мизинца. Дьяволъ отнесъ этотъ документъ на р. Іорданъ, вложилъ его въ камень, задѣлалъ отверстіе и положилъ камень на дно рѣки. Когда Спаситель вступилъ въ воды р. Іордана, то камень этотъ всплылъ на верхъ; предполагается при этомъ, что и договоръ былъ уничтоженъ (Nowos., II, 8—9),

Адамъ передъ смертью послалъ своего сына (имя не названо) въ рай за золотымъ яблокомъ, но сынъ вмѣсто золотаго яблока принесъ изъ рая тотъ прутъ, которымъ Адамъ былъ выгнанъ изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать изъ него три вѣнка на голову, которые облегчили голову Адама отъ боли. При всемъ томъ Адамъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ вѣнками, изъ которыхъ выросло три дерева: кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Изъ послѣдняго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя (Драг., 94).

Апокрифы объ Адамѣ и Евѣ составляютъ особый довольно обширный циклъ. Они встрѣчаются въ рукописяхъ или отдѣльно, въ разныхъ сборникахъ, или же вставлены въ Палеи. По предположенію Тишендорфа, въ первые вѣка христіанства была обширная книга объ Адамѣ и Евѣ [1]), и сохранившіеся въ рукописяхъ греческіе и славянскіе апокрифы можно считать ея крупными обломками. Славянскіе апокрифы объ Адамѣ и Евѣ напечатаны въ сборникахъ памятниковъ отреченной литературы гг. Пыпина, Порфирьева и Тихонравова, причемъ лучшія редакціи помѣщены въ сборникѣ г. Тихонравова. Малорусскія народныя апокрифическія сказанія о грѣхопаденіи прародителей, о роговомъ ихъ тѣлѣ, вообще малочисленныя и отрывочныя, не встрѣчаются въ апокрифахъ, и въ этихъ сказаніяхъ, вѣроятно, преобладаетъ мѣстное, южно-русское измышленіе. За то всѣ другія малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, именно, сказаніе о томъ, какъ Адамъ оралъ землю, сказаніе о рукописаніи Адама и сказаніе о его смерти, всецѣло построены на апокрифахъ, нынѣ извѣстныхъ уже въ печати.

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 24, 35.

Въ апокрифахъ прародители, вскорѣ послѣ изгнанія ихъ изъ рая, стали ощущать голодъ. Они обошли всю землю и нашли только чволъ (?) и траву сельную. Адамъ и Ева стали молиться, и Богъ послалъ къ нимъ архангела Іоиля съ седьмой частью рая и архангела Михаила съ пшеницей и медомъ. Архангелъ Михаилъ научилъ Адама и Еву ручному дѣлу. Богъ выгналъ изъ рая всѣхъ звѣрей и отдалъ ихъ Адаму. Адамъ взялъ воловъ и началъ орать землю; но тутъ явился дьяволъ, и сталъ ему препятствовать, говоря, что земля принадлежитъ ему, дьяволу. Кончилось тѣмъ, что дьяволъ взялъ съ Адама рукописаніе, въ силу котораго дьяволъ получилъ право собственности на души людей [1]).

Сказаніе о рукописаніи въ апокрифическихъ спискахъ излагается различно. По однимъ спискамъ представляется, что Адамъ далъ дьяволу рукописаніе потому, что безъ него дьяволъ не позволялъ пахать землю; по другимъ сказаніямъ Адамъ, испуганный темнотою въ первую ночь, думалъ, что онъ навсегда лишился свѣта и далъ дьяволу рукописаніе за то, что онъ обѣщалъ возвратить свѣтъ, и по третьимъ—потому, что дьяволъ снялъ съ Каина 12 зміиныхъ головъ. Подробности объ Адамѣ земледѣльцѣ и его рукописаніи не встрѣчаются въ греческомъ текстѣ, а только въ славянскихъ рукописяхъ [2]).

Въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ сохранился разсказъ о путешествіи Сиѳа въ рай, по греческимъ рукописямъ, за елеемъ милосердія для умиравшаго Адама, а по славянскимъ рукописямъ за вѣтвью райскаго дерева, изъ которой Адамъ сдѣлалъ вѣнецъ и возложилъ себѣ на голову. Эта подробность излагается въ апокрифическомъ сказаніи о древѣ крестномъ, входящемъ въ разрядъ новозавѣтныхъ апокрифовъ о страданіи и крестной смерти Спасителя. И въ апокрифахъ находится указаніе, что Сиѳъ принесъ Адаму три прута отъ певги, кедра и кипариса [3]). Въ малорусскомъ народномъ разсказѣ упомянуты кедръ и кипарисъ, а вмѣсто певги (пихта, Abies Sibirica) явилось треблаженное дерево.

Малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ и Евѣ немного; у великоруссовъ гораздо болѣе пѣсенъ этого рода. Большая часть велико-

---

[1]) *Тихонравовъ*, Памятники отреч. рус. литер., т. I, стр. 3, 12.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 40 и 41.

[3]) *Тихонравовъ*, т. I, стр. 9; *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рук., стр. 38.

рускихъ пѣсенъ объ Адамѣ составлена раскольниками. Мы имѣемъ подъ руками пять малорусскихъ варіанговъ плача Адама: одинъ въ старинномъ Казаньѣ на Богоявленіе Господне [1]) въ литературной обработкѣ; другой, вполнѣ простонародный и довольно содержательный, въ «Трудахъ» Чубинскаго (т. I, стр. 147); третій, также народный, но весьма слабый и безцвѣтный, въ рукописномъ Сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому Историко-Филологическому Обществу, и два варіанта въ 6 выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ». Одинъ изъ послѣднихъ двухъ варіантовъ передается почти вполнѣ литературнымъ русскимъ языкомъ, и только по отдѣльнымъ фразамъ, въ родѣ «Сличная Украина», можно догадаться о малорусскомъ происхожденіи духовнаго стиха. Содержаніе этого варіанта [2]) совершенно пустое. Гораздо содержательнѣе другой варіантъ, записанный П. В. Кирѣевскимъ неизвѣстно когда и гдѣ, вѣроятно, въ сѣверныхъ частяхъ Малороссіи, гдѣ народная рѣчь представляетъ нѣкоторыя особенности бѣлорусскаго говора. Содержаніе этого духовнаго стиха въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Адамъ, узнавъ о грѣхопаденіи Евы, расплакался передъ Богомъ и просилъ Бога позволить ему посмотрѣть рай и послушать ангельскаго гласу. Господь повелѣлъ святому Петру-Павлѣ (одно лицо) отомкнуть рай золотыми ключами и впустить туда Адама. Адамъ вошелъ въ рай со свѣчами въ рукахъ и со слезами на глазахъ. Здѣсь онъ увидѣлъ свой гробъ и просилъ его принять тѣло его, какъ мать принимаетъ дитя. Авраамъ, замѣтивъ Адама въ раю, сказалъ ему, что не его дѣло ходить по раю, а его дѣло пойти на Сіонскую гору, гдѣ ему покажутъ «чернокнижныя книги, житія и бытія». Адамъ пошелъ на Сіонскую гору. Затѣмъ слѣдуетъ окончаніе духовнаго стиха, повидимому, заимствованное изъ малорусскихъ колядокъ или точнѣе колядочныхъ пожеланій:

А споемъ мы псальмы
Святому Адаму,
Ой на честь, на хвалу,
Всему дому состояня,
А хозяину иа здоровье!

[1]) *Калитовскій*, Рус. литер. апокриф., стр. 25—27.

[2]) *Кальки перехожіе*, т. VI, 261.

Духовный стихъ объ Адамѣ и Евѣ, помѣщенный въ «Трудахъ» Чубинскаго [1]), отличается вполнѣ малорусскимъ языкомъ и близостью къ апокрифическому сказанію объ Адамѣ земледѣльцѣ:

.... Зачавъ Адамъ розмышлять,
Якъ бы намъ хлиба достать.
Укопать я не вмію,
И не знаю, що посію,
Бо не маю чого.
Янголъ къ ёму явився:
Иди, Адаме, поучися,
Визьми заступъ та нагнися,
Копай землю, потрудися...

О дѣтяхъ Адама и Евы малорусская словесность почти умалчиваетъ. Въ одной проповѣди Антонія Радивиловскаго находится краткая замѣтка о великанѣ Сиѳѣ. По народному повѣрью, на мѣсяцѣ отразилось убіеніе Авеля Каиномъ: «Каинъ Авеля на вильцахъ держе».

5.

Происхожденіе великановъ.

Разсказы о великанахъ встрѣчаются у многихъ народовъ въ разнообразныхъ варіантахъ. Подвести ихъ подъ одно объясненіе невозможно. Въ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ встрѣчаются рядомъ великаны различнаго происхожденія. Одни разсказы о великанахъ произошли отъ олицетворенія темной массы тучъ, заволакивающихъ небо, и олицетворенія громовыхъ ударовъ, вихрей, мятелей и вьюгъ. Это—великаны миѳическіе. Въ народныхъ сказкахъ выступаютъ преимущественно миѳическіе великаны. Другіе великаны имѣютъ происхожденіе геологическое. Въ горахъ, въ обломкахъ скалъ, въ большихъ камняхъ фантазія древняго человѣка усматривала дѣло рукъ великановъ. Послѣдняго рода великаны возникали преимущественно въ гористыхъ странахъ. Нѣкоторые разсказы о великанахъ имѣютъ палеонтологическую основу. Находя въ землѣ огромныя кости вымершихъ животныхъ, люди стараго

[1]) *Чубинскій*, т. I, стр. 145.

времени считали ихъ остатками огромныхъ животныхъ и огромныхъ людей или великановъ, жившихъ прежде на землѣ. Кости животнаго иногда легко могли быть приняты за кости великановъ, и воображеніе работало надъ созданіемъ разсказовъ объ этихъ великанахъ и ихъ ужасныхъ дѣяніяхъ [1]). Встрѣчаются разсказы о великанахъ археологическаго происхожденія. Такіе вещественные памятники древности, какъ земляные валы, курганы и каменныя бабы, вызывали фантастическіе разсказы о необыкновенной силѣ и величинѣ древнихъ людей. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи великаны извѣстны подъ названіемъ волотовъ, а курганы называются волотками и считаются могилами великановъ и богатырей [2]). Затѣмъ преданія о великанахъ иногда возникали изъ затемнившихся историческихъ воспоминаній народа о столкновеніи съ сильными сосѣдями и о временахъ подчиненія сильному врагу. Такимъ преданіемъ представляется повѣствованіе древняго лѣтописца объ аварахъ или обрахъ: «Быша бѣ обры тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки обре: ихже нѣсть племени, ни наслѣдка». У поляковъ olbrzym — исполинъ, великанъ. Наконецъ, разсказы о великанахъ имѣютъ иногда источникомъ апокрифическіе и литературно-повѣствовательные памятники. Въ этомъ отношеніи важны апокрифы объ Энохѣ и Александріи.

Въ южнорусской народной словесности находятся великаны миѳическаго, археологическаго и литературнаго происхожденія. Оставляя въ сторонѣ великановъ миѳическихъ, мы остановимся здѣсь на литературныхъ великанахъ, и приведемъ только одинъ, весьма любопытный народный разсказъ, въ которомъ являются великаны апокрифическаго происхожденія; но при этомъ къ нимъ присоединены черты великановъ археологическихъ. Въ древнія времена въ Украинѣ жили великаны, или Адамовы люди. Они насыпали валы и высокіе курганы въ украинскихъ степяхъ. Это племя первобытныхъ великановъ было могущественно. Богъ разгнѣвался на нихъ за то, что они забыли его законъ и жили въ

---

[1]) *Тейлоръ*, Антропологія, стр. 385.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав. на природу, т. II, стр. 651.

порокахъ, ссорились между собою, проливали кровь какъ воду, и рѣшилъ совершенно уничтожить ихъ. Долго Богъ думалъ, какъ ихъ уничтожить; но ничего не могъ придумать. Тогда Онъ спросилъ совѣта у царя «другой земли», а царь этотъ былъ великанъ съ двумя головами. Царь посовѣтывалъ Богу послать такой потопъ, чтобы вода залила всю землю, за исключеніемъ одного высокаго кургана, который царь оставилъ себѣ для спасенія. Богъ послѣдовалъ этому совѣту, и великаны были потоплены. Погибли также двухъ-головые люди «иныхъ земель», и остался въ живыхъ только ихъ царь, бывшій на курганѣ. Онъ спалъ во время потопа; когда онъ проснулся, то убѣдился, что остался съ одной головою. Богъ наказалъ его за то, что онъ далъ столь жестокій совѣтъ для истребленія своихъ братьевъ. Отъ этого царя пошелъ родъ людской, такой же по росту и виду, какъ и нынѣ живущіе люди [1]).

Ко второй части этого разсказа о двухъ-головыхъ людяхъ примыкаютъ многіе малорусскіе разсказы о песиголовцахъ, или великанахъ съ песьими головами и однимъ глазомъ. Песиголовцы откармливали людей и ѣли ихъ [2]).

Происхожденіе первой части приведеннаго нами выше народнаго разсказа, именно: сказаніе объ исполинскомъ родѣ первобытныхъ адамовыхъ людей, апокрифическое, а вторая часть о двухъ-головыхъ людяхъ, равно какъ народные разсказы о песиголовцахъ, заимствованы, вѣроятно, изъ старинной повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ первые вѣка христіанства большимъ вниманіемъ церковныхъ писателей пользовалась апокрифическая Книга Эноха. Въ полномъ видѣ она сохранилась въ Абиссиніи на эфіопскомъ языкѣ; въ краткихъ и измѣненныхъ отрывкахъ она встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ. Въ седмой главѣ Книги Эноха находится разсказъ о древнихъ исполинахъ, разсказъ, отъ котораго возникъ приведенный выше малорусскій разсказъ объ адамовыхъ людяхъ исполинскаго роста, причемъ были посредствующія литературныя звѣнья, нынѣ утерянныя. Послѣ того, какъ размножились сыны человѣческіе, говорится въ Книгѣ Эноха, у нихъ родились краси-

---

[1]) *Novosielski* , Lud ukraiński, т. II, стр. 11—12.

[2]) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 2, стр. 384.

выя дочери. И когда сыны неба, ангелы, увидѣли ихъ, то плѣнились ими и сказали другъ другу: выберемъ себѣ женъ изъ племени людей и родимъ дѣтей. Главнымъ начальникомъ и вождемъ этихъ ангеловъ былъ Самиаза; въ числѣ 200 они сошли на гору Ардесъ, которая составляетъ вершину горы Армонъ (Гермонъ); эта гора называется такъ потому, что они поклялись на ней и связали себя взаимными клятвами. Отъ совокупленія этихъ ангеловъ со дщерями человѣческими родились исполины. Величина ихъ была 30 локтей. Они пожирали все, что производили труды людей, такъ что скоро нечѣмъ было кормить ихъ. Тогда они обратились на людей, чтобы пожирать ихъ, бросались на птицъ, звѣрей, пресмыкающихся и рыбъ, питались ихъ мясомъ и пили ихъ кровь. Отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ. Тогда Миханлъ, Гавріилъ, Раѳаилъ, Суріилъ и Уріилъ посмотрѣли на землю и увидѣли потоки крови и всякія злодѣянія. Ангелы возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Вся земля, сказали они, наполнилась кровью и нечестіемъ. И вотъ души умершихъ вопіютъ, и вопль ихъ доходитъ до вратъ неба. Люди не могутъ спастись отъ нечестія, которое покрываетъ лице земли. Тогда Всевышній послалъ одного ангела къ сыну Ламеха: «Возвѣсти ему, сказалъ Онъ, отъ моего имени о предстоящемъ великомъ разрушеніи; ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ» [1]).

По замѣчанію проф. А. А. Потебни, «во всякомъ случаѣ вѣрно, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою, или выше себя. На это послѣднее указываютъ славянскія сказки, ставящія богатырей, происшедшихъ отъ животныхъ, выше другихъ» [2]). Древнія преданія производятъ знаменитыхъ людей отъ волка или пса, напримѣръ, турецкое, римское. Къ этому разряду повѣрій и разсказовъ относятся повѣрья о слѣпородахъ швабахъ и мазурахъ (Подробности въ соч. Потебни «Къ ист. звук., т. III, стр. 68—83). Галичане говорятъ о мазурѣ: «деветденникъ», и это презрительное названіе мазуровъ проистекаетъ изъ распространеннаго среди поляковъ раз-

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. о ветхоз. соб., стр. 201—202; его же, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 51, 107.

[2]) *Потебня*, Къ исторіи звуковъ рус. яз., т. III, стр. 74.

сказа, что у мазуръ дѣти до 9 дней остаются слѣпыми[1]). Изъ древней идеи о близости человѣка къ животнымъ, въ особенности къ волку и собакѣ, могли возникнуть разсказы о людяхъ съ собачей головой, песиголовцахъ, разсказы, часто встрѣчающіеся у древнихъ и въ особенности средневѣковыхъ писателей. Подъ Песьими Головами разумѣли гунновъ, въ другое время татаръ, но большею частью народъ совершенно особый, кровожадный. Насколько въ средніе вѣка въ Европѣ было сильно вѣрованіе въ существованіе Песьихъ Головъ, видно изъ того, что лонгобарды во время войны съ усипетами обманули послѣднихъ извѣстіемъ, что Песьи Головы предложили имъ, лонгобардамъ, свою помощь. О Песьихъ Головахъ въ то время разсказывали, какъ о чудовищахъ, отличавшихся неистовой жестокостью; какъ вампиры, они пили кровь враговъ, а не догнавъ, въ ярости ними и свою собственную. Трудно рѣшить, какимъ путемъ разсказы о песиголовцахъ проникли съ Запада въ Малороссію, и откуда они заимствованы,—изъ общаго ли средневѣковаго преданія, восходящаго къ эпохѣ переселенія народовъ, или изъ опредѣленнаго литературнаго источника. Можетъ быть, здѣсь нужно признать вліяніе средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, которыя были весьма распространены въ древнерусской письменности. Этотъ знаменитый герой, между прочимъ, побѣждаетъ кинокефаловъ или песьи головы. Гогъ и Магогъ съ ихъ грозными полчищами изображались съ собачьими головами. Изображеніе песьихъ головъ встрѣчается въ старинныхъ русскихъ миніатюрахъ, и снимокъ съ одной такой миніатюры изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI в. можно видѣть во 2 т. Историч. очерковъ Буслаева, стр. 147.

Въ одномъ разсказѣ, записанномъ Ст. Руданскимъ въ подольской губерніи, говорится: «Теперъ велетнивъ и помину нема; тильки десь у церкви въ Кыиви, чи у Львови стоитъ тамъ нога зъ одного велытня и така, кажуть, прездорова, що ажъ до бани сягае» (Драг., стр. 383). Это любопытное замѣчаніе о ногѣ велетня напоминаетъ одно мѣсто въ путешествіи Эриха Лясоты по запорожскимъ землямъ въ 1594 г. Описывая въ своемъ Дневникѣ Кіевъ, Лясота говоритъ: «Есть также одинъ богатырь или великанъ, на-

[1]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 21.

зываемый Чоботка. Говорятъ, что на него однажды напало много непріятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвище». Быть можетъ, разсказъ о Чоботкѣ, слышанный Лясотой, примыкалъ къ циклу сказаній о великанахъ или велетняхъ съ громадными ногами, и къ этому же циклу сказаній примыкаетъ записанный Руданскимъ современный народный разсказъ.

6.

Потопъ.

Преданія о потопѣ встрѣчаются у разныхъ народовъ древняго и новаго времени. Возникновеніе халдейскихъ разсказовъ о потопѣ относится къ столь отдаленному прошлому, что они на половину были уже забыты во времена Авраама и государей, правившихъ въ Урѣ. Сохранившееся въ клинообразныхъ надписяхъ сумерійское сказаніе о всемірномъ потопѣ и о ковчегѣ, на которомъ спасся аккадскій Ной Ксисустръ, заключаетъ въ себѣ черты различныхъ народныхъ версій [1]). У древнихъ грековъ, какъ извѣстно, были преданія о всемірномъ потопѣ, посланномъ Зевсомъ на землю, чтобы истребить буйную породу мѣдныхъ людей. По совѣту Прометея, Девкаліонъ построилъ ящикъ, вошелъ въ него вмѣстѣ съ женою Пирою и носился по волнамъ 9 дней и 9 ночей. По прекращеніи потопа, онъ присталъ къ Парнасу и принесъ жертву Зевсу. По индійскимъ преданіямъ во время всемірнаго потопа спасся король Ману на кораблѣ, въ который взялъ сѣмена всѣхъ растеній. Въ настоящее время оригинальныя преданія о всемірномъ потопѣ встрѣчаются у дикихъ народовъ Африки и Америки.

Аѳанасьевъ усматриваетъ въ древнихъ преданіяхъ о потопѣ различныя варіаціи одного и того же миѳическаго представленія о великанахъ—тучахъ, погибающихъ въ весеннихъ ливняхъ, причемъ спасается только одинъ праведникъ, антропоморфическое солнце, и оно становится родоначальникомъ человѣчества [2]). А Гумбольдтъ, а

[1]) *Сэйсъ*, Ассиро-вавилонская литература, стр. 20.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., т. II, стр. 647.

за нимъ и другіе авторитетные ученые преданія о потопѣ объясняютъ воспоминаніями о громадныхъ наводненіяхъ, вызванныхъ землетрясеніями и циклонами. Ревиль замѣчаетъ, что преданія о потопѣ получали благопріятное развитіе и мѣстныя пріуроченія въ странахъ низменныхъ, подвергавшихся наводненію, или въ странахъ приморскихъ, гдѣ сильныя бури или землетрясенія настолько усиливали прибой морскихъ волнъ, что населеніе опасалось погибнуть подъ ними [1]). Можно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ преданій о всемірномъ потопѣ изъ одной страны въ другую посредствомъ устной или литературной передачи.

Славянскія народныя сказанія о всемірномъ потопѣ, великорусскія, малорусскія и болгарскія, возникли изъ ветхозавѣтнаго сказанія о потопѣ и связанныхъ съ нимъ апокрифовъ.

Апокрифы о потопѣ находятся въ сборникахъ Пыпина (Памят. стар. рус. лит., т. III), Порфирьева (Апокр. сказ. по солов. рук.) и Успенскаго (Толк. Палея). Въ этихъ апокрифахъ говорится о построеніи ковчега и о собраніи животныхъ въ ковчегъ посредствомъ била. Малорусскіе народные разсказы о потопѣ немногочисленны и однообразны, сколько можно судить по имѣющемуся въ печати матеріалу. Они несомнѣнно построены на апокрифахъ, только нѣсколько отличныхъ отъ изданныхъ Пыпинымъ, Порфирьевымъ и Успенскимъ. Въ южной Россіи навѣрно были въ ходу своеобразные рукописные апокрифы о потопѣ. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи сохранились рукописные апокрифы о потопѣ, малорусскаго правописанія, по времени XVII ст. [2]).

Въ украинскихъ народныхъ разсказахъ находится два апокрифическихъ мотива: построеніе ковчега при противодѣйствіи со стороны дьявола и отказъ нѣкоторыхъ животныхъ войти въ ковчегъ Ноя.

Первый мотивъ выражается въ разсказѣ, что дьволъ ночью портилъ то, что Ной успѣвалъ сдѣлать днемъ. Ной приготовлялъ столбы и доски, чтобы все было въ мѣру, а ночью набѣжитъ чортъ, и тамъ надрубитъ, тамъ отпилитъ. Когда Богъ увѣдомилъ Ноя, что

---

[1]) *Reville*, Les religions, т. II, стр. 128.

[2]) *Петровъ*, Опис. рукон. церк.-арх. музея, т. II, стр. 455.

на другой день наступитъ потопъ, Ной началъ складывать бревна и доски; но все выходило не въ мѣру, и Ной очень огорчился. Богъ сжалился надъ нимъ и сказалъ: «Не журися, чоловиче мій, що довге—то стули и буде коротке, а що коротке—натягни, то и буде довге». Ной послѣдовалъ этому благому совѣту (Драг., стр. 95). Апокрифъ о построеніи ковчега и разрушеніи его дьяволомъ напечатанъ въ «Памятн. стар. рус. литер.» А. Н. Пыпина по Толстовскому Сборнику 1602 г. Только здѣсь нѣтъ украинскаго мотива удлиненія и укорачиванія досокъ. Нужно сказать, что мотивъ этотъ общій, эпическій, встрѣчается у разныхъ народовъ, большею частью въ приложеніи къ баснословному великану, который, по произволу удлиняетъ людей, вытягивая у нихъ ноги, или укорачиваетъ ихъ, надрубливая ноги. Можетъ быть, и въ украинскихъ народныхъ разсказахъ мотивъ этотъ прилагался первоначально къ великанамъ-велетнямъ, вызвавшимъ своими жестокостями гнѣвъ Божій и потопъ, а впослѣдствіи оторвался отъ разсказовъ о велетняхъ и вошелъ въ измѣненномъ видѣ въ разсказъ о построеніи ковчега. Впрочемъ, я болѣе расположенъ признать здѣсь вліяніе апокрифа, чѣмъ миѳа. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ находится слѣдующій разсказъ. Работникъ Іосифа испортилъ одну работу, слишкомъ укоротилъ кусокъ дерева. Іисусъ, взявши кусокъ за одинъ конецъ, велѣлъ тянуть за другой, и дерево вытянулось до надлежащей длины [1]).

Въ другомъ апокрифическомъ разсказѣ о потопѣ говорится, что грифъ и носорожецъ, по гордости своей, не пошли въ ковчегъ. Грифъ сказалъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы во время потопа держаться въ воздухѣ, а носорожецъ сказалъ, что онъ во время потопа будетъ плавать. Во время потопа грифъ усталъ летать и, замѣтивъ спину носорожца, сѣлъ на нее, чтобы отдохнуть, и оба утонули (Nowos., т. II, стр. 10). Въ другихъ разсказахъ говорится объ одномъ носорожцѣ, рогъ котораго торчалъ надъ водою, какъ вѣха. Птицы садились на этотъ рогъ, и ослабленный долгимъ плаваніемъ единорожецъ пошелъ ко дну (Чуб., т. I, стр. 20; Драг., стр. 95). Въ одномъ варіантѣ говорится, что Ной не взялъ въ ков-

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, въ Журн. минист. народ. просвѣщенія.

чегъ только сокола, который въ теченіи потопа, длившагося 12 дней и 12 ночей, леталъ и остался цѣлъ (Драг., стр. 95).

7.

Самсонъ.

Апокрифическія сказанія о Самсонѣ встрѣчаются въ Палеѣ исторической, иначе называемой по первой начальной фразѣ, «книгой бытія небеси и земли». Въ этомъ пересказѣ ветхозавѣтной исторіи особая глава посвящена изображенію жизни Самсона[1]). Главное отличіе апокрифическаго сказанія отъ библейскаго состоитъ въ объясненіи мотива, почему Самсонъ открылъ Далидѣ секретъ своей силы. Въ библіи мотивомъ выставлена сильная любовь Самсона къ Далидѣ, въ Палеѣ—пьянство Самсона. Въ главныхъ сборникахъ апокрифовъ, Пыпина, Тихонравова и Порфирьева, нѣтъ апокрифовъ о Самсонѣ; но что апокрифы о Самсонѣ въ древнее время были распространены на Руси, видно не только изъ «Книги бытія», изданной А. Н. Поповымъ, но преимущественно изъ великорусскихъ былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ, находящихся въ очевидной связи съ апокрифомъ о Самсонѣ[2]).

Въ старинное время въ Малороссіи были извѣстны апокрифы о Самсонѣ. Въ галицкомъ Дрогобицкомъ сборникѣ апокрифовъ находится любопытный отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, на малорусскомъ языкѣ, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ: «Телми (?) моими и оутрату моихъ очей и людей твоихъ израильскихъ и рече до хлопяте: отийди отъ мене, и диви, що будетъ; дитя отийшло, а Самсонъ, взявши слупи онии, единъ правою, другой лѣвою, и рекъ: нехай-же положу животъ свой зъ филистинами за людъ израильскій, и страсши ониими слупами, обваливъ оний оувесъ палацъ и съ паиами филистинами и позабивалъ оувесъ людъ, котории тамъ близко были оного палаца, а гди валился муръ, и Самсона оубивъ. Пишутъ о Самсонѣ историкове такъ, же такую силу мавъ, гдиби такое коло великое, же бы затримало землю, оуправленно, и Самсонъ би оузялъ би рукама за тое коло, то би оусего свѣта землю повернулъ; такимъ то билъ той Самсонъ сильный, Самсонъ, славный

---

[1]) *Поповъ*, Чтенія въ общ. ист. и древн. рос., 1881 г., т. I, стр. 122—132.

[2]) *Ждановъ*, Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи, стр. 121—128.

мужъ и воинъ валечный, и оная злая жена извела н силу ему отняла, и очи ему выбрала, бо жена есть всему злому початокъ и приводца злыхъ дѣлъ, и тако преставися оний славний Самсонъ мужъ, вмѣстѣ (слова два или три не разобраны) со родными его вземше и положиша его тѣло въ гробѣ отца его. Судивъ израильскии людъ лѣтъ к҃, и отъ апостола описаний, же онъ есть между праведними праотци; но иншіи люде повѣдаютъ, же....» [1]) Далѣе слѣдуетъ краткій пересказъ библейскаго сказанія о смерти Самсона.

Дрогобицкій отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, нужно думать, вышелъ изъ исторической Палеи, или «книги бытія». Найболѣе сходства между этимъ отрывкомъ и Палеей обнаруживается въ обращеніи Самсона къ поводырю, «хлопцю» отрывка. Въ Палеѣ читаемъ: «рече (Самсонъ) вотцю своему юноши: веди мя близъ столпа, еже обдержитъ палату, и веде его; рече ему Самсонъ: отиди далече отъ храмины, яко да не сокрушися долѣ» [2]). Замѣчаніе о женщинѣ, какъ «початкѣ всему злому и приводцѣ злыхъ дѣлъ», также могло возникнуть на основаніи Палеи, гдѣ оттѣнено то обстоятельство, что Самсонъ испыталъ «руганіе женское».

Въ дрогобицкомъ апокрифѣ о Самсонѣ находится одна черта, весьма цѣнная для исторіи былинъ о Святогорѣ, сообщеніе какихъ-то историковъ, что Самсонъ повернулъ бы землею, если бы въ землю хорошо было укрѣплено кольцо. Въ великорусскихъ былинахъ:

Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тягя нашелъ,
Такъ я бы *всю* землю поднялъ».
Какъ бы было *кольце* во сырой землѣ,
Поворотилъ бы я землю-то матушку [3]).

Этотъ мотивъ не встрѣчается въ «Книгѣ бытія», и происхожденіе его темно. Фраза «пишутъ гисторикове» довольно часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго и Радивиловскаго, при-

---

[1]) *Франко*, Зоря, 1886 г., № 9.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія“, 1881 г., т. I, стр. 132.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 33; *Гильфердъ.*, Онежск. был., 654; *Ждановъ*, стр. 91—97.

чемъ подъ историками разумѣются Кромеръ, Бѣльскій или Стрыйковскій. Вѣроятно, и подъ «историками» апокрифическаго отрывка о Самсонѣ разумѣются польскіе хронисты.

Малорусскій складъ дрогобицкаго отрывка апокрифа о Самсонѣ показываетъ, что апокрифическія сказанія о Самсонѣ пользовались значительной популярностью среди грамотныхъ малороссіянъ, но въ глубину народа они мало проникли; точнѣе сказать, въ простонародную словесность вошли лишь незначительные обрывки и обломки этихъ сказаній. Въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губ., Самсонъ является сыномъ царя Давида и роднымъ братомъ Іосифа и Соломона. «Сильный Самсонъ, говорится здѣсь, воювався по всимъ свити; на остатокъ зъ нами задумавъ воювати. Плыве Днипромъ, але тилько що зъ воды, ажъ на нёго левъ. Самсонъ до нёго, да якъ ухвативъ ёго за пащу, та якъ наступивъ ногою, то такъ разомъ зъ левомъ и закаменивъ. Такъ винъ и теперъ стоить у Кыиви» [1]). Народная фантазія пріурочила Самсона къ Кіеву, очевидно, подъ впечатлѣніемъ устроеннаго въ Кіевѣ, на Подолѣ, близъ зданія бывшаго магистрата, фонтана съ изваяніемъ Самсона, придавившаго ногою льва и раздирающаго руками его пасть, изъ которой широкой струей льется вода. Иначе она не могла объяснить себѣ этого хитроумнаго сооруженія, произведеннаго въ срединѣ XVIII ст. Иваномъ Барскимъ, братомъ извѣстнаго паломника, и самый разсказъ возникъ, конечно, не раньше этого времени. Кіевъ въ народныхъ легендахъ чаще встрѣчается, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ, и здѣсь обнаружилось вліяніе духовенства и странниковъ богомольцевъ.

Можетъ быть, малорусскій народный разсказъ о Золотыхъ воротахъ и Михайликѣ, много разъ привлекавшій къ себѣ вниманіе ученыхъ, въ основной своей части представляетъ одно изъ наиболѣе своеобразныхъ проявленій мѣстной, кіевской локализаціи частнаго мотива апокрифическаго сказанія о Самсонѣ. Такъ какъ извѣстныя въ настоящее время научныя объясненія легенды о Золотыхъ воротахъ не выходятъ изъ области предположеній и гаданій, то мнѣніе наше о связи этой легенды съ сказаніями Палеи о Самсонѣ не можетъ быть признано вполнѣ лишнимъ, тѣмъ болѣе,

[1]) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 98.

что въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ одна крупная черта сходства легенды о Золотыхъ воротахъ съ вошедшимъ въ «Книгу бытія небеси и земли» апокрифомъ о Самсонѣ. Въ легендѣ о Золотыхъ воротахъ говорится, что богатырь Михайликъ во время осады Кіева татарами пустилъ въ непріятелей стрѣлу, и татары потребовали отъ кіевлянъ, чтобы они выдали Михайлика. Горожане согласились. Тогда Михайликъ взялъ на копье Золотыя ворота и уѣхалъ съ ними въ Царьградъ [1]). Въ исторической Палеѣ говорится, что иноплеменники (т. е. филистимляне) напоили Самсона до опьяненія и заковали его въ цѣпи. Проспавшись, Самсонъ «вскочивъ сокруши оузы, седмь веригъ вкупѣ столче, и въставъ пріиде и обрѣте врата градоу затворена, и подлегъ сеи рамома своима и изорва врата градоу съ пиръгосомъ (башней) искоренивъ, и понесъ положи верхоу горы, и оставивъ тамо и отиде; въставше же оутро иноплеменници, и обрѣте градъ свой разсыпанъ и врата стояща на горѣ, и съоузы съкрушены, и дивишася» [2])... Можно думать, преимущественно на основаніи великорусскихъ былинъ о Василіи пьяницѣ, что въ древности у народа были пѣсни о знаменитомъ стрѣлкѣ изъ лука, пріуроченныя къ Кіеву и связанныя съ татарскимъ нашествіемъ. Къ этимъ пѣснямъ примкнулъ апокрифическій разсказъ о Самсонѣ, поднявшемъ ворота, и съ теченіемъ времени совершенно обрусѣлъ и измѣнился до неузнаваемости.

8.

Царь Давидъ.

Апокрифическія сказанія о Давидѣ малочисленны. Изъ русскихъ ученыхъ только И. Я. Порфирьевъ останавливался на апокрифахъ о Давидѣ. Въ изслѣдованіи объ апокрифахъ на стр. 93—94 г. Порфирьевъ приводитъ любопытное «сказаніе о псалтыри, како написася Давидомъ царемъ». Въ этомъ сказаніи три мотива: 1) ангелъ въ видѣ юноши шепталъ псалмы Давиду на ухо, что подмѣтилъ вельможа Віоръ; 2) жабы лежавшаго вблизи болота

---

[1]) *Кулишъ*, Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 3; *Антон.* и *Драгом.*, Ист. пѣсни мал. нар., т. I, стр. 50.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія“, 1881 г., т. I, стр. 127.

своимъ крикомъ мѣшали Давиду въ созданіи псалмовъ; но когда онъ сталъ ихъ уничтожать, то одна жаба сказала ему, что они своимъ крикомъ также хвалятъ Господа, и 3) Давидъ пустилъ псалтырь въ ящикѣ на море, гдѣ онъ много лѣтъ спустя найденъ былъ Соломономъ, и тогда «наполнися міръ пѣсенъ псалтырнихъ». Въ сборникѣ апокрифовъ по соловецкимъ рукописямъ, изданномъ проф. Порфирьевымъ, находятся апокрифы о томъ, какъ Давидъ прогонялъ злаго духа Саулова своею игрою на гусляхъ (стр. 235—236) и какъ Давидъ былъ восхищенъ на небеса и видѣлъ тамъ образъ церкви, по которому сдѣлалъ модель для построенія храма и передалъ ее Соломону (стр. 238—239).

Южно-русскія редакціи рукописей апокрифовъ о Давидѣ неизвѣстны. Принимая во вниманіе, что среди малорусскихъ народныхъ разсказовъ встрѣчаются апокрифическія сказанія о Давидѣ, можно допустить, что источникомъ ихъ были мѣстные, украинскіе рукописные апокрифы о Давидѣ. Вотъ народное сказаніе о спорѣ Давида съ Богомъ. Давидъ былъ царь добрый, но не христіанинъ. Чтобы обратить его въ христіанство, Богъ подъ видомъ купца пришелъ къ Давиду и предложилъ Давиду купить его дворецъ. Давидъ потребовалъ столько золота, чтобы всѣ его подданные могли набрать его, сколько угодно. Богъ благословилъ гору, и она разсыпалась золотомъ. Народъ набралъ золота, сколько могъ понести, и остался вполнѣ доволенъ. Давидъ сказалъ, что гора стояла на его землѣ, слѣдовательно и золото его; купецъ оспаривалъ. «А хто насъ розсуде?» спросилъ Давидъ. «Е на свити таки люде, у которыхъ обыдва мы ривни. Ходимо на цвинтарь, тамъ насъ розсудять умерліи». Мертвые встали изъ могилъ и поклонились въ ноги Богу. Давидъ тогда узналъ, кто скрылся въ лицѣ купца, и принялъ христіанство. Возникновеніе псалтыри передается такъ. Когда Давидъ составилъ цѣлую книгу изъ псалмовъ, то онъ разрѣзалъ ее по листамъ и бросилъ въ море. Грѣшные листы потонули, а святые листы плавали по морю. Ангелы собрали святые листы и отнесли ихъ къ Богу. Богъ прочиталъ ихъ и велѣлъ передать ихъ людямъ (Драг., стр. 97, 98).

Разсказъ о спорѣ Давида съ Богомъ не встрѣчается въ напечатанныхъ апокрифахъ. Повидимому, разсказъ этотъ сшитъ изъ нѣсколькихъ повѣствовательныхъ мотивовъ. Главный мотивъ,—

явленіе Бога подъ видомъ купца, повидимому, возникъ изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, весьма популярной въ старину среди грамотныхъ людей. Повѣсть эта встрѣчается во многихъ старинныхъ рукописяхъ, и отдѣльные ея эпизоды проникли въ раскольничьи духовные стихи. Въ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, представляющей христіанскую переработку индусскаго сказанія о Буддѣ, пустынникъ Варлаамъ, одѣвшись купцомъ, явился къ царевичу Іосафу, который, подобно царю Давиду украинскаго разсказа, былъ добръ, но не зналъ христіанской вѣры. Варлаамъ поучаетъ Іосафа притчами и обращаетъ его въ христіанство.

Второй разсказъ о псалтыри вышелъ изъ апокрифа, напечатаннаго въ сочиненіи И. Я. Порфирьева объ апокрифахъ, стр. 94. Популярность апокрифа о происхожденіи псалтыри объясняется чрезвычайно важнымъ значеніемъ псалтыри въ жизни русскаго народа въ старинное время. Псалтырь читали для поученія въ церкви, для развлеченія дома; на чтеніи псалтыри держалась школьная наука; наконецъ, на псалтыри гадали.

9.

Соломонъ.

Сказанія о Соломонѣ имѣютъ богатую научную литературу. Впервые на этихъ сказаніяхъ остановился А. Н. Пыпинъ въ Извѣст. Акад. Наукъ, т. IV. Въ 1872 г. А. Н. Веселовскій издалъ спеціальную монографію о славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныхъ легендахъ о Морольфѣ и Мерлинѣ. Въ 1881 году г. Веселовскій въ XL т. Записокъ академіи наукъ помѣстилъ обширную и цѣнную дополнительную статью о «новыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній».

«Основа этихъ неканоническихъ повѣстей, говоритъ г. Веселовскій, обличаетъ происхожденіе ихъ съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу онѣ проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя... На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое гадательно можно отнести на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство ре-

лигіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго востока. Въ той и другой редакціи соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ... Въ концѣ пятаго вѣка апокрифъ о Соломонѣ былъ извѣстенъ на западѣ, и противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, несомнѣнно, изъ Византіи. Западныя свидѣтельства отъ X вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная редакція отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянской. Съ X вѣка, или, вѣрнѣе, съ XI апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабль'о и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западно-латинскую и византійско-славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII в. и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній: надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника» [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]). А. Н. Веселовскій говоритъ, что «Соломоновская сага не проникла глубоко въ народный стихъ; пѣсни о Василіи Окульевичѣ, пѣсня побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становятся чѣмъ-то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности».

---

[1]) *Веселовскій*, Слав. сказ. о Соломонѣ, т. V—VI.

[2]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, т. V, стр. 73.

Апокрифическія сказанія о Соломонѣ затронули мысль и воображеніе малороссіянъ. Въ печати извѣстно нѣсколько большихъ народныхъ разсказовъ о Соломонѣ, близко стоящихъ къ апокрифамъ по содержанію и вполнѣ народныхъ по языку. Въ малорусскихъ разсказахъ находимъ слѣдующіе мотивы:

1) Мать Соломона во время беременности спрятала одну женщину, бѣжавшую отъ мужа, и когда пришелъ послѣдній, то Соломонъ изъ утробы матери сказалъ, что мать его такъ же безнравственна, какъ и спрятанная ею женщина (Драг., стр. 99). Мотивъ этотъ съ большими подробностями изложенъ въ русской побывальщинѣ у Рыбникова, т. II, № 54, стр. 305.

2) Соломонъ трехъ лѣтъ отъ роду вѣсилъ женскій разумъ, положивъ на одну чашку вѣсовъ материнъ чепецъ, на другую горсть охлопья, и смѣялся, что охлопья перетягивали чепецъ (Драг., стр. 99). Въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Памятникахъ» Пыпина, т. III. стр. 63, Соломонъ взвѣшиваетъ песье г....о съ женскимъ умомъ, причемъ возрастъ Соломона также трехлѣтній.

3) Мать приказала своимъ слугамъ отнести Соломона въ лѣсъ, убить его и принести ей его сердце и мизинецъ. Слуги оставили Соломона живымъ и принесли его матери сердце собаки (Драг., 100). То же въ апокрифѣ, у Пыпина, III, 64, у Веселовскаго въ «Соломонѣ и Китоврасѣ», 53.

4) Соломонъ сталъ плакать, такъ какъ зналъ, что ему назначено жить три года. Святые стали просить Господа, чтобы Онъ прибавилъ Соломону жизни. Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы кто-нибудь отдалъ часть своей жизни Соломону, и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ (Драг., 100). Этотъ эпизодъ составляетъ особенность малорусскаго разсказа о Соломонѣ. Глубокій знатокъ повѣстей о Соломонѣ проф. Веселовскій не встрѣчалъ этого эпизода въ другихъ пересказахъ (Разыск., V, 130). Основная мысль этого эпизода вполнѣ народная. «Щастя, переходя, живе,» говорятъ малороссіяне. По народнымъ понятіямъ, общая сумма добра и зла не измѣняется, и счастье, доля, богатство, болѣзни лишь переходятъ, по Божьему соизволенію, отъ одного лица къ другому.

5) Возмужавъ, Соломонъ подъ видомъ купца пріѣхалъ къ своей матери, женѣ царя Давида. Она влюбляется въ купца и при-

глашаетъ его переночевать съ нею. Соломонъ положилъ руку на ея груди и сказалъ: «се тіи дуды, що я въ ніи гравъ,» а потомъ положилъ руку на «природу» и сказалъ: «а се тіи брамы, що я ними выходивъ;» онъ ушелъ изъ спальни царицы, надписавъ на дверяхъ: «правда, що жиночій розумъ не вартъ и жмени клочча, коли ридная мати зъ своимъ сыномъ спала» (Драг., 101, 107). Разсказъ этотъ почти буквально сходенъ съ апокрифомъ въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 66), въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова (т. IV, 115) и въ «Соломонѣ и Китоврасѣ» Веселовскаго (97—98).

6) Царь Давидъ разыскивалъ Соломона такимъ образомъ: послалъ слугъ съ золотымъ плугомъ спрашивать, что стоитъ плугъ. Всѣ цѣнили его очень дорого; одинъ Соломонъ замѣтилъ, что плугъ безъ майскаго дождя не стоитъ куска хлѣба. Въ другой разъ Давидъ созвалъ гостей на обѣдъ и далъ имъ очень длинныя ложки. Соломонъ объявился тѣмъ, что посовѣтывалъ гостямъ кормить другъ друга черезъ столъ (Драг., 101, 102, 103). Апокрифическій источникъ этого разсказа находится въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 64).

7) Ставъ царемъ, Соломонъ пытается узнать высоту неба и глубину моря. Желая избѣжать смерти, онъ отправляется къ безсмертной горѣ и находитъ здѣсь гробъ, сдѣланный чернецами; онъ легъ въ него и приказалъ засыпать себя землею (Драг., 102, 103, 108). Эти эпизоды не встрѣчаются въ апокрифахъ. Г. Веселовскій предполагаетъ, что безсмертная гора малорусской легенды стоитъ въ связи съ городомъ Lus въ странѣ Гетитовъ, городомъ безсмертія, куда Соломонъ отправляетъ двухъ юношей, обреченныхъ ангелу смерти, который настигъ ихъ у входа въ Lus (Разыск., V, 131). Въ Азбуковникахъ безсмертной горой называется Аѳонская гора (см. Журн. м. н. пр. 1884 г., I, 379).

8) Соломонъ и его жена язычница посѣщаютъ христіанскій и языческій храмы. Жена не молилась въ церкви, а когда Соломонъ не захотѣлъ кланяться, входя въ языческій храмъ, то особо приспособленныя двери ударили его по головѣ и заставили нагнуться (Драг., 103).

9) Жена Соломона уходитъ съ однимъ «невѣрнымъ царевичемъ». Соломонъ пріѣхалъ за женой, взявъ три трубы и войско. Царевичъ язычникъ и его возлюбленная рѣшили повѣсить Соломона, но Соломонъ затрубилъ и войско его прибыло. Онъ повѣсилъ

царевича, а жену свою привязалъ къ конскому хвосту и пустилъ коня въ поле (Драг., 104). Источникъ этого разсказа въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописяхъ» (IV) Тихонравова и въ I т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова (стр. 254).

10) Судъ Соломона по жалобѣ трехъ братьевъ: одинъ имѣлъ плохой аппетитъ, другой плохое хозяйство, третій злую жену. Соломонъ присудилъ первому ѣздить въ лѣсъ, и лѣсная работа вызвала аппетитъ, второму рано вставать и третьему сходить въ кузницу, гдѣ онъ могъ убѣдиться, что даже желѣзо дѣлается мягкимъ подъ ударами молота (Драг., 108—109).

11) Соломонъ вздумалъ однажды сказать проповѣдь, и только могъ сказать: «якъ маете що шити, то перше кгудзя завяжить» (т. е. узелокъ на ниткѣ). Этотъ анекдотъ, вѣроятно, зашелъ съ Запада, можетъ быть, черезъ проповѣдниковъ конца XVII ст., прибѣгавшихъ иногда подъ вліяніемъ польскихъ проповѣдниковъ къ шуткамъ и анекдотамъ.

12) Мать Соломона, желая отъ него избавиться, сажаетъ его въ бочку и пускаетъ на море,—простонародный сказочный мотивъ.

13) Соломонъ играетъ на «сопилкѣ»; кони и овцы начинаютъ при этомъ танцовать,—мотивъ также простонародный, сказочный, миѳическій.

14) Мать Соломона заперла двери; но двери растворялись по приказанію Соломона,—мотивъ сказочный (о силѣ слова), повторяется въ колядкахъ.

15) Соломонъ нанялся у кузнеца въ работники, сдѣлалъ желѣзную лѣстницу и влѣзъ по ней на небо, а затѣмъ ангелы принесли его брата кузнеца. По видимому мы здѣсь имѣемъ дѣло съ древнимъ обычаемъ побратимства. Разсказъ этотъ, въ основаніи миѳическій, сказочный, съ теченіемъ времени получилъ юмористическій характеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

VII.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вздумалось мнѣ въ прошломъ году встрѣтить нашу прекрасную украинскую весну гдѣ нибудь подальше отъ города, хотя и въ такомъ городѣ, какъ укрытый садами нашъ златоглавый Кіевъ. Весна въ городѣ не теряетъ своей прелести, но все-же городъ, а мнѣ захотѣлось уединеннаго тихаго уголка. Эта поэтическая мысль пришла мнѣ въ голову въ началѣ или въ половинѣ апрѣля, не помню хорошенько. Помню только, что это случилось, въ самый развалъ нашей знаменитой малороссійской грязи. Можно бы и подождать немного: весною грязь быстро сохнетъ. Но ужъ если что мнѣ разъ пришло въ голову, хотя бы самое несбыточное, такъ хоть роди, а подавай. На этомъ пунктѣ я имѣю большое сходство съ моими неподатливыми земляками. Писатели наши и вообще люди приличные чувство это называютъ силою воли, а его просто можно назвать воловьимъ упрямствомъ; это живописнѣе и выразительнѣе.

Долго я перебиралъ въ памяти своей моихъ добрыхъ пріятелей, укрывшихся въ тѣни уединенія, т. е. посвятившихъ себя совершенному бездѣйствію. Послѣ тщательной переборки я остановился на одномъ отставномъ гусарѣ, называвшемъ меня своимъ родичемъ, чему я совершенно не противорѣчилъ. Лежалъ онъ, или

какъ-бы выразиться иначе, прозябалъ онъ въ самомъ живописномъ уединенномъ уголкѣ кіевской губерніи, верстахъ въ трехъ отъ мѣстечка Лысянки. На него-то и палъ мой выборъ.

На тройкѣ добрыхъ почтовыхъ лошадей я съ Трохимомъ и съ чемоданомъ по утру рано выѣхалъ изъ Кіева. До первой станціи, Веты, мы добрались безъ особыхъ приключеній, и Вету оставили благополучно. Только какъ разъ противъ самого Бѣлокняжего поля, не доѣзжая каплицы или часовни, у лѣвой пристяжной лопнули постромки. Мы думали было на парѣ кое-какъ дотащиться до Василькова. Не тутъ-то было. Грязь по ступицы и наша пара ни съ мѣста. Къ счастію нашему, мужикъ везъ лозу для изгороди, мы у него не безъ труда выпросили пару лозинъ и устроили себѣ кое-какъ постромокъ.

Въ Васильковѣ мы закусили съ Трохимомъ фаршированной жидовской щукой, крѣпко приправленной перцомъ, и потянулись дальше. Пошелъ мелкій, тихій дождикъ, потомъ крупнѣе и крупнѣе, наконецъ полилъ, какъ изъ ведра; можно-бы было заѣхать въ корчму въ Мытницѣ и переждать дождь, но я сказалъ себѣ, чтобы нигдѣ не останавливаться до Бѣлой-Церкви, такъ и сдѣлалъ. Въ Бѣлую-Церковь пріѣхали мы уже ночью. Посовѣтовавшись съ Трохимомъ, рѣшились мы ночевать на почтовой станціи и хорошо сдѣлали, что такъ придумали, иначе мнѣ, можетъ быть, никогда не пришлось-бы писать объ этой прогулкѣ, а вамъ читать ее, мои терпѣливые читатели, потому что узелъ описываемаго мною происшествія завязался именно въ эту достопамятную ночь, только не на почтовой станціи, какъ это большею частію случается, а... Но зачѣмъ забѣгать впередъ.

Рѣшившись ночевать на станціи, я спросилъ у смотрителя:

— Есть-ли у васъ комната для проѣзжающихъ?

— Есть двѣ, отвѣчалъ онъ, только обѣ заняты. Какая-то барыня, должно быть, съ дочерью заняли обѣ комнаты.

Барыня съ молодою дочерью! подумалъ я. Эхъ, какъ досадно, что я не гусаръ или хоть просто военный, я-бы зналъ, какъ тутъ распорядиться. Просто по праву проѣзжающаго по казенной надобности (военные не ѣздятъ на почтовыхъ по своей надобности), закупорилъ-бы мать съ дочерью въ одну комнату, а въ другой самъ расположился и на досугѣ занялся-бы обсерваціею въ замочную

скважину. Вотъ вамъ и начало романа, чисто въ гусарскомъ вкусѣ: я было признаться и того... да нѣтъ не хватило духу. Сказано: кому не написано на роду быть военнымъ человѣкомъ, такъ тотъ, хоть въ аршинъ запусти усы, а все останется штафиркой.

До мѣстечка оставалось еще съ добрую версту, а до жидовскаго трактира, гдѣ мы предположили провести ночь, по крайней мѣрѣ версты двѣ; но дѣлать было нечего, и мы потащились подъ проливнымъ дождемъ отыскивать жидовскій трактиръ. Трохимъ, не совсѣмъ довольный моимъ рѣшеніемъ, началъ было что-то возражать, но я махнулъ рукою, и мы пустились въ дорогу. Черезъ часъ времени мы благополучно достигли желаемой цѣли.

Пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, я могъ-бы описать вамъ бѣлоцерковскій жидовскій трактиръ со всѣми его грязными подробностями; но фламандская живопись мнѣ не далась, а здѣсь она необходима. Замѣчу мимоходомъ, что во-первыхъ никто не вышелъ меня встрѣтить, какъ-то бываетъ въ русскихъ трактирахъ, но этому могла быть причиною темная, ненастная ночь; причина важная для самаго храбраго жидовина; во-вторыхъ, вскарабкавшись кое-какъ по скользкимъ ступенямъ въ темный корридоръ, я наткнулся въ немъ на что-то желѣзное и такъ ловко наткнулся, что чуть себѣ лба не раскроилъ. По утру я увидѣлъ, что это были дроги съ рессорами изъ подъ какого то экипажа. Таково было мое вшествіе въ іудейскую гостепріимную обитель! Въ комнатѣ уже меня встрѣтилъ жидъ, довольно благовидной наружности, помогъ мнѣ стащить съ плечъ насквозь промокшую непромокаемую шинель и униженно спросилъ:

— Что пану будетъ угодно?

— Чаю и комнату, отвѣчалъ я.

— Заразъ, сказалъ жидъ и скрылся за дверью.

Въ ожиданіи жидовскаго «заразъ» я грѣлся и разминался, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Комната была что-то въ родѣ лавки, съ шкафами около стѣнъ и стекляннымъ ящикомъ вдоль комнаты, въ родѣ застойки. Передъ ящикомъ я остановился и между галантерейными бездѣлушками, какъ-бы вы думали, что я увидѣлъ? Книгу въ желтой оберткѣ. Я только хотѣлъ было сказать Трохиму, чтобы досталъ книгу изъ чемодана, а тутъ она сама въ руки лѣзетъ, и Трохима тревожить не нужно. Беру со стола свѣчу и

читаю заглавіе, кажется, славянскими буквами: «Украинская поэзія N Падуры». Поди-ка, думаю, голубчикъ, сюда! я тебя давно не видалъ. Но ящикъ оказался запертъ. Я позвалъ хозяина, но вмѣсто хозяина явился какой-то жидокъ съ рыжей бородкой. Я просилъ его достать мнѣ изъ ящика книгу, но жидокъ отвѣчалъ, что онъ факторъ, а не хозяинъ лавки. Тогда я велѣлъ ему позвать хозяина. Явился хозяинъ, тотъ самый благовидный жидъ, что помогалъ мнѣ снимать непромокаемую шинель. На просьбу мою о книгѣ онъ вынулъ ее изъ ящика и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Десять злотыхъ.

— А если только прочитать, спросилъ я, принимая книгу, что будетъ стоить?

— Пять злотыхъ, сказалъ жидъ, побрякивая ключами.

Дѣлать нечего, я отдалъ пять злотыхъ и спросилъ ножъ, чтобы разрѣзать дорогую книгу, но это было напрасно, книга была разрѣзана и даже запачкана. Кромѣ сальныхъ пятенъ я замѣтилъ на поляхъ листовъ то прямыя черты, крѣпко проведенныя гдѣ ногтемъ, а гдѣ и карандашемъ, то знакъ восклицательный, то знакъ вопросительный, то чортъ знаетъ что.

— Ай, ай! подумалъ я, да ты побывала уже въ рукахъ у нашего брата критика.

Портить карандашемъ или ногтемъ чужую книгу непростительно; но тутъ все таки есть хоть какая нибудь мысль, что я дескать читалъ такую книгу и нашелъ въ ней это хорошо, а это дурно, хотя и это не извиняетъ подобного читателя въ порчѣ чужой собственности. Чѣмъ-же извинить тѣхъ, которые портятъ стекла на почтовыхъ станціяхъ своимъ драгоцѣннымъ алмазомъ, выводя на стеклѣ свой замысловатый вензель, какъ на какомъ нибудь важномъ документѣ, четко и выразительно? Для чего они это дѣлаютъ? Какая нибудь мысль да кроется же въ этихъ замысловатыхъ вензеляхъ и росчеркахъ? Неужели только та, что такой-то и такой проѣзжалъ здѣсь съ алмазнымъ перстнемъ? Кажется, только и ничего больше. Какое мелкое ничтожное тщеславіе! А говорятъ и даже пишутъ, будто-бы знаменитый лордъ Байронъ изобразилъ гдѣ то въ Греціи на скалѣ свою прославленную фамилію. Неужели и этотъ крупный человѣкъ не чуждъ былъ мелкаго ничтожнаго тщеславія?

Какъ ни странно, но не другое что, какъ тоже мелкое тщеславіе заставляетъ меня (да можетъ быть и не одного меня) смотрѣть, разумѣется отъ нечего дѣлать, на эти исцарапанныя стекла и прочитывать давно знакомую книгу, исчерченную карандашемъ и ногтемъ. Вотъ и теперь со мной случилось тоже. Поэзія Падуры мнѣ извѣстна и переизвѣстна, а я заплатилъ за нее пять злотыхъ, такъ изъ одной прихоти, чтобы себя потѣшить; а между тѣмъ когда увидѣлъ каракули на поляхъ, началъ читать, какъ-бы никогда не читанную книгу.

Надъ пѣсней подъ названіемъ: *Запорожская пѣсня*, было весьма четко написано: *Скальковскій вретъ*. Чтобы значила эта весьма нецеремонная замѣтка? Я прочиталъ пѣсню. Пѣсня начинается такъ: *Гей, козаче въ имя Бога*. Какое-же тутъ отношеніе къ ученому автору *Исторіи новаго коша*? Не понимаю. Ба! вспомнилъ, эту самую пѣсенку ученый изслѣдователь запорожскаго житья-бытья вкладываетъ въ уста запорожскимъ лыцарямъ. Честь и слава ученому мужу! Какъ онъ глубоко изучилъ изображаемый имъ предметъ. Удивительно! А можетъ быть, онъ хотѣлъ просто подсмѣяться надъ нашимъ братомъ хохломъ и больше ничего? Богъ его знаетъ, только эта волыно-польская пѣсня столько-же похожа на пѣсню днѣпровскихъ лыцарей, сколько похожъ я на китайскаго богдыхана.

— А что-же чай и комната? спросилъ я, закрывая книгу.

— За́разъ, сказалъ торчащій въ углу рыжебородый жидокъ и вышелъ въ другую комнату.

— Ахъ вы проклятые жиды! проговорилъ я почти вслухъ: я уже всю книгу прочиталъ, а они и не думали приготовлять чаю!

Черезъ минуту жидокъ возвратился и снова притаился въ углу.

— Что-же чай? спросилъ я.

— За́разъ закипитъ, отвѣчалъ жидокъ.

— Чего-же ты тутъ переминаешься съ ноги на ногу? спросилъ я услужливаго жидка.

— Я факторъ. Можетъ быть, панъ чего потребуетъ, то я все за́разъ для пана доставить могу, прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Хорошо! сказалъ я. Такъ ты говоришь, что все достанешь, чего я ни пожелаю.

— Достану все, отвѣчалъ онъ, не запинаясь.

Какую-же мнѣ задать ему задачу, такъ что нибудь въ родѣ пана Твардовскаго, подумалъ я про себя и подумавши сказалъ ему.

— Ты знаешь англійскій портеръ подъ названіемъ Браунстутъ Берклей Перкенсъ и компанія?

— Знаю, отвѣчалъ жидокъ.

— Достань мнѣ одну бутылку, сказалъ я самодовольно.

— Заразъ, сказалъ жидокъ и исчезъ за дверью.

— Ну, подумалъ я, пускай поищетъ. Теперь этого вражескаго продукта и въ самой столицѣ не достанешь, не только въ Бѣлой Церкви.

Не успѣлъ я такъ подумать, какъ является мой жидокъ съ бутылкой настоящаго Браунстута. Я посмотрѣлъ ярлыкъ на бутылкѣ и только плечами двинулъ, но виду не показалъ, что это меня чрезвычайно удивило. Жидокъ поставилъ бутылку на столъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ себѣ по прежнему въ углу и только утираетъ съ лица потъ полою своего засаленнаго пальто. Чудотворцы-же эти проклятые фактора!

— Скажи ты мнѣ истину, сказалъ я, обращаясь къ фактору, какимъ родомъ очутился англійскій портеръ въ вашей Бѣлой Церкви?

— Чрезъ нашъ городъ, отвѣчалъ жидокъ, возятъ изъ Севастополя плѣнныхъ аглицкихъ лордовъ, такъ мы и держимъ для нихъ портеръ.

— Дѣло, сказалъ я; значитъ, ящикъ просто отпирался.

— Не прикажете-ли еще чего нибудь достать вамъ на ночь? спросилъ факторъ.

— Подожди, братецъ, подумаю, сказалъ я и сталъ думать, какой бы ему еще крючокъ загнуть, да такой, чтобы проклятый жидъ зубами не разогнулъ, а подумавши хорошенько, вотъ какой загнулъ я ему крючекъ, истинно во вкусѣ Твардовскаго.

— Вотъ что, любезный чудотворецъ, сказалъ я, обращаясь къ мизерному Меркурію, если ужъ ты досталъ мнѣ портеру... постой, у васъ есть въ городѣ книжная лавка?

— Книжной лавки нѣтъ въ городѣ, отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, такъ достань же ты мнѣ новую не разрѣзанную книгу и тогда я повѣрю, что ты все можешь достать.

— Заразъ, сказалъ невозмутимо рыжій Меркурій, поворотился и вышелъ.

II.

Эй хозяинъ! что-же чаю? сказалъ я громче обыкновеннаго, обращаясь къ растворенной двери.

— Заразъ, откликнулся изъ третьей комнаты жидовскій женскій голосъ.

— А что-бы вамъ своего Мессіи ждать и не дождать такъ, какъ я не дождусь вашего чаю! сказалъ я про себя, и не успѣлъ я проговорить эту гнѣвную фразу, какъ въ дверяхъ показалась кудрявая черноволосая прехорошенькая жидовочка, но такая грязная, что смотрѣть было невозможно.

— Гдѣ-же чай? спросилъ я у запачканой Гебы.

— У насъ чаю нѣтъ, а не угодно-ли...

— Какъ нѣтъ! гдѣ хозяинъ? прервалъ я запачканую Гебу.

— Хозяинъ пошли спать, отвѣчала она робко.

— Если чаю нѣтъ, такъ что-же у васъ есть? спросилъ я съ досадой.

— Фаршированная щука и...

— И больше ничего, прервалъ я ее.

А меня въ свою очередь прервалъ вошедшій въ комнату факторъ съ двумя новенькими книгами въ рукахъ. Я изумился, но сейчасъ-же пришелъ въ себя и велѣлъ подать щуку и потомъ уже обратился къ фактору и равнодушно взялъ у него книги. Смотрю, книги дѣйствительно новыя, не разрѣзанныя. Я хотя и привыкъ, какъ человѣкъ благовоспитанный, скрывать внутреннія движенія но тутъ не утерпѣлъ, ахнулъ и назвалъ жидка настоящимъ слугою пана Твардовскаго. Жидокъ улыбнулся, а я на обверткѣ прочиталъ: «Морской сборникъ» 1855 года, № 1. Я еще разъ удивился и, обратясь къ фактору, спросилъ его:

— Скажи ты мнѣ, ради самого Мойсея, какою ты силою творишь подобныя чудеса и разскажи, какъ и отъ кого досталъ ты эти книги.

— О!... эти книги дорого стоятъ, если разсказать вамъ ихъ исторію, сказалъ жидокъ и провелъ по головѣ пальцами, какъ-бы поправляя ермолку.

— Сослужи-же мнѣ послѣднюю службу, сказалъ я ласково своему рыжему Меркурію, разскажи ты мнѣ исторію этихъ дорогихъ, книгъ.

Жидокъ замялся и почесалъ за ухомъ. Я посулилъ ему злотый на пиво, это его ободрило, онъ вѣжливо попросилъ позволенія сѣсть и почесавши еще разъ за ухомъ, разсказалъ мнѣ такую драму, что если-бы не его жидовская декламація, то я непремѣнно бы расплакался. Содержаніе драмы очень просто и такъ обыкновенно, что по неволѣ дѣлается грустно. Произшествіе такого рода.

Изъ Севастополя въ смоленскую губернію ѣхалъ какой-то флотскій офицеръ, Богъ его знаетъ, раненый ли или просто больной, съ двумя малолѣтками дѣтьми и съ женой. Дѣло было зимой или въ концѣ зимы; дорога такъ его бѣднаго измучила, что онъ принужденъ былъ остановиться въ Бѣлой Церкви на нѣсколько дней отдохнуть. Болѣзнь усилилась и положила его въ постель. Что имъ оставалось дѣлать? Сидѣть въ жидовской грязной хатѣ и дожидать какого нибудь конца. Началась распутица: все вздорожало. Своихъ денегъ не было, расходовались прогоны, наконецъ и прогоны израсходовались, а больной не вставалъ. Какой-то проѣзжій медикъ навѣстилъ его и только покачалъ головой, ничего больше. Рецептъ не для чего было писать, потому что въ мѣстечкѣ какая аптека? На другой день послѣ визита медика больной умеръ, оставивъ свою вдову и дѣтей, что называется, безъ копѣйки. Что оставалось ей бѣдной дѣлать въ такомъ горькомъ положеніи? Она написала письмо родственникамъ мужа въ смоленскую губернію и въ ожиданіи отвѣта начала продавать за безцѣнокъ мужнинъ гардеробъ и иныя бѣдныя крохи, чтобы удовлетворить самую крайнюю необходимость. Услужливый за деньги жидъ, если узнаетъ что у васъ наличныхъ нѣтъ и въ виду не имѣется, то онъ вамъ и воды не дастъ напиться, а о хлѣбѣ и говорить нечего. Бѣдная вдова продавала все, даже необходимое, если оно имѣло хотя какую нибудь цѣну въ глазахъ покупателя жида. Книги, которыя мнѣ принесъ всевѣдущій факторъ, были взяты у нея, и вѣроятно за безцѣнокъ; въ хозяйствѣ вдовы они были только лишнею тяжестью, да и покойникъ, какъ видно, не высоко цѣнилъ печатную мудрость: книги были не разрѣзаны. Ну, да какъ бы то ни было, только я былъ изумленъ и обрадованъ такимъ безпримѣрнымъ явленіемъ.

— Что же ты заплатилъ за книги? спросилъ я фактора, разрѣзывая первый номеръ.

— Два карбованца, меньше не отдаетъ, отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Врешь, сребролюбецъ іуда, подумалъ я, а уличить его нечѣмъ.—Хорошо, говорю я ему, деньги я отошлю съ моимъ мальчикомъ завтра, ты только покажешь ему квартиру.

— Я уже деньги заплатилъ: она въ долгъ не повѣрила, сказалъ онъ, обтирая свою грязную шляпу.

— Жаль! я больше полтинника тебѣ не дамъ за книги.

— Зачѣмъ же вы испортили книгу? сказалъ онъ почти дерзко.

— Чѣмъ же я ее испортилъ? спросилъ я.

— Всю ножемъ изрѣзали, теперь она не возьметъ книгу назадъ.

— За мое жито, мене жъ и бито,' проговорилъ онъ едва внятно и замолчалъ.

— Утро вечера мудренѣе, сказалъ я ему, ложись спать, а завтра разсчитаемся.—Онъ поклонился и вышелъ.

По уходѣ фактора я разбудилъ Трохима, который спалъ себѣ сномъ невинности около чемодана во всемъ своемъ промокшемъ облаченіи. Велѣлъ я ему полуразоблачиться и, войдя въ другую комнату, сказалъ довольно громко, почти крикнулъ:

— А что же щука?

— Зàразъ, послышался прежній женскій голосъ, и чрезъ минуту явилась таже самая курчавая запачканная жидовка.

— Ставь же ее на столъ скорѣе, да не забудь и водку поставить.

Жидовочка ушла и вскорѣ опять явилась съ щукою и съ осьмиугольнымъ штофомъ, наполненнымъ буро-красноватой жидкостью.

Я принялся за щуку и, не смотря на то, что она крѣпко была приправлена перцемъ и гвоздикой, съ такимъ аппетитомъ убиралъ ее, что если бы Трохимъ провозился съ своимъ разоблаченіемъ еще хоть минуту, то засталъ бы одну голову да хвостъ; но онъ поторопился и захватилъ еще порядочную долю. Послѣ щуки спросилъ я у запачканной Гебы, нѣтъ ли еще чего нибудь заглушить перецъ и гвоздику. Она отвѣчала, что ничего они больше сегодня не варили и я, велѣвъ подать графинъ воды и стаканъ, расположился на скрипучей, въ родѣ дивана, деревяной скамейкѣ, а Трохимъ, окончивши щуку, помолился Богу и тожъ расположился на какомъ то войлокѣ у печки на полу. Тишина водворилась въ

жидовской обители. Снявши со свѣчи, я началъ перелистывать Морской Сборникъ № 1-й.

III.

Перелистывая машинально книгу, я началъ было дремать и поднялъ уже руку за щипцами, чтобы погасить свѣчу и заснуть, а случилось не такъ. Я нечаянно взглянулъ на реестръ увѣчныхъ, выздоровѣвшихъ, но неспособныхъ продолжать службу нижнихъ чиновъ, сталъ читать и чтоже я прочиталъ? Прочиталъ я здѣсь то, чего не прочитывалъ ни въ одной печатной книгѣ, а я ихъ такъ не мало прочиталъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ присутствіи комитета раненыхъ были опрошены эти увѣченные бѣдняки, какую кто изъ нихъ пожелаетъ себѣ награду за вѣрную службу престолу и отечеству. Бѣдняки сначала отказались отъ всякой награды, только бы ихъ отпустили на родину. Комитетъ настаивалъ, чтобы они кромѣ этого требовали себѣ всякій, что ему нужно. Иные попросили денежной награды, другіе, чтобы освободить дѣтей ихъ изъ кантонистовъ, а послѣдній изъ нихъ, молодой матросъ, со слезами на глазахъ просилъ его родную сестру отъ крѣпостнаго званія освободить. Великодушная просьба этого простаго человѣка меня поразила, я дальше не могъ читать, закрылъ книгу и погасилъ свѣчу.

Мнѣ однако жъ не спалось. Матросъ расшевелилъ мое воображеніе и отогналъ услужливаго Морфея. Простое и самое естественное дѣло простаго человѣка рисовалось въ моей душѣ яркими лучезарными красками. Должно быть, я сильно обнищалъ сердцемъ, когда меня такъ поразило это повидимому обыкновенное явленіе. Неужели вмѣстѣ съ цивилизаціею такъ плотно прививается къ намъ эгоизмъ, что мы, т. е. я, едва вѣримъ въ подобное безкорыстіе? Должно быть, такъ. А по настоящему не должно быть такъ; образованіе должно богатить, а не окрадывать сердце человѣческое. Но къ несчастію это теорія. Подобное ни къ чему не ведущее разсужденіе не давало мнѣ заснуть, и чѣмъ глубже я входилъ въ эти разсужденія, тѣмъ возвышеннѣе, благороднѣе казался мнѣ поступокъ увѣченнаго бѣдняка матроса. Онъ отдалъ все сестрѣ, а себѣ ничего не оставилъ, кромѣ сумы и костыля. Какъ хотите, а подвигъ не совсѣмъ обыкновенный. Что если бы, подумалъ я, удалось

мнѣ этотъ простой сюжетъ облачить въ форму героической поэмы, или... Но нѣтъ, никакая другая форма поэзіи, кромѣ поэмы, не идетъ къ этому сюжету; поэма или ничего; и я началъ сочинять поэму.

Во дни минувшіе, во дни невинности моей, какъ говоритъ поэтъ, и я въ тихомолку кропалъ стишонки, да и кто изъ насъ ихъ не кропалъ? Слѣдовательно мнѣ это рукодѣлье было нѣсколько знакомо; оставалось придумать ходъ дѣйствія и обстановку, а мѣсто дѣйствія—страшный четвертый бастіонъ въ Севастополѣ, еще страшнѣе лазаретъ тамъ же и въ заключеніе укрытое цвѣтущими вишневыми садами малороссійское село, а среди улицы этого очаровательнаго села встрѣчаетъ свободная сестра своего великодушнаго калѣку брата. Канва готова, осталось подобрать тѣни и за работу. Я уже началъ было и тѣни раскладывать, не теряя изъ виду общаго эффекта. Слушаю, въ комнатѣ будто что то шепчетъ. Не бредитъ ли Трохимъ во снѣ послѣ жидовской щуки? подумалось мнѣ. Прислушиваюсь, дѣйствительно Трохимъ, только не бредитъ, а на яву про себя шепчетъ:

— А!... хочется пить, а не хочется встать.

Минуту спустя, онъ еще разъ повторилъ громко свое желаніе, а чрезъ минуту проговорилъ тоже почти вслухъ.

— Трохиме! сказалъ я громко.

Трохимъ молчитъ.

— Трохиме! повторилъ я тѣмъ же тономъ.

— Чего? отозвался онъ, какъ бы съ просонья.

— Подай мнѣ графинъ съ водою.

Трохимъ глубоко и продолжительно вздохнулъ, лѣниво поднялся съ постели, отыскалъ въ потьмахъ графинъ и подалъ мнѣ.

— Напейся самъ! сказалъ я ему, а я не хочу пить.

Трохимъ напился, поставилъ графинъ на мѣсто и проговорилъ:

— Покорно васъ благодарю.

— То-то жъ, дурню, сказалъ я ему вмѣсто наставленія, но онъ едва ли это наставленіе слышалъ, потому что спалъ.

Оригиналъ порядочный этотъ Трохимъ. Я опишу его когда нибудь въ другомъ болѣе приличномъ мѣстѣ, а теперь буду продолжать собственное похожденіе.

Я принялся было опять за прерванную нить своей поэмы, но Морфей-пріятель задернулъ занавѣсъ, и едва зримая и великолѣпная декорація скрылась отъ моихъ очей.

На другой день очень не рано мы оставили Бѣлую Церковь, это потому, что я заснулъ уже на разсвѣтѣ: сначала матросъ не давалъ мнѣ покою, а потомъ жидовскія блохи.—Дорога была по вчерашнему скверная, если не хуже: отъ продолжительнаго дождя густая грязь превратилась въ настоящую квашу, какъ выразился недовольный Трохимъ. Дорога меня впрочемъ мало безпокоила: я ее почти не замѣчалъ, меня, если можно такъ выразиться, поглотила моя поэма. Я все устанавливалъ подробности дѣйствія и такъ увлекся этими подробностями, что началъ уже стихи импровизировать. Импровизація моя была прервана не самымъ обыкновеннымъ происшествіемъ. Кони наши остановились передъ берлиномъ или дормезомъ, по самый кузовъ врѣзавшимся въ грязь. Четыре пары добрыхъ воловъ едва, едва двигали его впередъ, а почтовая четверка вся въ мылѣ отдыхала по ту сторону плотины. Не вчерашняя ли это барыня съ дочерью съ такимъ комфортомъ путешествуетъ? спросилъ я самъ себя и нечаянно взглянулъ на Трохима. У него была такая кислая недовольная рожа, что я расхохотался. Онъ какъ будто бы не замѣчалъ моего хохота и оттого дѣлался еще смѣшнѣе.

— О чемъ это вы такъ задумались, Трохимъ Сидоровичъ? наконецъ спросилъ я его шутя.

Трохимъ мой вздохнулъ, поворотился лицемъ къ дормезу и проворчалъ что-то похожее на брань.

— Правду сказалъ жидъ, у котораго мы ночевали, что вы не похожи не только на пана, не походите даже на простаго шляхтича голоп....

Послѣдняго слова онъ не договорилъ и опять отвернулся отъ меня.

Такъ вотъ гдѣ причина, почему благообразный жидъ вчера и сегодня не ухаживалъ за мною, какъ это обыкновенно дѣлаютъ они, особенно содержатели заѣзжихъ домовъ и такъ называемыхъ уѣздныхъ трактировъ! А я уже думалъ, что бы значило, что хозяинъ такъ равнодушно принялъ меня, такъ равнодушно, что не почелъ даже нужнымъ попотчивать чаемъ, а секретъ вотъ гдѣ. Интересно бы знать, за кого онъ меня принялъ.

— За кого же онъ меня принялъ? не говорилъ тебѣ жидъ? спросилъ я у Трохима.

— Такъ, говоритъ, ни то, ни се, и еще прибавилъ какое то слово по своему. Я не понялъ, а вѣрно что нибудь скверное, потому что, сказавши это слово, онъ плюнулъ.

— Ахъ, онъ проклятый жидъ! еще и плюнулъ! Ну, а ты какъ думаешь, Трохиме, похожъ ли я на пана, хотя съ боку? спросилъ я его шутя.

— Ни съ боку, ни съ переду, отвѣчалъ онъ, не задумавшись, и отворотясь отъ меня, продолжалъ въ полголоса.

— Не только панъ, порядочный мужикъ въ такую погоду собаки изъ хаты не выгонитъ, а онъ поѣхалъ въ гости—очень нужное дѣло; да еще хочетъ, чтобы его паномъ жиды величали. Небось-жиды знаютъ, какъ кого назвать.

Послѣднее слово онъ проговорилъ шопотомъ. Я внутренно смѣялся досадѣ озлобленнаго Трохима. Въ это время сзади насъ послышался почтовый колокольчикъ; я оглянулся, въ полуверстѣ за нами тащилась по грязи тройка, такая же, какъ и наша.

— Слава тебѣ, Господи! вскрикнулъ протяжно Трохимъ и перекрестился.

— А что? спросилъ я его.

— Выѣхали изъ грязи, сказалъ онъ весело.

Дормезъ дѣйствительно стоялъ уже по ступицы въ грязи, а волы, совершивши свой подвигъ, по-парно вылѣзали изъ болота на болѣе сухое мѣсто. Вдали слышимый колокольчикъ запѣлъ уже у меня за плечами. Я снова оглянулся, и кромѣ тройки и ямщика увидѣлъ стоящую въ телѣгѣ фигуру въ черной буркѣ и въ какомъ то мудреномъ картузѣ. Чрезъ минуту тройка, телѣга и стоящая въ ней фигура очутились у самыхъ оконъ дормеза. Фигура на минуту наклонилась къ окну, какъ бы спрашивая о здоровьи закупоренныхъ въ подвижной свѣтлицѣ красавицъ. Потомъ фигура въ буркѣ и картузѣ приподнялась и хриплымъ голосомъ стала кричать на ямщиковъ, чтобы подавали скорѣе лошадей. Я занялся фигурой, Трохимъ не знаю чѣмъ занимался, ямщикъ накладывалъ табаку въ свою носогрѣйку, а кони, опустивъ морды въ самую лужу, о чемъ то призадумались.

— Что же ты не трогаешь? сказалъ я ямщику.

— А я думалъ, сказалъ ямщикъ, не вынимая трубки изо рта, что мы за ними и поѣдемъ до самой станціи.

— Ахъ ты хохолъ! какъ ты скверно думалъ. Трогай-ка лошадей проворнѣе! сказалъ я, и мы оставили фигуру въ буркѣ и дормезъ.

Когда мы проѣзжали возлѣ дормеза, я заглянулъ въ окно, и передо мной мелькнула необыкновенно прекрасная женская головка, повитая чѣмъ то чернымъ; у меня какъ будто бы молоткомъ ударило въ сердце, и я уже до самой станціи ничего не видѣлъ, кромѣ очаровательной головки.

— Самоваръ есть? спросилъ я у станціоннаго смотрителя, вылѣзая изъ телѣги.

— Есть, отвѣчалъ онъ.

— А коли есть, такъ прикажите его нагрѣть, сказалъ я и обращаясь къ Трохиму, прибавилъ:

— Дѣлать нечего, Трохиме, чемоданъ нужно развязать, а то мы пропадемъ безъ чаю.

— А развѣ жидовскій вамъ не понравился? проговорилъ онъ иронически, вынимая чемоданъ изъ телѣги.

Правду сказать, такъ чай былъ только предлогомъ, а настоящимъ то дѣломъ была волшебница, закупоренная въ подвижномъ теремѣ. Мнѣ ужасно хотѣлось еще хоть мелькомъ взглянуть на эту дивную головку; казалось, что я разсчиталъ не дурно. Онѣ непремѣнно войдутъ въ комнату, пока имъ лошадей перепрягутъ, и я... все можетъ случиться, буду имѣть счастіе предложить ей стаканъ чаю. Въ дорогѣ что за церемонія? Пока я такъ предполагалъ, самоваръ кипѣлъ уже на столѣ, и Трохимъ вытиралъ чорный глиняный чайникъ и зеленоватые кабачные стаканы. Ну, какъ же я въ такомъ стаканѣ предложу ей чаю? Срамъ и... еще что то я хотѣлъ подумать, какъ растворилась дверь и въ комнатѣ явилась фигура въ буркѣ и въ мудреномъ картузѣ. Не снимая картуза, фигура хриплымъ басомъ спросила стоявшаго предъ нимъ смотрителя:

— Есть ли лошади?

— Есть, отвѣчалъ почтительно смотритель.

— Мнѣ нуженъ осьмерикъ, проговорила фигура.

— И осьмерикъ будетъ! отвѣчалъ смотритель тѣмъ же тономъ.

Фигура бросила подорожную на столъ и, замѣтя третье лицо, т. е. меня, приподняла картузъ и кивнула головой. Я отвѣчалъ

тѣмъ же, только немного скромнѣе, и предложилъ фигурѣ стаканъ чаю съ дороги. Фигура не отказалась, пожалѣла только, что даже въ Кіевѣ нельзя достать порядочнаго араку; я не противорѣчилъ, и разговоръ нашъ тѣмъ кончился. Фигура, не допивши стакана чая, скрылась за дверью. Такъ какъ этотъ субъектъ играетъ или будетъ играть не послѣднюю роль въ нашемъ повѣствованіи, то не мѣшаетъ его очертить съ нѣкоторыми подробностями.

Отставной ротмистръ гвардіи, помѣщикъ Курнатовскій, такъ гласила подорожная, которую я прочиталъ не безъ любопытства. О подробностяхъ фигуры господина отставного ротмистра не могу сказать ничего положительнаго, потому что она скрывалась подъ буркой. А лице? Лице довольно обыкновенное, особеннаго ничего не выражаетъ, такія лица можно встрѣтить на конной ярмаркѣ въ Бердичевѣ или въ Полтавѣ, между ремонтерами. Носъ большой, довольно аляповатый и довольно красный, глаза тоже красные, на выкатѣ. Губы толстыя, особенно нижняя, усы изкрасна черные, большіе, о волосахъ на головѣ тоже ничего положительнаго не могу сказать, потому что онъ не снималъ своей затѣйливой фуражки. Вотъ вамъ и вся недолга. Если всмотрѣться въ него по пристальнѣе, такъ, можетъ быть, нашлись бы какія нибудь особенности, но я не успѣлъ попристальнѣе всмотрѣться и подробнѣйшее окончаніе портрета оставляю до слѣдующаго сеанса.

— Опять поѣхали волами! сказалъ Трохимъ, входя въ комнату.

— Вели долить самоваръ и прибавить угольевъ, сказалъ я ему и вышелъ изъ комнаты.

Во чтобы тамъ ни стало, а я ее дождусь, говорилъ я самъ себѣ, глядя на безконечную плотину, по которой четыре пары воловъ едва двигали знакомый мнѣ дормезъ. Часъ, если не больше, дожидался я завѣтваго дормеза, наконецъ остановился онъ передъ воротами почтовой станціи.

— Не угодно ли будетъ, не совсѣмъ смѣло сказалъ я отставному ротмистру, вашимъ дамамъ горячаго чаю съ дороги?

Ротмистръ кивнулъ головой и подошелъ къ окну экипажа. Чрезъ минуту огромный лакей разложилъ ступени, отворилъ дверцы и изъ подвижнаго терема высадилъ.... кого-бы вы думали, кого? Вмѣсто прекрасной волшебницы бабу-ягу, закутанную во что то

черное. А чтобы ты провалилась! подумалъ я; а лакей между тѣмъ сложилъ ступеньки и тихонько притворилъ дверцы.

— А что-же панна Гелена? спросилъ по-польски старуху ротмистръ.

— Спитъ, отвѣчала старуха, и поплелась въ комнату, поддерживаемая огромнымъ гайдукомъ.

Ротмистръ закурилъ колоссальный трабукосъ и пошелъ на конюшню посмотрѣть, какихъ ему лошадей заложатъ, а я посмотрѣлъ грустно на экипажъ, какъ лисица на виноградъ, и отправился, скрѣпя сердце, подчивать старуху чаемъ. Напрасно я впрочемъ безпокоился, она даже сама себя потчивала, и когда я вошелъ въ комнату, она уже и не взглянула на меня. Я сказалъ Трохиму, что бы онъ налилъ себѣ стаканъ чаю и укладывалъ чемоданъ. Старуха тогда взглянула на меня и отвернулась, а я вышелъ изъ комнаты, какъ-бы не замѣчая ея взгляда. Лошади для меня были готовы, и я, дождавшись Трохима и чемодана, посмотрѣлъ еще разъ на облѣпленный грязью дормезъ, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ въ полной надеждѣ увидѣть таинственную красавицу на слѣдующей станціи, т. е. въ городѣ Таращѣ.

Тараща—городъ! не понимаю, зачѣмъ дали такое громкое названіе этой грязной жидовской слободѣ. Навѣрное можно сказать, что покойный Гоголь и мелькомъ не видалъ сего нарочито грязнаго города, иначе его родной Миргородъ показался-бы ему если не настоящимъ городомъ, то по крайней мѣрѣ прекраснымъ селомъ.

Въ Миргородѣ, хотя и не пышной Растреллевской или Тоновской византійской архитектуры, а все таки есть бѣленькая каменная церковь. Хоть небольшое бѣлое пятно на темной зелени, а оно дѣлаетъ свой пріятный эффектъ въ однообразномъ пейзажѣ. Въ Таращѣ и этого нѣтъ. Стоитъ себѣ на пригоркѣ надъ тухлымъ болотомъ старая темная деревянная церковь, такъ называемая козацкая, т. е. постройки временъ козачества. Три осьмиугольныхъ коническихъ купола съ пошатнувшимися черными желѣзными крестами, и ничего больше. И все это такъ неуклюже, такъ грубо, печально, какъ печальна исторія ея неугомонныхъ строителей. Едва, едва къ вечеру дотащились мы до сего такъ называемаго города. О дальнѣйшемъ слѣдованіи и думать было нечего, о дормезѣ и

спящей красавицѣ тоже. Слѣдовательно я могу смѣло распоряжаться одной единственной комнатой въ почтовой станціи. Такъ и сдѣлано. Трохиму предоставилъ я распорядиться на счетъ ужина; но какъ усердно не распоряжался Трохимъ, а ужинъ нашъ ограничился парою сушеныхъ карасей, ломтемъ чернаго хлѣба и рюмкой вонючей водки. Трохимъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и подгрунивалъ надъ *чернечею вечерею*,—такъ называлъ онъ нашъ ужинъ. Трунилъ онъ собственно не надъ ужиномъ, а надо мной, что дескать куда какъ пріятно путешествовать во время такой прекрасной погоды. Мнѣ самому было досадно, но я молчалъ и старался не думать о погодѣ, а о чемъ нибудь другомъ. Другое мнѣ однакожъ плохо давалось, я вспомнилъ о матросѣ и—вообразите мою досаду! вспомнилъ, что мы забыли Морской Сборникъ въ Бѣлой Церкви. Спрашиваю у станціоннаго смотрителя, не найдется ли изъ ямщиковъ охотникъ съѣздить верхомъ въ Бѣлую Церковь. Охотникъ нашелся, я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ запросилъ съ меня за поѣздку три цѣлковыхъ; я не торговался и далъ задатокъ. Ямщикъ тотчасъ-же отправился въ дорогу, а мы съ Трохимомъ, помолясь Богу, привели утомленныя тѣла свои въ горизонтальное положеніе: онъ на скамейкѣ и я тоже на скамейкѣ, обгороженной съ трехъ сторонъ чѣмъ-то въ родѣ перилъ, что дѣлало ее похожею на чухонскія сани.

IV.

Морской Сборникъ таки не дешево мнѣ обошелся, а интереснаго въ немъ, я думаю, одинъ только и есть матросъ; впрочемъ я еще и не просмотрѣлъ его хорошенько. Но дѣло не въ томъ, интересенъ сборникъ или нѣтъ, а въ томъ, что я съ собою взялъ только двѣ или три книги, и то не знаю какія. Трохимъ у меня и по этой части распорядился. А нужно вамъ сказать, что книги для меня, какъ хлѣбъ насущный, необходимы и двѣ недѣли, которыя я предполагалъ посвятить моимъ родичамъ, безъ какой нибудь книги показались бы мнѣ безконечными. Поэтому-то я и дорожилъ Морскимъ Сборникомъ, и еще потому, что родичъ мой хотя и не безъ образованія человѣкъ, но книги боялся, какъ чумы, и слѣдовательно на его библіотеку нечего было разсчитывать. Страннымъ и не натуральнымъ кажется намъ грамотный человѣкъ, существующій безъ

книги; но ежели всмотрѣться попристальнѣе въ этого страннаго человѣка, то онъ покажется намъ самымъ естественнымъ. Родичъ мой, напримѣръ, началъ свое образованіе въ какомъ то кадетскомъ корпусѣ, а окончилъ его въ какихъ то казармахъ и лагерѣ. Когда же и гдѣ ему можно было освоиться съ книгою? Штыкъ и книга самая дикая дисгармонія. И родичъ мой выходитъ самый натуральный человѣкъ, и тѣмъ еще натуральнѣе, что онъ не притворяется читающимъ, какъ дѣлаютъ это другіе, ему подобные и какъ напримѣръ дѣлаетъ его благовѣрная половина, а моя прекрасная родичка, или яснѣе кузина. У ней вся библіотека состоитъ изъ «Опытной хозяйки», переписаниой какимъ то не совсѣмъ грамотнымъ прапорщикомъ, а какъ занесется о литературѣ, такъ только слушай. Другой, пожалуй... да что тутъ говорить про другаго, я самъ сначала ушп развѣсилъ, да потомъ уже спохватился. Я познакомлю васъ, мои читатели, хоть слегка съ моей кузиной, красавицей, правда, не первой молодости. Съ такими субъектами, какъ она, не мѣшаетъ иногда познакомиться. Самъ я свидѣлся съ нею, когда она была еще невѣстой моего родича и, правду сказать, чуть чуть было не втюрился по уши; извините за выраженіе, другаго не могъ придумать. Тогда она была восхитительно хороша; а то уже извѣстно, что если женщина восхитительно хороша собой, то значитъ, она и добра, и умна, и образованна, и одарена ангельскими, а не человѣческими свойствами. Это уже такъ водится. А на самомъ-то дѣлѣ, чѣмъ женщина красивѣе, тѣмъ болѣе похожа она на движущуюся прекрасную, но бездушную куклу. Это я говорю по собственному многолѣтнему опыту; красавицы только въ романахъ олицетворенные ангелы, а на дѣлѣ онѣ автоматы, или просто гипсовыя фигурки.

И кузина моя во время оно казалась ангеломъ кротости и образцемъ воспитанія. Я не волочился за ней открыто, это не въ моей натурѣ, но втайнѣ боготворилъ ее. Это общая черта антивоеннаго характера. Вскорѣ она вышла замужъ за моего родича и съ нимъ уѣхала въ деревню. Я поохладилъ свою глубоко робкую любовь двухлѣтнимъ отсутствіемъ и потомъ уже видался съ нею довольно часто, но не какъ пламенный обожатель, а просто какъ старый знакомый и притомъ родственникъ. Тутъ то и сталъ я наблюдать отчетливѣе за моимъ бывшимъ кумиромъ. Какъ-то разъ зашла рѣчь (это было въ деревнѣ) о германской поэзіи. Кромѣ

Гёте и Шиллера, она съ восторгомъ говорила о Кернерѣ: мнѣ это понравилось, я и выписалъ съ дуру экземпляръ Кернера да и послалъ ей въ деревню. Чрезъ годъ или больше случилось мнѣ завернуть къ нимъ мимоѣздомъ, и что-же? Мой Кернеръ валяется подъ диваномъ и даже не разрѣзанный. Это меня заставило усумниться въ любви къ нѣмецкой поэзіи моей красавицы-кузины. Для чего-же она такъ непритворно восхищалась этимъ Кернеромъ? Неужели эти, сквозь слезы, восклицанія, была ложь? Увы, да! Она, какъ я впослѣдствіи узналъ, боготворила все, что имѣло какое нибудь подобіе военнаго, начиная отъ скромнаго ученаго кантика до великолѣпнаго кавалерійскаго штандарта, а о эксельбантахъ и говорить нечего: эксельбанты были для нея выше всякаго обожанія. Такъ изволите видѣть, въ чемъ секретъ: при берлинскомъ изданіи сочиненій Кернера, которое она гдѣ-то видѣла, приложенъ портретъ поэта въ военномъ мундирѣ, а мой экземпляръ былъ другаго изданія и безъ портрета, такъ она его и швырнула подъ диванъ. Вотъ вамъ и секретъ. Книги она просто ненавидитъ и если-бы была какой нибудь маркграфиней во времена Гуттенберга, то не задумалась бы возвести знаменитаго типографа на костеръ. Это вѣрно. За то озолотила-бы изобрѣгателя тузовъ, королей, дамъ, валетовъ и т. д., словомъ изобрѣтателя картъ; она воздвигла-бы кумиръ и молилась ему, какъ Богу просвѣтителю человѣческаго рода. Изъ какого болота вытекаетъ и такъ широко разливается эта топорная, безобразная страсть въ мягкомъ нѣжномъ сердцѣ женщины?—Вопросъ не головоломный. Изъ болота бездѣйствія и изъ тины нравственной пустоты. Врожденныхъ такихъ отвратительныхъ способностей я не признаю даже въ ремонтерѣ. У насъ говорятъ про пьяницу, вора и тому подобнаго художника, что онъ бѣдненькій ужъ съ этимъ и родился. Пренаивное понятіе! И если-бы спросить и у знаменитаго череповѣда Лафатера, то и онъ, положа руку на сердце, сказалъ-бы: пренаивное понятіе! Играть самому въ ералашъ, въ носки и прочая, тутъ есть еще удовольствіе, разумѣется, удовольствіе не совсѣмъ эстетическое, но все таки удовольствіе, по крайней мѣрѣ длинныя минуты праздной жизни дѣлаются короче; но какая нравственная радость просидѣть у стола игроковъ до трехъ часовъ по полуночи и безмолвно считать выигрышъ и проигрышъ безмолвныхъ картежниковъ? Совершенно не

понимаю! А прекрасная кузина моя находитъ въ этомъ созерцаніи высокое наслажденіе; она готова недѣлю ни ѣсть, ни пить, только-бы сидѣть автоматомъ и смотрѣть, какъ играютъ въ ералашъ, или даже въ три листика, а если ей самой удастся составить партію для ералаша, то она готова, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ просидѣть за картами мѣсяцы и годы безъ куска хлѣба и стакана воды. Неужели такъ тлетворно дѣйствуетъ на пустую красавицу отсутствіе толпы обожателей, ея единой насущной пищи? Дѣйствительно такъ, по крайней мѣрѣ я другой причины не знаю. Красавицы въ обществѣ заняты дѣломъ, т. е. кокетствомъ, а дома, да еще и въ деревнѣ, что ей прикажете дѣлать? Не румяниться-же и бѣлиться для своего медвѣдя мужа. Все это ничего, все это только отвратительно, а вотъ что горько. У моей прекрасной кузины растетъ прекраснѣйшее дитя, дѣвочка лѣтъ четырехъ или около этого, рѣзвая, милая, настоящій херувимъ, слетѣвшій съ неба; и херувимъ этотъ, это прекраснѣйшее созданіе, отдано въ руки грязной деревенской бабы. А нѣжная мамаша шнуруется себѣ да припекаетъ папильотки, даже на затылкѣ, и знать больше ничего не хочетъ. Однажды привезъ я для Наташи (такъ называется дитя) азбуку и дѣтскую естественную исторію съ картинками. Надо было видѣть, съ какимъ не дѣтскимъ восторгомъ она любовалась моимъ подаркомъ и съ какимъ любопытствомъ распрашивала она свою красавицу мамашу о значеніи каждой картинки. Но мамаша—увы! или обращалась ко мнѣ, или просто посылала ее къ нянькѣ играть въ куклы. Мнѣ стало грустно, и я не совсѣмъ издалека повелъ рѣчь объ обязанностяхъ матери. Кузина сначала слушала меня, но когда я вошелъ поглубже въ предметъ и началъ живо и рельефно рисовать передъ ней эти священныя обязанности, она въ полголоса запѣла: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ»! Хоть колъ на головѣ теши, подумалъ я и чуть было не вы кинулъ штуки, т. е. хотѣлъ плюнуть и уйти; однако-жъ удержался и только закурилъ сигару и вышелъ въ другую комнату.

Зачѣмъ они дѣтей родятъ, эти амфибіи, эти бездушные автоматы? Съ какой цѣлью они выходятъ замужъ, эти мертвыя красавицы? Чтобы сдѣлать карьеру, какъ выражается моя кузина, а дѣти, это уже необходимое слѣдствіе карьеры и ничего больше. Бѣдныя, бездушныя матери! Вы свой долгъ, свою священную обя-

занность передаете наемницѣ гувернанткѣ и, еще хуже, деревенской неграмотной бабѣ. И диво-ли послѣ этого, что порода хорошенькихъ куколъ у насъ не переводится! Да и будетъ-ли когда нибудь конецъ этой породѣ? Едва-ли, она страшно живуча на нашей тучной заматорѣлой почвѣ.

Но не пора-ли оставить мою темную красавицу-родственницу въ покоѣ и обратиться къ болѣе свѣтлымъ предметамъ?

На другой день по утру ямщикъ съ книгами явился передо мной, какъ листъ передъ травой; я расплатился съ нимъ окончательно и спросилъ его, не видалъ-ли онъ на дорогѣ берлина.

— Ночуе посередъ гребли въ Ковшовати, сказалъ онъ и вышелъ.

— Значитъ, я ее болѣе не увижу, подумалъ я и велѣлъ старостѣ запрягать лошадей.

Черезъ нѣсколько минутъ лошади были готовы, книги въ чемоданъ спрятаны и, помолившись Богу, мы благополучно отправились въ дорогу.

Странный однако-жъ человѣкъ этотъ сочинитель, подумаетъ благосклонный читатель. Ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, свою родственницу, а самъ къ ней въ гости ѣдетъ, тутъ что-то да не такъ. —Совершенно такъ, отвѣчаю я благосклонному читателю, и по моему мнѣнію такъ и слѣдуетъ: хлѣбъ-соль ѣшь, а правду-матку рѣжь, говоритъ пословица, и пословица говоритъ благородно. Если бы не только мы сочинители, но вообще люди честные не смотрѣли ни на родство, ни на покровительство, а указывали пальцемъ прямо, благородно, на шута родственника и на грабителя покровителя, то эти твари по крайней мѣрѣ днемъ-бы не грабили и не паясничали.—Да это невозможно, скажутъ честные люди вообще, а сочинители въ особенности. Какое намъ дѣло до его хозяйства, до его средствъ и источниковъ? Онъ ведетъ себя хорошо, безукоризненно хорошо и притомъ покровительствуетъ даже... даже художникамъ. Чего жъ намъ болѣе? А родственникъ? Да Богъ съ нимъ, если онъ приличный человѣкъ; пускай себѣ паясничаетъ на здоровье, а намъ какое дѣло! Если-же онъ въ добавокъ и богатый человѣкъ, это дѣло другого рода, тутъ даже извинительно отчасти и себѣ поподличать; тутъ даже и можно и очень поподличать; это не Богъ знаетъ, какой грѣхъ. А между тѣмъ, если ужъ на большее нельзя разсчитывать, такъ по крайней мѣрѣ можно лишній

разъ хорошенько пообѣдать. То-то и есть, что всѣ мы болѣе или менѣе лисицы съ пушкомъ на рыльцѣ.

Все это такъ, все это въ порядкѣ вещей, скажетъ благосклонный читатель; да какъ же ѣхать въ гости за двѣсти верстъ къ людямъ, которые не нравятся? Ну, а если они какъ нибудь да прочитаютъ этотъ ядовитый пасквиль, эту желчную правду, тогда что?—У всякого свой вкусъ: во первыхъ, я ѣду для прекраснаго весенняго сельскаго пейзажа, а не для каррикатурныхъ фигуръ на первомъ планѣ этого прекраснаго пейзажа, а на счетъ второго замѣчанія я совершенно спокоенъ. Если-бы даже я посвятилъ сіе не хитрое твореніе моей милой кузинѣ и даже поднесъ бы ей экземпляръ въ сафьянномъ великолѣпномъ переплетѣ, то я увѣренъ, и тогда бы она скорѣе употребила его на папильотки, чѣмъ удосужилась-бы прочесть сіе не ложное изображеніе собственной персоны. Она... да ну ее съ Богомъ! Разносился я съ своей красавицей кузиной, какъ дурень съ писаной торбой. Правда, что она весьма интересный, не говорю рѣдкій, сюжетъ для наблюдателя, но... пора знать и честь.

Только къ вечеру дотащились мы до Баранполя. Переѣздъ самъ по себѣ не большой, но, кромѣ грязи, мѣсто довольно гористое. Во время этого на удивленіе медленнаго переѣзда я занимался моимъ героемъ, т. е. матросомъ и по временамъ совершенно противъ воли старался предугадать, кто такая была обитательница подвижнаго терема, т. е. рыдвана. Жена-ли она усатаго ротмистра, или дальняя родственница, или-же просто красавица, взятая на прокатъ по кавалерійскому обычаю, рѣшить было трудно, и потому я старался ее забыть. Но она, какъ чертенокъ, вертѣлась въ моемъ воображеніи и прерывала стройный ходъ моей поэмы.

Трохимъ совѣтовалъ заночевать въ Баранполѣ и хоть кусокъ хлѣба съѣсть, мы дѣйствительно въ продолженіи дня ничего не ѣли. Я и спросилъ смотрителя, нѣтъ ли чего перекусить. Оказалось, что перекуски никакой не было, потому, прибавилъ смотритель, что теперь страстная недѣля. Резонъ, подумалъ я и велѣлъ поставить самоваръ, но и самовара не оказалось. Хоть хлѣба и воды дайте намъ, сказалъ я равнодушному смотрителю. Онъ молча отворилъ висѣвшее на стѣнѣ что-то въ родѣ шкафа и вынулъ оттуда тоже что-то въ родѣ пирога. Это былъ черствый кнышъ съ постнымъ

масломъ. Трохимъ не безъ труда отломилъ кусокъ кныша, поморщился и началъ ѣсть, предлагая мнѣ остальное, но я отказался. Голодъ меня, не знаю почему, не безпокоилъ. Предоставивъ распоряженіе кнышемъ Трохиму, я велѣлъ вопреки ему, что я рѣдко позволялъ себѣ, запрягать лошадей. Не успѣлъ онъ перваго куска дожевать, какъ лошади были готовы. Не безъ негодованія посмотрѣлъ онъ на меня, спряталъ остальной кусокъ за пазуху, лѣниво вскарабкался на телѣгу, и мы пустились дальше. Вскорѣ настала ночь, тихая, теплая и темная. Удивительная ночь! Такимъ очаровательнымъ ночамъ обыкновенно предшествуетъ продолжительный весенній дождь, и это не рѣдкость въ Малороссіи. Жаль, что луны не было. А люблю я ее полную, круглую, румяную, перерѣзанную длинными золотыми тучками и въ какомъ то обаятельномъ туманѣ подымающуюся надъ едва потемнѣвшимъ горизонтомъ. Какъ не прекрасна, какъ не обаятельна лунная ночь въ природѣ, но на картинѣ художника, какъ напримѣръ Калама, она увлекательнѣе, прекраснѣе. Высокое искусство, какъ я думаю, сильнѣе дѣйствуетъ на душу человѣка, сильнѣе, нежели самая природа. Какая же непостижимая тайна сокрыта въ этомъ дѣлѣ руки человѣка, въ этомъ божественномъ искусствѣ? Творчествомъ называется эта великая божественная тайна и... завидный жребій великаго поэта, великаго художника. Они братья наши по плоти, но вдохновенные свыше, уподобляются ангеламъ Божіимъ, уподобляются Богу, и къ нимъ только относятся слова пророка: ихъ только создалъ Онъ по образу и подобію, а мы толпа безобразная и ничего больше!

Догадливый почтарь, или ямщикъ вмѣсто русской телѣги, въ которой и самый отчаянный фельдъегерь едва ли вздремнетъ, заложилъ намъ бричку, въ родѣ нетычанки, длинную и широкую, а въ добавокъ навалилъ въ нее сѣна. Трохиму это такъ понравилось, что онъ, не дожевавши своего кныша, заснулъ, съ кускомъ въ рукѣ, сномъ свѣжей юности и непорочности. Немного погодя и азъ многогрѣшный послѣдовалъ его мудрому примѣру.

V.

Какъ мы проѣхали эту станцію, кромѣ ямщика и лошадей, никто изъ насъ не знаетъ. Я проснулся на разсвѣтѣ у самой царины, или выгона мѣстечка Лысянки, а Трохима я разбудилъ уже

передъ дверями почтовой станціи. Такъ какъ конецъ моего путешествія былъ уже очень не въ далекомъ разстояніи, не принимая, разумѣется, въ разсчетъ грязь и полуверстовую *греблю*, то я и разсудилъ, что лучше немного отдохнуть въ Лысянкѣ и потомъ уже пуститься дальше. До Будищъ, т. е. до резиденціи моего родича, оставалось версты двѣ, не болѣе. Долго ли ихъ проѣхать? Часъ, а много два, такъ я разсчитывалъ. Но какъ я сомнѣваюсь во многомъ, то и въ этомъ разсчетѣ усумнился, и чтобъ опредѣлить это предположеніе точнѣе, я спросилъ Трохима, что онъ на это скажетъ. А онъ подумавши сказалъ, что если мы поѣдемъ сейчасъ же, то пріѣдемъ въ Будища не ранѣе полудня.

— Одна *гребля* чего стоитъ! прибавилъ онъ.

Я согласился съ его тонкимъ замѣчаніемъ и попросилъ смотрителя дать мнѣ лошадей въ сторону, т. е. отъ почтовой дороги. Онъ охотно согласился, разумѣется, за двойные прогоны, считая прогоны не за двѣ версты, какъ я думалъ, а за двадцать съ чѣмъ-то, т. е. до слѣдующей станціи, до Звенигородки. Онъ не только меня, но даже Трохима увѣрилъ, что ему совершенно все равно. Дѣлать нечего, я согласился. На дѣлѣ оказалось, что Трохимъ правъ, сказавши, что мы раньше полудня не будемъ въ Будищахъ; и смотритель правъ, считая полуверстную греблю за 20 верстъ.

Напившись чаю и хотя не совсѣмъ плотно закусивши, мы тронулись въ дорогу. При выѣздѣ изъ Лысянки мы со всею осторожностію въѣхали на греблю и завязли, что называется, по самыя уши въ грязи. Тутъ пришлось намъ въ первый разъ употребить въ дѣло воловъ. Это было заключеніе и безъ того монотонно длиннаго спектакля. Я выкарабкался кое какъ съ телѣги на близъ стоящую развѣсистую вербу, потомъ спустился на землю и сторонкой, выдѣлывая чрезъ лужайки ангараша, перебрался черезъ греблю, а немного отдохнувши, поднялся на гору и тамъ, у памятника на жидовскомъ кладбищѣ, расположился отдохнуть. Лысянка передо мною, какъ на ладони, красовалась. Всѣ жидовскія лачуги можно было пересчитать, а христіанскія нельзя, потому что онѣ закрыты темными, еще обнаженными садами. Долго я искалъ глазами въ этомъ лѣсу грушъ и яблонь, давно и хорошо знакомый мнѣ домикъ отца діакона Ефрема, у котораго я давно когда то бралъ первые уроки не рисованія, а прямо живописи. Отецъ Ефремъ,

чтобы испытать, есть ли у меня способность къ этому хитрому дѣлу, заставилъ меня на листѣ желѣза тереть какую то чернобурую краску. Я не выдержалъ испытанія и на другой же день показалъ пяты отцу діакону. Многое переиспыталъ я послѣ этого перваго урока, но ничто такъ не врѣзалось въ моей памяти, какъ это первое наивное испытаніе. Но перейдемъ лучше къ чему нибудь другому, пока волы вытащатъ изъ грязи телѣгу съ Трохимомъ.

Мѣстечко Лысянка имѣетъ важное значеніе въ исторіи Малороссіи. Это родина отца знаменитаго Зиновія Богдана Хмельницкаго, Михайла Хмиля. И еще замѣчательна, если вѣрить туземнымъ старикамъ, своей вечерней, не хуже сицилійской вечерни, которую служилъ здѣсь ляхамъ и жидамъ Максимъ Желѣзнякъ въ 1768 г. Да если считать всѣ подобныя событія, не достойныя памяти человѣка, замѣчательными, то не только какая нибудь Лысянка, каждое село, каждый шагъ земли будетъ замѣчателенъ въ Малороссіи, особенно по правую сторону Днѣпра. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ отношеніи мои покойные земляки ничуть не уступали любой европейской націи, а въ 1768 году Варѳоломеевскую ночь и даже первую французскую революцію перещеголяли. Одно, въ чемъ они разнились отъ европейцевъ: у нихъ всѣ эти кровавыя трагедіи были дѣломъ всей націи и никогда не разыгрывались по волѣ одного какого нибудь пройдохи, въ родѣ Екатерины Медичи, что допускали нерѣдко у себя западные либералы.

Наконецъ смѣшная и скучная процессія съ телѣгой была кончена. Я полтинникомъ поблагодарилъ угрюмаго мужика, а выпачканнаго грязью мальчугана, его усерднаго сотрудника, поощрилъ гривною мѣди и благополучно усѣвшись въ телѣгѣ, продолжалъ финальный актъ монотонноі комедіи, т. е. послѣднія версты моей безтолковой поѣздки.

Трохимъ мой хотя и не знахарь, а будущее опредѣляетъ не хуже любаго знахаря. Во время самого обѣда телѣга наша остановилась передъ домомъ моего гостепріимнаго родича. Встрѣтилъ онъ меня на крыльцѣ съ салфеткою въ рукѣ, а кузина въ столовой съ озабоченнымъ лицемъ и съ выпачканнымъ въ мукѣ носомъ; это значило, что куличи въ печкѣ и еще не поднялись до опредѣленной высоты, этотъ важный процессъ еще не свершился и своей томительной неизвѣстностью тревожилъ заботливую хозяйку. Я

только такъ догадывался и, разумѣется, не безъ основанія. Страстная недѣля уже была на исходѣ, а въ эти дни, извѣстно, чѣмъ бѣлятся и румянятся усердныя ученицы професорши Авдѣевой.

Подобно Чацкому, который, какъ выразился безсмертный поэтъ, попалъ съ корабля на балъ, и я съ телѣги да прямо за столъ, и еще чуть-чуть не въ непромокаемомъ плащѣ и калошахъ.

Два раза съ извиненіями хозяйка вставала изъ-за стола и куда то на минуту выходила, и опять возвращалась, храня глубокое молчаніе. Въ третій разъ она уже и не извиняясь оставила насъ за столомъ, промедлила минутой болѣе, чѣмъ въ первыя отсутствія, и возвратилась съ сіяющимъ лицемъ и съ умытымъ носомъ. Значитъ, великій химическій процессъ совершился къ общему въ домѣ благополучію. Слава Богу! Теперь только посыпались вопросы и распросы о Кіевѣ, о роднѣ, о знакомыхъ, о пріятеляхъ и пріятельницахъ и наконецъ о монахахъ. Я отвѣчалъ, какъ попало; меня занималъ рычагъ, которымъ была двинута моя неподвижная кузина на такую необыкновенную дѣятельность. Рычагъ этотъ ничего больше, какъ крошечное тщеславіе: ей захотѣлось блеснуть, что называется, своими куличами передъ необразованными провинціалами,—такъ обыкновенно называла она своихъ сосѣдокъ. Къ концу обѣда и я немного поразмялся, передалъ, разумѣется, съ безукоризненной точностью, глубочайшіе поклоны моимъ родичамъ. Сообщивъ имъ новорожденныя свѣженькія городскія сплетни, я въ заключеніе разсказалъ про дормезъ и заключенную въ немъ красавицу, про встрѣчу мою съ ротмистромъ Курнатовскимъ и наконецъ про старую дуэнью, которая такъ невѣжливо распорядилась моимъ чаемъ.

— Такъ онъ теперь только возвращается съ контрактовъ? воскликнула хозяйка. А хозяинъ однотонно прибавилъ:

— Это нашъ хорошій сосѣдъ по имѣнію.

— И во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшій человѣкъ, жаль только что онъ рано оставилъ службу, а съ такимъ состояніемъ, какъ онъ имѣетъ, можно бы далеко уйти. Настоящій кавалеристъ! прибавила хозяйка не равнодушно.

— А кто такая эта молодая красавица, что съ нимъ путешествуетъ? спросилъ я, обращаясь къ ней.

Ее замѣтно сконфузилъ мой вопросъ: она замялась, покраснѣла, быстро встала изъ-за стола и побѣжала въ пекарню. Я посмотрѣлъ въ слѣдъ удалявшейся хозяйки и хотѣлъ обратиться съ такимъ же вопросомъ къ хозяину. Но увы! родичъ мой почти спалъ съ недопитымъ стаканомъ сливянки въ рукѣ. Постный обѣдъ возымѣлъ свое дѣйствіе. Онъ безсмысленно взглянулъ на меня, и мы молча встали изъ-за стола, пожали другъ другу руки и разстались, проговоривши: до свиданія! Что же значитъ мой вопросъ о путешествующей красавицѣ, отъ котораго моя не весьма конфузная кузина такъ сконфузилась? Тутъ что-то интересное кроется, а что именно, извѣстно одному Аллаху и навѣрное моей кузинѣ. А когда извѣстно ей, значитъ извѣстно всѣмъ и всякому, кромѣ меня; но я постараюсь открыть этотъ таинственный ларчикъ. А для чего? И на этомъ серьезномъ вопросѣ я заснулъ на уготованномъ мнѣ ложѣ, въ такъ называемомъ флигелѣ, въ квартирѣ № 1.

Квартира № 1 изъ небольшой одной комнаты съ узенькимъ, въ родѣ готическаго, окномъ. Гдѣ же я помѣщу своего Трохима?— это былъ первый вопросъ, представившійся мнѣ, когда я проснулся и осмотрѣлъ мою временную обитель. Въ этой каморкѣ невозможно: здѣсь и одному тѣсно, а онъ у меня, какъ истинный хохолъ, любитъ развернуться, ему необходимъ просторъ. Гдѣ же мнѣ его помѣстить? Оставить его на произволъ самого себя невозможно. Онъ пожалуй пріютится у лѣнивой и избалованной дворни, и чрезъ недѣлю я своего Трохима не узнаю. Нѣтъ, это непозволительно и грѣшно даже. Онъ, не знаю, что впередъ будетъ, а въ настоящее время чистъ и непороченъ, какъ новорожденное дитя, и по наивно оригинальному характеру своему нисколько не подходитъ къ категоріи лакеевъ, а тѣмъ болѣе крѣпостныхъ лакеевъ.

Хотя онъ, т. е. Трохимъ и не первокласная фигура на изображаемой мною картинѣ, но по своей оригинальности требующая нѣкоторой отдѣлки, а тѣмъ болѣе, что я далъ слово читателю очертить его съ нѣкоторыми подробностями. А у меня слово законъ, и я теперь намѣренъ сдѣлать два дѣла за однимъ присѣстомъ: исполнить законъ и пополнить пробѣлъ сегодняшняго дня, т. е. дня прибытія моего къ родичамъ.

Породою своею Трохимъ не принадлежитъ къ слоямъ высшаго круга людей. Онъ просто сынъ кіевскаго мѣщанина, и когда я взялъ

его къ себѣ въ жокеи, то онъ большею частію лежалъ на ларѣ въ передней, но не спалъ, а глубокомысленно смотрѣлъ въ потолокъ. Чтобы перемѣнить родъ его занятія и предохранить отъ скорбута, я принялся учить его русской грамотѣ. Лѣнивый мальчуганъ сверхъ ожиданія оказался прилеженъ и чрезвычайно понятливъ. Въ продолженіи мѣсяца онъ началъ читать гражданской печати книгу не хуже своего учителя, т. е. меня. Выучивши грамотѣ Трохима, я успокоился на счетъ скорбута и его умственнаго застоя. Прошло нѣсколько времени, я замѣчаю, что Трохимъ мой опять потолкомъ любуется, какъ будто онъ совершенно неграмотный.

— Что же ты не возьмешь какую нибудь книгу и не читаешь? сказалъ я ему однажды.

— Я не хочу читать ваши книги, отвѣчалъ онъ, вставая съ ларя. Они всѣ толстыя, ихъ и въ годъ не прочитаешь, да и непонятныя.

Резонъ, подумалъ я, и въ видѣ пробы его вкуса и понятія, далъ ему полтинникъ и послалъ его въ книжную лавку Должикова купить себѣ книгу по своему нраву.

Ушелъ Трохимъ мой и пропалъ; мнѣ нужно было выйти со двора, а квартиру не на кого оставить. Я сердился, но это не помогло. Онъ возвратился уже въ сумерки. Я противъ обыкновенія моего спросилъ его сердито, гдѣ онъ пропадалъ во весь день.

— Та все на Подолѣ, отвѣчалъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.— Тамъ все про войну говорили, такъ я и слушалъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана книги.

Въ это время наши войска блокировали Силистрію, меня подстрекнуло любопытство спросить Трохима, что же онъ слышалъ о войнѣ.

— Я ничего не слышалъ, потому что далеко стоялъ, сказалъ онъ, и подавая мнѣ книги прибавилъ:

— Посмотрите-ка, какое я себѣ добро купилъ.

Я чуть не захохоталъ на его отвѣтъ о войнѣ. Книги на меня произвели такое же дѣйствіе. Одна изъ нихъ была какая-то физика временъ Екатерины II съ чертежами, а другая, на синей, толстой бумагѣ, переписка той-же Екатерины II-й съ Вольтеромъ. Пропали мои труды и деньги, подумалъ я и, отдавая книги, спросилъ его, для чего онъ накупилъ себѣ этой дряни. Вопросъ мой озадачилъ его, но онъ тутъ-же оправился.

— Не дрянь, сказалъ онъ, развертывая переписку фернейскаго мудреца; вы только пощупайте бумагу, просто лубокъ. Не только на мой вѣкъ, и дѣтямъ и внукамъ достанетъ такой дебелой книги.

— Хорошо, сказалъ я: ну, а другую книгу кому ты послѣ себя оставишь?

— Это ничего, что въ ней листы немного потоньше, за то она съ кунштами.

И минуту спустя, спросилъ онъ меня:

— А вы мнѣ будете разсказывать, что значатъ эти куншты?

— Лучше закажи ты завтра столяру липовую таблицу (доску), разведи въ чемъ нибудь мѣлу и принимайся писать, выучишься писать, тогда я и разскажу тебѣ, что значатъ эти картины,—сказалъ я ему и велѣлъ ставить самоваръ.

На другой день Трохимъ принялся за каллиграфію и также быстро постигъ тайну сего изобразительнаго искусства, какъ и тайну букваря. Исписавши дести двѣ бумаги, онъ сталъ записывать довольно красиво и четко мелочной расходъ и переписывать пѣсни изъ московскаго пѣсенника, который достался ему отъ отца и лежалъ до сихъ поръ въ сундукѣ безъ всякаго употребленія.

Нужно мнѣ было съѣздить въ Каменецъ-Подольскій, я и Трохима взялъ съ собой, а чтобы занять его чѣмъ нибудь въ дорогѣ, далъ ему чистую тетрадку и велѣлъ записывать все, что случится во время дороги, начиная съ названія почтовыхъ станцій, селъ, городовъ и рѣкъ. Я былъ доволенъ моей выдумкой. Но кто проникнетъ зрячимъ окомъ непроницаемую тьму грядущаго?—со вздохомъ долженъ былъ я сказать впослѣдствіи.

Возвратясь изъ путешествія, я, какъ порядочный хозяинъ, велѣлъ Трохиму показать мнѣ вещи, которыя браты были въ дорогу. Увы! чемоданъ былъ на половину опорожненъ.

— А гдѣ-же такія и такія-то вещи? спросилъ я Трохима.

— А Богъ ихъ знаетъ, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Хорошій-же ты слуга! А я еще, какъ доброму, *словутку* купилъ. Чего-же ты смотрѣлъ въ дорогѣ? прибавилъ я съ досадой.

— Я все смотрѣлъ, что мнѣ нужно было записывать въ тетрадку. Вы-же сами приказали, сказалъ онъ съ упрекомъ.

Онъ былъ совершенно правъ, а я кругомъ виноватъ. Заставить лакея журналъ вести—глупо, оригинально глупо!

— Покажи-же мнѣ свою тетрадку, сказалъ я Трохиму; я посмотрю, что ты тамъ записывалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана запачканую тетрадку и самодовольно подалъ мнѣ свое произведеніе. Манускриптъ начинался такъ:

До свѣта рано выѣхали мы изъ Кіева и на десятой верстѣ передъ уѣзднымъ трактиромъ остановились, спросили у горбатаго трактирщика рюмку лимоновки, кусочекъ бублика и поѣхали дальше.

Того-же дня и часа, станція Вита. Пока запрягали кони, я сидѣлъ на чемоданѣ, а они, т. е. я, сидѣли на рундуку, пили сливянку и съ курчавою жидовкою *жартовали*.

— Ты слишкомъ въ подробности вдаешься, сказалъ я ему, отдавая тетрадку; спрячь ее, въ другой разъ я дочитаю. И почесавши затылокъ, пошелъ къ портному и заказалъ новое платье вмѣсто растерянаго въ дорогѣ. Съ тѣхъ поръ я уже не заставляю Трохима вести путевыя записки.

Оригиналъ порядочный мой Трохимъ, но что въ особенности мнѣ въ немъ нравится, такъ это отсутствіе малѣйшей лакейской способности.

VI.

Постный обѣдъ, а въ особенности постный борщъ, который едва-ли ѣдалъ и самъ великій знатокъ и сочинитель борщей гетманъ Скоропадскій, такъ на меня подѣйствовалъ, что я, проснувшись послѣ этого постнаго обѣда, часа два по крайней мѣрѣ лежалъ, что называется, пластомъ. Самъ Лукуллъ не доказалъ-бы такой удали. Лѣнь пальцемъ пошевелить; чувствую, что начинаетъ темнѣть въ комнатѣ, а лѣнь на окно взглянуть. Такого роду припадокъ можетъ случиться только въ деревнѣ, и то послѣ постнаго обѣда. Принимался я думать о моемъ матросѣ, куда тебѣ, и чепуха даже въ голову не лѣзетъ. Просто оцѣпененіе моральное и физическое. Пришелъ Трохимъ, постоялъ у дверей, посмотрѣли мы молча минутъ пять другъ на друга, и на томъ кончилось наше свиданіе. Я хотѣлъ было посовѣтоваться съ нимъ на счетъ помѣщенія, но рѣшительно не могъ. Что-бы подумалъ честный, аккуратный, или лучше сказать умѣренный нѣмецъ, если-бы прочиталъ сіе простодушное сказаніе? Варваръ, подумалъ-бы умѣренный нѣмецъ. А будь у нѣмцевъ такой постный борщъ, какъ у насъ пра-

вославныхъ, то и нѣмецъ-бы не въ силахъ былъ ничего подумать, а только сказалъ-бы, что все это въ порядкѣ вещей.

Въ комнатѣ едва можно было уже различать предметы, а я все еще находился подъ вліяніемъ великопостнаго обѣда и былъ, какъ-бы сказалъ крючкодѣй минувшихъ дней, нѣмъ, аки рыба, и недвижимъ, аки клада. Что-же вывело меня изъ этого полусуществованія? Никто, и даже самъ знахарь не отгадаетъ! За стѣной во второмъ номерѣ раздался молодой женскій голосъ. Я вздрогнулъ, какъ будто чего испугался. Оправившись, я приложилъ ухо къ стѣнѣ, или правильнѣе къ перегородкѣ и только сталъ вслушиваться въ волшебные звуки, какъ вошелъ въ комнату оборванный запачканый козачекъ и именемъ барыни просилъ меня въ покои кушать чай. Не успѣлъ я сказать ему, что приду, какъ вошелъ Трохимъ съ фонаремъ въ рукахъ, это меня окончательно уже поставило на ноги.

— А знаете, кто пріѣхалъ къ намъ въ гости? спросилъ меня Трохимъ, ставя фонарь на столъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, стараясь быть равнодушнымъ.

— Берлинъ, что мы оставили на дорогѣ, сказалъ онъ просто, а не таинственно, какъ-бы слѣдовало.

— Не можетъ быть! ты ошибаешься, сказалъ я, торопливо одѣваясь. Онъ молча взглянулъ на меня, какъ бы говоря: развѣ я могу ошибаться?

Я одѣлся тщательнѣе обыкновеннаго и вышелъ на дворъ. Среди двора темнѣло что-то въ родѣ экипажа; я подошелъ поближе, дѣйствительно это былъ знакомый мнѣ дормезъ. Не вѣря собственнымъ глазамъ, я пощупалъ рессору, замаралъ грязью руку и медленно, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, пошелъ въ домъ.

Растворяя дверь, услышалъ я знакомый мнѣ хриплый басъ и потомъ такой-же хохотъ ротмистра Курнатовскаго. Весьма не смѣло взошелъ я въ гостиную и остановился въ изумленіи; за чайнымъ столомъ сидѣла одна хозяйка и никого больше изъ нѣжнаго пола. Поклонившись хозяйкѣ и поздоровавшись съ ротмистромъ, какъ съ старымъ знакомымъ, я противъ воли заглянулъ въ другую комнату; хозяйка это замѣтила, немного поморщилась и предложила мнѣ стулъ. Я, какъ провинившійся, но уже прощенный школьникъ, сѣлъ осторожно на стулъ и молча все время сидѣлъ. Хозяйка не-

обыкновенно была любезна съ ротмистромъ и совершенно не по свѣтски позволяла трунить надъ моею задумчивостію; мнѣ это не понравилось, и я, тоже не по свѣтски, взялъ стаканъ чаю и вышелъ въ другую комнату. Тутъ я нашелъ еще не совсѣмъ проснувшагося хозяина, глотавшаго постные сухари съ чаемъ. Не только умѣренный нѣмецъ, но и рыжій Джонъ-Буль сталъ-бы въ тупикъ, увидя, какъ уплеталъ мой едва проснувшійся родичъ сухари съ чаемъ послѣ такого гомерическаго обѣда, какой мы съ нимъ уходили. На меня однако-же это курьезное явленіе не произвело должнаго впечатлѣнія. Я былъ погруженъ въ вопросъ, куда дѣвалась непостижимая красавица. Загадка, таинственный сфинксъ для меня эта обитательница подвижнаго терема; а можетъ быть, она и теперь, какъ заколдованная, спитъ въ своемъ теремѣ? Гдѣ-же ея старая спутница? Опять сфинксъ! Но этотъ послѣдній если и останется не разгаданнымъ, то мы съ читателемъ не много потеряемъ. А первый необходимо разгадать. Я вспомнилъ женскій тоненькій голосокъ, слышанный мною изъ-за стѣны и, грѣшный человѣкъ, подумалъ, какъ-бы теперь кстати была замочная скважина. Прочь недостойная мысль! Я порядочный человѣкъ и съ препорядочной лысиной, а не гусаръ и не Донъ-Жуанъ какой нибудь. Ну, что-жъ что красавица? И моя кузина красавица, да чортъ-ли въ ней. Она вѣрно теперь кокетничаетъ передъ зеркаломъ, натѣшится досыта, одѣнется, и она-же къ намъ придетъ, а не мы къ ней.

И чай уже убрали со стола, и хозяйка вышла въ темную столовую со своимъ дорогимъ гостемъ, а красавица не являлась. Вѣрно она нашла себя не авантажной съ дороги и сказалась больной. Завтра все объяснится. Я хотѣлъ уже идти въ свою келію, но нашелъ это невѣжливымъ и остался.

Хозяйка громко хохотала съ своимъ дорогимъ кавалеристомъ въ темной столовой и говорила про какую-то мадамъ Прехтель, которая, по ея словамъ, вся позеленѣетъ отъ зависти, когда увидитъ ея геніальные куличи.

— И по дѣломъ, не скромничай, не секретничай! сказала она, укротивъ свой голосокъ, настолько однако-жъ, что я изъ третьей комнаты могъ слышать всѣ ея слова.—Сегодня я послала ей подарокъ, живаго барашка. Вѣжливость, ничего больше! И между прочимъ велѣла своей посланницѣ хоть мимоходомъ взглянуть на

ея произведенія,—я говорю о куличахъ. Она вѣдь полька, а польки, вы знаете, геніальны на эти вещи. Мнѣ хотѣлось имѣть хотя отдаленное понятіе о высотѣ ея произведеній. Вообразите-же вѣжливость мадамъ Прехтель! И на дворъ не пустила мою женщину, за воротами встрѣтила и приняла мой подарокъ; настоящая свѣтская женщина!

— Сама? За ворота? По этой грязи? спросилъ съ разстановкой изумленный ротмистръ и во все горло захохоталъ.

— А какъ-бы вы думали? взаимно спросила восторженная ораторша.

— Это ужасно! воскликнулъ вѣжливый слушатель, и довольные другъ другомъ, они возвратились въ гостиную.

— Кухарка ты, кухарка, моя милая кузина! подумалъ я, да и кухарка то еще сомнительная! За то несомнѣнная сплетница.

Въ гостиной они помѣстились на чемъ-то въ родѣ кушетки домашняго издѣлія, и помѣстились такъ близко другъ къ другу, какъ только помѣщаются кумъ съ кумою. Гость, опустя на грудь свои щетинные усы, глубокомысленно погрузился въ созерцаніе одной изъ замысловатыхъ пуговицъ на своей венгеркѣ, напоминавшей ему о недавно минувшихъ попойкахъ и о прочихъ гусарскихъ подвигахъ. А гостепріимная хозяйка, положа свою полную, до плеча обнаженную бѣлую руку на осмиугольный столикъ, тоже домашняго издѣлія, съ нѣмымъ участіемъ смотрѣла на увы! недавно бывшаго гусара.

Не только я, самъ почтеннѣйшій родичъ мой любовался этимъ живымъ изображеніемъ самой нелицемѣрной дружбы.

Глубокая тишина была нарушена глубокимъ вздохомъ хозяйки, потомъ продолжительнымъ ахъ... да... и быстро обращеннымъ вопросомъ къ бывшему гусару.

— Правда-ли... намъ привезъ эту милую новость одинъ нашъ хорошій пріятель,—она взглянула искоса на меня,—будто-бы эполеты уничтожаютъ. Это не сбыточно! Я скорѣе повѣрю пришествію жидовскаго Мессіи, чѣмъ этой нелѣпой баснѣ!

— И я тоже, сказалъ бывшій гусаръ.

— И я тоже, отозвался полуспящій хозяинъ.

— Да съ чѣмъ-же это сообразно! подхватила неистово хозяйка. Да тогда ни одна порядочная дѣвица замужъ не выйдетъ, всѣ

останутся въ дѣвкахъ; развѣ какая нибудь...

Что она еще хотѣла сказать, не знаю.

— А скажите, прервалъ ротмистръ, обращаясь къ негодующей заступницѣ эполетъ, какой тогда порядочный человѣкъ вступитъ въ военную службу? Какая перспектива для порядочнаго человѣка? Что за карьера для порядочнаго человѣка? Рѣшительный вздоръ! И кто васъ одолжилъ этой безсмыслицей? Не изъ Кириловскаго-ли монастыря (домъ умалишенныхъ въ Кіевѣ) вырвался вашъ хорошій пріятель?—скажите Бога ради, это чрезвычайно любопытно.

Кузина съ торжествующей улыбкой взглянула на своего уничтоженнаго врага, т. е. на меня, а простодушный мой родичъ, тотъ просто показалъ на меня пальцемъ и воскликнулъ: вотъ онъ!

— Хватили-же вы, батюшка, шиломъ патоки! сказалъ популярно бывшій гусаръ, обращаясь ко мнѣ, забывшись, что онъ свѣтскій человѣкъ. Такъ велико было торжество его! А я, какъ блокированная со всѣхъ сторонъ крѣпость, чтобы не раздражить напраснымъ сопротивленіемъ сильнаго непріятеля, т. е. чтобы прекратить грубую пошлость, сдался на капитуляцію и сказалъ, что я пошутилъ.

— Хороша шутка! воскликнулъ неистово ротмистръ-ораторъ. Да знаете-ли вы чѣмъ пахнетъ эта пошлая шутка? Порохомъ, милостивый государь! Да, порохомъ! А если пойдетъ дальше, да выше, такъ пожалуй и Сибирью не отдѣлаетесь!

И переведя духъ, онъ продолжалъ:

— За такую шутку, сударь, вамъ каждый порядочный, и говорить нечего, каждый, сударь, офицеръ имѣетъ полное право предложить шутку поострѣе вашей,—я говорю о шпагѣ, понимаете? (Небольшня пауза). Хотя я теперь и не ношу этого благороднаго украшенія т. е. эполетъ, но случись это не въ вашемъ домѣ,—тутъ онъ обратился къ улыбающейся хозяйкѣ,—я первый готовъ предложить эту полюбовную сдѣлку!

И заложа руки въ карманы, ярый заступникъ благороднаго украшенія, гордо прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ ликующей моей кузиною и, покручивая свои темнокрасные щенистые усы, сказалъ самодовольно.

— Въ нашъ просвѣщенный девятнадцатый вѣкъ (онъ грозно взглянулъ на меня, какъ-бы говоря: каково!) турки, персіяне, китайцы даже надѣли эполеты. А мы, кажется, не азіатскіе вар-

вары, а слава Богу европейцы, если не ошибаюсь. Не такъ-ли, madame?

Madame въ знакъ согласія кивнула головой и, хлопая рукою о тюфякъ кушетки, сказала: неугодно-ли? Оратору было угодно, и онъ подъ самымъ носомъ своей пріятельницы закурилъ темную огромную сигару и развалился, какъ только могъ, на узенькой кушеткѣ.

Я растерялся и не зналъ, что съ собою дѣлать. Я всегда вѣрилъ въ непритворное обожаніе эполетъ со стороны всѣхъ вообще красавицъ, а родственницы моей въ особенности; но такое шаманское поклоненіе мишурѣ я въ первый разъ увидѣлъ. Значитъ, я до этого вечера не встрѣчалъ ни истинной красавицы, ни истиннаго гусара; однако что же мнѣ теперь съ собою дѣлать? Доказывать осламъ, что они ослы, нужно самому быть хоть на половину осломъ; это неоспоримая истина. Что-же мнѣ предпринять? Взять шапку и уйдти въ свою свѣтлицу? Это было бы черезчуръ по родственному; однако-жъ я взялъ шапку въ руки и въ ожиданіи счастливой мысли, какъ застѣнчивый школьникъ передъ бойкими экзаменаторами, остановился у дверей, поворачивая въ рукахъ свою шапку, какъ будто бы допытываясь у ней отвѣта на бойко заданный вопросъ. Не думаю, что-бы это было сдѣлано съ умысломъ (на подобную вѣжливость ея не хватитъ), однако-жъ она сама, т. е. моя кузина, вывела меня изъ затруднительнаго положенія, перемѣнивши фронтъ: она открыла снова свирѣпый огонь, сначала по взводно, а потомъ всѣмъ дивизіономъ по беззащитной madame Прехтель. Эта іезуитка, какъ называетъ ее моя кузина, должна быть порядочная женщина, потому что кузина ее ненавидитъ. Я однако-жъ былъ доволенъ, что она хоть на порядочную женщину обратила свои ядовитыя стрѣлы и вывела меня изъ осады въ чистое поле.

Ободрился я и началъ подумывать о ретирадѣ, какъ подошелъ ко мнѣ хозяинъ, глупо улыбаясь, хлопнулъ меня по плечу и сказалъ:

— Что, братъ, попался! То-то же, пріятель, впередъ будь осторожнѣе съ подобными новостями, въ особенности... и понизя голосъ, онъ прибавилъ, съ кавалеристами, это народъ безпардонный!

— Теперь я и самъ вижу, что безпардонный, да вижу то поздно, сказалъ я ему шопотомъ, поблагодаривъ его за дружескій совѣтъ,

и обратился къ хозяйкѣ съ поклономъ и съ пожеланіемъ покойной ночи.

— А ужинать? сказала она.

— Никогда не ужинаю, сказалъ я и совралъ; за неимѣніемъ волчьяго или помѣщичьяго желудка я вынужденъ былъ на такую уловку.

— А какіе пирожки съ лукомъ и грибами! Просто геніальные! сказала она и сдѣлала мину самую гостепріимную.

Но я и отъ геніальныхъ пирожковъ отказался, на что свѣтскій кавалеристъ замѣтилъ мнѣ, что я препорядочный оригиналъ.

— Рѣшительный монахъ! сказалъ хозяинъ; а хозяйка, лѣниво подымаясь съ кушетки, съ самою очаровательною улыбкой едва внятно проговорила:

— Чудакъ! (т. е. дуракъ).

Отвѣсивъ по поклону за любезные эпитеты, я оставилъ своихъ остроумныхъ собесѣдниковъ и удалился въ свою мрачную келью.

VII.

Вошелъ я въ свою комнату и остановился у двери, чтобъ полюбоваться настоящей Рембрандтовской картиной. Трохимъ мой, положивъ крестообразно руки на раскрытую огромную книгу, а на руки голову, спалъ себѣ сномъ невозмутимымъ, едва, едва освѣщенный нагорѣвшей свѣчею, а окружающіе его предметы почти исчезали въ прозрачномъ мракѣ: чудное сочетаніе свѣта и тѣни разливалось по всей картинѣ. Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, очарованный невыразимой прелестью гармоніи. Я боялся пошевелиться, даже дохнуть боялся. Какъ миражъ степной исчезаетъ при легчайшемъ вѣтеркѣ, такъ, казалось мнѣ тогда, исчезнетъ вся эта прелесть отъ моего дыханія.

Насладившись до усталости этой импровизированной картиной, я тихо подошелъ къ столу, съ сожалѣніемъ снялъ со свѣчи и разбудилъ Трохима. Спросонья онъ что-то бормоталъ; я спросилъ его: что ты говоришь? и онъ внятно и медленно прочиталъ:

— Глазъ есть органъ, служащій проводникомъ впечатлѣній свѣта.

— Что ты читаешь? спросилъ я его; онъ повторилъ ту-же самую фразу и тѣмъ-же тономъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: глаза были

закрыты. Онъ спалъ. Я хотѣлъ испытать, можетъ-ли двигаться спящій челзвѣкъ, взялъ его за руку съ тѣмъ, чтобъ провести по комнатѣ, но онъ проснулся.

— Что ты видѣлъ во снѣ? спросилъ я его.

— Нашу квартиру въ Кіевѣ, отвѣчалъ онъ.

— А что ты во снѣ читалъ?

— Свою физику.

— А передъ сномъ что ты читалъ? спросилъ я опять Трохима, глядя на большую раскрытую книгу.

— Житіе и страданіе священномученика Евстафія Плакиды, отвѣчалъ онъ и, протирая глаза, прибавилъ, глядя на книгу:

— А я думалъ, что мы въ Таращѣ на станціи.

— Напрасно ты такъ думалъ, сказалъ я, раздѣваясь.

— Я самъ теперь вижу, что напрасно.

— Гдѣ-же ты досталъ такую большую книгу?

— У здѣшняго священника.

— Развѣ ты знакомъ съ нимъ?

— Я былъ сегодня у вечерни, познакомился и попросилъ для чтенія какую нибудь книгу; онъ и далъ мнѣ: «Житіе святыхъ отецъ», эту самую, прибавилъ Трохимъ, указывая на книгу.

— Это хорошо, что ты познакомился съ священникомъ, и хорошо, что досталъ себѣ такую святую книгу. А не узналъ-ли ты что нибудь о гостяхъ, пріѣхавшихъ въ берлинѣ? спросилъ я его какъ-бы случайно.

— Какъ-же, я все узналъ, отвѣчалъ онъ самоувѣренно; мнѣ все до ниточки разсказалъ ихъ высокій лакей.

Наконецъ-то я раскрылъ эту курьезно-таинственную завѣсу, подумалъ я и спросилъ Трохима, какъ-бы случайно, мимоходомъ:

— Что-же тебѣ до ниточки разсказалъ высокій лакей?

— Они поѣхали въ Кіевъ на контракты,—я весь превратился въ слухъ,—да тамъ и зазимовали. На середокрестной недѣлѣ отговѣлись въ лаврѣ, а на пятой выѣхали изъ Кіева. Въ Васильковѣ поставили свой берлинъ на колеса и, дождавшись грязи, поѣхали дальше.

— Для чего же они дожидались грязи и для чего она имъ понадобилась?

— Не знаю, такъ говорилъ лакей! отвѣчалъ простодушно Трохимъ и продолжалъ свой разсказъ.

— А сюда заѣхали для того, чтобы оставить свой берлинъ, пока хоть немного грязь подсохнетъ, потому что проселочной дорогой его съ мѣста не сдвинетъ и десять паръ воловъ, а имъ завтра нужно быть дома; они гдѣ-то недалеко живутъ; забылъ, какъ онъ называлъ свое село. Здѣсь они завтра пересядутъ въ бричку и въ ней уже поѣдутъ въ свое село.

— Да! чуть-было не забылъ, сказалъ Трохимъ и остановился (теперь-то, подумалъ я, польется все эссенція разсказа).—Самъ панъ верхомъ поѣдетъ, а въ бричкѣ только онѣ.

— Кто онѣ? спросилъ я съ негерпѣніемъ.

— Лакей съ барынями, сказалъ онъ спокойно и, отойдя въ уголъ, сталъ развертывать и разстилать свою постель.

— А что же дальше? спросилъ я его съ досадой.

— Ничего, отвѣчалъ онъ преспокойно.

— А кто же эта молодая панна и старуха, что ѣхали въ берлинѣ?

— Не знаю, я не спрашивалъ, отвѣчалъ Трохимъ тѣмъ же тономъ и, прочитавъ молитву: «Да воскреснетъ Богъ», перекрестилъ изголовье своей постели и легъ спать.

Я только посмотрѣлъ на него и ничего больше.

— Ловко же ты развѣдалъ все до ниточки, тебѣ только и служить у какого нибудь Донъ-Жуана, а не у меня, подумалъ я, раздѣваясь и слѣдуя его благоразумному примѣру.

За стѣнкою было совершенно тихо. Мнѣ не спалось. Что же я буду дѣлать? Кстати вспомнилъ я о Морскомъ Сборникѣ и, доставши изъ чемодана № 1, принялся перелистывать. На реестрѣ увѣчныхъ бѣдняковъ, какъ на чемъ то трогательно-привлекательномъ, я остановился. Долго не могъ я отвести глазъ отъ этаго завѣтнаго реестра, или лучше сказать отъ моего героя великодушнаго матроса. Я уже начиналъ чувствовать обаяніе дремоты, хотѣлъ уже положить книгу и погасить огонь, но мнѣ жаль было разстаться съ прозрачнымъ полумракомъ, образовавшимся отъ нагорѣвшей свѣчи. Я началъ ощущать удивительно пріятную середину между сномъ и бдѣніемъ. Въ гармоническомъ полумракѣ я искалъ воображеніемъ и почти съ закрытыми глазами какого нибудь хотя слабо освѣщеннаго предмета, на чемъ бы оста-

новить погасающее зрѣніе. Мракъ становился гуще и свѣтъ слабѣе. Рѣсницы мои тихо сближались между собою и наконецъ сомкнулись. Мракъ сдѣлался прозрачнѣй и свѣтлѣе, а въ глубинѣ этаго синевато-блѣднаго полусвѣта едва видимо образовался темный, широкій, ровный, какъ по линейкѣ очерченный горизонтъ, за горизонтомъ тихо, медленно началъ являться слабый розовый свѣтъ, и, усиливаясь, принималъ какой-то сѣро-мрачный тонъ. Горизонтъ потемнѣлъ и издавалъ гулъ на подобіе сосноваго бора. Я превратился въ слухъ и зрѣніе. Еще минута, гулъ сдѣлался слышнѣе, а горизонтъ темнѣе. Еще минута, и я уже слышалъ не неопредѣленный гулъ, а страшный крикъ какого-то чудовища. Свѣтъ усиливался и принималъ сѣровато-млечной колоритъ. Изъ за темнаго, необозримаго горизонта безконечною стѣною съ огромными фантастическими куполами медленно подымались тучи. Подымаясь выше и выше, онѣ теряли свои колоссальныя причудливыя формы и обращались въ темно-сѣрую массу нескончаемаго пространства. Надъ горизонтомъ становилось свѣтлѣе и тихо, едва замѣтно-тихо, какъ-бы изъ самаго горизонта подымался огромный бѣловато-серебристый шаръ, только однимъ абрисомъ похожій на солнце. Свѣтъ проникъ повсюду и окончилъ прекрасно-страшную картину моря, подъ названіемъ «Прологъ ужасной бури». Блѣдный шаръ подымался выше и выше и становился блѣднѣе и блѣднѣе, наконецъ какъ бы растопился и исчезъ въ млечно-сѣрой массѣ. Буря, какъ милліоны невидимыхъ чудовищъ, ревѣла на просторѣ. На фонѣ темныхъ тучъ блестѣли стаями бѣлые мартины, а на бѣлыхъ скалахъ длинными вереницами усѣлись, какъ любопытные зрители, черные бакланы. Ревъ бури спустился какъ будто бы тономъ ниже и сталъ ослабѣвать, какъ усердный басъ въ концѣ обѣдни. Въ густой и тихой октавѣ бури мнѣ послышалась грустно-заунывная мелодія нашей народной думы, думы объ Алексѣѣ пирятинскомъ поповичѣ. Мелодія сдѣлалась слышнѣе, слова внятнѣе и такъ наконецъ внятны, что я могъ вторить поющему и голосомъ и словами. И я вторилъ слѣдующіе стихи:

На мори синему, на камени билому
Ясный соколъ квилыть проквиляе,
На синее море пилно поглядае,
Зъ моря добычи выжидае, выглядае.

Мелодія, которой я началъ вторить, переходитъ въ речитативъ и медленно стихаетъ, какъ безнадежные стоны одинокo умирающаго страдальца, наконецъ и речитативъ умолкъ. А изъ за огромной бѣлой скалы на прибрежный влажный песокъ выходитъ Трохимъ и ведетъ за собою высокаго, согбеннаго, съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородою слѣпаго старца въ синемъ кафтанѣ и въ черной высокой бараньей шапкѣ. Въ правой рѣкѣ у старика длинный посохъ, лѣвой рукой придерживаетъ онъ что-то похожее на ящикъ, покрытое полою длиннаго кафтана. Это непремѣнно *лирникъ*, либо *кабзарь*. Да гдѣ же могъ встрѣтить Трохимъ въ такіе дни божьяго человѣка?—такъ спрашивалъ я самъ себя.—Знаетъ лукавецъ что мнѣ нужно, выкопалъ таки, не смотря и на страстную пятницу. Когда я сталъ пристальнѣе всматриваться, то и увидѣлъ, что это былъ не *лирникъ* и не *кабзарь*, а шотландскій королевскій нищій, такъ живо описанный Вальтеръ-Скоттомъ въ его «Антикваріѣ». Какимъ же чудомъ, опять я спрашиваю самъ себя, принесло изъ Шотландіи въ Будища королевскаго нищаго, да и за чѣмъ? Развѣ въ плѣнъ попался какъ нибудь подъ Севастополемъ? Вѣдь англичане народъ оргинальный: они на войнѣ не чуждаются домашняго комфорта. Я однако-жъ ошибался,—это былъ настоящій *лирникъ*. Онъ сѣлъ у самаго дормеза, положилъ лиру на колѣни и началъ ее строить, а Трохимъ нагнувшись шепчетъ ему на ухо: про *Ивася Коновченка* заспивайте, дядюшка. Старикъ тихо кивнулъ головою, повернулъ колесо лиры, проигралъ прелюдію и началъ речитативомъ заунывную рапсодію про славнаго лыцаря Ивана Коновченка. Окно, т. е. стекло дверецъ дормеза опустилось, зеленая шторка поднялась и въ окнѣ показалась чудной невыразимой красоты женская головка, съ большими карими глазами, немножко заспанными.

Я вздрогнулъ и проснулся. Въ комнатѣ уже сѣрѣло и страшно воняло погасшей сальной свѣчкой, я наскоро надѣлъ сапоги, плащъ, фуражку и вышелъ на дворъ. Весеннее утро сіяло во всей своей прелести, изъ воротъ въ поле потянулась бричка съ двумя пассажирками, сопровождаемыми всадникомъ въ венгеркѣ и въ затѣйливомъ картузѣ.

— Это онѣ, непремѣнно онѣ, подумалъ я, глядя на удаляющуюся бричку. Прощай, лукавая надежда! прошепталъ я и пошелъ на встрѣчу уже бодрствующему хозяину.

Послѣ словесныхъ и ручныхъ привѣтствій онъ предложилъ мнѣ прогулку въ паркѣ,—такъ называлъ онъ небольшой ольховый и дубовый лѣсокъ, перерѣзанный узкою, аршина въ три, просѣкою, именуемой большой аллеею. Балансируя по намощеннымъ доскамъ, кое-какъ добрались мы до калитки, такъ называемой арки. Аллея была суха и даже посыпана толченымъ кирпичемъ, но по причинѣ ея убогой широты и необрѣзанныхъ вѣтвей, мы не могли идти рука объ рука, а прогуливались гуськомъ, а слѣдовательно не могли завести разговора даже о погодѣ. И такъ хозяинъ мой молчалъ, а я краснорѣчиво слушалъ и, слушая его мудрое молчаніе, думалъ; сначала думалъ я о таинственной красавицѣ, потомъ о моемъ героѣ матросѣ, а потомъ о томъ, что я видѣлъ во снѣ прошлую ночь—море, буря, все это мимо, думы мои остановились на лирникѣ. Сонъ въ руку, какъ говорится. Я искалъ рукавицъ, а онѣ за поясомъ торчатъ; я искалъ образца для своего будущаго произведенія и искалъ чортъ знаетъ гдѣ; перебралъ въ памяти литературы всѣхъ образованныхъ и древнихъ и новыхъ народовъ, кромѣ литературы санскритской и своей возлюбленной родной. Чудаки мы, въ томъ числѣ и я!

Недавно кто-то печатно сравнивалъ наши, т. е. малороссійскія историческія думы съ рапсодіями хіосскаго слѣпца, праотца эпической поэзіи. Я смѣялся такому высокомѣрному сравненію, а теперь какъ разобралъ, да разжевалъ, такъ и чувствую, что сравниватель правъ, и съ своей стороны я готовъ даже увеличить его сравненія. Я читалъ, разумѣется, въ переводѣ Гнѣдича и вычиталъ, что у Гомера ничего нѣтъ похожаго на наши историческія думы-эпопеи, какъ напримѣръ дума *Иванъ Коновченко*, *Сава Чалый*, *Алексѣй поповичъ пирятинскій*, или *Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова*, или *Самойло Кишка*, или, или,—да ихъ и не перечтешь. И всѣ онѣ такъ возвышенно просты и прекрасны, что если бы воскресъ слѣпецъ хіосскій да прослушалъ хоть одну изъ нихъ отъ такого же, какъ и самъ онъ, слѣпца кобзаря или лирника, то разбилъ бы въ дребезги свое лукошко, называемое лирой, и поступилъ бы въ *михоноши* къ самому бѣдному нашему *лирнику*, называвшему себя публично старымъ дурнемъ. Увы! теперь я себя такъ назвать долженъ, во первыхъ за то, что хотѣлъ подражать, а во вторыхъ за то, что не зналъ, кому подражать. А гдѣ причина

этой несамознательности? Извѣстно гдѣ, въ школѣ. Въ школѣ насъ всему, совершенно всему научатъ, кромѣ пониманія своего милаго роднаго слова. О школа, школа! какъ бы тебя скорѣе перешколить. Я знаю, какъ это сдѣлать, только не знаю, какъ бы сдѣлать это такъ, чтобы кузина моя не пронюхала о моемъ замысловатомъ проэктѣ. Она тогда проклянетъ меня, потому что по смыслу этого хитраго проэкта ее, какъ мать, первую придется отвести въ школу, да еще и въ хорошую школу, а за нею и прочихъ на нее похожихъ матерей, а объ отцахъ и говорить нечего, въ особенности о моемъ родичѣ. Не правда-ли, глубокомысленный проэктъ?

Неблагодарный, скажетъ съ негодованіемъ благородный читатель. Ежели ты попралъ священныя узы родства и дружбы, то вспомнилъ бы вчерашній обѣдъ; вспомнилъ-бы, кому ты обязанъ гостепріимствомъ; вспомнилъ-бы, противъ кого ты ухищряешься, на кого ты руку подымаешь.—Нехорошо, самъ вижу, что нехорошо дѣлаю, что проэктъ мой хотя и удобоисполнимый, но суровый, безчеловѣчный! Но, увы, онъ одинъ единственный и необходимый.

Послѣ, нельзя сказать, пріятной, но, смѣло можно сказать, оригинальной прогулки по трехъ-аршинной просѣкѣ, хозяинъ предложилъ мнѣ еще прогулку по конюшнямъ и коровникамъ, недавно имъ воздвигнутымъ по иностранному образцу, напечатанному въ какомъ то журналѣ. Не смотря на такую заманчивую рекомендацію, я отказался отъ обозрѣнія монументальныхъ зданій. Не видавши этихъ построекъ, я имѣлъ объ нихъ ясное понятіе, это должно быть собачьи конуры, а не конюшни и коровники. Ты, братъ, изъ какого хочешь образца сдѣлаешь на свой образецъ; въ моемъ бѣдномъ родичѣ совершенно все выровняно и выглажено. Не думайте однако-жъ, чтобъ тутъ свѣтское образованіе работало,—нисколько; сама всемогущая природа его такъ оболванила. Ни одной черты, ни одного малѣйшаго бугорка, ни одного пятнышка, словомъ ничего такого, за что бы можно было ухватиться и дойти хоть до пошлой смобытности характера. Отъ лакированныхъ сапоговъ до узенькаго плоскаго лба,—все гладко. Его можно бы назвать ничѣмъ, если бы онъ не былъ помѣщикомъ нѣсколькихъ сотъ душъ крещеныхъ собственниковъ, и если бы онъ не былъ помѣщиковъ, и если бы онъ строилъ свои конюшни и коровники,

какъ ихъ обыкновенно строятъ, просто, прочно и просторно, а онъ все это дѣлаетъ совершенно напротивъ: вычурно, мелко и только на одинъ годъ, въ особенности мелко. Начиная съ парка и просѣки, по которой нельзя иначе ходить, какъ гуськомъ, до домашней мебели и фальшиваго циферблята, нарисованнаго въ треугольникѣ фронтона, все у него мелко, непрочно и крайне безобразно. Вотъ одна единственная черта въ абрисѣ этого человѣка, на которой можетъ остановиться глазъ даже и не быстроглазаго наблюдателя. Сказавши другъ другу: до свиданія, мы разстались; онъ пошелъ въ свои чуланы, а я въ свой чуланъ.

Войдя въ комнату, то бишь въ чуланъ, я разбудилъ Трохима и послалъ его въ село искать для себя квартиру, а самъ, какъ былъ въ плащѣ и сапогахъ, легъ на постель и, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ ранней прогулки, заснулъ. Спасибо вѣжливымъ хозяевамъ, что не разбудили къ чаю. Я проспалъ бы до вечера, если бы Трохимъ, возвратившись около полудня изъ села, не разбудилъ меня, сказавши, что я похожъ на пьянаго чумака. Сходство дѣйствительно было небольшое, но я не обратилъ на его колкое замѣчаніе никакого вниманія и напустился на него, зачѣмъ онъ такъ долго шлялся.

— Шлялся, процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Ни до одной свѣтлицы приступу нѣтъ, а ихъ въ селѣ, что хата, то и свѣтлица.

— Что же это значитъ? спросилъ я съ удивленіемъ, принимая слово «приступу» за дороговизну.

— А то значитъ, что солдаты только вчера выступили въ походъ, такъ бабы сегодня и принялись мазать свои хаты. Просто Содомъ и Гоморъ въ селѣ, и гдѣ они столько бѣлой глины взяли? И меня одна сердитая баба чуть не вымазала бѣлой глиной,—прибавилъ онъ, оглядывая свое платье.

— Что же намъ теперь дѣлать безъ свѣтлицы? спросилъ я у Трохима.

— Я уже все сдѣлалъ! отвѣчалъ онъ.

— Что же ты сдѣлалъ?

— А вотъ что я сдѣлалъ. Изъ бурсы пріѣхалъ поповичъ на праздники. Ему и отвели квартиру въ саду, въ той клѣткѣ, гдѣ лѣтомъ матушка варенья варитъ и разныя настойки дѣлаетъ. Такъ вотъ они, т. е. матушка съ батюшкой и самъ поповичъ, просятъ меня,

чтобы я приходилъ ночевать къ ихъ поповичу, чтобы ему не такъ было страшно. Такъ вы теперь дома ночуйте одни, а я буду ходить къ поповичу. Онъ привезъ съ собою много тетрадокъ и одну большую, всю исписанную разными стихами, такъ мы ее и будемъ по вечерамъ читать, чтобы не страшно было.

— Сама судьба за тебя, Трохиме! Съ Богомъ!

Я еще что-то хотѣлъ сказать, но грязный козачекъ вошелъ въ комнату и сказалъ, что баринъ съ барыней меня ждутъ обѣдать. Я вспомнилъ вчерашній обѣдъ и призадумался. Не идти нехорошо: подумаютъ, что я сержусь за вчерашніе эполеты; а идти—тоже нехорошо: объѣшься по вчерашнему. Подумавши, я рѣшился на послѣднее зло.

Была пятница, и обѣдъ хоть не совсѣмъ умѣренный, но былъ совершенно постный, т. е. безъ рыбы; это-то и спасло меня отъ объяденія. Однако-жъ я все-таки всхрапнулъ часика два послѣ обѣда, а всхрапнувши, вышелъ на дворъ, но кромѣ парка совершенно некуда было выдти, и я пошелъ въ паркъ. Узенькая аллея показалась мнѣ просторнѣе, и я принялся ее мѣрять; утреннія мысли посѣтили меня снова и были уже гораздо розовѣе и нисколько не касались ни родственниковъ, ни вообще современнаго человѣка. Онѣ витали въ минувшей бурной жизни, въ уныло-сладкихъ пѣсняхъ задумчивыхъ земляковъ моихъ. Мнѣ было весело, пріятно; меня сладко волновали эти задушевныя унылыя думы. Я былъ околдованъ ими, былъ настроенъ на ихъ заунывный тонъ, и не смотря на то, что близился вечеръ, самый восхитительный весенній вечеръ, пошелъ въ свою комнату, досталъ чистую бумагу, перо, чернила и написалъ эпиграфъ къ первой части своей будущей поэмы:

На мори синему, на камени билому и проч.

Потомъ досталъ огня, зажегъ свѣчу, легъ на кровать, и, странное дѣло, мысли мои вдругъ перешли отъ поэмы въ мое собственное прошлое. Мнѣ представилась комната въ 9-й линіи въ домѣ булочника Донерберга,—комната со всѣми ея подробностями, не говорю съ мебелью, это была-бы неправда. Вдоль передней стѣны надъ рабочимъ столомъ висятъ двѣ полки. Верхняя уставлена статуэтками и лошадками барона Клодта, а нижняя въ безпорядкѣ завалена книгами. Стѣна, противуположная полузакрытому единственному

окну, увѣшана алебастровыми слѣпками слѣдковъ и ручекъ, а посреди ихъ красуется маска Лаокоона и знаменитой натурщицы Фортунаты. Непонятное украшеніе не для художника! Въ добавокъ мнѣ вообразился тотъ самый день, когда мы съ покойнымъ Штернбергомъ на послѣднія деньги купили себѣ простую рабочую лампу, принесли ее въ нашу келью и среди бѣлаго дня засвѣтили, поставили среди стола и, какъ маленькія дѣти, восхищались нашимъ пріобрѣтеніемъ. Послѣ первыхъ восхищеній Штернбергъ взялъ книгу и сѣлъ по одну сторону лампы, а я взялъ какую-то работу и сѣлъ по другую сторону лампы и такъ мы днемъ съ огнемъ просидѣли до пяти часовъ вечера; въ пять часовъ пошли въ академію и всему натурному классу разблаговѣстили о своемъ безцѣнномъ пріобрѣтеніи. Нѣкоторыхъ изъ товарищей пригласили полюбоваться нашимъ дивомъ и по этому случаю задали вечорку, т. е. чай съ сухарями. Мы были тогда бѣдныя, но невинныя дѣти. Боже мой, Боже мой! куда умчались эти свѣтлые, эти золотые дни? Куда дѣвалась прекрасная семья непорочныхъ вдохновенныхъ юношей?

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Я такъ искренно, такъ чистосердечно предался моему прекрасному прошедшему, что нѣсколько разъ принимался плакать, какъ дитя, у котораго отняли красивую игрушку; и эти благодатныя слезы обновили, воскресили меня. Я внезапно почувствовалъ ту свѣжую, живую силу духа, которая одна способна чудо сотворить въ нашемъ воображеніи. Передо мною открылся чудный, дивный міръ самыхъ восхитительныхъ, самыхъ граціозныхъ видѣній. Я видѣлъ, я осязалъ эти волшебные образы, я слышалъ эту небесную гармонію, словомъ, я былъ одержимъ воскреснувшимъ духомъ живой святой поэзіи.

Грязный казачокъ приходилъ звать меня на чай, но я сказался нездоровымъ и не пошелъ.

Успокоившись немного и приведя въ порядокъ свои возмущенныя мысли, я, помолившись Богу, принялся за работу.

VIII.

Послѣдній день Страстной, вся Святая и половина Ѳоминой недѣли невидимо мелькнули надо мною, я только и помню, что

приходилъ Трохимъ, приносилъ обѣдъ и свѣжую воду, ставилъ все это осторожно на столъ и молча выходилъ въ двери. Въ среду уже на Ѳоминой недѣлѣ передъ разсвѣтомъ я написалъ послѣдній стихъ, поставилъ точку, положилъ перо, вздохнулъ, перекрестился и сказалъ: «слава тебѣ Господи!» Послѣ всего этого попытался я заснуть, но попытка мнѣ не удалась, и я напрасно только погасилъ свѣчу. Дожидать разсвѣта въ горизонтальномъ положеніи и въ потьмахъ мнѣ показалось скучнымъ, я одѣлся, какъ могъ, и вышелъ на дворъ. На дворѣ тоже было темно и тихо, какъ въ моей келіи. Свѣжій чистый воздухъ и упоительный ароматъ распускавшейся земли оживилъ меня, какъ усталаго путника въ пустынѣ оживляетъ глотокъ свѣжей воды. Подъ ногами уже было сухо, я попробовалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, то-же сухо, я еще отошелъ немного и изъ-за какого-то сарая или конюшни увидѣлъ вдали освѣщенныя окна церкви. Заутреня. Должно быть сегодня праздникъ, подумалъ я и хотѣлъ идти въ церковь, но опасался вмѣсто церкви попасть въ лужу, что весьма естественно въ теперешнее время. Вскорѣ птички въ воздухѣ зачали чиликать и начало свѣтать. Я ощупью пошелъ далѣе по направленію къ церкви, но тутъ случился заборъ, окружающій господскій дворъ, нужно было перемѣнить направленіе и поискать сначала выхода. Разсвѣтало быстро, и я безъ большаго труда нашелъ ворота и вышелъ на площадь или царину. Чрезъ царину я прямо пошелъ къ слабо освѣщенной церкви. Солнце вступило въ свои права, и свѣтъ огня блѣднѣлъ въ круглыхъ оболонкахъ темной старинной церкви. Заутреня кончилась, и народъ выходилъ на паперть, когда я подошелъ къ церковной оградѣ. Трохимъ, увидя меня, пробрался сквозь толпу и съ радостнымъ лицомъ бросился ко мнѣ на шею; я показался ему изъ гроба вставшимъ. Обнявшись братски, мы съ нимъ похристовались и отошли въ сторону, чтобъ не затруднять мужичковъ сниманіемъ шапокъ. За толпою изъ церкви вышелъ и священникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ едва замѣтною просѣдью, въ волнистой бородѣ и раскинутой по плечамъ косѣ. Наружность его мнѣ понравилась. Снявши шапку, я подошелъ къ священнику и послѣ троекратнаго благословенія мы съ нимъ похристовались. Я отрекомендовалъ ему себя. Онъ отвѣчалъ тѣмъ-же мнѣ, сказавши: отецъ Савва Нестеровскій—и тутъ-же просилъ меня съ Трохимомъ

Сидоровичемъ на чашку чаю послѣ обѣдни. Я далъ слово, и мы разстались.

— Эге, подумалъ я, Трохимъ мой значитъ не уронилъ себя. Молодецъ! мнѣ это понравилось.

Утро было самое прекрасное, и мнѣ не хотѣлось возвращаться въ свою мрачную обитель, я предложилъ Трохиму прогуляться немного со мною по улицамъ села, предложилъ ему, какъ человѣку уже знакомому съ мѣстностью и могущему служить мнѣ хорошимъ *чичероне*, а въ случаѣ нужды оборонить и отъ собакъ; послѣднее для меня было важнѣе перваго. Пройдя десятка два шаговъ, я остановился и нечаянно взглянулъ на церковь. Церковь была обыкновенная. Ее вы увидите въ каждомъ селѣ въ Малороссіи, деревянная, темная, о трехъ осьмиугольныхъ коническихъ куполахъ, съ почернѣвшими узорными желѣзными крестами. Самая обыкновенная церковь, но теперь она показалась мнѣ необыкновенно граціозною. Солнечные лучи трепетали розовымъ огнемъ на ея круглыхъ *оболонкахъ* и осьмиугольныхъ, бляхою крытыхъ куполахъ. Развѣсистыя старыя вербы и стройные высокіе тополи окружая полузакрывали ее, выпукло и мягко тушуясь солнечнымъ розовымъ цвѣтомъ. Виньетка, какой не увидите ни въ самомъ роскошномъ *кипсекѣ*.

Налюбовавшись досыта этой очаровательной виньеткой, пустились мы далѣе. Село хоть куда! Хаты большія, не пошатнувшіяся въ разныя стороны, какъ пьяныя бабы на базарѣ. Чистыя, бѣлыя, нерѣдко съ свѣтлицами и почти всѣ окруженныя темными фруктовыми садами, клунями и стогами разнаго хлѣба. И скотины разной также не мало выгоняютъ изъ дворовъ на выгонъ свѣжія здоровыя дѣвки, въ новенькихъ бѣлыхъ свиткахъ, въ красныхъ и желтыхъ сапогахъ на вершковыхъ подковахъ. Вездѣ все чисто и опрятно такъ, что хоть-бы и въ казенномъ имѣніи такъ въ пору. Выходитъ, что родичъ мой хотя и не книгоѣдъ, а человѣкъ хоть куда и, какъ видно, хозяинъ не изъ послѣднихъ. Исполать тебѣ, Лукьянъ Алексѣевичъ! Пойми-жъ теперь и уразумѣй этотъ неразгаданный іероглифъ, эту курицу безъ перьевъ подъ именемъ человѣка! Онъ, кажется, и думаетъ только о томъ, какъ-бы поуютнѣе, т. е. потѣснѣе или поуже конюшню или голубятню выстроить, и больше ничего. Нѣтъ, не такъ. Онъ и въ игрушки играетъ и молча

свое человѣческое дѣло дѣлаетъ. А другой такой-же, кажется, человѣкъ, да не такой. Все у него громадность отъ хлыстика, шпоръ и до голубятни. Кричитъ, распинается за новыя идеи, за цивилизацію, за человѣчество, а самъ...

Мужичковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Пойми-жъ теперь и уразумѣй этотъ не разгаданный іероглифъ, этого хитро-созданнаго человѣка!

Проэктъ мой о перевоспитаніи благовоспитанныхъ родителей, дѣйствительно проэктъ превосходный, но если-бы мнѣ привелось его приводить въ исполненіе, то не обинуясь я исключилъ-бы своего родича изъ общей категоріи. Кузина это другое дѣло. Ее тоже можно-бы исключить, но совершенно на другихъ данныхъ, по пословицѣ напримѣръ: горбатаго могила исправитъ.

Кривая, неправильная улица, обведенная плетнями и частоколами, вывела насъ на такую же криво, неправильно, но прочно устроенную плотину, съ двумя небольшими, соломой крытыми мельницами, увѣнчанными огромными гнѣздами аистовъ, уже возвратившихся съ зимовки и тщательно обновлявшихъ свои на время покинутыя жилища. Вода лилась изъ открытыхъ шлюзовъ и шумѣла, не шевеля огромныхъ мельничныхъ колесъ. Религіозные земляки мои не только своимъ воламъ и конямъ, водѣ своей не позволяютъ работать въ праздникъ. За широкимъ прудомъ, на желтовато-блѣдной возвышенности изъ молодаго березняка и олешника выглядываетъ нѣсколько бѣлыхъ хатъ, съ размалеванными ставнями и съ аистовыми гнѣздами на гребешкахъ. Хаты, какъ нарядныя сельскія красавицы, въ чистыхъ бѣлыхъ свиткахъ, подошли къ зеркалу пруда полюбоваться своей красотою. А весь этотъ незатѣйливый пейзажъ оглашался стаями плававшихъ по водѣ крикливыхъ гусей и утокъ. Я сѣлъ на инвалидномъ терновномъ камнѣ, лежавшемъ на берегу пруда, полюбоваться этой живописной картиной. А любознательный Трохимъ сообщалъ мнѣ свои топографическія свѣдѣнія относительно представляющейся передъ нами мѣстности. Онъ сообщилъ мнѣ, что это не просто прудъ, а рѣчка, называемая Гнилой Тыкичъ и что село называется не просто Будища, а Гнилые Будища, а такія, просто Будища находятся за Шестеринцями. Трохимъ совралъ: за селомъ Майдановкою просто

Будища находятся, а не за Шестеринцами. У меня эта мѣстность крѣпко засѣла въ памяти. Я изучилъ ее еще тогда, когда ходилъ искать себѣ маляра-учителя и нашелъ его въ персонѣ отца діакона Ефрема, у котораго я, какъ уже извѣстно читателямъ, не выдержалъ перваго искуса.

Заблаговѣстили къ обѣднѣ и мы отправились на квартиру. Побрившись и одѣвшись наскоро, мы пошли въ церковь. Послѣ обѣдни зашли къ отцу Саввѣ на *Отче нашъ*, или пожалуй на чашку чаю.

Домъ отца Саввы наружностію своею ничѣмъ не отличался отъ большой мужицкой хаты, развѣ только двумя дымарями: однимъ бѣлымъ, а другимъ закопченымъ, и небольшимъ навѣсомъ надъ дверями на точеныхъ столбикахъ. И внутренность дома, т. е. свѣтлицы, тоже не многимъ отличалась отъ внутренности хаты зажиточнаго мужика, развѣ только липовымъ чистымъ поломъ, посыпаннымъ бѣлымъ, какъ сахаръ, кіевскимъ пескомъ. Такой роскоши мнѣ не случалось видѣть не только у богатаго мужика, ниже у полупанка. Дубовый рѣзной сволокъ съ надписью, кѣмъ и въ которомъ году домъ сей построенъ, и такіе-же рѣзные косяки у дверей и оконъ. Въ переднемъ углу образъ Почаевской Божіей Матери, а вмѣсто лампады теплилась простаго желтаго воску свѣча; столъ обыкновенной величины и фигуры, покрытъ не важнымъ килимомъ (ковромъ) и сверху, какъ снѣгъ, бѣлой скатертью. Вмѣсто стульевъ около стѣнъ широкія, чистыя липовыя лавы (скамьи); между окнами боковой стѣны небольшой столикъ съ фигурными ножками; на столикѣ лежатъ раскрытыя гусли съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ крышки пляшущихъ пастушекъ и играющаго на флейтѣ пастушка. Надъ гуслями въ почернѣвшей золотой рамѣ портретъ Богдана Хмельницкаго съ гетманскимъ гербомъ на фонѣ, окруженнымъ какими-то буквами. Портретъ или, какъ матушка его называетъ, запорожецъ—стариннаго, но не хитраго письма. Надъ портретомъ длинная полка, уставленная большими и маленькими книгами въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ. Налѣво отъ двери въ углу толстая неуклюжая печка изъ разрисованныхъ кафель, очень похожая на свою хозяйку матушку Евдокію въ штофной узорчатой сподницѣ и такой-же юпкѣ съ золотыми позументами. На нѣсколькихъ кафляхъ между цвѣтами и птицами нарисованы двуглавые

орлы. Они мнѣ напомнили наивный разсказъ Конискаго о такомъ же изображеніи на кафлѣ, стоившей бѣдному хохлу пытки и жизни. Самое-же лучшее украшеніе свѣтлицы отца Саввы, это безукоризненная чистота и обаятельная свѣжесть. Не успѣлъ я, какъ говорится, оглянуться въ ссй обители мира и тишины, какъ столъ уже былъ уставленъ разнокалиберными графинами съ разноцвѣтными жидкостями и тарелками съ разнородными закусками, а въ заключеніе около стола стояла свѣжая, розовая поповна съ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ чашками съ чаемъ. Отецъ Савва прочиталъ «Отче нашъ», благословилъ ястіе и питіе сіе, налилъ въ рюмку какой-то настойки, перекрестился и выпилъ, а другую рюмку предложилъ мнѣ. Я отъ рюмки отказался, онъ предложилъ ее Трохиму, а меня просилъ выкушать чашку чаю. Послѣ чаю сама матушка предлагала мнѣ какой-то особой наливки, подъ названіемъ «семибратняя кровь», и жареную утку съ яблоками, но я опять таки отказался. А Трохимъ Сидоровичъ не устоялъ противъ «семибратней крови» и утки съ яблоками, чѣмъ и сдѣлалъ величайшее одолженіе гостепріимной матушкѣ Евдокіи. Поблагодаривъ за угощеніе хозяина и хозяйку и сказавши: до пріятнаго свиданія, я вышелъ въ сопровожденіи хозяевъ на дворъ. На дворѣ намъ встрѣтился человѣкъ безъ лѣвой руки и съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ; хозяева остановились съ незнакомцемъ, а я вышелъ на улицу. У воротъ на улицѣ стояла бричка, небольшая, о парѣ лошадяхъ и кучеромъ мальчикомъ. Не обращая вниманія на это весьма обыкновенное явленіе, я пошелъ далѣе. Дорогою спросилъ я у Трохима о его другѣ поповичѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что ученый другъ его поповичъ еще во вторникъ отправился въ Кіевъ, и началъ мнѣ описывать самыми радужными красками своего ученаго бурсака, а въ заключеніе прибавилъ, что онъ къ намъ придетъ въ Кіевѣ и принесетъ тетрадку, называемую: «Слово о птицахъ небесныхъ, якъ стали жити и Бога хвалити и бѣса проклинати». Хорошее, должно быть, сочиненіе. Я просилъ Трохима сообщить мнѣ его, когда будетъ можно. У воротъ господскаго дома мы разстались съ Трохимомъ: онъ возвратился въ село, а я отправился съ визитомъ къ моей милой кузинѣ и почтенному моему родичу. Встрѣтился я съ ними въ столовой: они работали надъ какой-то бабой и холоднымъ поросенкомъ. Приличное ахъ! вылетѣло изъ жующихъ губъ кузины,

и безмолвное поднятіе руки родича съ вилкой привѣтствовало мой внезапный приходъ. Послѣ поздорованья, они нашли, что я очень похудѣлъ, и совѣтовали поправляться послѣ болѣзни. Я смиренно подсѣлъ къ нимъ и, послѣдовавъ ихъ мудрому совѣту, принялся за поросенка съ бабою, какъ за прелюдію грядущаго обѣда. Не успѣлъ я воткнуть вилку въ фаршированный желудокъ пріятеля, какъ у крыльца загремѣлъ экипажъ, кузина вскрикнула: мосье Курнатовскій! бросила ножъ, вилку и выбѣжала въ другую комнату. Размашисто и ловко вошелъ ротмистръ въ столовую и, мимо хозяина протягивая мнѣ руку, сказалъ:

— Я виноватъ передъ вами! Простите! Эполеты существуютъ только до новаго года. Изъ третьей комнаты вылетѣло: ахъ! и вслѣдъ за ахомъ тревожный вопросъ кузины:

— А эксельбанты остаются?

— Остаются! сказалъ ротмистръ и распростеръ свои объятія надъ изумленнымъ хозяиномъ.

Чрезъ минуту, много чрезъ двѣ явилась кузина, точно Аврора Гвидо Рени, свѣжая, улыбающаяся, румяная, какъ едва развившійся лепестокъ сантифоліи. Склонивъ на грудь голову, ротмистръ благоговѣйно подошелъ къ ручкѣ, и послѣ поклоненія онѣ пошли въ гостиную, а мы съ хозяиномъ принялись снова за фаршированнаго пріятеля. Я дивился волшебному превращенію кузины. Давно ли, думалъ я, видѣлъ ее, эту самую женщину самой обыкновенной женщиной, а теперь фея, нимфа и т. д. Не даромъ сказалъ вдохновенный царь Давидъ: *Господь умудряетъ слѣпцы*; онъ же умудряетъ и красавицу до гробовой доски оставаться если не красавицей, такъ по крайней мѣрѣ кокеткой. Лакеи не дали мнѣ кончить моихъ размышленій и фаршированнаго пріятеля: они стали раскрывать и накрывать столъ, а я, положа оружіе, волею не волею долженъ былъ удалиться въ гостинную. Въ гостинной увидѣлъ я совершенно не то, что ожидалъ. Вмѣсто любезной милой болтуньи, кузина моя сидѣла молча на кушеткѣ ничуть не въ живописномъ положеніи, щипала свой батистовый платокъ и едва обращала вниманіе на отборные восторги ротмистра. Что бы это значило? спросилъ я самъ себя и посмотрѣлъ на родича. Но тотъ даже бровью не мигалъ на мой вопросительный взглядъ. Въ недоумѣніи я хотѣлъ удалиться, опасаясь быть лишнимъ человѣкомъ, но

меня предупредилъ лакей въ нитяныхъ перчаткахъ и съ салфеткой, однимъ концомъ навернутой на большой палецъ лѣвой руки. Онъ доложилъ, что закуска подана; кузина молча подала руку ротмистру, а мы съ родичемъ, взглянувъ другъ на друга, тоже взялись за руки и пошли чинно въ столовую. За обѣдомъ та же самая исторія. Послѣ пирожнаго уже кузина какъ-бы не хотя сообщила, что на второй недѣлѣ праздника была у ней съ визитомъ мадамъ Прехтель и, увидѣвши ея куличи и бабы, такъ вотъ вся и позеленѣла отъ злости.

— Коварная женщина! проговорилъ ротмистръ, и мы встали изъ за стола. Сейчасъ же послѣ обѣда ротмистръ раскланялся, сѣлъ въ свою нетычанку и уѣхалъ. Я тоже взялся за шапку съ благимъ намѣреніемъ удалиться въ свой пріютъ, но кузина меня остановила, сказавши:

— А знаете-ли, зачѣмъ пріѣзжалъ къ намъ Курнатовскій?

— Буду знать, если удостоюсь вашей довѣренности! сказалъ я не безъ лукавства.

— Проситъ меня въ посаженыя матери, а его,—она показала на уже дремавшаго своего супруга,—посаженнымъ отцемъ. Я на отрѣзъ отказала, сказала она съ негодованіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, продолжала она тѣмъ-же тономъ, что я ему за маменька такая далась? Безсовѣстный! Да и партію-то дѣлаетъ какую? Ни больше, ни меньше, какъ своя собственная крѣпостная дѣвка! Прекрасная! превосходная! самая блестящая партія! восклицала она въ изступленіи.

— А намъ-то какое дѣло? перебилъ ее разбуженный супругъ. Крѣпостная, такъ крѣпостная, намъ съ ней не дѣтей кормить, перевѣнчали да и баста! Пускай съ нею возится, какъ знаетъ. Да! сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ. Въ слѣдующее воскресенье онъ хочетъ вѣнчаться въ нашей церкви, просилъ васъ то же быть свидѣтелемъ обряда и росписаться въ церковной книгѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я и удалился въ свою каюту.

IX.

Въ ожиданіи воскресенья или, лучше сказать, въ ожиданіи этой архи-любопытной свадьбы, я принялся было за свою поэму; но дѣло у меня не клеилось: нужно было дать ей время выле-

жаться, какъ выражается вообще пишущее сословіе. Утвердившись въ этомъ благомъ мнѣніи, я въ одно прекрасное утро собралъ разбросанные листочки моего завѣтнаго творенія, перенумеровалъ ихъ, и какъ самая нѣжная мать укладываетъ въ колыбель дитя свое, такъ я уложилъ въ портфель свою поэму, свое безцѣнное сокровище. Утро было дѣйствительно прекрасное, и я какъ Вальтеръ-Скоттъ перевѣсилъ кожаную сумку съ карандашами и бумагой черезъ плечо и, вооружась походною дубиной, отправился къ пруду и мельницамъ. Пройдя прудъ и мельницы чрезъ плотину, я уединился въ молодую березовую рощу, что по ту сторону пруда, или правильнѣе Гнилого Тикича, и въ тѣни распускающихся деревьевъ, обаянныхъ самымъ свѣжимъ ароматическимъ дыханіемъ весны, предался созерцанію оживающей божественной природы. Для одного такого утра, думалъ я, безъ сожалѣнія можно оставить въ городѣ образованныхъ друзей и поваляться недѣльку другую съ медвѣдями въ берлогѣ. Прогулки я возобновлялъ каждое утро и каждое утро съ новымъ наслажденіемъ. Бывало, выйду изъ тѣнистой березовой рощи на свѣтлую поляну и по извилистой дорожкѣ подымусь на пригорокъ, сяду себѣ подлѣ креста (такіе кресты ставятся на возвышенностяхъ для знака о близости воды) достану изъ сумы карандашъ, бумагу и рисую себѣ широкую прекрасную долину Гнилого Тикича, освѣщенную утреннимъ весеннимъ солнцемъ. Это были для меня самыя сладкія минуты, и тѣмъ болѣе сладкія, что панорама, лежавшая предо мною, живо напомнила мнѣ мастерской рисунокъ незабвеннаго моего Штернберга, сдѣланный имъ съ натуры гдѣ-то въ Башкиріи.

Когда солнце подымется надъ безконечнымъ горизонтомъ и широкія тѣни спрячутся за кусты и пригорки, тогда я бережно укладываю мою работу въ сумку и продолжаю свою прогулку въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ и вязовъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я нечаянно попалъ на совершенно Рюйздалевское болото (извѣстная картина въ Эрмитажѣ), даже первый планъ картины съ мельчайшими подробностями тотъ же самый, что и у Рюйздаля. Я просидѣлъ около болота нѣсколько часовъ сряду и сдѣлалъ довольно оконченный рисунокъ съ фламандскаго двойника. Интересно-бы было сличить его съ знаменитой картиной. На другой день я сдѣлалъ небольшой этюдъ съ суховерхой старой ивы; хотѣлъ было

сдѣлать такой этюдъ и съ полуусохшаго стараго береста, но на живой его половинѣ не развернулась еще зелень, такъ я ограничился только однимъ остовомъ. И такой рисунокъ не пролежитъ даромъ мѣста въ портфелѣ добраго художника. Много еще нарисовалъ я вербъ и берестовъ въ ожиданіи завѣтнаго воскресенья, или курьезной свадьбы.

Въ субботу вечеромъ возвращаясь въ село, встрѣтилъ я на плотинѣ своего Трохима, гуляющаго съ безрукимъ кавалеромъ, съ тѣмъ самымъ, что встрѣтился мнѣ на дворѣ у отца Саввы; и теперь, какъ и прежде, я не обратилъ на него особеннаго вниманія и прошелъ мимо. Около квартиры догналъ меня Трохимъ и безъ дальнихъ околичностей сказалъ мнѣ, что я ничего не знаю.

— А ты много знаешь? спросилъ я его также фамильярно.

— А я знаю, что завтра будетъ свадьба, да еще знаете-ли какая свадьба? прибавилъ онъ таинственно. Тотъ самый панъ, что мы видѣли на дорогѣ и что заѣзжалъ сюда, тотъ самый панъ женится на своей подданкѣ, на той самой, что видѣли тогда въ берлинѣ и что ночевала у насъ за стѣной.

Такъ вотъ гдѣ она—таинственная загадка?! подумалъ я. И какъ все это просто и натурально, а мнѣ то сдуру и, Богъ знаетъ, какимъ она неразгаданнымъ сфинксомъ показалась.

— А кто этотъ кавалеръ, съ которымъ ты гулялъ на плотинѣ? спросилъ я у Трохима.

— Онъ-то мнѣ и разсказалъ всю эту исторію, отвѣчалъ Трохимъ.

— Да самъ-то онъ кто такой?

— А я его и не спросилъ, кто онъ такой. Богъ его знаетъ, что за человѣкъ. Отецъ Савва говоритъ, что онъ отставной солдатъ.

— Не матросъ-ли? спросилъ я, прерывая длиннорѣчиваго Трохима.

— Нѣтъ не матросъ, а просто солдатъ.—на своемъ стоялъ невозмутимый Трохимъ.

— Хорошо, пускай будетъ и солдатъ, сказалъ я и, не заходя въ квартиру, какъ былъ съ сумкою и съ походною дубиной, пошелъ на встрѣчу моему амфитріону и его благовѣрной половинѣ.

— А знаете ли, что я вамъ скажу? кричала мнѣ кузина издали.

— Буду знать, когда вы скажете, отвѣчалъ я, приближаясь.

— Я завтра на свадьбѣ! сказала она торжественно: и къ вамъ, какъ къ артисту, обращаюсь съ моей просьбою. Посовѣтуйте, какъ мнѣ одѣться такъ, чтобъ было сообразно съ ролью, которую я займу въ этой комедіи.

— Одѣньтесь такъ, какъ вы всегда одѣваетесь, сказалъ я.

— Какой вы любезный артистъ, сказала она и сдѣлала самую плѣнительную гримасу.—Какъ всегда! Развѣ я каждый день играю роль посаженой матери? Растрепанный вы человѣкъ! сказала она, полушутя, полусерьезно и еще плѣнительнѣе улыбнулась.

— Вы, кажется, отказались отъ этой высокой чести? сказалъ я въ недоумѣніи.

— Никакъ не возможно! онъ пишетъ ко мнѣ такъ убѣдительно, пишетъ такъ, что я не въ силахъ отказать ему; прочитайте, какъ онъ пишетъ.

И кузина подала мнѣ розовую раздушенную записку. Я повертѣлъ ее въ рукахъ, понюхалъ и отдалъ обратно.

— Фу! какое ледяное равнодушіе, хотя бы на почеркъ посмотрѣлъ.

— А кто привезъ мнѣ это розовое посланіе, такъ ужъ этого ни за что не скажу, сказала она, бережно укладывая записку въ ридикюль.

— Лакей или кучеръ, кому же больше, сказалъ я на угадъ.

— Ошиблись, подымайте выше! Такъ и быть, не буду васъ больше мучить.—Самъ родной братъ невѣсты, какой-то отставной матросъ; я его не видала, самъ не изволилъ подать письмо, а переслалъ отъ священника. Тоже гордость! Ну, какъ же я завтра одѣнусь? Добьюсь ли я отъ васъ какого нибудь совѣта, или нѣтъ? спросила она меня въ ту самую секунду, какъ я вспомнилъ о безрукомъ кавалерѣ.

Я сказалъ ей что-то не впопадъ, и она захохотала самымъ непорочнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ. Непорочный этотъ хохотъ толкнулъ меня на мысль самую лукавую, и я оправившись сказалъ:

— Одѣньтесь вы завтра... это для васъ ничего не значитъ. Одѣньтесь вы завтра такъ, чтобы уничтожить и его красавицу невѣсту, и его самого.

— А самого-то какъ? спросила она съ волненіемъ.

— Сдѣлайтесь похожей на его дочь, вотъ и все!...

— И прекрасно, прервала она въ восторгѣ. Я сама тоже думала, это будетъ маленькая мистификація, не правда-ли? прибавила она, обращаясь къ мужу, а тотъ въ знакъ согласія кивнулъ головой и, глядя на меня, какъ бы говорилъ: да и ты, братъ смиренникъ,— штука препорядочная!

Довольная моимъ проэктомъ, кузина позволила мнѣ, не переодѣваясь пожаловать къ ней на чай. Я повиновался и, слѣдуя по стопамъ красавицы, думалъ чуть-чуть не вслухъ:

Неужели вы красавицы такъ слѣпы, такъ удивительно слѣпы въ отношеніи собственныхъ прелестей, что, не говоря уже о морщинахъ, сѣдыхъ волосъ у себя не замѣчаете? А это дѣйствительно такъ. Я совершенно убѣжденъ въ этой горькой истинѣ. Во времена оны, бывало, пригласятъ меня нарисовать портретъ съ какой нибудь дѣйствительно почтенной матери семейства. Старушка благочестивая, богомольная, тихая, кроткая, вся въ черномъ, лучшей модели не можетъ быть для отшельницы готическихъ временъ,— садись и рисуй безъ малѣйшей фантазіи. Попробуй же нарисовать портретъ этой отшельницы безъ малѣйшей фантазіи, т. е. à la Жераръ Доу. Да тебѣ не только не заплатятъ, изъ дому выгонятъ, какъ злѣйшаго каррикатуриста. Тогда и узнаешь, кто такая благочестивая отшельница.

Я долго переносилъ подобныя, непріятныя приключенія, пока не смекнулъ, въ чемъ дѣло. Догадался и пошло, какъ по маслу! Простота-матушка!

Пишу я сію мою заповѣдь молодымъ друзьямъ моимъ, имѣющимъ несчастіе прокладывать себѣ художественную дорогу такими жалкими, такими горькими средствами.

Въ продолженіи вечера кузина моя была, что называется, въ своей тарелкѣ: острила, смѣялась и чуть-чуть не танцовала, какъ дѣвчонка, при одномъ словѣ о газовомъ платьѣ и о какомъ-то еще невиданномъ въ мірѣ тюникѣ. Она до того была весела и любезна, что сдѣлалась приторною и наконецъ несносною. Чужая радость вообще какъ то насъ мало радуетъ, а несносная радость моей кузины меня просто бѣсила. Чтобы не быть безмолвнымъ зрителемъ глупости и пошлости, я забралъ свою мизерію и вышелъ,— отъ ужина даже отказался. А послѣ такой прогулки, какую я сдѣлалъ въ этотъ день, это была большая жертва. Съ досады попробовалъ

я заснуть, проба совершенно не удалась. Попробовалъ читать, еще хуже. Какую-то отвратительную скуку навѣяла на меня кузина своей глупой радостью. Какъ безобразная каракатица, скука опутала меня своими гнусными вѣтвями и во всю ночь не давала мнѣ покою. Что бы я ни вспомнилъ, о чемъ бы ни подумалъ, все скучно, все невыносимо противно. Если англійская хандра имѣетъ хоть фамильное сходство съ нашей русской тоскою, то я вѣрю въ возможность путешествія пѣшкомъ въ Камчатку, какъ это сдѣлалъ какой-то лордъ, да еще въ добавокъ и женился на дочери петропавловскаго пономаря. Свадьба напримѣръ, кажется, веселый радужный предметъ для размышленій, попробуйте же вы размышлять о немъ во время скуки; да онъ вамъ покажется такимъ чернымъ, такимъ гадкимъ предметомъ, что вы и глаза закроете, а если вы уже съ просѣдью, съ лысиной и не женаты вдобавокъ, то лучше и не размышляйте о свадьбѣ. Тутъ вамъ полѣзетъ въ голову и старость, и одиночество, и кончится тѣмъ, что вы на первой же попавшейся вамъ дурѣ возьмете да и женитесь во избѣжаніе одиночества. Правда, участь стараго холостяка самая незавидная, но и участи стараго мужа молодой жены нельзя позавидовать. По моему лучше доживать свой вѣкъ старымъ холостякомъ, нежели окружать себя чужими розовыми крошками, а свою лысую почтенную голову украсить украшеніемъ, не внушающимъ ни малѣйшаго почтенія.

Передъ разсвѣтомъ немного освободился я отъ этой проклятой вѣдьмы-скуки и заснулъ, а проснулся уже на благовѣстъ къ обѣднѣ. Хорошо еще, что Трохимъ, Богъ его знаетъ, какимъ наліемъ догадался съ вечера фракъ и прочее приготовить, такъ я духомъ одѣлся и вышелъ изъ квартиры въ ту самую минуту, какъ разодѣтая моя кузина садилась въ коляску, чтобы ѣхать къ обѣднѣ. Она предложила мнѣ мѣсто около своей пышной персоны, но я отказался отъ этой чести и пошелъ пѣшкомъ. Я думалъ уже около церкви увидѣть великолѣпные экипажи жениха и невѣсты. Ничего не бывало. Одна только коляска моей кузины красовалась, да какая-то маленькая бричка съ маленькимъ кучеромъ. Въ церкви, какъ обыкновенно, мужички усердно шопотомъ молились Богу. На клиросѣ дьячекъ выводилъ басомъ *Иже херувимы*, съ помощію вчерашняго безрукаго кавалера. А гдѣ же молодые? Не случилось-ли какого нибудь недоумѣнія, какъ это часто бываетъ въ подоб-

ныхъ случаяхъ? Послѣ обѣдни отецъ Савва просилъ меня и Трохима Сидоровича на чашку чаю, и мы не отказали. Едва успѣлъ отецъ Савва прочитать *Отче нашъ* и благословить ястіе и питіе сіе, какъ вошелъ въ свѣтлицу усердный помощникъ охрипшаго дьячка безрукій кавалеръ. Матушка послѣ обыкновеннаго привѣтствія назвала его Осипомъ Свиридовичемъ и просила садиться. Сначала онъ повѣсилъ свою шапку на колышекъ, нарочно для этого около дверей вбитый въ стѣнку, и потомъ уже сѣлъ почти у порога на чемъ-то въ родѣ табурета. Эта скромность понравилась мнѣ, а тѣмъ болѣе въ военномъ человѣкѣ. Я сталъ наблюдать его внимательнѣе. Это былъ молодой здоровый парень, съ чорными жесткими волосами, остриженными подъ гребенку, съ такими-же чорными густыми бровями и съ подстриженными усами. Глаза онъ постоянно опускалъ и пряталъ подъ чорными длинными рѣсницами, а потому объ нихъ положительно сказать ничего нельзя, какъ и о верхней губѣ, которой контуръ прятался подъ усами, а нижняя была прекрасно очерчена, только немного толстовата. Вообще же онъ казался физіономіи грубой, но такой кроткой и выразительной, что я невольно имъ любовался. Въ разговоръ нашъ онъ не вмязывался, какъ это дѣлаютъ обыкновенно бывалые ребята его сословія. Если отецъ Савва адресовался къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, то онъ отвѣчалъ коротко и основательно. Такъ напримѣръ матушка спросила его, когда намѣренъ ихъ посѣтить господинъ Курнатовскій. Онъ отвѣчалъ: передъ вечеромъ, и тѣмъ кончилось. Полюбовавшись скромнымъ незнакомцемъ, я, поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, ушелъ, а Трохима Сидоровича оставила матушка у себя обѣдать. Въ продолженіи дня незнакомецъ вертѣлся у меня на умѣ. И самъ не знаю, чѣмъ онъ могъ меня такъ заинтересовать. Отставной солдатъ и больше ничего. За обѣдомъ я порывался было спросить у кузины, не братъ-ли это невѣсты стоялъ на клиросѣ, но кузина была сегодня не въ ударѣ, и я спряталъ въ карманъ свой нескромный вопросъ. Думалъ послѣ обѣда спросить у родича но тотъ за обѣдомъ еще чуть не захрапѣлъ; Трохимъ не являлся до самого вечера,—и мое любопытство оставалось неудовлетвореннымъ до самаго вечера.

X.

Дни ожиданія такъ скучны и длинны, какъ этотъ нехитросплетенный разсказъ, а часы ожиданія еще длиннѣе и скучнѣе. И странно, мы постоянно надѣемся и ожидаемъ и не можемъ пріучить себя къ этому томительному чувству, не можемъ сократить безконечнаго часа ожиданія ни одной секундой. Не смотря на то, что я дурно спалъ ночью и на то, что я не весьма умѣренно пообѣдалъ, а все таки послѣ обѣда, хотя и пробовалъ, но заснуть не могъ. А все нелѣпое ожиданіе мѣшало. Чего же я жду и что меня тревожитъ? И самъ не знаю, а чувствую, что тревожитъ что то. Чтобы избавиться отъ этого чего-то, я надѣлъ свою рабочую блузу, взялъ сумку, дубину и пошелъ на свой любимый пригорокъ, осѣненный дубовымъ крестомъ. День былъ прекрасный, небо свѣтлое, голубое, глубокое и ясное, какъ мысль великаго поэта. Бѣлыя прозрачныя тучки-красавицы, какъ непорочныя сновидѣнія младенца, смѣнялись одна другою и, пролетая небесное пространство, набрасывали темныя пятна на мою ненаглядную понораму. Съ этими очаровательными пятнами понорама казалась и шире и глубже и безконечнѣе. Я глазъ не могъ отвести отъ этого импровизованнаго освѣщенія. Мнѣ казалось, что я вижу на безконечномъ горизонтѣ и Звенигородку, и Тальное, и даже самую Умань.

Я принялся за работу. Разложилъ темныя и свѣтлыя пятна на моемъ неоконченномъ рисункѣ, и рисунокъ ожилъ, заговорилъ и самъ собою окончился. Вотъ гдѣ твои чары, колдовство твое, очаровательный Каналетти!

Освѣщеніе измѣнилось. Рисунокъ я положилъ въ портфель и хотѣлъ идти въ село. Смотрю, золотое солнце повисло надъ фіолетовымъ горизонтомъ и разсыпало свои изумрудные лучи по всему необъемлемому пространству. Новая прелесть! Новое очарованіе! Пораженный чудной гармоніей, я въ безмолвіи опустилъ руки и, не переводя дыханія, смотрѣлъ на эту великолѣпную ораторію безъ звуковъ.

Солнце уже закатилось, а я все еще стоялъ около креста, и не странно-ли, мнѣ слышалась изъ березовой рощи флейта, играющая прелюдію вальса Авроры. А ничего этого не было, о флейтѣ никто и не слышалъ въ этомъ околоткѣ. Родичъ мой говоритъ, что онъ когда-то превосходно игралъ на флейтѣ, но потерялъ ключъ

отъ футляра, гдѣ хранится инструментъ и пересталъ играть. И онъ не шутитъ, по его понятіямъ это совершенно въ порядкѣ вещей. Въ эти недолгія минуты я былъ настоящимъ поэтомъ и носился мыслію, Богъ вѣдаетъ гдѣ, въ какихъ-то надзвѣздныхъ областяхъ. Но какъ житель земли, то и вспомнилъ я, правда довольно поздно, про земное, т. е. про свадьбу. Фи! какой циникъ! скажетъ влюбленная читательница. Свадьбу называетъ просто земнымъ дѣломъ! Согласенъ, пускай это будетъ дѣломъ самого Оріона, только я объ немъ вспомнилъ уже въ сумерки.

Спотыкаясь на пни и кочки, кое какъ пробрался я сквозь березовую рощу и вышелъ на плотину. Смотрю, церковь уже освѣщена. Я прибавилъ шагу и, какъ былъ съ сумой и въ блузѣ, прямо пошелъ въ церковь; хорошо еще, что догадался шляпу снять. Спрятался я за какого-то плечистаго мужика и выглядываю, какъ мышь изъ ларя. Обрядъ ужъ начался и безрукій мой кавалеръ-незнакомецъ держитъ вѣнецъ надъ головой невѣсты. Съ боку вижу, что невѣста красавица, а посмотрѣть въ лице нельзя. Досадно. Стало быть, этотъ кавалеръ ея братъ, больше быть некому. Жаль, что не познакомился я съ нимъ покороче. Тутъ непремѣнно кроется какая нибудь романическая драма. Да и какія могутъ быть отношенія между богатымъ помѣщикомъ и бѣднякомъ, изувѣченнымъ инвалидомъ? Нужно поручить Трохиму развѣдать все это дѣло хорошенько; не выкроится-ли изъ этой матеріи какая нибудь исторійка, а можетъ быть и оперетка въ родѣ *Москаль Чарівникъ*. Да, не иначе, какъ чарами заставляетъ онъ надменнаго ротмистра жениться на своей крѣпостной крестьянкѣ. Какъ я тщательно ни пряталъ свою особу за плечистымъ мужикомъ, а все таки спрятать не могъ отъ зоркаго глаза Трохима. Онъ меня замѣтилъ и подойдя сказалъ шопотомъ:

— Молодые прошены на чай въ домъ. Если и вы пойдете, то нужно приготовить фракъ и сапоги почистить.

— Ступай, чисти, сказалъ я ему лаконически.

Трохимъ вышелъ; дождавшись «Исаія ликуй», и я вышелъ изъ церкви и бѣгомъ пустился на квартиру. Вотъ еще бѣда не малая: въ моемъ изысканномъ гардеробѣ бѣлаго галстука не оказалось, а онъ теперь необходимъ. Что дѣлать? Трохимъ догадался, сложилъ бѣлый носовой платокъ, и вышелъ препорядочный гал-

стукъ, бантъ только оказался не надлежащей величины. Приведя къ концу свое облаченіе, напялилъ я фракъ и пошелъ въ комнату. Въ дверяхъ встрѣтили меня общимъ смѣхомъ, особенно кузина такъ усердно заливалась, что я подумалъ, не надъ моимъ-ли галстукомъ они смѣются. Оказалось совсѣмъ другое. Послѣ перваго пароксизма смѣху, кузина меня взяла за руку и подвела къ зеркалу. О ужасъ! у меня все лицо было выпачкано карандашемъ. Не говоря ни слова, выбѣжалъ я изъ комнаты. Во время работы я отгонялъ комаровъ запачканными карандашемъ руками, хватался за лицо, да и отдѣлалъ свою физіономію à la Отелло, а зоркій глазъ Трохима и не замѣтилъ, когда повязывалъ галстукъ.

Переобразившись, я въ другой разъ явился въ гостиную и послѣ обыкновенныхъ поклоненій и пожеланій взглянулъ на невѣсту. Господи, что это за красота совершенная! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а не видывалъ ничего подобнаго этой неописанной красотѣ. Знаменитая красавица графиня Коловратъ, которую я видѣлъ въ парижской литографіи, при всевозможныхъ косметическихъ средствахъ едва-ли выдержала-бы роль наперсницы при этой скромной героинѣ. Долго я не могъ глазъ отвести отъ этого типа совершенной красоты. И чѣмъ внимательнѣе и хладнокровнѣе смотрѣлъ я на нее, тѣмъ болѣе видѣлъ прелесть и гармонію въ чертахъ ея удивительнаго лица. Божественному Рафаэлю и во снѣ не снилась подобная красота и гармонія линій. А знаменитый Канова въ дребезги разбилъ-бы свою сахарную *Психею*, еели-бы увидѣлъ это божество, граціозно принимающее чашку съ чаемъ. А между тѣмъ въ ея красотѣ ничего не было общаго съ очертаніями принятой красоты, это была самобытная одушевленная красота, это былъ типъ моей землячки, въ высшей степени совершенный. И какъ ты поблѣднѣла, какъ ты потемнѣла моя бѣдная кузина передъ этой лиліей, едва распустившейся. Гдѣ твой смѣхъ? Гдѣ твои хитрыя вчерашнія затѣи? Не помогли тебѣ ни притиранья, ни умыванья, ниже газовое платье! Бѣдная ты, жалкая ты красавица!

Молодые не долго гостили. Послѣ чаю они сейчасъ-же уѣхали, я тоже раскланялся и ушелъ къ себѣ на квартиру, далеко не въ нормальномъ состояніи духа. Красота на меня, въ чемъ-бы она ни проявлялась: въ существѣ-ли живущемъ или прозябающемъ, всегда имѣетъ одинаковое и благодѣтельное вліяніе. Подъ ея благимъ вліі-

яніемъ я чувствую себя другимъ, обновленнымъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ стараго младенца. Мнѣ тогда необходимъ хоть какой нибудь человѣкъ, чтобъ раздѣлить свои добрыя ощущенія или хоть наговорйться досыта, а иначе я похожъ на того пьяницу, который не заснетъ, пока не отрезвится. Я тоже долго не могъ заснуть, но это была не утомительная, а успокоительная безсонница. Пріятное, невыразимо пріятное ощущеніе! Благодарю тебя, всемогущій Боже, что одарилъ ты меня чувствомъ человѣка, любящаго и видящаго прекрасное, совершенное въ Твоемъ нерукотворномъ безконечномъ твореніи. Если-бы красота во всѣхъ ея образахъ хотя на половину человѣчества имѣла свое благодѣтельное вліяніе, тогда-бы мы быстро близились къ совершенству и наконецъ олицетворили-бы собой божественную заповѣдь нашего божественнаго Учителя. Тогда-бы Шварцъ и Ривольеръ пошли по міру съ своими геніальными изобрѣтеніями, или открыли-бы лучшіе и благороднѣйшіе источники человѣческихъ усовершенствованій.

Долго я фантазировалъ на эту прекрасную тему, пока наконецъ физика пересилила мораль, и я заснулъ. Во снѣ повторилось видѣнное мною на яву, съ тою только разницею, что вмѣсто ротмистра возлѣ невѣсты сидѣлъ съ козлиными ногами и рогами Рубенсовскій сатиръ, съ лица очень похожій на ротмистра. Сатиръ жмется къ нимфѣ, шепчетъ ей что-то на ухо; нимфа улыбнулась. Я вздрогнулъ и проснулся. Солнце уже заглядывало въ готическое окно моей миніатюрной кельи. Трохимъ нечаянно, но весьма кстати явился передо мной; я объявилъ ему, что имѣю намѣреніе сегодняшній-же день послѣ обѣда выѣхать въ Лысянку, взять почтовыхъ лошадей и восвояси. Онъ противъ обыкновенія не прекословилъ моей волѣ и тутъ-же началъ складывать фракъ и прочіе доспѣхи, живо напомнившіе мнѣ о вчерашнемъ происшествіи.

Прежніе благородные обладатели крѣпостныхъ душъ только гаремы заводили изъ собственныхъ дѣвокъ, а теперь жениться начали. Выходитъ, что идея о коммунизмѣ не одна только пустая идея, не гласъ вопіющаго въ пустынѣ, а что она удобоприменима къ настоящей прозаической жизни. Честь и слава поборникамъ новой цивилизаціи! Трохимъ съ увлеченіемъ занялся чемоданомъ, а я, чтобъ не мѣшать ему, заблагоразсудилъ сдѣлать прощальный визитъ отцу Саввѣ. Но на порогѣ моей идилической мирной оби-

тели встрѣтилъ меня самъ отецъ Савва вмѣстѣ съ безрукимъ кавалеромъ.

— Вы къ намъ, а мы къ вамъ собрались на визитаціумъ, говорилъ весело отецъ Савва. Сей Божій человѣкъ, прибавилъ онъ указывая на кавалера, имѣетъ къ вамъ экстраординарное посланіе.

Не успѣлъ я придти въ изумленіе отъ этой неожиданности, какъ сей Божій человѣкъ досталъ изъ пустаго рукава миніатюрный разрисованный на подобіе конфетки конвертъ и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Зять и сестра, ваше благородіе, кланяются и просятъ васъ пожаловать къ себѣ сегодня вечеромъ.

Я не отнѣкивался, какъ пьяница отъ рюмки водки, и, не читая раздушеннаго посланія, сказалъ: буду. Тогда онъ подалъ мнѣ другой такой-же конвертъ и просилъ передать супругѣ Лукьяна Алексѣевича, т. е. моей кузинѣ. Я обѣщался. Отецъ Савва замѣтилъ, что не мѣшало-бы самому господину кавалеру отдать письмо и лично просить ихъ милость. Кавалеръ, не сказавъ ни слова на это замѣчаніе, только какъ-то чрезвычайно выразительно улыбнулся. Отказавшись отъ приглашенія отца Саввы на чашку чаю и прочее такое, я съ ними простился и пошелъ къ себѣ на квартиру сказать Трохиму, чтобы онъ фрака не укладывалъ.

— А чтобы онъ сгорѣлъ вашъ, этотъ проклятый фракъ! только и дѣла, что съ нимъ возимся: пообѣдать некогда.

И много еще кое чего было сказано въ пользу фрака, чего ужъ я не слышалъ, потому что ушелъ передать дружеское посланіе кузинѣ. Она встрѣтила меня восклицаніемъ:

— А какова невѣста!...

Я отвѣчалъ, что въ жизнь мою не видывалъ такой красавицы.

— Значитъ, вы не такъ разборчивы, какъ я полагала, сказала она холодно. Для васъ значитъ, прибавила она тѣмъ-же тономъ, образованіе въ женщинѣ вещь совершенно лишняя?

Не тебѣ-бы говорить, а не мнѣ-бы слушать, подумалъ я и вмѣсто возраженія передалъ ей раздушенное письмецо.

За обѣдомъ рѣчь опять зашла о невѣстѣ; опять замѣтила мнѣ язвительно кузина, что я въ грошъ не ставлю хорошій тонъ и образованіе въ женщинѣ. Я отмалчивался, ее это бѣсило.

— Да! сказала она, зеленѣя, вы художникъ, а художнику нужна только модель, натурщица, а не женщина.

Опять подумалъ я, не тебѣ-бы говорить, а не мнѣ-бы слушать; но въ слухъ не нашелъ приличнаго возраженія на ея весьма нетонкое замѣчаніе, и молчаніе воцарилось.

Какъ истинный Гомеридъ, родичъ мой уходилъ чуть не всего жаренаго съ капустою гуся, съ наслажденіемъ запилъ его непослѣдней величины стаканомъ сливянки и, самодовольно улыбнувшись, сказалъ:

— Вотъ теперь такъ! и обращаясь къ козачку, прибавилъ:

— Подавай, что тамъ еще есть у тебя.

Козачекъ вышелъ.

— Да, продолжалъ онъ, принявъ тонъ таинственности, это такая, я вамъ скажу, исторія, что хоть въ газетахъ публикуй.

— Какая это исторія? спросилъ я не совсѣмъ равнодушно.

— Да хоть-бы вчерашняя свадьба, сказалъ онъ, взглянувъ на жену.

— А что такое? спросилъ я и тоже посмотрѣлъ на кузину.

— Да такъ-съ, ничего-съ, сказалъ онъ тономъ человѣка, владѣющаго великой тайной. Вы замѣтили вчера невѣстинаго шафера? спросилъ онъ меня и снова взглянулъ на свою мрачную супругу.

— И даже сегодня имѣлъ честь его видѣть, отвѣчалъ я.

— Это ни больше, ни меньше, какъ отставной матросъ, родной и единственный братъ теперешней госпожи Курнатовской и помѣщицы пяти сотъ душъ крестьянъ, чистыхъ, не заложенныхъ, сказалъ онъ, наливая еще стаканъ сливянки.

При словѣ матросъ я невольно вздрогнулъ: не герой-ли это моей поэмы? подумалъ я и, обращаясь къ родичу, просилъ его пояснить мнѣ эту загадочную исторію.

— А вотъ какая это исторія...

Кузина фыркнула, выскочила изъ-за стола и уже изъ другой комнаты проговорила:

— Невѣжа, мужикъ! отъ тебя, кромѣ пошлости, ничего не услышишь.

Мой родичъ спокойно перекрестилъ дверь, изъ которой летѣли эти слова и вновь началъ:

— Вотъ какая это исторія. Господинъ Курнатовскій или, какъ она его называетъ, мусье Курнатовскій, человѣкъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ благородный. Мы его отъ души любимъ, какъ вы это сами могли замѣтить. Одно только, не смотря ня его святую наружность, ужаснѣйшій волокита. Послѣ первой женитьбы онъ оставилъ службу и пріѣхалъ, какъ говорится, на покой въ деревню. Жена прекраснѣйшая была женщина, не перенесла первыхъ родовъ и умерла, оставивъ ему въ залогъ любви своей здоровенькое прекрасное дитя. Молодецъ нашъ, какъ попечительный и нѣжный отецъ, кромѣ кормилицы, для большаго соблюденія ребенка, приставилъ къ нему еще четырехъ молодыхъ красивыхъ нянекъ. Изо всей деревни выбралъ разбойникъ. Въ число этихъ нянекъ попала и теперешняя жена его. Дитя вскорѣ умерло. Кормилицу-то онъ отпустилъ, а нанюшекъ при себѣ оставилъ въ домѣ. Предполагалъ, видите-ли, завести коверную фабрику, плутъ! Вмѣсто фабрики онъ образовалъ небольшой домашній гаремикъ. Ничего, все шло хорошо. Женатые сосѣди на первыхъ порахъ отказали ему отъ дому, да послѣ раздумали. По моему самое лучшее не обращать вниманія на чужіе недостатки; всякій Еремѣй про себя разумѣй, говоритъ наша пословица. Хорошо, вотъ дошла очередь и до Оленьки, теперешней госпожи Курнатовской. Только не тутъ-то было. Оленька заартачилась, онъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ да и баста! Ни ласки, ни угрозы, ни усовѣщеванія—ничто не помогло. А главною причиной упрямства ея былъ братъ, теперешній отставной матросъ. Чтобы устранить эту помѣху, нашъ молодецъ не задумался, въ первый же наборъ и царапъ пріятеля въ солдаты. Однимъ ударомъ все покончилъ. Такъ по крайней мѣрѣ онъ вообразилъ себѣ. Красавица пуще прежняго заломалась и—близко не подходи! Бѣжала было въ Кіевъ къ губернатору, да слава Богу во время спохватились и поймали ее уже за Лысянкой; надѣлала-бы кутермы, если-бъ удалось ей до Кіева добраться! Пріятель нашъ таки порядочно было трухнулъ. Дѣло-то, знаете, опекою запахло, если не больше. А изъ чего? изъ сущей дряни! изъ за капризной дѣвки. Правду сказать, такъ наши помѣщики порядочно избалованы: позволяютъ иногда себѣ такія причуды, за которыя въ другомъ мѣстѣ не посмотрѣли бы, что онъ помѣщикъ... ну, да что объ этомъ толковать, наше дѣло сторона. Проходитъ годъ, проходитъ другой, пріятель нашъ изъ кожи лѣзетъ, а дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ. Съ лица перемѣнился, позеленѣлъ. Брось, говорю! плюнь на

нее!—Не могу, говоритъ. Что значитъ эта проклятая страстишка! Сначала онъ держалъ ее за замкомъ, какъ невольницу, но увидѣлъ, что это не помогаетъ, далъ ей полную свободу. Мало, отдалъ ей весь домъ въ ея распоряженіе, окружилъ ее всевозможною роскошью. Самъ сдѣлался ея лакеемъ, чего ей больше? Нѣтъ, батюшка, не тутъ-то было! И на глаза не пускаетъ. Вотъ оно гдѣ хохлацкое упрямство, или вообще упрямство женское. Помучился онъ съ нею еще полгода и думалъ уже бросить ее окаянную и ѣхать на воды лечиться. Какъ бацъ, отъ предводителя дворянства письмо или, лучше сказать, формальное требованіе, чтобы онъ ротмистръ такой-то, по требованію высшаго начальства, назначилъ цѣну крѣпостной своей крестьянкѣ такой-то и получилъ деньги изъ комитета раненыхъ на законномъ основаніи. Онъ съ этою бумагою прямо ко мнѣ, я прочиталъ и, признаюсь, сталъ въ тупикъ; ужъ не провѣдало ли высшее начальство, подумалъ я, о его шашняхъ. Да нѣтъ, высшему начальству теперь не до того. Думали, мы думали, да тѣмъ и кончили, что ничего не выдумали. Прошло еще мѣсяцъ. Пріятель нашъ ни гу-гу, дожидаетъ, не пройдетъ-ли гроза мимо; но гроза не прошла. Получается другая бумага отъ того же предводителя съ прибавленіемъ, что такой-то матросъ Яковъ Обеременко за свою храбрость и увѣчье, полученное имъ при зищитѣ Севастополя, проситъ у комитета раненыхъ освободить родную сестру его отъ крѣпостнаго состоянія, а въ заключеніе было сказано, чтобы Курнатовскій или лично, или чрезъ довѣренное лице получилъ въ Кіевѣ сумму, какую самъ назначитъ. Вотъ онъ, чтобы не назначать и не получать этой суммы, уѣхалъ съ нею въ Кіевъ, да тамъ и обручился. Каковъ молодецъ! Онъ и вѣнчаться тамъ же думалъ, да ей-то захотѣлось, чтобы братъ вѣнецъ надъ нею подержалъ.

— Вотъ тебѣ и героическая поэма! подумалъ я.

— Не правда-ли прекрасная исторія? спросилъ родичъ, зѣвая.

— Порядочная! отвѣчалъ я разсѣянно.

Часа за два до захода солнца кузина подвязала себѣ щеку и осталась дома, а мы съ родичемъ поѣхали къ новобрачнымъ.

Дорогой я передѣлалъ свою героическую поэму на сію скромную «Прогулку съ удовольствіемъ и не безъ морали», а что будетъ дальше, увидимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Окончаніе).

При самомъ вступленіи Матвѣева въ управленіе войскомъ, по высочайшему повелѣнію, прибылъ въ Черноморію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ де-Скасси, коему поручено, при содѣйствіи атамана, завести и распространить дружественныя и торговыя сношенія съ горцами, дабы симъ способомъ мало по малу отвлекать ихъ отъ страсти къ набѣгамъ и грабежамъ, постепенно сблизить съ русскими и, сколько возможно лаская, со временемъ привести ихъ въ совершенную покорность Россіи. Цѣль правительства благодѣтельная, но не такъ исполненная, какъ бы должно было, и потому, кромѣ безполезныхъ издержекъ значительныхъ казенныхъ суммъ, никакой пользы въ своемъ послѣдствіи не принесшая.

Атаманъ Матвѣевъ и войсковая канцелярія старались всѣми мѣрами способствовать де-Скасси въ его дѣйствіяхъ. Въ полное его распоряженіе отдано было немалоое количество крымской соли; всѣ мѣновые дворы въ Черноморіи приняты отъ откупщиковъ въ управленіе войсковой канцеляріи и немедленно доставлены на оные товары, потребные черкесамъ, какъ то: полотны разныхъ сортовъ, ситцы, шелковыя матеріи, шелкъ, платки, золотыя и серебренныя нитки, сафьяны, юфти, табакъ и соль; черкесы ежедневно толпились на мѣновыхъ дворахъ и съ утра до вечера размѣнивали на сіи товары свои произведенія: воскъ, сало, масло, сыръ, кожи разныхъ животныхъ, оружіе и другія вещи, а также и лѣсъ, всегда для насъ необходимый.

[1]) См. майск. кн. „Кіев. Стар.“ за 1887 годъ, стр. 112—152.

Такія торговыя сношенія съ горцами были въ Черноморіи и прежде сего; но въ это время, казалось, оныя умножились, принимали лучшій оборотъ и подавали надежду, что сосѣди наши когда нибудь должны будутъ непремѣнно перемѣнить свой образъ жизни. Де-Скасси, питая сію пріятную надежду, вполнѣ вѣрилъ ей, велъ съ ними дружественные переговоры, ласкалъ ихъ, богато дарилъ и, обогащаясь самъ, не замѣчалъ, что онъ былъ не въ силахъ произвести счастливое перерожденіе черкесъ, не въ состояніи былъ исполнить мудрыхъ преднамѣреній правительства. Недовѣрчивые, они въ половину только вѣрили его обѣщаніямъ, его ласкамъ, но вполнѣ обманывали его своимъ искуснымъ лицемѣріемъ и оставались такими, каковы были прежде.

Между тѣмъ графъ Ланжеронъ, заботясь о усовершенствованіи важной выгоды Черноморіи, войсковой суконной фабрики, призналъ необходимымъ, для лучшаго издѣлія на оной суконъ, завести при ней войсковый овчарный заводъ шпанскихъ овецъ; онъ предложилъ сіе мнѣніе войсковому правительству и оно согласилось. 20 тысячъ руб. было тогда же отпущено изъ войсковыхъ суммъ, чиновникъ отправленъ для покупки овецъ и барановъ въ тамошнихъ лучшихъ заводахъ. Въ слѣдующемъ 1817 году овцы пригнаты въ Черноморію и въ удобномъ мѣстѣ учрежденъ заводъ, который до сего времени приноситъ войску значительные доходы.

По предложенію тайнаго совѣтника Жигулина въ семъ году открыта въ войскѣ подписка въ пользу Россійскаго Библейскаго Общества въ городѣ Симферополѣ. Атаманъ Матвѣевъ, избранный внѣшнимъ директоромъ онаго, вскорѣ отправилъ къ Жигулину до 3,000 руб. ассигнаціями, собранные съ подписчиковъ.

Въ 23 день декабря (1816) государь императоръ, по представленію графа Ланжерона, высочайше соизволилъ опредѣлить въ сіе войско преданнаго намъ владѣльца закубанскаго, *хана Магмет-Гирея* войсковымъ старшиною и вслѣдъ за симъ всемилостивѣйше назначилъ женѣ умершаго полковника сего войска, отличнаго своими заслугами, султана Али Шеретиръ Оглу, пенсію по 600 руб. въ годъ.

Въ 1817 году закубанцы были миролюбивы и войско черноморское наслаждалось спокойствіемъ и было осчастливлено радостнѣйшимъ посѣщеніемъ высокаго путешественника, его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Павловича.

13 сентября атаманъ Матвѣевъ встрѣтилъ его высочество на границѣ войска въ куренѣ щербиновскомъ и сопровождалъ до города Екатеринодара, куда великій князь изволилъ въѣзжать 14 числа. За нѣсколько верстъ отъ г. Екатеринодара его императорское высочество былъ встрѣченъ заступавшимъ въ отсутствіе атамана его мѣсто, подполковникомъ Дубоносомъ, непремѣнными членами войсковой канцеляріи подполковникомъ Ляшенкомъ и войсковымъ старшиною Голубомъ, ассесорами, членами присутственныхъ мѣстъ и начальникомъ артиллеріи, войсковымъ полковникомъ Бурсакомъ. При въѣздѣ въ городъ козаки съ выраженіями вѣрноподданнической преданности поднесли всеавгустейшему гостю хлѣбъ-соль, которые его высочество милостиво изволилъ принять изъ рукъ старика, заслуженнаго подполковника Животовскаго. По главной улицѣ, на которой толпились по обѣимъ сторонамъ счастливые козаки, его высочество послѣдовалъ прямо къ соборной церкви, гдѣ былъ встрѣченъ войсковымъ духовенствомъ съ крестами и хоругвями, причемъ войсковый протоіерей Кириллъ Россинскій сказалъ краткое привѣтствіе. Въ соборной церкви его императорское высочество слушалъ благодарственное молебствіе Господу Богу, во время коего, при возглашеніи многолѣтія государю императору Александру Благословенному и всей августѣйшей фамиліи, было произведено изъ крѣностныхъ орудій 101 выстрѣлъ. По окончаніи молебствія его высочество, приложась къ намѣстнымъ иконамъ трехъ престоловъ собора, изволилъ вступить въ олтарь и разсматривалъ пожалованные великими самодержцами россійскими сему войску дары: утварь церковную, знамена, бунчуки, клейноды, перначи и прочее.

Изъ церкви его высочество послѣдовалъ на приготовленную для него квартиру въ домъ войсковаго старшины Бурноса, гдѣ изволилъ принимать представленіе чиновниковъ войска. Отдохнувъ немного, его высочество удостоилъ въ тотъ же день по-

сѣтить войсковое училище и госпитали, потомъ благоволилъ поѣхать на мѣновый екатеринодарскій дворъ и тамъ изволилъ смотрѣть военныя игры, произведенныя мирными закубанцами, нарочито для сего случая вызванными изъ жилищъ своихъ.

На другой день его императорское высочество пожелалъ отправиться изъ Екатеринодара въ Крымъ. Прощаясь съ черноморцами, всеавгустѣйшій посѣтитель благодарилъ за радушный козацкій пріемъ и въ сопровожденіи атамана и всѣхъ чиновниковъ изволилъ выѣхать изъ города, напутствуемый благословеніями народа и окруженный достаточнымъ конвоемъ для безопасности по кордонной линіи. Въ сей день его высочество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Темрюкѣ, 15-го же сентября, достигши въ вожделѣнномъ здравіи г. Тамани, соизволилъ отплыть изъ Черноморіи чрезъ Босфорскій (?) проливъ въ Керчь.

Государь императоръ въ еемъ году высочайше повелѣть соизволилъ сформировать въ войскѣ изъ конной и пѣшей полуротъ артиллеріи одну конную роту подъ № 6-мъ, пѣшую же полуроту совершенно уничтожить, по той причинѣ, что артиллерія на сей границѣ дѣйствуетъ большею частію противу непріятельской кавалеріи съ конными козаками; разрѣшено такъ-же для заболѣвающихъ козаковъ, состоящихъ на кордонахъ, отпускать изъ ближнихъ казенныхъ аптекъ медикаментовъ на 4,000 человѣкъ ежегодно.

Вскорѣ послѣ сего графъ Ланжеронъ, содѣйствуя разведенію войсковаго овчарнаго завода и устройству въ оном порядка, прислалъ къ атаману ветеринарнаго врача Булахова.

Съ наступленіемъ 1818-го года закубанцы возобновили набѣги свои на Черноморію. Атаманъ Матвѣевъ дѣятельно заботился о подкрѣпленіи границы, а начальствовавшій кордонною линіею подполковникъ Дубоносъ разсылалъ строгія приказанія удерживать стремленія хищниковъ.

4-го генваря черкесы въ значительной шайкѣ сдѣлали прорывъ въ наши границы. Переправясь чрезъ Кубань по льду, они стремительно бросились на Копанскую станцію, ворвались въ оную, захватили въ плѣнъ одного козака, увели 6 воловъ, 19

лошадей, и 2-хъ человѣкъ ранили; но болѣе злодѣйствовать не успѣли, преслѣдовавшая ихъ команда козаковъ достигла и, вступивъ съ ними въ бой, принудила возвратиться къ Кубани. Тогда встрѣтилъ ихъ войсковый полковникъ Кондруцкій, шедшій на подкрѣпленіе команды; онъ мужественно ударилъ на нихъ, отбилъ 6 воловъ и 3-хъ лошадей и, преслѣдуя злодѣевъ на лѣвую сторону Кубани, нанесъ имъ ощутительное пораженіе

5-го числа ночью сія самая шайка хищниковъ произвела набѣгъ на куренныя селенія Полтавское и Ивановское, но, къ счастію жителей, злодѣи были остановлены на пути подоспѣвшими командами есауловъ: Бѣлаго, Порохни, квартермистра Завгороднаго и хорунжаго Растовскаго, которые въ перестрѣлкѣ въ сіе время положили на мѣстѣ до 3 непріятелей и захватили 7 человѣкъ въ плѣнъ, остальныхъ же обратили въ бѣгство. 6-го числа въ разныхъ пунктахъ кордонной линіи злодѣи снова старались прорваться для грабежа въ пограничныхъ селеніяхъ, но открывшаяся по всей границѣ тревога остановила ихъ покушенія.

Сіи обстоятельства вынудили атамаиа Матвѣева еще усилить кордонную цѣпь назначеніемъ по 50 козаковъ изъ полковъ бывшихъ на льготѣ, о чемъ онъ получилъ разрѣшеніе отъ графа Ланжерона.

14 февраля 3 тысячи закубанцевъ ворвались въ наши предѣлы съ арбами и вьючными лошадьми, положась непремѣнно разорить селеніе Ивановское и забрать все имущество. Неустрашимый войсковый полковникъ Кондруцкій поспѣшилъ соединить всѣ команды съ ближайшихъ постовъ и, собравъ до 400 козаковъ, рѣшился ими обратить злодѣевъ назадъ, или умереть, подобно войсковому полковнику Тиховскому, защищая цѣлость своей родины. Такая геройская рѣшимость достойнаго штабъ-офицера спасла селеніе.

Заблаговременно замѣтивъ переправу хищниковъ, онъ занялъ узкій проходъ, ведущій на дорогу къ селенію и упираясь однимъ крыломъ въ лѣсъ, а другимъ въ топкія непроходимыя болота, безстрашно ждалъ непріятеля. Черкесы, не предвидя никакой хитрости съ нашей стороны, густою толпою смѣло кину-

лись на команду Кондруцкаго, чтобы, прорвавъ ее, очистить себѣ путь къ селенію, но не добѣжавъ до нея на ружейный выстрѣлъ, были встрѣчены меткимъ удачнымъ залпомъ изъ ружей скрытою Кондруцкимъ въ удобномъ мѣстѣ залогою изъ 50-ти пѣшихъ козаковъ. Злодѣи дрогнули, смѣшались, но въ то же мгновеніе оправясь, съ стремленіемъ атаковали слабую залогу, спѣшившую отретироваться къ своей колоннѣ. Кондруцкій быстро поддержалъ отступленіе залоги и вступилъ въ жаркую перестрѣлку. Непріятель нѣсколько разъ бросался, чтобы проложить себѣ дорогу. Наконецъ, понеся значительную потерю и пользуясь захваченными въ плѣнъ съ нашей стороны 20-ю человѣками, слишкомъ далеко врѣзавшимися при послѣдней аттакѣ, началъ отступать. Кондруцкій быстро преслѣдовалъ его, желая отнять несчастныхъ плѣнниковъ; однакожъ къ сожалѣнію не могъ успѣть въ томъ. Достигши Кубани, хищники спѣшили перебѣжать на лѣвый берегъ, чтобы укрыться отъ пушечныхъ выстрѣловъ; но ледъ подъ тяжестью толпы обрушился и до 200 человѣкъ потопли.

Атаманъ Матвѣевъ скорбѣлъ душею о столь явной опасности нашей границы отъ безпрерывныхъ разбоевъ закубанскихъ хищниковъ и, желая сколько возможно отвратить оную, сносился съ анапскимъ пашею, требуя, чтобы онъ, по предоставленной ему власти турецкимъ правительствомъ, удерживалъ злодѣевъ и строго наказывалъ ихъ.

Сейдъ-Ахметъ, извѣстясь тѣмъ, что буйные возмутители самовольно подстрекаютъ къ набѣгамъ разбойниковъ, живущихъ на рѣчкахъ Абинѣ или Шепши и Афипсѣ, далъ обѣщаніе употребить самыя жесточайшія мѣры къ наказанію ихъ и тогда же разослалъ въ горскія владѣнія приказъ ловить разбойниковъ, вязать имъ камень на шею и кидать въ Кубань. Эта жестокая строгость имѣла надлежащее дѣйствіе: черкесы, зная, что мѣры турецкаго правительства всегда исполняются, оставили набѣги и не тревожили Черноморіи восемь мѣсяцевъ.

Но 24 декабря, когда Кубань опять покрылась льдомъ, хищники толпою до 2 тысячъ человѣкъ снова устремились на

разореніе пограничныхъ селеній и хуторовъ, лежащихъ ниже Екатеринодара. Къ особенному счастію войсковый старшина Стринскій успѣлъ скоро собрать сильныя команды изъ всѣхъ ему ввѣренныхъ кордоновъ съ двумя конными орудіями и, встрѣтивъ злодѣевъ надъ самою Кубанью, сразился съ ними неустрашимо и не допустилъ къ селеніямъ. Нападеніе ихъ на Стринскаго было стремительно жестоко: въ первой сшибкѣ съ козаками они успѣли было захватить одно орудіе съ ящикомъ, лошадьми и прислугою, однакожъ козаки твердо выдержали ударъ, съ усиліемъ кинулись на нихъ, отняли назадъ орудіе, разстроили ихъ и, положивъ намѣстѣ до 50-ти лучшихъ наѣздниковъ, остальныхъ обратили въ бѣгство.

Послѣ сего закубанцы еще нѣсколько разъ пытались къ грабежамъ нашихъ селеній и хотя успѣвали захватывать въ добычу скотъ и лошадей, но быстрыми дружными отраженіями командъ кордонной линіи были останавливаемы и съ уономъ въ своихъ шайкахъ лишаемы добычи своей. Такъ продолжалось до февраля мѣсяца 1819 года, съ того же времени по 1820 годъ вся наша граница была совершенно спокойна.

Кромѣ же сильныхъ набѣговъ закубанскихъ, терзавшихъ въ 1818 году Черноморію, край сей подвергся еще опаснѣйшему злу. Дѣйствіе ли какихъ либо зловредныхъ испареній, скопившихся въ атмосферѣ изъ гнилыхъ болотъ, наполняющихъ Черноморію, или другія какія причины, породили между здѣшними жителями тяжкія болѣзни и произвели повсемѣстно непомѣрную смертность, такъ что изъ десяти заболѣвшихъ умирало пять человѣкъ.

Атаманъ Матвѣевъ, совмѣстно съ главнымъ войсковымъ медикомъ, надворнымъ совѣтникомъ Прохоровичемъ, поспѣшилъ принять всѣ нужныя средства къ прекращенію сего зла. Онъ для поданія поспѣшнѣйшей помощи заболѣвающимъ въ отдаленныхъ отъ Екатеринодара селеніяхъ, учредилъ тогда же лазареты въ Щербиновкѣ и Брюховецкомъ, снабдивъ всѣми потребностями, отправилъ туда медицинскихъ чиновниковъ и аптеки, предписалъ всѣмъ земскимъ начальствамъ дѣятельно заботиться о несчастныхъ и самъ лично вездѣ поспѣшалъ на помощь страж-

дущему человѣчеству, въ Екатеринодарѣ же кромѣ госпиталей устроилъ для больныхъ престарѣлыхъ хорошую богадѣльню, которая и до сего времени служитъ вѣрнымъ спокойнымъ пристанищемъ бѣдствующимъ. Сею благодѣтельною рачительностію и столь скорыми полезными пособіями въ три мѣсяца болѣзни и смертность прекращены.

Послѣ сего Матвѣевъ занялся введеніемъ точнаго порядка во внутреннемъ управленіи войска и распространеніемъ благосостоянія для жителей, издалъ въ руководство всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей и правленій весьма полезныя правила для всѣхъ отраслей управленія. Графъ Ланжеронъ, желая улучшить войсковую суконную фабрику, тогда же прислалъ въ войско искуснаго фабриканта колониста Христіяна Шельфогеля.

Государь императоръ въ исходѣ сего года, увольнивъ по болѣзни отъ командованія 7-мъ черноморскимъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи козачьяго полка полковника Бурсака, высочайше соизволилъ утвердить вмѣсто его командиромъ эскадрона ротмистра Заводовскаго, нынѣ генералъ-маіора и наказнаго атамана войска.

Въ 1819 году атаманъ Матвѣевъ обратилъ особенное вниманіе на просвѣщеніе юношества въ Черноморіи; дабы возбудить во всѣхъ сословіяхъ войска общее ревностное содѣйствіе въ распространеніи сего блага человѣчества, онъ принялъ на себя званіе почетнаго смотрителя главнаго войковаго екатеринодарскаго училища и смотрителя всѣхъ приходскихъ, и стараясь о устройствѣ оныхъ, жертвовалъ собственныя суммы и приглашалъ всѣхъ черноморцевъ къ такимъ пожертвованіямъ.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ, получа донесеніе отъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Корнѣева, о такомъ полезномъ усердіи Матвѣева, свидѣтельствовалъ ему совершенную свою признательность и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ чрезъ графа Ланжерона, для поддержанія приходскихъ училищъ таманскаго, щербиновскаго, брюховецкаго и гривенскаго, производить отпускъ изъ войсковыхъ доходовъ на каждое по 150 рублей ежегодно. Такое поддержаніе училищъ возродило благотворное соревнованіе и въ прочихъ куре-

няхъ черноморскихъ. Въ скоромъ времени общества жителей Медведовки, Кущовки, Леушковки и нѣкоторыхъ другихъ куреней устроили приходскія училища, жертвуя добровольно для помѣщенія оныхъ домы и все нужное для удобнаго содержанія учителей. Тогда же занимавшійся въ войскѣ питейными откупами, сынъ курскаго 1-й гильдіи купца Сергѣй Антимоновъ, по приглашенію атамана, принесъ на содержаніе приходскихъ училищъ 6,500 рублей.

Кромѣ того атаманъ Матвѣевъ, желая навсегда упрочить безбѣдное содержаніе сихъ училищъ въ Черноморіи, нарочито отдѣлилъ на то часть войсковыхъ доходовъ, потомъ на сей же предметъ упросилъ занимавшихся въ войскѣ рыболовными промыслами иногороднихъ сего сословія промышленниковъ прибавить къ платимой ими пошлинѣ на рыбу еще нѣкоторую сумму, для нихъ нечувствительную, что они съ удовольствіемъ исполнили. Такимъ образомъ, щедротами монарха и добровольными приношеніями благотворителей просвѣщенія, главное екатеринодарское училище, имѣя приличное содержаніе, въ скоромъ времени умѣло составить экономической училищной суммы до 25 тысячъ и получило возможность разширить свои полезныя дѣйствія къ благу всѣхъ прочихъ юныхъ отраслей просвѣщенія въ Черноморіи. Благородная неутомимая дѣятельность Матвѣева въ развитіи просвѣщенія до сего времени памятна благодарнымъ черноморцамъ.

Тогда государю императору благоугодно было на смѣну оренбургскаго козачьяго полка высочайше повелѣть графу Ланжерону, если возможно, не ослабляя границы здѣшней, командировать одинъ черноморскій конный полкъ въ Царство Польское для содержанія карауловъ и разъѣздовъ на границѣ прусской. Графъ Ланжеронъ, сообщивъ высочайшую волю атаману, возложилъ на него составить новый 11-й конный полкъ изъ козаковъ безъсемейныхъ, бездомковъ, не имѣющихъ никакой осѣдлости въ войскѣ. Матвѣевъ не замедлилъ сформировать сей полкъ и 2 сентября, ввѣривъ оный достойному войсковому старшинѣ Стринскому, отправилъ изъ Екатеринодара. 5 генваря

1820 полкъ прибылъ въ Варшаву и удостоенный предстать на смотръ его императорскаго высочества, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, имѣлъ счастіе заслужить его высокую благодарность за исправность и отличный порядокъ во всѣхъ частяхъ. По окончаніи смотра Стрипскій вышелъ изъ Варшавы и 12 генваря, прибывъ въ Млаву, занялъ кордоны на границѣ Пруссіи.

Еще въ исходѣ минувшаго 1818 года графъ Ланжеронъ, желая улучшить внутреннее устройство въ войскѣ черноморскомъ, предписывалъ атаману Матвѣеву въ управленіи онымъ руководствоваться во всемъ положеніями войска донскаго. Матвѣевъ въ отвѣтѣ своемъ на предписаніе, изображая различіе сихъ двухъ козачьихъ войскъ, какъ въ самомъ составѣ ихъ службы, такъ въ образѣ ихъ жизни и наконецъ въ ихъ природныхъ характерахъ и обычаяхъ въ общежитіи, справедливо доказывалъ, что при нынѣшнемъ военномъ положеніи Черноморіи невозможно управлять симъ войскомъ правилами и положеніями войска донскаго и старался отклонить Ланжерона отъ такого мнѣнія.

Однакожъ графъ Ланжеронъ, не уваживъ причинъ, изложенныхъ Матвѣевымъ, приказалъ ему послать изъ сего войска къ донцамъ расторопнаго чиновника, который бы могъ наблюдать за всѣмъ ходомъ тамошняго внутренняго управленія, узнать всѣ правила, весь порядокъ онаго и по возвратѣ въ Черноморію могъ-бы служить руководителемъ при введеніи оныхъ въ семъ сословіи. Матвѣевъ, исполняя волю графа, посылалъ къ атаману войска донскаго, генералъ-лейтенанту Денисову, подполковника Дубоноса, и сей чиновникъ, почерпнувъ всѣ свѣдѣнія о тамошнемъ управленіи, доставилъ въ подробности Матвѣеву, который тогда же отправилъ оныя на благосмотрѣніе Ланжерону. Но войско черноморское осталось на прежнемъ положеніи. Между тѣмъ, присланный г. управлявшимъ министерствомъ полиціи, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Вязмитиновымъ, проэктъ вновь высочайше утвержденнаго карантиннаго устава и штатовъ атаманъ началъ вводить по войсковымъ карантинамъ.

Въ семъ году графъ Ланжеронъ поручилъ атаману Матвѣеву стараться посредствомъ коммисіонера, оставленнаго здѣсь г. де-Скасси для сношеній съ горцами, коллежскаго регистратора Мудрова о выкупѣ изъ плѣна людей захваченныхъ закубанцами на двухъ россійскихъ суднахъ, разбившихся у ихъ береговъ. Первое, принадлежавшее бериславскому мѣщанину Гурѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1818 года отправлено было изъ Херсона въ Ениколь съ казенными матеріалами, при двухъ кондукторахъ, съ шкиперомъ и отставнымъ канцеляристомъ Авраменкомъ, а второе, казенный транспортъ Рафаель, слѣдовавшій въ Гурію съ однимъ офицеромъ, однимъ вольнымъ коммисіонеромъ и 34 человѣками нижнихъ чиновъ, которые по несчастію были пригнаты противными вѣтрами къ черкесскимъ берегамъ, разбилось у оныхъ и все досталось въ добычу хищникамъ закубанскимъ.

При всѣхъ стараніяхъ атамана Матвѣева и коммисіонера Мудрова успѣли только выкупить шкипера перваго судна, Авраменка, и бывшаго на ономъ кондуктора Сачкова; другой же кондукторъ, Маринъ, съ прочими людьми и имуществомъ и весь безъ изъятія экипажъ транспорта Рафаеля не выкуплены, и судьба сихъ несчастныхъ осталась для насъ неизвѣстною.

1820. Несчастный для Черноморіи 1820-й годъ наступилъ въ тишинѣ, и сія тишина была вѣрною предвѣстницею послѣдующихъ бѣдствій.

Неблагопріятныя извѣстія, полученныя еще 17 октября 1819 г. отъ торговавшаго у закубанцевъ армянина Миноса Косокира о злоумышленныхъ поступкахъ анапскаго паши Сейдъ Ахмета, побуждавшаго непріязненныхъ Россіи владѣльцевъ горскихъ племенъ натухайскаго, сапсугскаго, абазехскаго и чичинейскаго къ возобновленію сильнѣйшихъ набѣговъ на всѣ пункты черноморской границы, а въ особенности на г. Екатеринодаръ, грозили вѣроятнымъ бѣдствіемъ.

Армянинъ клялся, что во время нахожденія своего въ Анапѣ, посѣтивъ пашу, самъ видѣлъ тѣхъ владѣльцевъ и слышалъ, какъ Сейдъ-Ахметъ, осыпая ихъ щедро подарками и деньгами, возбуждалъ, просилъ, приказывалъ усилить набѣги значитель-

ными шайками и грабить Черноморію безпощадно, какъ давали они присягу исполнить его желаніе и наконецъ какъ паша, не довольствуясь одними ихъ обѣщаніями, при немъ отправилъ одного особаго чиновника къ горскимъ народамъ съ богатыми дарами для скорѣйшаго возмущенія ихъ. Всѣ сіи вѣсти къ несчастію были справедливы.

Атаману Матвѣеву, для отвращенія столь явной грозы, надлежало-бы, по примѣру достойныхъ своихъ предмѣстниковъ, немедленно вооружиться, ходатайствовать о разрѣшеніи и дѣйствовать противу злодѣевъ наступательно, должно было бы вооруженною рукою удержать ихъ стремленія, заставить отречься отъ своихъ предпріятій и жесточайшимъ наказаніемъ дать имъ почувствовать, что Черноморія еще не ослабѣла въ своихъ силахъ, еще имѣетъ мужественныхъ предводителей.

Но Матвѣевъ миролюбивый, связанный повелѣніями графа Ланжерона, кромѣ отраженій, не дѣйствовалъ противу черкесъ наступательно, по случаю существовавшей тогда въ горахъ заразительной болѣзни, сверхъ того, къ сожалѣнію, слѣдовалъ болѣе ошибочнымъ совѣтамъ, совершенно не знавшаго черкесъ, надворнаго совѣтника де-Скасси, сдѣлавшагося тогда попечителемъ иностранной торговли, имѣвшаго особенныя порученія графа Ланжерона и министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовалъ мѣрами кротости противъ замысловъ разбойничьихъ и, донося о томъ графу Ланжерону, просилъ его ходатайствовать у Оттоманской порты чрезъ полномочнаго нашего въ Константинополѣ барона Строгонова о удержаніи горцевъ отъ губительныхъ набѣговъ.

Переговоры начались. Анапскій паша отговаривался, что онъ не въ силахъ удерживать своевольныхъ непокорныхъ злодѣевъ; изъ этаго возникла обширная переписка, но черкесы не ожидали окончанія оной и 23 генваря смѣло открыли свои дѣйствія.

Переправясь вблизи воронежскаго поста многочисленными толпами, они устремились грабить селеніе Васюринское. Есаулы Косовичъ и Забора, соединя свои команды съ 2-мя орудіями,

отрѣзали хищникамъ путь къ селенію и вступили съ ними въ бой. Смѣло сразились козаки, но слабы были ихъ силы удержать жестокій натискъ многочисленныхъ грабителей; уже храбрые мѣшались, готовились отступать, но къ счастію въ это время войсковый старшина Гавришъ съ 150-ю козаками прискакалъ къ нимъ на помощь, поддержалъ изнемогающихъ и, соединясь съ ними, рѣшительно ударилъ въ густоту толпы непріятельской, разстроилъ оную и заставилъ обратиться на свою сторону безъ всякой добычи, съ одними только плѣнными: 1 оберъ-офицеромъ и двумя козаками, захваченными злодѣями на пути къ селенію. Въ семъ дѣлѣ съ обоихъ сторонъ потеря была незначительна.

Неудача сія не отвратила закубанцевъ отъ набѣговъ; на другой день, 24 генваря, они были счастливѣе. Собравшись въ числѣ до 7-ми тысячъ, они въ полночь прошли въ дистанціи Елисаветинскаго поста на нашу сторону и быстро кинулись къ козачьимъ хуторамъ, разселеннымъ въ 15 верстахъ отъ Кубани. Напрасно неустрашимые подполковникъ Ляшенко и войсковый полковникъ Порохня съ 300 козаками старались остановить хищниковъ. Они презрѣли ихъ малочичленность, однимъ ударомъ разорвали ихъ ряды и вольно пошли къ хуторамъ, разграбили, разорили, сожгли ихъ; увели въ плѣнъ 16 душъ мужескаго, 13 женскаго пола, 8 человѣкъ жителей убили, захватили 700 штукъ рогатаго скота, 100 лошадей и, хотя съ значительнымъ урономъ въ толпѣ своей, понесли однакожъ за Кубань взятую у насъ добычу.

26 генваря вблизи воронежскаго поста ворвалась толпа хищниковъ для грабежа Васюринскаго селенія, но бывъ встрѣчена съ одной стороны есауломъ Косовичемъ, а съ другой двумя конными полками войсковыхъ старшинъ Кривошеи и Гавриша и лишась въ первой схваткѣ съ козаками своего предводителя, убитаго пулею, у котораго тогда и знамя отнято, обратились назадъ. 31 генваря они испытали равную-же неудачу въ набѣгѣ своемъ въ дистанціи Елисаветинскаго поста.

1-го числа февраля на разсвѣтѣ значительныя шайки злодѣевъ показались на лѣвой сторонѣ Кубани, и въ продолженіи цѣлаго дня видны были ихъ движенія къ разнымъ пунктамъ нашей кордонной линіи; къ вечеру;же до 8-ми тысячъ перешли по льду Кубань въ трехъ мѣстахъ возлѣ Ольгинскаго поста и пошли грабить селеніе Полтавское. Войсковый полковникъ Стороженко и есаулъ Животовскій, соединивши свои команды, по слѣдамъ хищниковъ устремились въ помощь есаулу Сѣромахѣ и хорунжему Синьговскому, уже сражавшемуся въ улицахъ селенія. Отчаянное нападеніе Стороженка и Животовскаго принудило грабителей остановить разбои, довольствоваться захваченными ими въ крайнихъ домахъ селенія плѣнными, 15-ю душами обоего пола жителей, 80 штукъ рогатаго скота и 100 овецъ. Съ сею добычею непріятель поспѣшилъ отретироваться къ Кубани. Потеря наша при семъ сраженіи, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ, оказалась слѣдующая: убиты храбрый хорунжій Синьговскій и 2 козака, ранены 4 козака. Черкесы оставили на мѣстѣ 11 тѣлъ и 9 лошадей.

Подобные набѣги съ 2-го по 16-е февраля продолжались постоянно въ разныхъ пунктахъ границы, но уже не въ такихъ значительныхъ силахъ, и потому кордонною стражею были отражаемы; 17-го-же числа хищники имѣли полную удачу.

Въ полдень 4,000 отборныхъ наѣздниковъ перешли Кубань въ дистанціи Петровскаго поста и, увѣренные въ слабости нашей кордонной стражи, явно, смѣло летѣли на разореніе хуторовъ черноморскихъ. Начальникъ Петровскаго поста есаулъ Куипанъ съ своею ничтожною командою вышелъ противъ злодѣевъ и рѣшился сразиться съ ними, чтобы спасти несчастныхъ жителей; но былъ разсѣянъ и прогнанъ, потерявъ убитыми 3-хъ и взятыми въ плѣнъ 10 козаковъ.

Поспѣшившій въ помощь Куипану съ другой стороны войсковый полковникъ Головинскій съ 150-ю козаками подвергся равной же участи, злодѣи совершенно разогнали его команду и, не встрѣчая болѣе препятствій, свободно, безжалостно начали свирѣпствовать въ хуторахъ: взяли въ плѣнъ до 20-ти душъ

обоего пола, захватили въ добычу 50 лошадей, 900 штукъ рогатаго скота и, предавши огню все строеніе, пошли на свою сторону безъ малѣйшей потери.

Такое бѣдствіе Черноморіи печалило графа Ланжерона. Онъ прислалъ къ атаману Матвѣеву своего адъютанта, гвардіи штабъ-капитана Выгилина, съ приказаніемъ собрать для подкрѣпленія границы всѣ совершенно черноморскіе полки, вооружить для защиты селеній всѣхъ жителей и въ то же время требовалъ отъ атамана войска донскаго, генералъ-лейтенанта Денисова, два донскихъ полка на усиленіе здѣшней кордонной линіи, которые вскорѣ прибыли подъ начальствомъ подполковниковъ Желтоножскаго и Кутейникова и разставлены по кордонамъ; сверхъ того предписалъ употребить дѣятельнѣйшія старанія къ охраненію несчастныхъ жителей отъ разореній и за всякое злодѣяніе жестоко наказывать закубанцевъ. Но и сіе не было съ пользою исполнено.

Анапскій паша, котораго Матвѣевъ убѣждалъ удерживать горцевъ отъ набѣговъ, отвѣчалъ, что онъ уже не можетъ останавливать ихъ, что они рѣшились всегда воровать и трабить Черноморію и что намъ самимъ должно ловить ихъ и наказывать, какъ хотимъ. Только съ наступленіемъ весны Черноморія нѣкоторое время отдохнула отъ набѣговъ черкесскихъ. Ледъ на Кубани разрушился и переправа сдѣлалась для нихъ затруднительною.

Между тѣмъ 11 апрѣля государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть, по мѣстному положенію черноморскаго войска, отдѣлить оное отъ вѣдомства таврической губерніи и подчинить начальнику кавказскаго корпуса. А 19 апрѣля высочайше утвержденъ докладъ управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника, графа Кочубея, о умноженіи сего войска переселеніемъ 25-ти тысячъ семей малороссійскихъ козаковъ черниговской и полтавской губерній. Вслѣдъ за симъ, по высочайшему повелѣнію, прибылъ въ войско инженеръ подполковникъ Парокья для строгаго осмотра и правильнаго укрѣпленія черноморской кордонной линіи.

17 мая исполнилось важнѣйшее предположеніе Матвѣева къ распространенію въ Черноморіи просвѣщенія. Въ Екатеринодарѣ, по высочайшему повелѣнію, въ присутствіи ординарнаго профессора императорскаго харьковскаго университета Пауловича, торжественно открыта гимназія и на содержаніе оной опредѣлено отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно по 5,800 рублей ассигнаціями.

Графъ Ланжеронъ, съ прискорбіемъ разставаясь съ черноморцами и дабы оставить память благодѣтельнаго своего попеченія о ихъ счастіи, исходатайствовалъ у государя императора высочайшія награды достойнѣйшимъ членамъ сего сословія.

Главнокомандовавшій въ Грузіи генералъ Ермоловъ, съ поступленіемъ въ начальство его сего войска, желая прекратить дерзости закубанцевъ и доставить благотворное спокойствіе сему войску, 19 ноября отправилъ изъ Грузіи въ Черноморію войска донскаго генералъ-маіора Власова; приказалъ ему внимательно осмотрѣть здѣшнюю границу, для лучшей обороны укрѣпить оную во всѣхъ пунктахъ, вникнуть въ службу козаковъ, замѣтить исправность ихъ вооруженія, способъ ихъ дѣйствія противу непріятеля, поручилъ въ точности изслѣдовать составъ полковъ, порядокъ управленія оными, исправить вездѣ недостатки и по обозрѣніи всего принять въ непосредственное свое распоряженіе кордонную линію и защищать оную отъ хищниковъ.

Генралъ-маіоръ Власовъ 6 декабря прибылъ въ Екатеринодаръ, и атаманъ Матвѣевъ немедленно исполнилъ волю генерала Ермолова, отдавъ о томъ приказъ по войску. Первоначальныя его распоряженія по кордонной линіи, его внимательное, усердное стараніе къ сохраненію оной, показали черноморцамъ, что онъ достоинъ управлять ими, и они спѣшили ревностно исполнять его приказанія, единодушно содѣйствовать ему во всѣхъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ.

1821 г. Заботливое огражденіе кордонной линіи, усиленіе пограничныхъ карауловъ, безпрерывные разъѣзды по границѣ нашихъ командъ, недремлемая бдительность надъ самой Кубанью неутомимыхъ пластуновъ и общее рвеніе командировъ отдѣль-

ныхъ частей къ доставленію прочнаго спокойствія своей родинѣ (въ началѣ 1821 года) удержали закубанцевъ отъ гибельныхъ набѣговъ. Генералъ-маіоръ Власовъ бодрствовалъ и посредствомъ вѣрныхъ лазутчиковъ внимательно слѣдилъ всѣ ихъ движенія.

Анапскій паша, свѣдавъ о водворенномъ порядкѣ на нашей границѣ, сдѣлался ласковѣе. По сношеніямъ съ нимъ генерала Ермолова онъ обѣщалъ удерживать по возможности черкесъ отъ хищничествъ, стараться понудить ихъ возвратить загребленный въ послѣдніе набѣги у жителей Черноморіи скотъ и взятыхъ въ плѣнъ людей и о всѣхъ ихъ враждебныхъ покушеніяхъ на будущее время непремѣнно давать знать Власову. Сіе послѣднее обѣщаніе Сейдъ-Ахметъ тогда же исполнилъ, прославъ въ бугазскую карантинную заставу своего нарочнаго съ извѣстіемъ о многочисленномъ собраніи злодѣевъ, готовящихся вторгнуться въ предѣлы Черноморіи. Но таковое извѣстіе до самой осени ничѣмъ не подтверждалось, и Черноморія была въ совершенномъ спокойствіи.

Однакожъ, не смотря на сіе, генералъ Власовъ во все лѣто не отпускалъ полковъ съ кордонной линіи въ дома и сія мѣра хотя тягостна была для козаковъ, семействъ ихъ и разоряла ихъ хозяйство, разстраивала у многихъ домовность, но съ другой стороны приносила большую пользу всему сословію охраненіемъ онаго отъ внезапныхъ нападеній злыхъ сосѣдей, потому болѣе, что водворяла повсемѣстное спокойствіе.

Въ это время генералъ Власовъ, извѣстясь отъ начальника 3-й части пограничныхъ корауловъ, полковника Безкровнаго, что Каракубанскій островъ, занимаемый закубанцами, есть самый важнѣйшій сборный ихъ пунктъ, гдѣ они всегда свободно укрываются въ пустыхъ, нарочито для того ими устроенныхъ аулахъ и при удобномъ случаѣ производятъ изъ онаго свои вредные набѣги въ наши предѣлы, поручилъ ему переправиться въ тотъ островъ и истребить до основанія всѣ разбойничьи притоны. 3 и 9 маія полковникъ Бекровный исполнилъ волю Власова: предалъ огню множество пустыхъ ауловъ съ устроенными въ нихъ конюшнями и коновязями, не только на Каракубанскомъ островѣ,

но и на лѣвой сторонѣ Кубани, противъ урочища Прусовый кутъ, скрытыхъ въ густотѣ лѣсовъ и огражденныхъ топкими болотами.

Наконецъ въ исходѣ сентября извѣстіе анапскаго паши подтвердили приверженные намъ черкесы, давъ знать генералу Власову, что три тысячи хищниковъ, предводительствуемые князьями Бет-мерзише Детырь-Оглу и Абатомъ Дадаруномъ готовятся грабить Черноморію.

Въ вечеру 2 октября вѣрные стражи Кубани пластуны открыли въ дистанціи Петровскаго поста сію грозную шайку злодѣевъ, уже начавшую переправляться чрезъ рѣку Давидовку (вытекающую изъ Кубани въ 8-ми верстахъ отъ поста) и поспѣшили донести о своемъ открытіи.

Генералъ-маіоръ Власовъ, по первому извѣстію прискакавшій въ Петровскій постъ, принялъ самыя строжайшія мѣры осторожности, чтобы ни въ какомъ пунктѣ не допустить злодѣевъ нанести вредъ жителямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжался, чтобы за дерзское покушеніе непремѣнно ихъ наказать. Онъ немедленно разослалъ перед вые патрули для наблюденія за движеніями непріятеля, а самъ съ собраннымъ отрядомъ изъ 600 конныхъ и 70 пѣшихъ козаковъ при 2-хъ орудіяхъ вышелъ язъ поста и изготовился къ дѣйствію. Караулы скоро замѣтили направленіе шайки къ черно-эрковскимъ хуторамъ, скрытно извѣстили о томъ отрядъ и Власовъ приказалъ дать имъ свободный ходъ. Злодѣи быстро понеслись чрезъ почтовую дорогу и въ надеждѣ вѣрной добычи летѣли безпрепятственно къ хуторамъ. Въ слѣдъ за ними Власовъ тотчасъ отрядилъ есаула Залѣскаго съ 50-ю козаками, приказавъ ему догнать ихъ, завязать съ ними перестрѣлку, непремѣнно обратить ихъ противу себя и, отступая медленно, навести ихъ на главный отрядъ. Залѣскій поскакалъ, его подкрѣпила другая сильнѣйшая команда, и перестрѣлка съ черкесами завязалась. Они, полагая, что сіи ничтожныя партіи козаковъ есть единственная защита хуторовъ, съ ожесточеніемъ ударили на нихъ всею массою, чтобы подавить ихъ и совершенно истребить; но козаки искусно ретиру-

ясь, вели злодѣевъ на вѣрную погибель и, усиленные еще 3-ю командою, подоспѣвшею съ однимъ орудіемъ изъ славянскаго поста, удачно сманили ихъ съ прежняго направленія, заскакали имъ въ тылъ и поставили ихъ лицемъ прямо противу главнаго отряда. Въ это время запылали по всей границѣ маяки, загремѣли сигнальные пушечные выстрѣлы.

При освѣщеніи маяковъ злодѣи увидѣли, куда завлеклись. Власовъ стройно стоялъ предъ ними, какъ грозный мститель. Удивленные столь неожиданнымъ обманомъ ничтожныхъ нашихъ партій, они съ отчаяніемъ кинулись на главный отрядъ, желая пробиться къ своей переправѣ на Кубань. Благоразумный Власовъ, встрѣтивъ ихъ картечью изъ двухъ орудій, хитро отклонился съ отрядомъ въ глубину камышей. Злодѣи не остереглись и въ семъ случаѣ: принявъ хитрость Власова за бѣгство его и стремительно преслѣдуя, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ, слишкомъ отдалились въ право къ топкому лиману и дали время присоединиться къ отряду отдѣльнымъ нашимъ партіямъ, прежде ихъ преслѣдовавшимъ. Тогда Власовъ быстро атаковалъ ихъ своею кавалеріею въ флангъ: мужественные козаки дружнымъ ударомъ мгновенно смяли многочисленную толпу, обратили ее въ бѣгство, опрокинули въ лиманъ и безъ всякой пощады мстили хищникамъ за ихъ разбои. Пораженіе сіе было жесточайшее; злодѣи искали спасенія въ глубинѣ лимана, вязли въ грязи, тонули, весьма малая часть успѣла только прорваться влѣво отъ лимана и бѣгствомъ спаслась отъ погибели, прочіе всѣ пали на мѣстѣ. Одинъ князь и 45 наѣздниковъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, найдено въ камышахъ убитыхъ и тогда же вытащено изъ лимана утонувшихъ 400 человѣкъ; отбито два знамени, 350-ть ружей, множество пистолетовъ и шашекъ и 516 лошадей, съ нашей же стороны убитъ 1 козакъ, утонуло при преслѣдованіи за лиманомъ 4 и ранено 14 человѣкъ.

4-го октября снова въ томъ-же мѣстѣ была замѣчена шайка хищниковъ изъ 1,000 человѣкъ, вѣроятно слѣдовавшая для отысканія погибшихъ на лиманѣ своихъ товарищей. Войсковый

старшина Журавель, по приказанію генерала Власова, немедленно выступилъ съ отрядомъ для пораженія злодѣевъ. Раздѣливъ отрядъ свой на три партіи и ввѣривъ 1-ю есаулу Кедѣ, 2-ю есаулу Залѣсскому, а 3-ю начальствуя самъ, Журавель скрытно старался обойти непріятеля съ трехъ сторонъ и къ счастію достигъ своего желанія. Онъ окружилъ неосторожныхъ, рѣшительнымъ нападеніемъ привелъ ихъ въ совершенную робость, обратилъ въ бѣгство, разсѣялъ и, преслѣдуя, успѣлъ захватить въ плѣнъ 4-хъ, убилъ 50 человѣкъ, всѣхъ-же прочихъ прогналъ за Кубань, потерявъ съ своей стороны убитыми 2-хъ и раненными 6 козаковъ.

Мужественные подвиги храбрыхъ черноморцевъ въ сихъ двухъ битвахъ одушевили ихъ, обезопасили спокойствіе мирныхъ обитателей и заслужили признательность корпуснаго командира генерала Ермолова, который тогда-же исходатайствовалъ у государя императора высочайшія награды генералу Власову и всѣмъ его сподвижникамъ.

Между тѣмъ Черноморія страдала внутри: появившаяся лѣтомъ саранча истребила весь хлѣбъ и голодъ открылся. Никакія благоразумныя мѣры, предпринимаемыя атаманомъ Матвѣевымъ, не могли отвратить сего несчастія. Повсемѣстно страдали коренные жители Черноморіи; но еще въ жалостнѣйшемъ положеніи находились вновь прибывшіе на усиленіе войска переселенцы изъ полтавской и черниговской губерній и не было средствъ подать имъ помощи. Наконецъ Матвѣевъ, по совѣщанію съ генераломъ Власовымъ, рѣшился въ таковой крайности прибѣгнуть къ послѣднему источнику, къ подаянію благотворителей. Онъ написалъ воззваніе ко всему сословію войска, откровенно изъяснялъ предъ ними несчастное положеніе бѣдныхъ переселенцевъ и просилъ человѣколюбивыхъ облегчить страданія бѣдствующихъ собратій благотворительными приношеніями. При общенародномъ бѣдствіи, казалось, трудно было ожидать атаману успѣха въ сей крайности; но человѣколюбивые черноморцы вняли призыву попечительнаго начальника и отъ послѣднихъ избытковъ подавали пособіе неимущимъ.

Вскорѣ успѣлъ атаманъ собрать 10 тыс. рублей ассигнаціями, 80 четвертей хлѣба, 16 лошадей, 317 штукъ рогатаго скота, 1050 овецъ, и участь страдавшихъ начала облегчаться.

Кромѣ того генералъ Ермоловъ, зная бѣдствіе войска, предписалъ Матвѣеву и всѣмъ полкамъ, состоящимъ на кордонной линіи, отпускать изъ войсковыхъ магазиновъ только по два фунта хлѣба въ сутки на человѣка, остающійся-же отъ такой экономіи 1 фунтъ употребить на поддержаніе переселенцевъ. Матвѣевъ исполнилъ это, съ тою разницею, что вмѣсто отнятаго у козаковъ фунта хлѣба, приказалъ отпускать имъ говядину изъ жертвуемаго благотворителями скота. Сіи благоразумныя распоряженія сохранили до новаго урожая жизнь тысячамъ людей, могшимъ погибнуть отъ голода.

Генералъ Ермоловъ, благодаря войско за человѣколюбивыя пожертвованія и желая не допустить доходовъ онаго до разстройства, при непомѣрной дороговизнѣ въ то время на хлѣбъ, предписалъ уничтожить войсковый конный заводъ, какъ мало приносившій пользы и напротивъ требовавшій большихъ расходовъ для своего содержанія. Всѣ лошади тогда-же были проданы войсковымъ правительствомъ и вырученныя за нихъ деньги послужили большою помощію въ сохраненіи цѣлости войсковой суммы.

Генералъ маіоръ Власовъ предположилъ съ наступленіемъ 1822 года очистить лѣвой берегъ рѣки Кубани отъ густыхъ лѣсовъ, которые, скрывая оный совершенно отъ наблюденій нашей кордонной стражи, служили удобнымъ пристанищемъ закубанцевъ, готовившихся къ внезапнымъ набѣгамъ на предѣлы Черноморіи. Въ генварѣ, онъ, переправивъ отряды за Кубань въ трехъ пунктахъ кордонной линіи и распорядившись защитить ихъ нарочитыми засѣками, приказалъ заниматься рубкою лѣса. Въ теченіи мѣсяца отряды сіи успѣли очистить непріятельскій берегъ на весьма значительное разстояніе, а весь лѣсъ, тамъ вырубленный, былъ отданъ жителямъ селеній для ихъ хозяйственныхъ построекъ. Но козаки, находившіеся въ засѣкахъ, состоя на собственномъ продовольствіи, очень недостаточномъ при

тогдашнемъ неурожаѣ хлѣба, терпѣли ужасный голодъ, заболѣвали; открылась непомѣрная смертность. По недостатку въ войскѣ медицинскихъ чиновниковъ были немедленно командированы лучшіе фельдшера съ медикаментами и сіе зло вскорѣ прекратилось: отряды перемѣнены другими свѣжими козаками. Полковникъ Безкровный, по приказанію Власова, принялъ начальство надъ всѣми засѣками, оградилъ оныя бдительными разъѣздами отъ нападеній безпокойныхъ непріятелей и заботился о сохраненіи здоровья козаковъ.

Между тѣмъ Власовъ, получивъ разрѣшеніе генерала Ермолова сдѣлать движеніе за Кубань, для наказанія горцевъ, занялся приготовленіемъ отряда къ экспедиціи. Выждавъ удобное время, онъ 2-го подъ 3-е февраля съ 2,200 конныхъ и 1,100 пѣшихъ черноморцевъ и двумя ротами навагинскаго пѣхотнаго полка переправился за Кубань и быстро двинулся къ ближайшимъ черкесскимъ ауламъ, разсѣяннымъ по рѣкамъ Пшецызѣ, Кунь и Богундырь. Пользуясь темнотой ночи, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на малыя партіи и въ одно время повелъ аттаку на 8 ауловъ. Жилища злодѣевъ запылали, устрашенныя жены и дѣти спасались бѣгствомъ въ ближайшій лѣсъ, оставя намъ въ добычу все свое имущество. Предавши огню весь хлѣбъ и сѣно, заготовленное въ истребленныхъ аулахъ, отрядъ нашъ взялъ 700 штукъ рогатого скота и до 500 овецъ и благополучно возвратился къ Кубани. Генералъ Ермоловъ за успѣхъ сей экспедиціи благодарилъ всѣхъ участвовавшихъ въ оной приказомъ по корпусу.

При всѣхъ бѣдствіяхъ голода, еще жестоко тяготившихъ Черноморію, человѣколюбивые здѣшніе благотворители спѣшили подать помощь и вдали страждущимъ. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей извѣстилъ атамана Матвѣева о несчастіи, постигшемъ жителей города Фридланда отъ пожара, истребившаго все ихъ имущество. По первому воззванію Матвѣева къ черноморцамъ, они принесли въ жертву 1,555 руб. ассигнаціями, которые тогда же и были отправлены къ графу Кочубею.

Страдавшіе равномѣрно отъ голода закубанцы бѣжали въ семъ году толпами на жительство въ Черноморію, въ особенности женщины съ дѣтьми, и попечительное войсковое правительство съ отеческимъ участіемъ принимало и водворяло ихъ между азіатцами, обитавшими на нашей землѣ.

1823 г. атаманъ Матвѣевъ, при содѣйствіи генералъ-маіора Власова, неутомимо занимался водвореніемъ на землѣ сего войска вновь прибывающихъ переселенцевъ, съ отеческою попечительносію заботился объ улучшеніи участи козачьихъ семействъ, пострадавшихъ отъ голода въ бѣдственные минувшіе два года, трудился вмѣстѣ съ войсковымъ правительствомъ въ достиженіи возможнаго благоустройства Черноморіи и, посвятивъ себя совершенно такимъ полезнымъ занятіямъ, не мыслилъ болѣе о славѣ военной и отказывался отъ всякаго участія въ распоряженіяхъ по кордонной линіи, предоставивъ оную вполнѣ Власову.

Генералъ сей умѣлъ цѣнить столь священныя заботы атамана и съ своей стороны старался во всемъ быть ему ревностнымъ помощникомъ. Онъ собраннымъ въ зиму 1823 года на подкрѣпленіе границы отрядамъ черноморцевъ приказалъ по прежнему заняться рубкою лѣса на лѣвомъ берегу Кубани и предоставилъ полную свободу жителямъ пользоваться тѣмъ лѣсомъ для нуждъ собственныхъ и общественныхъ по куренямъ.

Симъ распоряженіемъ генералъ Власовъ сдѣлалъ важное пособіе не однимъ новымъ переселенцамъ, но и старожилымъ козакамъ порознь, и обществамъ куреннымъ въ цѣломъ составѣ, и наконецъ самому войсковому правительству. Изъ вырубаемаго лѣса переселенцы не затруднялись обзаводиться необходимою хозяйственною постройкою; старожилые козаки легко исправляли рушившіяся свои хижины и прочее; куренныя общества не имѣли нужды прибѣгать къ пожертвованіямъ жителей для строенія храмовъ Божіихъ, починки оныхъ и ограды, для сборныхъ избъ, для окружныхъ присутственныхъ мѣстъ и при оныхъ тюремъ для содержанія преступниковъ. Войсковое правительство, безъ всякихъ издержекъ войсковыхъ суммъ, или соли, на покупку и на мѣну у закубанцевъ строеваго лѣса,

устраивало почтовыя станціи, ограждало заборами изъ кольевъ пограничныя селенія для безопасности отъ хищниковъ и пріобрѣтало достаточно лѣса для прочихъ войсковыхъ потребностей; однимъ словомъ всякій нуждающійся былъ вполнѣ удовлетворяемъ, а при томъ и самая кордонная линія имѣла отъ сего занятія ощутительную пользу: по очищеніи лѣсистыхъ скрытныхъ мѣстъ лѣваго берега Кубани пограничная стража получила облегченіе въ своихъ наблюденіяхъ за всѣми непріязненными движеніями своихъ злыхъ сосѣдей и имѣла возможность исправить кордонныя строенія и посты.

Но таковое полезное пріобрѣтеніе для Черноморіи не нравилось закубанцамъ. Они не могли быть равнодушными зрителями столь сильнаго истребленія своихъ лѣсовъ, приносившихъ имъ всегда большія выгоды мѣною дерева на соль и другія наши произведенія для нихъ необходимыя. Злодѣи неоднократно въ продолженіи сихъ занятій покушались нападать на наши отряды, однакожъ были удачно отражаемы.

Генералъ-маіоръ Власовъ, видя, что произведенная противу нихъ въ прошломъ году губительная экспедиція еще не устрашила ихъ, не отвратила отъ алчности къ разбоямъ и что они уже забыли сдѣланное имъ наказаніе, рѣшился снова наказать хищниковъ.

Предметомъ сей экспедиціи онъ предположилъ истребленіе трехъ ауловъ на рѣчкѣ Тихинькой, въ коихъ обитали злѣйшіе разбойники съ своими предводителями Джамборомъ, Асланъ Мурзою и Цеень-Дедекомъ. Въ ночь на 4-е февраля Власовъ, собравъ отрядъ изъ 200 конныхъ, 600 пѣшихъ черноморцевъ и 250 солдатъ навагинскаго пѣхотнаго полка, съ двумя конными черноморскими орудіями, переправился за Кубань и скрытною дорогою до разсвѣта приблизился къ тѣмъ ауламъ, спокойно, осторожно. Тамъ раздѣливъ отрядъ на три части, приказалъ въ одно время атаковать всѣ три аула. На разсвѣтѣ 5 февраля дружно ударили наши на враждебныя жилища, зажгли ихъ и кинулись опустошать. Устрашенные неожиданнымъ нападеніемъ враги спѣшили спасаться бѣгствомъ и гибли въ рѣкѣ и огнѣ.

Отрядъ нашъ взялъ въ плѣнъ 143 души обоего пола съ добычею 700 штукъ рогатаго скота, 1000 овецъ и до 100 лошадей, и безъ урону возвратился къ Кубани. Но на обратномъ пути 200 дерзскихъ наѣздниковъ, въ панцыряхъ, вздумали безпокоить нашъ правый флангъ и лишить насъ плодовъ побѣды. Генералъ Власовъ воспользовался удобнымъ мѣстоположеніемъ, внезапно обратилъ противъ нихъ черноморскихъ пластуновъ и въ полчаса злодѣи были разсѣяны. 20-ть человѣкъ взято въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и 45 лошадей съ подъ убитыхъ достались намъ, съ нашей же стороны ранены только 7 козаковъ и 3 солдата, убиты оберъ-офицеръ 1 и урядникъ 1.

Горя желаніемъ отмстить за славную нашу удачу, закубанцы въ теченіи лѣта нѣсколько разъ многочисленными шайками собирались для набѣговъ въ Черноморію, но на всѣхъ пунктахъ находили неусыпныхъ стражей общаго спокойствія и, поражаемые, обращались въ бѣгство. Дабы остановить такіе разбои, генералъ Власовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ снова открылъ военныя дѣйствія, страшныя для разбойниковъ, славныя для насъ.

4 сентября онъ переправился за Кубань съ отрядомъ черноморцевъ въ Александровскомъ посту, огнемъ истребилъ три аула, ближайшіе къ Кубани, гдѣ злодѣи имѣли вѣрное пристанище во время собраній къ набѣгамъ, взялъ въ плѣнъ 1 дворянина, 5 простыхъ черкесъ, двухъ грековъ турецко-подданныхъ, двухъ армянъ, множество предалъ смерти и двинувшись во внутрь чичинейскихъ владѣній, разогналъ многочисленныя ихъ скопища, собравшіяся для грабежей.

22-го ноября съ сильнымъ отрядомъ ходилъ истреблять аулы абазеховъ, живущихъ за 60 верстъ отъ Кубани, въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ и закрываемыхъ отъ насъ народомъ хамышейскимъ. Онъ произвелъ тамъ ужасное опустошеніе, выжегъ весь хлѣбъ и сѣно и, захвативши до 100 штукъ рогатаго скота, возвратился почти безъ урону; но жители предо-

стереглись отъ сего нападенія и успѣли скрыться изъ жилищъ въ лѣса.

16 декабря онъ наказывалъ жесточайшимъ образомъ самыхъ непримиримѣйшихъ враговъ Черноморіи сапсуговъ, живущихъ по рѣчкахъ Азипсъ, Хавль и Камель-Ждукъ, предалъ огню ихъ аулы и хутора со всѣми хозяйственными запасами, взялъ 500 штукъ рогатаго скота, до 1000 овецъ, множество разнаго имущества и оружія и съ этою экспедиціею окончилъ въ семъ году дѣйствія противу закубанцевъ.

Неутомимые мужественные черноморцы вездѣ отличались примѣрнымъ безстрашіемъ и рвеніемъ въ исполненіи благоразумныхъ плановъ достойнаго предводителя. Генералъ Власовъ, довольный подвигами вѣрныхъ своихъ товарищей, ходатайствовалъ предъ корпуснымъ командиромъ о наградѣ ихъ и высочайшія милости всеавгустѣйшаго монарха щедро изливались на доблестныхъ сыновъ Черноморіи.

Между тѣмъ, во время сихъ дѣйствій Власова, атаманъ Матвѣевъ и войсковое правительство съ успѣхомъ улучшали благосостояніе Черноморіи благоразумными распоряженіями.

Государь императоръ, по представленію Ермолова, высочайше соизволилъ разрѣшить за вѣрную полезную службу черноморцевъ удостоивать козаковъ, служащихъ безпорочно 20 лѣтъ на кордонѣ, къ наградѣ орденомъ св. Анны.

Въ семъ же году, по высочайшей волѣ, II-й конный черноморскій полкъ, находившійся въ Царствѣ Польскомъ, смѣненъ 3-мъ конным подъ командою полковника Безкровнаго.

1824 годъ, при совершенномъ спокойствіи нашей границы, генералъ-маіоръ Власовъ началъ дѣйствіемъ противъ непріязненнаго намъ хамышейскаго владѣтеля князя Ногай-Чирея и переселившагося къ нему единомышленника въ разбояхъ, сапсугскаго дворянина Абата Бесленея.

Въ ночь на 27 генваря Власовъ съ отрядомъ до 4 тысячъ конныхъ и пѣшихъ черноморцевъ и солдатъ, съ 8 конными черноморскими орудіями, быстро двинулся къ ауламъ. Передовые черкесскіе патрули, скрывавшіеся въ лѣсу, замѣтя нашъ

отрядъ, сдѣлали тревогу выстрѣлами изъ ружей и тѣмъ дали время собраться многочисленной толпѣ наѣздниковъ для защиты жилищъ своихъ, а жителямъ скрыться. Отрядъ нашъ, не смотря на упорное сопротивленіе горцевъ, ихъ частыя стремительныя аттаки, пробился сквозь ихъ толпы, захватилъ 2-хъ черкесъ въ плѣнъ и 300 штукъ рогатаго скота, истребилъ до основанія два аула, предалъ огню хлѣбъ и сѣно и, нанеся имъ жесточайшее пораженіе, безъ малѣйшей потери возвратился на свою сторону.

5-го маія Власовъ снова пошелъ съ отрядомъ къ рѣкѣ Тихинькой губить аулы дворянъ натухайскаго племени Джанъ Гирея, Соббая и Шеретлука, часто учавствовавшихъ въ разбояхъ и грабежахъ Черноморіи и кавказской линіи. Счастіе вездѣ служило сему достойному генералу и всякая задуманная имъ гибель хищникамъ безпрепятственно совершалась. Храбрые его сподвижники душевно были увѣрены въ томъ, что ничто не могло устоять противу ихъ безстрашныхъ нападеній. Аулы истреблены, все, что могло горѣть, предано огню, оружіе и богатое имущество было добычею козаковъ, сверхъ того взяты въ плѣнъ самъ владѣтель Соббай и 2 черкеса, угнато 50 лошадей, до 200 штукъ рогатаго скота и 1500 овецъ; мужественныхъ товарищей своего счастія привелъ Власовъ обратно въ Черноморію безъ всякаго урона и отпустилъ ихъ на отдыхъ. Въ семъ году онъ не предпринималъ уже болѣе никакихъ движеній противу горцевъ, и безъ того уже слишкомъ наказанныхъ и устрашенныхъ.

Черноморія вполнѣ наслаждалась спокойствіемъ; войсковое правительство пеклось только о водвореніи прибывающихъ переселенцевъ и о размѣнѣ нашихъ плѣнныхъ на плѣнныхъ черкесъ.

1825 г. При наступленіи 1825 года, по распоряженію генерала Власова, наши отряды перешли снова за Кубань для рубки лѣса и, огражденные засѣками, спокойно производили свои работы. Отдохнувшіе отъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ въ прошедшемъ году Власовымъ, горцы, по врожденной склонности

къ грабежамъ и въ отмщеніе за разореніе ихъ ауловъ, начали собираться въ многочисленныя скопища, съ намѣреніемъ напасть на наши границы.

Извѣстный въ горахъ, счастливый разбойникъ, сапсугскій дворянинъ Казыбечь, принявъ начальство надъ сими скопищами, повелъ ихъ 23 генваря грабить наше пограничное селеніе Елисаветовское. Неусыпная осторожность кордонной стражи спасла отъ гибели селеніе и сильнымъ сопротивленіемъ принудила хищниковъ возвратиться съ немаловажнымъ уономъ за Кубань.

Генералъ Власовъ, получа достовѣрное свѣдѣніе отъ лазутчиковъ, что въ набѣгѣ семъ участвовали съ сапсугами болѣе прочихъ горскихъ племенъ злые абазехи, вознамѣрился примѣрно наказать ихъ. Обезопасивъ пограничную линію усиленными караулами, онъ, собравъ до 3000 тысячъ конныхъ и пѣшихъ черноморцевъ, съ 6-ю конными орудіями, ночью на 1-е февразя выступилъ къ рѣкѣ Джебѣ, для разоренія разсѣянныхъ по берегамъ ея абазехскихъ ауловъ.

На разсвѣтѣ другого дня, достигши въ тишинѣ ауловъ и раздѣливъ отрядъ на нѣсколько частей, въ одно мгновеніе повелъ со всѣхъ сторонъ быстрое нападеніе. Отъ брандскугелей три аула запылали. Испуганные внезапностію жители, слыша повсюду воинственный крикъ козаковъ, не смѣли спасаться бѣгствомъ, боясь попасть въ плѣнъ, и гибли въ пламени. Наши войска успѣли только захватить въ домахъ, еще не объятыхъ огнемъ, 50 душъ жителей обоего пола, 500 штукъ рогатаго скота, 200 овецъ и 40 лошадей; прочіе же всѣ жители съ своимъ имуществомъ и большое количество скота, запертаго въ базахъ и конюшняхъ, сдѣлались добычею пламени. Окончa счастливо истребленіе сихъ ауловъ, отрядъ съ незначительнымъ уономъ того же дня пришелъ въ Черноморію.

Генералъ маіоръ Власовъ, и послѣ сего желая еще продолжать наказанія непріязненнымъ закубанцамъ, для узнанія мѣстоположенія ихъ жилищъ, послалъ въ средину ихъ владѣній по разнымъ направленіямъ нѣсколько черноморскихъ пластуновъ, что бы они, подкрадываясь тамъ скрытными путями, разсмо-

трѣли мѣстность и, узнавъ оную совершенно, могли бы служить проводниками нашимъ отрядамъ, ибо черкесскіе лазутчики, служившіе намъ изъ одной корысти, весьма часто насъ обманывали, открывали закубанцамъ движенія нашихъ войскъ и, предупреждая ихъ, способствовали имъ заблаговременно избѣгать нашихъ внезапныхъ нападеній. Опытные въ осторожности пластуны скоро возвратились и доставили Власову въ подробности всѣ необходимыя ему свѣдѣнія.

По симъ свѣдѣніямъ Власовъ 16 февраля выступилъ съ большимъ отрядомъ къ рѣкамъ: Уныобатъ (Вонабатъ), Иликъ и Супъ, протекающимъ у самой подошвы горъ и вознамѣрился разсѣять многочисленныя шайки абазеховъ и сапсуговъ, собравшіяся, по замѣчанію пластуновъ, для набѣговъ въ наши предѣлы. Сіе предпріятіе Власовъ окончилъ съ успѣхомъ. Послѣ упорной битвы скопища злодѣевъ поражены, разсѣяны, три аула на тѣхъ рѣкахъ сожжены; въ добычу взято значительное имущество, множество оружія, 20 лошадей и отрядъ нашъ, въ неоднократныхъ сраженіяхъ съ ними потерявъ 18 человѣкъ убитыми и до 70 ранеными, возвратился къ Кубани.

Въ началѣ марта генералъ Власовъ вторично получилъ свѣдѣніе, что сапсуги и абазехи снова собрались у рѣкъ Шебжи, Афипса и Пшекупса и двумя толпами намѣреваются напасть на отрядъ нашъ, занимающійся рубкою лѣса въ засѣкахъ на лѣвомъ берегу Кубани, з оттуда броситься грабить миролюбивое хамышейское племя, и что бы разстроить ихъ намѣренія, 11 марта внезапно, быстро напалъ на нихъ, привелъ въ замѣшательство, разогналъ совершенно и, предавши огню нѣсколько ауловъ, съ маловажною добычею и почти безъ урона съ нашей стороны пришелъ въ Черноморію.

5 и 7 маія Власовъ дѣйствовалъ противъ темиргойскаго дворянина Джамбора, (4 марта 1823) переселившагося, по разореніи нашими войсками прежняго его аула, съ рѣки Тихинькой на правой берегъ рѣки Бѣлой, въ сосѣдство приверженнаго намъ дворянина Пшешафа Ахметукова. Злой Джамборъ, населивъ новый аулъ свой подобными себѣ злодѣями, всѣми мѣрами ста-

рался вредить нашей границѣ; онъ ревностно помогалъ сапсугамъ при всякомъ набѣгѣ, возмущалъ преданныхъ намъ владѣтелей, давалъ прибѣжище враждебнымъ абазехамъ и нерѣдко служилъ главною пружиною къ непріязненнымъ противъ насъ дѣйствіямъ горцевъ. Таковые поступки требовали жестокаго ему наказанія и Власовъ исполнилъ оное. Аулъ его тогда же былъ разоренъ до основанія, большая часть жителей предана смерти, только 14 человѣкъ обоего пола взяты въ плѣнъ, въ добычу же получено, кромѣ разнаго имущества, лошадей 10, рогатаго скота 253 штуки и 300 овецъ.

При отступленіи нашего отряда отъ сего аула, Джамборъ, спасшійся бѣгствомъ отъ смерти, съ нѣсколькими наѣздниками и сильно вспомоществуемый воинами натухайскаго дворянина Ула-Оглу-Шеретлука, съ жестокостію нападалъ на нашъ арріергардъ. Генералъ Власовъ, за такую дерзость желая равнымъ образомъ наказать сего соумышленника Джамбора, быстро поворотилъ съ отрядомъ къ рѣкѣ Тихинькой, скоро достигъ аула Шеретлука и съ жителями предалъ оный огню, причемъ захватилъ 30 лошадей, до 700 штукъ рогатаго скота и 1,000 овецъ. Наказавъ столь удачно сихъ двухъ злодѣевъ, отрядъ, обремененный добычею, возвратился въ свои границы безъ малѣйшаго урона.

21, 24 и 27 маія отрядъ нашъ ходилъ наказать злодѣйскія скопища сапсуговъ и абазеховъ, разорившія аулы приверженныхъ намъ хамышейцовъ. Успѣхъ увѣнчалъ вполнѣ сіе предпріятіе: шайки хищниковъ разбиты на голову, нѣсколько ауловъ истреблены до основанія, взято въ плѣнъ 16 душъ обоего пола, угнато 50 лошадей, 400 штукъ рогатаго скота и 200 овецъ.

Въ исходѣ іюня Власовъ получилъ извѣстіе отъ лазутчиковъ, что абазехи и сапсуги намѣреваются напасть большими силами на отрядъ дѣйствовавшаго на кавказской линіи начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова и, желая не допустить ихъ до сего, 1-го іюня выступилъ противъ нихъ съ значительнымъ отрядомъ. Раздѣля оный на нѣсколько частей, смотря по необходимости, болѣе или менѣе сильныхъ

подъ начальствомъ испытанныхъ въ мужествѣ и благоразуміи штабъ-офицеровъ, онъ опустошалъ владѣнія враждебныхъ закубанцевъ по 19 число. Нанося имъ вездѣ величайшій вредъ, отряды наши сожгли множество ауловъ, весь хлѣбъ и сѣно, взяли 1,000 рогатаго скота, 1000 овецъ и до 50 лошадей и къ 20 числу возвратились съ малою потерею.

Въ то время, когда отрядъ нашъ такъ славно дѣйствовалъ внутри владѣній горцевъ, нѣкоторые изъ прибрежныхъ ауловъ покушались вторгнуться въ Черноморію для грабежей, но усиленная кордонная цѣпь неустрашимо отразила ихъ нападенія. Генералъ Власовъ, желая продолжить спокойствіе на границѣ, просилъ атамана Матвѣева еще усилить кордонную стражу назначеніемъ нѣсколькихъ полковъ на границу и вооруженіемъ престарѣлыхъ козаковъ на защиту пограничныхъ куреней. Весьма тягостно было для войска всегдашнее всообщее вооруженіе, но атаманъ вынужденъ былъ выполнять всѣ просьбы Власова. Въ сіе же время сводный баталіонъ таманскаго гарнизоннаго полка прибылъ въ Екатеринодаръ и поступилъ въ отрядъ, находившійся за Кубанью въ засѣкахъ.

Распорядившись такимъ образомъ, Власовъ уже смѣло получалъ свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о собраніи горцевъ, грозившихъ разореніемъ Черноморіи за наши дѣйствія противъ нихъ и былъ совершенно готовъ на всѣхъ пунктахъ кордонной линіи отражать нападенія дерзскихъ злодѣевъ.

Черкесы, хотя видѣли нашу грозную готовность, однакожъ не оставляли своихъ предпріятій къ разбоямъ и тѣмъ вынудили Власова возобновить противъ нихъ наступательныя дѣйствія. Онъ не долго собирался. Отрядъ, состоявшій болѣе нежели изъ 5 тысячъ черноморцевъ и регулярной пѣхоты съ 10 конными орудіями, открылъ 5 сентября свои дѣйствія отдѣльными частями по разнымъ направленіямъ горскихъ владѣній. По 19 октября сапсуги и абазехи, навлекшіе на себя справедливое наше мщеніе, гибли отъ оружія сихъ отрядовъ. Мужественные предводители, войсковые полковники: Табанецъ, Зѣнченко, Перекрестъ, Чорный и Долинскій жестоко карали хищниковъ. Пощады нико-

му не было. Они пронесли опустошенія въ самыя скрытныя, неприступныя ущелья горъ, истребили множество ауловъ со всѣми заготовленіями хлѣба и сѣна, угнали значительное количество разнаго скота, взяли 20 человѣкъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и, оставляя устрашеннаго бѣгущаго непріятеля, безъ малѣйшей потери возвратились къ сборному пункту въ засѣки. 20 октября прекратились всѣ дѣйствія; жестокое наказаніе разсѣяло непріятелей совершенно.

Добытое оружіемъ временное спокойствіе границы радовало утружденную Черноморію и манило счастіемъ безмятежнымъ. Но вскорѣ волею судебъ вышнихъ, извѣстіе горестное, тяжкое опечалило вѣрныхъ черноморцевъ: съ нелицемѣрнымъ душевнымъ прискорбіемъ они оплакивали въ Бозѣ почившаго великаго монарха своего Александра Благословеннаго и съ любовію вѣрноподданническою присягнули нынѣ благополучно царствующему императору Николаю Павловичу.

1826 г. Въ началѣ 1826 года враждебные замыслы злыхъ племенъ закубанскихъ противъ Черноморіи стали оказываться по прежнему. Лазутчики наши безпрерывно пріѣзжали къ генералу Власову съ извѣстіями о многочисленныхъ скопищахъ сапсуговъ, абазеховъ и натухайцевъ, готовившихся грабить наши предѣлы. Строжайшія мѣры осторожности были приняты по всей кордонной линіи, цѣпь удвоена и сильные разъѣзды придвинуты къ пунктамъ удобнѣйшимъ для переправы чрезъ Кубань.

Такое сильное оборонительное положеніе кордоновъ оказалось весьма полезнымъ. Хищники не замедлили появиться густыми толпами на лѣвомъ берегу Кубани и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пытались прорвать нашу цѣпь, что-бы разорить пограничныя селенія; однакожъ, помощію Всевышняго Промысла, вездѣ съ урономъ были отражаемы храбрыми черноморцами. Генералъ-маіоръ Власовъ не хотѣлъ болѣе остаться въ оборонительномъ положеніи и быть только хладнокровнымъ зрителемъ набѣговъ злодѣйскихъ; онъ рѣшился, не обезсиливая кордоновъ,

съ особыми, нарочито собранными отрядами дѣйствовать наступательно.

Въ половинѣ генваря Власовъ выступилъ за Кубань, быстрыми движеніями обошелъ непріятеля въ тылъ, обратилъ на себя всѣ его скопища и, въ теченіи нѣсколькихъ дней мужественно сражаясь съ ними, искусно отвелъ ихъ отъ Кубани къ горамъ. Тамъ, раздѣливъ отрядъ на три части, ночью съ трехъ сторонъ ударилъ на злодѣевъ, смялъ ихъ, разстроилъ и заставилъ разбѣжаться. На другой день послѣ сей битвы, не встрѣчая болѣе противниковъ, отрядъ благополучно возвратился къ Кубани.

Между тѣмъ въ сіе время попечитель торговли съ горцами, коллежскій совѣтникъ де-Скасси, чрезъ своихъ комиссіонеровъ старался всѣми мѣрами привлечь къ намъ хотя одно племя натухайцевъ, менѣе прочихъ воинственное, болѣе всѣхъ занятое торговлею, слѣдовательно болѣе склонное къ трудолюбію, желалъ совершенно отклонить оное отъ союза съ непримиримыми сапсугами, удержать отъ набѣговъ; но успѣхъ не увѣнчалъ его стараній. Коварные натухайцы, никогда еще не наказанные за свои злодѣянія. всегда спокойные, всѣмъ довольные, ласкательствами усыпляли де-Скасси, обѣщали покориться Россіи и въ тоже самое время, соединясь съ сапсугами и абазехами, устремились грабить наши предѣлы.

Прозорливый генералъ Власовъ давно видѣлъ коварство сего племени и легковѣріе де-Скасси,—онъ не хотѣлъ ждать окончанія безполезныхъ переговоровъ, медленно производившихся въ Бугазской карантинной заставѣ, и предположивъ ускорить наказаніе хитрыхъ злодѣевъ, 4 февраля переправилъ на лѣвый берегъ Кубани у Староредутскаго поста два отряда подъ начальствомъ войсковыхъ полковниковъ Табанца и Стороженка, приказавъ имъ первоначально опустошить сосѣдніе съ натухайскими владѣніями сапсугскіе аулы на рѣчкахъ Пшебепсъ и Пшепль. Отряды неустрашимо исполнили его волю: истребили огнемъ 4 аула, взяли въ плѣнъ 35 душъ обоего пола, захватили до 400 штукъ рогатаго скота и 300 овецъ. 25-го же числа, по его распоряженію, войска наши, раздѣлясь на три отряда, вторгну-

лись во владѣнія натухайскаго князя Сагатъ-Гирей Калабатъ Оглу, всегда болѣе прочихъ казавшагося намъ преданнымъ и всегда хитрѣе прочихъ коварствовавшаго предъ де-Скасси. Отряды сіи быстро, рѣшительно атаковали со всѣхъ сторонъ его аулы, разсѣяли защитниковъ оныхъ, предали всеразрушающему пламени все строеніе, весь хлѣбъ и сѣно, захватили все имущество, взяли въ плѣнъ до 50 душъ его подданныхъ, угнали 1,000 штукъ рогатаго скота, 1,000 овецъ и, соединясь всѣ вмѣстѣ, отступили безъ малѣйшей потери къ своей границѣ.

Въ сихъ счастливыхъ экспедиціяхъ черноморцы дѣйствовали съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и благоразумными распоряженіями мужественныхъ предводителей полковъ, войсковыхъ полковниковъ: Табанца, Зѣнченка, Долинскаго, Кравцова, есаула Животовскаго и артиллеріи есаула Ольховаго 2-го, достигли блестящаго успѣха и заслужили особенную признательность начальства. Такъ отдавалъ имъ справедливость генералъ маіоръ Власовъ въ донесеніяхъ своихъ г-ну корпусному командиру.

Наказанные такимъ образомъ натухайцы прибѣгнули къ покровительству де-Скасси и, богатыми подарками увѣривъ его въ давней своей преданности къ Россіи, чрезъ него приносили жалобу на генерала Власова за несправедливое разореніе ихъ ауловъ. По высочайшему повелѣнію государя императора прибылъ въ Черноморію 15 іюня генералъ-адъютантъ Стрекаловъ для изслѣдованія дѣйствій Власова, и вскорѣ сей генералъ удалился отъ командованія черноморскою кордонною линіею; вмѣсто же его присланъ войска донскаго генералъ маіоръ Сысоевъ. Все имущество, плѣнныхъ и скотъ, взятые нашими войсками у натухайцевъ, повелѣно возвратить, что немедленно было исполнено.

Послѣ сихъ происшествій на границѣ возстановилось совершенное спокойствіе и войсковый атаманъ Матвѣевъ ревностно трудился надъ устройствомъ внутреннимъ, давалъ облегченіе козакамъ утружденнымъ, разорившимся отъ непомѣрной тягостной пограничной службы. Для пополненія же убыли въ полкахъ черноморскихъ, въ продолженіи 5 лѣтъ находившихся въ без-

прерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ закубанцевъ, онъ распорядился начать наборъ козаковъ изъ малолѣтковъ вновь переселенныхъ малороссійскихъ семействъ, уже окончившихъ водвореніе свое на сей землѣ и совершенно оправившихся въ хозяйственныхъ обзаведеніяхъ.

Въ семъ году на смѣну 3 коннаго полка отправленъ изъ войска въ Царство Польское 2-й конный подъ начальствомъ войсковаго полковника Перекреста; потомъ, по предписанію корпуснаго командира генерала Ермолова, полки сего войска, 1-й конный съ войсковымъ старшиною Зѣнченкомъ и 4-й конный съ войсковымъ старшиною Вербицкимъ, пошли въ Грузію для дѣйствія противу персіянъ, гдѣ они отличными своими подвигами пріобрѣли честь и славу.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ высочайшимъ повелѣніемъ государя императора генералъ-адъютантъ Паскевичъ назначенъ начальствовать войсками кавказскаго корпуса, вмѣсто генерала отъ инфантеріи Ермолова, послѣ чего предписано войску черноморскому состоять въ вѣдѣніи начальника войскъ на кавказской линіи генералъ-лейтенанта Эмануэля.

1816 г. По случаю разрыва съ Россіею персіянами мира, черноморское войско высочайшимъ указомъ оставлено въ военномъ положеніи. Счастливые успѣхи россіянъ въ персидскую компанію родили зависть въ турецкомъ правительствѣ и оно въ семъ году обнаружило непріязненное къ намъ расположеніе. Анапскій паша, сосѣдствующій съ Черноміею, тотъ часъ былъ усиленъ войсками. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ генералъ-лейтенанту Эмануелю сдѣлалось извѣстнымъ, что турецкія войска, прибывая во множествѣ въ Анапу, имѣютъ намѣреніе чрезъ 25 дней вторгнуться въ предѣлы россійскіе.

Черноморія, какъ представляющая первый пунктъ къ таковому непріятельскому вторженію, по предписанію Эмануеля, приняла повсемѣстную бдительную воинскую осторожность: на подкрѣпленіе передовой стражи нашей назначены резервы и къ защитѣ границъ войска, для непредвидимаго случая, собраны всѣ полки, находившіеся въ домахъ.

3-й конный полкъ, бывшій въ Царствѣ Польскомъ съ полковникомъ Безкровнымъ, обратился въ предѣлы войсковые, а 6-й пѣшій съ войскокымъ старшиною Табанцемъ отправленъ къ Владикавказу.

Движенія изъ Крыму чрезъ Керченскій проливъ регулярныхъ войскъ и переходъ ихъ чрезъ Черноморію на усиленіе кавказскаго корпуса, принятая осторожность и укрѣпленія постовъ по границѣ, устранили предпріятіе анапскаго паши отъ покушенія къ нападенію на предѣлы Черноморіи. Впрочемъ собранія на разныхъ рѣчкахъ закубанскихъ горскихъ народовъ въ большихъ толпахъ продолжались; въ дикомъ семъ народѣ носились вымышленные недоброжелательные слухи, будто бы персіяне прогнали русскихъ до Тифлиса, будто въ Крыму татары подняли бунтъ, персидское правительство приняло лезгинцевъ и другихъ народовъ въ свое подданничество, шахъ какъ побѣдитель слѣдуетъ горами къ Анапѣ и что у насъ на границѣ никакихъ войскъ нѣтъ.

Но на самомъ дѣлѣ персіяне присылали ко всѣмъ горцамъ, обитающимъ на пространствѣ отъ Гуріи до Анапы, двухъ хановъ, въ сопровожденіи 40 человѣкъ персіянъ, въ видѣ посланниковъ, съ сильнымъ убѣжденіемъ всѣхъ горцевъ возстать къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ границъ нашихъ; однакоже прибрежные закубанскіе владѣльцы, преданные намъ, не послушали ихъ, напротивъ того чрезъ весь сей годъ не только сохранили къ намъ дружбу и приверженность, но и враждующихъ сапсуговъ и другихъ племенъ горскихъ народовъ удерживали отъ набѣговъ на границы наши.

Въ сіе время черноморскіе козаки съ сожалѣніемъ лишились смертію удрученнаго лѣтами и подвигами незабвеннаго для нихъ генерала Бурсака. Войсковый атаманъ Матвѣевъ такъ же вскорѣ умеръ.

Скорбь козаковъ о потерѣ вождей не долго продолжалась: государь императоръ всемилостивѣйше назначилъ его императорское высочество, наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича атаманомъ всѣхъ козачьихъ войскъ.

Предшествовавшему слуху о семъ необычайномъ назначеніи козаки не вѣрили; но когда объявленъ высочайшій приказъ и внушена начальниками важность толико вожделѣннаго назначенія и несказанной милости все-августѣйшаго монарха, они спѣшили въ храмы принесть теплыя мольбы Всевышнему о здравіи всего августѣйшаго императорскаго дома.

По смерти войсковаго атамана Матвѣева, назначенъ наказнымъ атаманомъ полковникъ Безкровный, возвратившійся съ 3 коннымъ полкомъ съ Царства Польскаго, командовавшій же черноморскимъ войскомъ донской генералъ Сысоевъ выбылъ на Донъ.

Для улучшенія благосостоянія и введенія порядка по всѣмъ частямъ черноморскаго войска, высочайше его императорскимъ величествомъ утверждено положеніе, которымъ постановлены на прочныхъ основаніяхъ присутственныя мѣста. Войсковая канцелярія составлена изъ двухъ экспедицій: воинской и экономической; военный судъ, при войсковой канцеляріи учрежденный, для впадающихъ въ преступленіе воинскихъ чиновъ; гражданскій судъ съ опекою для лучшаго призрѣнія вдовъ и сиротъ; градская полиція и четыре земскія сыскныя начальства по округамъ: екатеринодарской, таманской, бейсугской и ейской для благочинія и судопроизводства; куренныя управленія по куренямъ для разбирательства между жителями претензій на мѣстѣ. Всѣмъ симъ присутственнымъ мѣстамъ начертаны священныя права и преимущества, принаровленныя къ обычаямъ, нраву и жизни черноморцевъ. Войсковая канцелярія поставлена въ сношеніе съ губернскими правленіями и подчинена корпусному командиру, гражданскій судъ съ опекою областному таковому же, военный судъ наказному атаману.

Генералу Ермолову обязано войско благодарностію за составленіе и представленіе положенія сего на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе. Онъ съ поступленія въ его подчиненность войска имѣлъ попеченіе развить въ немъ промышленность и просвѣщеніе и усовершенствовать по всѣмъ отраслямъ хо-

зяйство козаковъ, чтобы сдѣлать ихъ хорошими хозяевами и возвесть военное и гражданское ихъ состояніе въ лучшее положеніе.

Въ слѣдующемъ 1828 году возгорѣлась война съ турками и козаки не могли воспользоваться отеческою попечительностію правительства. Поставленные на границѣ съ дикими народами, безпрерывно дѣлающими набѣги по подстреканію турокъ, козаки обязаны были вновь употребить всѣ старанія и всѣ свои силы къ защитѣ себя и своей родины и изыскивать всѣ средства сохранить цѣлость своего достоянія. Они должны были теперь покинуть семейства безъ пріюта, оставить безъ вниманія хозяйства, бросить поля не обработанными, жилища не устроенными.

1828. Съ раннею весною всѣ полки черноморскіе собраны были въ подкрѣпленіе границы. 1-й пѣшій полкъ съ есауломъ (нынѣ въ отставкѣ полковникъ) Животовскимъ отправленъ за Дунай.

25 апрѣля высочайшимъ его императорскаго величества манифестомъ объявлена Турціи война. Анапскій паша, предварительно снабженный свѣжими войсками болѣе 7,000, исправнымъ вооруженнымъ флотомъ и артиллеріею, привелъ крѣпость въ лучшее оборонительное состояніе, воззвалъ къ горцамъ о возмущеніи, стараясь возбудить въ нихъ по единовѣрію ненависть и вражду къ нашему правительству. Однакожъ еще въ началѣ февраля мѣсяца являлись владѣльцы къ начальникамъ частей кордона съ вопросомъ, какъ мы поступимъ, въ случаѣ войны съ Турціею, съ тѣми изъ нихъ, кои не примутъ участія съ турками. Начальство, соображаясь съ святѣйшею волею государя императора, сообщенною начальникомъ главнаго штаба его императорскаго величества генералъ-лейтенанту Эмануелю, имѣло обращеніе съ ними самое дружелюбное; мѣрою кротости имъ было внушено, что не только въ случаѣ войны съ турками, но ежели бы по обстоятельствамъ случилось войскамъ нашимъ перейти за Кубань и тамъ дѣйствовать противу турокъ, тѣ изъ закубанцевъ, которые не будутъ дѣйствовать съ ними, всегда пощажены будутъ, ибо война противу Порты до нихъ нисколько не можетъ касаться, и личная безопасность ихъ, семействъ и имущества обез-

печены будутъ охранными листами. Сверхъ того положено было правиломъ, чтобы за вины частныхъ лицъ не наказывать цѣлыхъ обществъ и во всякомъ случаѣ оказывать имъ возможную помощь. Чтобы съ большею точностію внушить имъ высочайшую волю, начальство черноморскаго войска нарочито вызывало владѣльцевъ закубанскихъ, оказывало имъ ласки, обѣщало всякое покровительство государя императора и предлагало переселиться къ намъ на случай нападенія непріязненныхъ горцевъ на предѣлы наши. Между тѣмъ въ Черноморіи устроены два лагеря: 1-й при куренѣ Старомишастовскомъ и 2-й между Корсунскимъ и Васюринскимъ, скрытые отъ наблюденія ихъ. Сверхъ того нарочито собирался отрядъ близъ крѣпости Фанагоріи, который, по мѣрѣ приближенія къ Анапѣ нашего флота съ десантомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ перешелъ Бугазъ и 3-го мая произведены начальные удары туркамъ подъ Анапой.

Впрочемъ сколько ни представляемо было со стороны нашей закубанскимъ владѣльцамъ выгодъ и великодушія, однако же всѣ бывшіе преданными намъ и жившіе при берегу на лѣвой сторонѣ Кубани князья и дворяне, со всѣми своими семействами, людьми и имуществами, удалились на жительство въ дальніе лѣса и горы, огложились отъ своей преданности къ Россіи и, измѣнивъ ей, дали присягу турецкому правительству; изъ нихъ главнѣйшіе темергойскаго владѣнія: Тветлустань, Гайтеновъ, Безруковъ и чеченейскаго: Пшекуй, Беберда и Пшемафъ Ахметуковъ.

Не довольствуясь сею неблагодарностію и тѣмъ, что обнаружили свою непріязнь, закубанскіе владѣльцы объявили на мѣновыхъ дворахъ, что они намѣрены сдѣлать прорывъ на нашу сторону для грабительства, полагая, что граница обезсилена выступленіемъ войскъ къ Анапѣ.

Такъ и случилось: 13 маія они выше Подмогильняго поста вторглись въ предѣлы наши и стремились на разореніе куреней: Корсунскаго и Васюринскаго. Резервъ, состоявшій подъ начальствомъ войсковаго старшины Суличича изъ трехъ полковъ: 10-го и 11-го конныхъ и 10-го пѣшаго, встрѣтилъ вѣроломныхъ, поразилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Злодѣи мгновенно вплавь воз-

вратились за Кубань, оставивъ на мѣстѣ убитыми двухъ дворянъ своихъ, которыхъ по обычаю своему не успѣли захватить, имѣя уже у себя множество убитыхъ и раненыхъ при пораженіи семъ; съ нашей стороны убитъ храбрый сотникъ Твердовскій и 1 козакъ, а 4 ранено. Генералъ-лейтенантъ Эмануель, истребовавъ резервъ сей къ Усть-лабинской крѣпости и тамъ оставя изъ онаго 150 человѣкъ пѣхоты, съ послѣднею и присоединившеюся регулярною пѣхотою и частію линейныхъ козаковъ сдѣлалъ движеніе за Кубань пониже Лабы.

10 дней генералъ сей по развымъ направленіямъ, имѣя сообщеніе съ генералъ-маіоромъ Антроповымъ, разилъ собранныя скопища черкесъ, снабженныя отъ турокъ артиллеріею и предполагавшія сдѣлать нападеніе на предѣлы Черноморіи и кавказской линіи.

Анапскій паша, стѣсненный сухопутными войсками нашими въ крѣпости, вновь воззвалъ къ горскимъ народамъ, живущимъ по берегу Чернаго моря на рѣчкахъ: Пшадъ, Уланъ и Убикъ и снабдивъ ихъ и другихъ горцевъ одинадцатью орудіями, артиллеристами и лошадьми, жалованьемъ и другими дарами, 31 маія подвинулъ ихъ къ Анапѣ, для дѣйствія противу нашего отряда.

Но черкесы были войсками нашими разбиты подъ Анапой и 12-го іюня самая крѣпость сія покорена русскому государю. 30 знаменъ, 4 тысячи гарнизона, 84 пушки, 4 пороховыхъ погреба, арсеналы и магазины съ оружіемъ, запасами и продовольствіемъ были нашими трофеями.

Черкесы, лишенные тогда обольщеній анапскаго паши, оставили набѣги на предѣлы наши. Не получая обѣщаннаго пашею жалованья и другихъ подарковъ и тщетно ожидая подкрѣпленій со стороны турокъ, устыдились своихъ разсчетовъ, начали вновь прибѣгать подъ покровительство и подданство россійское. Чеченейцы первые, столько извѣстные прежними хищничествами, грабежами и убійствами, возчувствовали благодѣтельное его императорскаго величества правленіе, добровольно съ раскаяніемъ покорясь его скипетру, подали примѣръ прочимъ султанамъ, ханамъ, князьямъ и дворянамъ; но сапсуги, абазехи и натухайцы и другія

племена, оставаясь непріязненными, вскорѣ испытали весь ужасъ военныхъ дѣйствій въ своихъ жилищахъ.

Наказный атаманъ Безкровный, высочайше произведенный (за личную храбрость противу горцевъ) въ генералъ маіоры, преслѣдовалъ хищниковъ въ жилищахъ ихъ, оставя гарнизонъ въ Анапѣ и Джемитеи, для обезпеченія отъ набѣговъ горцевъ, съ послѣдними полками перешелъ чрезъ Бугазъ и расположился по границѣ, гдѣ всѣ полки, какъ конные, такъ и пѣшіе находились безсмѣнно.

1829 г. 1 сентября откомандированы изъ войска противу турокъ въ 1-ю дѣйствовавшую армію 5 и 6 конные полки подъ командою войсковаго старшины (нынѣ въ отставкѣ полковникъ) Залѣсскаго и есаула (нынѣ въ отставкѣ подполковникъ) Завгородняго. Полки сіи вели себя отлично и во всѣхъ дѣлахъ обращали особенное вниманіе храбростію и неустрашимостію. Будучи предводимы достойнѣйшимъ генераломъ Красовскимъ, отличили себя подъ крѣпостію Силистріею, на поляхъ Болгаріи при разбитіи верховнаго визиря и за Балканами въ Румыніи, и учавствуя въ побѣдахъ подъ Адріанополемъ, Вызою, Чорлу и Сараемъ подъ начальствомъ знаменитыхъ вождей: графа Палена 2, князя Любомирскаго и генералъ маіора Петрищева. Отправленіе изъ войска полковъ сихъ слѣдовало по внимательному разсмотрѣнію непремѣннаго члена войсковой канцеляріи подполковника Зѣнченка, прибывшаго съ персидской кампаніи.

Войсковая канцелярія умножила значительно доходы и могла отправить 500 т. руб. войсковой суммы въ московскій опекунскій совѣтъ для приращенія изъ процентовъ.

Послѣ взятія Анапы, занятія оной россійскими войсками, построенія редута на Джемитеи и неоднократныхъ пораженій горцевъ въ самыхъ ихъ жилищахъ, казалось, можно было имъ убѣдиться, что ни турки, ихъ обольщавшіе, ни сами они не могутъ противустоять русскому оружію.

Одно благое средство имъ предстояло—сдѣлаться покорными Россіи, предлагающей имъ во всякое время миръ и спокойствіе, но всѣ мѣры снисхожденія и ласки со стороны нашей, въ сіе

время имъ особенно оказанныя, остались безуспѣшны. Они отвергали дружелюбныя наши предложенія и какъ война съ Турціею еще продолжалась, то, будучи подстрекаемы турками и получая съ пристающихъ къ берегамъ ихъ контрабандныхъ судовъ необходимое для своего существованія, питали къ намъ недружелюбныя намѣренія и искали случая нанести намъ вредъ. Абазехи, натухайцы и сапсуги тогда-же, какъ покрылась рѣка Кубань льдомъ, нѣсколько разъ переходили на нашу сторону для грабительства и увлекали нашихъ людей въ плѣнъ. Наконецъ противу 12 числа іюля сдѣлали нападеніе на велико-лагерный мѣновой дворъ.

Чтобы наказать злодѣевъ, генералъ маіоръ Безкровный испросилъ разрѣшеніе у командовавшаго войсками на кавказской линіи генерала отъ кавалеріи Эмануэля сдѣлать экспедицію на рѣчку Иль противу сапсугскаго народа. Получивъ таковое, Безкровный собралъ отрядъ изъ 1,544 человѣкъ козаковъ съ двумя взводами артиллеріи и 21 іюля двинулся для наказанія злодѣевъ. Разогнавъ хищническія скопища, онъ взялъ у непріятеля 1000 штукъ овецъ и на другой день возвратился въ Черноморію.

Въ дѣлѣ семъ съ непріятельской стороны взято въ плѣнъ 3 души; съ нашей же убитъ козакъ 1, раненъ оберъ-офицеръ 1, урядниковъ 3 и козаковъ 9, лошадей убито 13 и ранено 26.

Сентября 2 турецкій султанъ испросилъ у всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича миръ. Спокойствіе между имперіями водворилось, и черкесы оставлены въ подданствѣ Россіи.

1830 г. 29 генваря получены изъ-за Кубани извѣстія, что обитающіе въ горахъ ничтожные, но непреклонные къ намъ сапсуги, абазехи и натухайцы волнуются и не хотятъ вѣрить, что по взаимному согласію россійской и турецкой имперій они навсегда оставлены въ подданствѣ нашего государя и, чтобы показать духъ независимости, предположили непремѣнно вторгнуться въ предѣлы Черноморіи для грабежа.

Генералъ-маіоръ Безкровный, чтобы предупредить таковое вторженіе, собравъ отрядъ въ 2,500 человѣкъ конницы и пѣхоты съ конною артиллерійскою черноморскаго войска ротою, двинулся

отъ Кубани въ горы. Не смотря на то, что сапсуги были въ собраніи во всей готовности и превосходили въ числѣ нашъ отрядъ, воины наши шли впередъ и, избравъ позицію, сразились съ непріятелемъ, котораго сколь ни велика была потеря, но и съ нашей стороны убиты два офицера, 2 унтеръ-офицера и 29 козаковъ и солдатъ.

5-то апрѣля назначены изъ войска 3-й конный, 2-й и 7-й пѣшіе полки въ укрѣпленіе Псенафу, что на Бѣлой рѣчкѣ, за Кубанью, при Долгомъ лѣсѣ, а изъ числа сихъ полковъ 200 пѣхоты отдѣлилось въ Усть-лабинскую крѣпость къ коменданту графу Юри для занятія карауловъ.

Для безопасности черноморской границы правительство принуждено было истребовать отставныхъ и престарѣлыхъ офицеровъ и козаковъ, что было весьма чувствительно для нихъ, особенно же для ослабѣвшихъ на долговременной службѣ и раненыхъ на войнѣ.

Лѣтомъ сего года генералъ отъ кавалеріи Эмануель сдѣлалъ распоряженіе переправить чрезъ Кубань два сильные отряда и остановиться лагеремъ, первому на рѣчкѣ Бѣлой при Долгомъ лѣсѣ подъ командою генералъ маіора Рилля и подъ главнымъ начальствомъ командовавшаго войсками праваго фланга линіи генералъ-маіора Антропова, а второму при устьи рѣчки Шепшь, на рѣчкѣ Афипсъ, подъ начальствомъ командующаго 3-го бригадою 14-й пѣхотной дивизіи полковника Аристова и подъ главнымъ управленіемъ наказнаго атамана генералъ-маіора Безкровнаго, и сдѣлать на тѣхъ мѣстахъ укрѣпленія, для чего избрать самыя выгоднѣйшія позиціи, а для коммуникаціи на правомъ берегу Кубани возобновить старое Федоровское и у переправы, на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, устроить такъ-же укрѣпленіе, для прикрытія переправы.

Съ величайшими усиліями и совершеннымъ изнуреніемъ для края сего въ семъ-же году окончены Безкровнымъ послѣдніи сіи укрѣпленія и сдѣланы въ оныхъ для гарнизоновъ казармы, а для больныхъ лазареты. Высшіе военные начальники, обозрѣвавшіе всѣ сіи устройства, единогласно утверждали, что онѣ свыше силъ человѣческихъ и что собственное тщеславіе при семъ наказнаго

атамана Безкровнаго заглушило въ немъ всѣ бѣдствія отряда и ропотъ воиновъ, день и ночь работавшихъ, день и ночь сражавшихся.

Полки, бывшіе въ персидскую и потомъ турецкую въ Азіи компаніи, 1-й и 4-й конные и 6 пѣшій возвратились въ войско, стяжавъ подвигами своими блестящую славу.

Дивизіонный штабъ 20-й пѣхотной дивизіи назначенъ въ городѣ Екатеринодарѣ.

Октября 9-го генералъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій изволилъ посѣтить Черноморію, а 10-го прибылъ со всѣмъ штабомъ въ городъ Екатеринодаръ.

11-го ноября наказный атаманъ Безкровный удаленъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ генералъ-маіоръ Заводовскій. Съ сего времени улучшено благосостояніе козаковъ, умножены войсковые доходы, простирающіеся по настоящее время до 2,250,000 рублей и хранящіеся въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ для приращенія изъ процентовъ.

Черноморское войско, при первоначальномъ основаніи своемъ, имѣло 26 тысячъ душъ, перешедшихъ отъ Днѣстра, Буга и Днѣпра на сію землю; теперь же въ ономъ считается до 110 тысячъ душъ обоего пола. Число сіе увеличилось неоднократными переселеніями изъ малороссійскихъ губерній, безъ чего нездоровый край сей остался бы безъ людей, ибо въ ономъ ежегодно гораздо болѣе умирало, нежели раждалось, не говоря уже объ убитыхъ почти въ безпрерывныхъ сраженіяхъ съ непримиримымъ непріятелемъ и умершихъ отъ ранъ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

15. БОРОЗДНЫ [2]).

1. *Иванъ Бороздна.*
2. *Яковъ*—1, сынъ боярскій 1620 г.
3. *Дмитрій*—1, сынъ боярскій 1620 г.
4. *Осипъ*—1, сынъ боярскій 1620 г.
5. *Владиміръ*—1, сынъ боярскій 1620 г. Жена 1-я *Евдокія Степановна*, вдова Якутки, стрѣльца стародубскаго; 2-я *Татьяна Прохоровна.*
6. *Лаврентій*—4.
7. *Данило*—4.
8. *Евдокія*—4. Мужъ *Никита Липа*, обыватель с. Чубковичъ, 1668 г.
9. *Никита*—5.
10. *Иванъ*—5.
11. *Владиславъ-Владиміръ*—6. Жена *Федора Сергѣевна.*
12. *Иванъ*—6, бунчуковый товарищъ, 1715 г., 1727 г. Жена *Анна Зеленская.*
13. *Максимъ*—6, сотникъ мглинскій 1714—1722 г. Жена *Катерина Ивановна Карчевская*; второй мужъ ея—поручикъ Антонъ Детерденевъ.
14. *Владиміръ*—11.
15. *Лаврентій*—11, бунчуковый товарищъ 1720—1774 г. Жена *Марья Яковлевна Лизогубъ*, дочь генеральнаго обознаго.
16. *Михаилъ*—11.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., іюльск. кн., стр. 443—455.

[2]) Очеркъ съ этимъ заглавіемъ былъ напечатанъ во 2-й книгѣ Записокъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1868 годъ. Здѣсь онъ помѣщается въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.—*А. Л.*

17. *Серафима*—11.
18. *Николай*—11, бунчуковый товарищъ, † 1757 г. Жилъ въ с. Клюсахъ; его слободки—Раковка и Полозы. Жена дочь генеральнаго есаула Дмитрія Максимовича.
19. *Григорій*—11, бунчуковый товарищъ 1735—1774 г. Жена *Евдокія Афанасьевна Есимонтовская*. Жилъ въ с. Ярцевѣ. Имѣнія: Ярцевъ, сл. Людковщина, сс. Кневичи, Ущерпье, Рожны, дд. Лѣсная и Рудня—197 крест.
20. *Евдокія*—11. Мужъ *Григорій Андреевичъ Гамалѣя*.
21. *Иванъ*—11, бунчучный генеральный 1729—1731 г., судья генеральный 1731—1740 г. Жилъ въ Горскѣ. Жена *Марфа Андреевна*.
22. *Иванъ*—12, бунчуковый товарищъ 1735—1762 г., бунчучный генеральный въ отставкѣ 1762 г. Жена *Настасья Андреевна Миклашевская*.
23. *Елена*, въ монашествѣ Евдокія—12.
24. *Агафья*—12. Мужъ бунч. товар. *Григорій Андреевичъ Стаховичъ*.
25. *Анна*—12. Мужъ 1-й, графъ *Гаврило Владиславовичъ Рагузинскій*; 2-й *Иванъ Андреевичъ Гамалѣя*.
25. Дочь—12. Мужъ *Ѳома Городисскій*, бунчуковый товарищъ 1720 г.
26. *Михаилъ*—13, бунчуковый товарищъ. Жена *Агафья Семеновна Есимонтовская*.
27. *Петръ*—13, бунчуковый товарищъ.
28. *Петръ*—14.
29. *Прасковья*—14.
30. Дочь—14. Мужъ *Иванъ Пиратинскій*, сотникъ городницкій.
31. *Иванъ*—18, бунчуковый товарищъ. Въ послужномъ спискѣ 1774 г. сказано: „имѣетъ за собою въ с. Клюсахъ и д. Раковкѣ 5 душъ мужескаго пола“. Умеръ безпотомно.
32. *Яковъ*—18.
33. *Григорій*—18, поручикъ. Жена *Анна Петровна*, «придворная дѣвица». Въ послужномъ спискѣ 1774 г. о немъ сказано: «вступилъ въ службу 1749 г., по именному указу къ высочайшему двору, въ предпочивальню лакеемъ, въ 1756 г. въ камеръ-лакеи; въ 1758 г. въ поручики пожалованъ и опредѣленъ управителемъ въ раскольническія описныя государевы слободы; а въ 1765 г. по прошенію уволенъ. Имѣетъ за собою въ с. Клюсахъ и д. Раковкѣ мужескаго пола душъ людей малороссіянъ—80».
34. *Петръ*—18.
35. *Анна*—19. Мужъ бунч. товар. Василій Родзянко.
36. *Марья*—19. Мужъ бунч. товар. Михаилъ Гамалѣя.
37. *Катерина*—19. Мужъ майоръ Никита Угрюмовъ.
38. *Василій*—21, бунчуковый товарищъ, † 1747 г. Жена *Ульяна Григорьевна Скорупа*. Владѣлъ сс. Радомкою и Лобками.

39. *Дмитрій*—21.
46. *Иванъ*—21.
41. *Иванъ*—22, бунчуковый товарищъ. Жена *Наталья Антоновна Крыжановская*.
42. *Евфросинія*—26.
43. *Елизавета*—26.
44. *Иванъ*—27, войсковой товарищъ. Жена *Анна Даниловна Покорская*. Имѣнія—въ сс. Лопазнѣ и Ляличахъ—20 душъ крестьянъ.
45. *Петръ*—41, сержантъ преображенскаго полка 1780—86 г.; ротмистръ 1786 г., майоръ 1787 г., депутатъ новгородсѣверскаго дворянскаго собранія 1789—91 г., предводитель дворянства суражскаго уѣзда 1791—1794 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1794—97 г.; подкоморій стародубскаго повѣта 1797—1802 г.; маршалъ дворянства новомѣстскаго повѣта 1802—1872 г. Жена 1-я *Ирина Антоновна Журавка*; 2-я *Катерина Григорьевна Кулябка-Корецкая*. Имѣнія: душъ мужескаго пола крестьянъ въ с. Медведовѣ 202, Киваяхъ 120, Туроснѣ 181, Душкинѣ 58, Смолевичахъ 147, Куршановичахъ 194, въ Бутовскѣ 204, Смотровой Будѣ 201, Ивановкѣ 53, Плауновкѣ 18, Стодолѣ 44, Ясеновкѣ 53, въ рудняхъ Голубовкѣ 90, Ельнѣ 49, въ слободахъ Василевкѣ 68 и Петровой 53, въ гутахъ Близнѣ 44 и Петровой Слободѣ 59. Да женины (Журавковой) въ с. Кулагахъ 220, Гудовѣ 125, Шкрябинѣ 108, Росухѣ 13, Колодезкахъ 3, Кривцѣ 121, въ д. Черноводкѣ 99, Водяникѣ 79, Коробоничахъ 127, въ х. Черноводскомъ 9, Бѣловодкѣ 33, Селищѣ 34, Кожушьѣ 49, Новой Руднѣ 7 и въ Княжой Млынкѣ 11, всего 2,896.
46. *Василій*—45. Жена *Любовь Ивановна Угрюмова*.
47. *Иванъ*—45. Жена *Любовь Степановна Стромилова*.
48. *Николай*—45. Жена *Лизавета Михайловна Миклашевская* [1]).

---

[1]) Былъ еще при Мазепѣ какой-то неизвѣстный намъ Юрій Константиновичъ Бороздна, о которомъ говоритъ универсалъ Мазепы 1689 г.: „супликовали до насъ Юрей Костантиновичъ зъ сыномъ своимъ Мартыномъ Борозни и обывателѣ медведовскіе и просили насъ о потверженье универсалу на кгрунтъ тотъ". Въ другомъ универсалѣ 1702 г. того же Мазепы читаемъ: „презентовалъ намъ панъ Іосифъ Юревичъ Борозна, товарищъ полку стародубовского, послѣдней воли небожчика, родича своего, пана Юрія Константиновича Борозны тестаментъ, въ которомъ лекговалъ и вѣчными часы записалъ ему въ маетности своей власной прародителной, въ селѣ Медвѣдовѣ лежачой, Клещово прозываемой, четвертую часть зъ людми на ней живучими и зъ ихъ осѣдлостями, зъ лѣсами, полями, кгрунтами, сѣножатми и всякими до ней приналежачими угодіями, а двомъ его братомъ Мартину, Михайлу и третему внуку своему Кириляку Борознамъ, три въ ровномъ подѣлѣ части". (*Съ подлинниковъ, сообщенныхъ намъ Д. И. Багалѣемъ*).

Первое историческое извѣстіе о родѣ Бороздн находимъ въ актѣ 1620 г., которымъ за «сыновьями боярскими» Яковомъ, Дмитріемъ, Осипомъ и Владиміромъ Бороздпами польское правительство утвердило «дѣдичныя» ихъ вотчины м. Горскъ и разныя «селища», деревни по рѣкамъ Снови, Цатѣ, Трубешѣ, Титвѣ, Росухѣ и Воронусѣ, причемъ актъ поясняетъ, что всѣ эти имѣнія Бороздны получили отъ великихъ князей русскихъ, какъ засвидѣтельствовали «боярове тамошніе», показавшіе, что всѣми перечисленными имѣніями владѣли и предки четырехъ братьевъ Якова, Дмитрія, Осипа и Владиміра. Огромныя помѣстья, исчисленныя въ этомъ актѣ и занимавшія значительную часть теперешняго новозыбковскаго уѣзда съ частями уѣздовъ суражскаго, мглинскаго, стародубскаго и городницкаго, указываютъ, что Бороздны были едва-ли не главнѣйшими колонизаторами Сѣверской земли уже въ XVI вѣкѣ. Право Бороздпъ на перечисленныя въ актѣ 1620 г. имѣнія подтверждено было королемъ Владиславомъ грамотою 1625 г., но при этомъ число имѣній является уже меньшимъ [1]). Такое уменьшеніе имѣній у Бороздпъ нужно объяснять тѣмъ, что съ переходомъ Сѣверской земли въ началѣ XVII в. къ полякамъ, послѣдніе, нахлынувъ въ новыя мѣста, успѣли по праву побѣдителей захватить въ свои руки разныя селища и пустоши, въ томъ числѣ и часть Бороздпинскихъ. Въ нашемъ собраніи актовъ имѣется подлинный королевскій декретъ 1648 г., показывающій, что передъ тѣмъ Осипъ Бороздна и сосѣдъ его Барановскій вели земельный споръ съ полякомъ Мартыномъ Фащомъ за Горскъ, Клюсы и Куршановичи; вызванные по жалобѣ Фаща въ ассесорскій судъ, Бороздна и Барановскій, не смотря на повторенный четыре раза позовъ, не поѣхали. За это ослушаніе Осипъ Бороздна былъ изгнанъ изъ государства и лишенъ всѣхъ имѣній [2]). Но этотъ декретъ былъ уже не страшенъ Бороздпѣ: 30 марта 1648 г. подписанъ былъ декретъ объ изгнаніи, а 5 апрѣля поляки были разбиты Хмельницкимъ на Желтыхъ Водахъ. Бороздна сталъ въ ряды

---

[1]) Оба акта въ Обозрѣніи Румянц. описи Малороссіи, стр. 741—745.

[2]) „.... S tych przyczyn pomienionych szlachetnich Borozninow y Baranowskiego, iako prawu pospolitemu y zwierchnosci maiestatu naszego nie posłusznych y sprzeciwnych, na wieczne ze wszystkich ziem panstw naszych wywołanie wskazuiemy, od spolku y obcowania ludzi poczarych, przez osobliwy list nasz banitiyny, z caucellary naszey wydany, wyjmuiemy y wyłączamy.....“

Хмельницкаго, который въ 1656 г. далъ сыну его универсалъ, подтверждавшій за нимъ всѣ маетности, перечисленныя въ актѣ 1620 г.[1]) Универсалъ подвержденъ былъ Выговскимъ въ 1658 г. въ такихъ словахъ: «углядаючи на прислугу у войску нашомъ п. Лаврентія Бороздны, который и теперь и каждой дороги до войска становячися, не опускаетъ, заховуемъ при власныхъ маетностяхъ, очистимъ правомъ ему належачихъ, меновите при мѣстечку Горску и селами до него належачими, зо всѣми належными пожитками».

Въ 1673 г. Лаврентій Бороздна спорилъ съ новымъ сосѣдомъ своимъ за земли. Въ этомъ году гетманъ Самойловичъ отдалъ канцеляристу своему Богдану Войцеховичу с. Жоведь (или Жолведь), которое по универсалу 1656 г. утверждено было за Лаврентіемъ; послѣдній, какъ видно, не возражалъ противъ этого распоряженія; но когда Войцеховичъ сталъ къ жоведскимъ землямъ прихватывать и сосѣднія горскія, Лаврентій пожаловался гетману. Для разрѣшенія межевыхъ споровъ высланъ былъ Леонтій Полуботокъ. Созваны были для разслѣдованія спора мѣстные старожилы; изъ нихъ Радько Рудый, «жолвенскій старый человѣкъ въ лѣтехъ», показалъ, что старый Войцеховичъ, отецъ Богдана, поставивши на жолведскомъ грунтѣ столбъ (въ знакъ основанія *слободы*), отъѣхалъ въ Басань и болѣе въ Жоведь не возвращался. Между тѣмъ этотъ грунтъ приглянулся тогдашнему владѣльцу Горска, Криштофу Фащу, который, осмотрѣвъ жолведской грунтъ, нашелъ его очень удобнымъ мѣстомъ для поселенія слободы и тутъ-же поручилъ ему, Радьку Рудому, быть «осадчимъ» этой слободы, а по ея заселеніи и войтомъ. Посѣтивши Жолведь спустя нѣкоторое время послѣ этого и найдя, что слобода заселяется тихо, Фащъ спросилъ Рудого: а что-же слобожанъ нѣтъ?—Радько отвѣчалъ, что слобода тогда заселится, когда жолведскому грунту будутъ указаны точныя границы. Тогда Фащъ сказалъ: «отъ Новыхъ Боровичъ по Жолведь рѣчку, а отъ Горска по Тативу рѣчку». Другой свидѣтель, житель Новыхъ Боровичъ Лопатенко, показалъ, что за рѣчкою Жолведью земли считались принадлежащими Марку Фащу, владѣльцу Новыхъ Боровичъ. Третій старикъ изъ Горска, Кареба, разсказалъ, что Горскъ за его памяти принадлежалъ московскому попу никольско-

[1]) Акты Юго-Зап. Росс., т. III, стр. 544.

му, которому горскіе крестьяне и дань отдавали; а какъ насталъ новый попъ, такъ этотъ продалъ село Горскъ старому Бороздне (т. е. Осипу) и въ это время границею между Горскомъ и Жолведью считалась рѣчка Татива [1]).

Лаврентій Бороздна былъ живъ еще и въ 1698 г. Въ этомъ году онъ жаловался Мазепѣ, что сосѣди и войсковые чиновники обижаютъ его и выпросилъ оборонный универсалъ, въ которомъ между прочимъ гетманъ говоритъ: «тутъ-же и слободку его, прозываемую Хриновку, якая была черезъ высланныхъ нашихъ недавними часы отобрана отъ него, заховуемъ при немъ»...

Лаврентій Бороздна оставилъ трехъ сыновей, о которыхъ вмѣстѣ съ ихъ потомками, мы и скажемъ отдѣльно.

О старшемъ изъ нихъ, носившемъ двойное имя Владислава-Владиміра, не сохранилось извѣстій. Но о дѣтяхъ его имѣются свѣдѣнія, не лишенныя интереса. У Владислава было шесть сыновей и двѣ дочери; изъ нихъ выдѣляются Лаврентій (15), Иванъ (21) и Евдокія (20).

Лаврентій Владиславичъ службу началъ бунчуковымъ товарищемъ въ 1720 г.; затѣмъ онъ женился на дочери Якова Ефимовича Лизогуба, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ и продолжалъ службу, какую несли всѣ его товарищи, т. е. жилъ большею частію дома, въ с. Хрѣновкѣ, и иногда ходилъ въ походы, въ которыхъ впрочемъ бунчуковые товарищи рѣдко принимали какое нибудь активное участіе, такъ какъ, числясь «подъ бунчукомъ», они большею частью пополняли собою лишь свиту начальствовавшаго въ походѣ лица. Такую службу Лаврентій несъ до 1734 г., когда съ нимъ случилось несчастіе, описанное его женою въ прошеніи, поданномъ въ 1754 г. въ генеральную канцелярію. Въ этомъ прошеніи жена Лаврентія пишетъ: «съ прошлого 1734 г. мужъ мой Лаврентій Бороздна, Божіимъ посѣщеніемъ въ безпамятствіи состоящій, по разнымъ мѣстамъ многія чинилъ затѣйки, за которыя, по сенатскому указу 1740 г., отправленъ былъ, какъ умовредный, на жительство въ Чолнскій монастырь, гдѣ ему между прочимъ не велѣно было давать бумаги и чернила. Потомъ, дѣверь мой, а мужа братъ, Григорій Бороздна, просилъ сенатъ отдать

[1]) Румянц. Опись, стр. 90—92.

Лаврентія ему на поруки, что сенатомъ и было разрѣшено; но при этомъ съ Григорія взято было обязательство, что онъ будетъ за братомъ надсматривать и не будетъ по прежнему давать ему ни бумаги, ни чернилъ. Но привезя брата домой, Григорій Бороздна тогда-же передалъ его мнѣ. Поселившись въ домѣ нашемъ, мужъ мой причинялъ мнѣ и дѣтямъ нашимъ великія бѣды угрозами и побоями... И терпѣла я все это до 1749 г., когда мужъ мой совсѣмъ было выгналъ меня изъ дому. Я жаловалась въ генеральную канцелярію, по распоряженію которой мужъ былъ отправленъ къ черниговскому владыкѣ Амвросію Дубневичу, распорядившемуся поселить мужа въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ. Но изъ монастыря вывезъ его племянникъ нашъ Дмитрій Бороздна и мужъ снова поселился въ домѣ нашемъ, въ Хрѣновкѣ. И опять стала я терпѣть отъ мужа побои и утѣсненіе, спасаясь отъ которыхъ не разъ должна была уходить изъ дому... Такое поведеніе мужа моего есть простое слѣдствіе его умопомѣшательства, которое ему приключилось какъ отъ чрезмѣрнаго пьянства, такъ и *отъ многаго писанія и излишняго чтенія книгъ*. И теперь мужъ мой вмѣсто того, чтобы радѣть около хозяйства, больше всего проводитъ время, запершись въ комнатѣ, въ письмѣ и чтеніи; и при этомъ вотъ уже восемь лѣтъ, какъ не причащается Св. Тайнъ и въ церковь не ходитъ; кромѣ тото мужъ мой твердитъ, что «ежели неправеднаго человѣка убить, то никакого отвѣта предъ Богомъ не дастъ, но еще за то и особливое получитъ спасеніе», и поэтому постоянно пишетъ или на бумагѣ, или мѣломъ по дверямъ и стѣнамъ, что «неправедныхъ людей нужно звести отъ земли». А такъ какъ праведнымъ онъ никого не считаетъ, то какъ дворовые, такъ и я съ дѣтьми постоянно должны отъ него скрываться. Такъ разъ онъ прогналъ меня совсѣмъ изъ дому и я принуждена была скрываться у зятя нашего Пиратинскаго, городницкаго сотника, а мужъ мой въ это мое отсутствіе обрѣзалъ волосы у дочери нашей Прасковьи говоря ей: «ты въ волосахъ своихъ носишь ту отраву, которую присылаетъ тебѣ мать»... По всему этому для избавленія семьи моей отъ смертоносныхъ поступковъ мужа, прошу, чтобы дѣтей нашихъ четырехъ сыновей, которымъ пора учиться, а два изъ нихъ не безъ успѣха уже и латинскому діалекту обучаются, поручить, ради обученія ихъ, преосвященному черниговскому Ираклію Комаров-

скому, чтобы дѣти эти, ради нерадѣнія отцовскаго, не остались безъ науки; а чтобъ домъ нашъ не былъ совсѣмъ разоренъ, прошу, согласно сенатскому указу, мужа моего отдать въ смотрѣніе дѣверя моего Григорія Бороздны».

Въ этомъ разсказѣ о помѣшательствѣ Лаврентія Бороздны нельзя не обратить вниманія на то, что, по мнѣнію его жены, одною изъ причинъ болѣзни было чтеніе книгъ. Не имѣя въ рукахъ сенатскаго опредѣленія о помѣщеніи Лаврентія Бороздны въ Чолнскій монастырь, мы лишены возможности дополнить разсказъ жены и ничего не можемъ сказать о родѣ чтенія; тѣмъ не менѣе, судя по тѣмъ убѣжденіямъ Лаврентія Бороздны о невмѣняемости убійства «неправеднаго человѣка», о которыхъ упоминаетъ его жена, можно думать, что чтеніе это выходило изъ книжнаго обихода тогдашняго общества [1]).

Другой сынъ Владислава, Иванъ (21), первый изъ Бороздновъ попалъ въ генеральную старшину; въ 1729 г. по опредѣленію тайнаго верховнаго совѣта, онъ получилъ урядъ генеральнаго бунчужнаго [2]); а черезъ два года, по представленію гетмана Апостола, Иванъ Бороздна сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею, на мѣсто умершаго Кандибы [3]). Умеръ онъ около 1740 г., такъ какъ въ началѣ 1741 г. генеральными судьями были уже Лысенко и Горленко. Жилъ Иванъ Бороздна въ Горскѣ. Въ своемъ завѣщаніи имѣніе свое онъ распредѣлилъ такъ: женѣ по смерть ея половина мѣстечка Горска съ мельницами на р. Тативѣ, с. Семковка и с. Лобки съ мельницами и двумя греблями; сыновьямъ, пока жена будетъ жива, Василію с. Радомка съ мельницами; Дмитрію грунтъ въ с. Мощонкѣ и «млинокъ» Лавинскій; сыну Ивану с. Бириловка съ мельницами. А какъ мать ихъ умретъ, то сыновья должны получить: Василій Лобки, Дмитрій Горскъ, а Иванъ Семковку. Прочіе грунты вольно женѣ отдать въ приданое за дочерьми [4]).

---

[1]) Кромѣ отцевъ церкви, въ половинѣ XVIII в. малороссійская интеллигенція читала „Белеевъ дикціонарій“, лексиконъ Буддея, Мильтона, Dictiomnaire royal par Pomai, Lettres de Bussi Rabutin, De atheismo, Aventures de Thelemaque....

[2]) Записки Як. Марковича, т. I, стр. 305.

[3]) Арх. ген. канц., № 5524.

[4]) Арх. генер. канц., № 12481.

Изъ дочерей Владислава мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о старшей Евдокіи, которая выдана была замужъ еще при жизни отца за Григорія Андреевича Гамалѣю. Замужемъ ей пришлось быть не долго; въ 1737 г. мужъ Евдокіи умеръ; дѣтей у нихъ не было и Евдокія всю любовь свою сосредоточила на братѣ Григоріѣ. Евдокія, вопреки литовскому статуту, съумѣла мужнины имѣнія удержать за собою цѣликомъ и, не смотря на всѣ старанія дѣверя своего Ивана Андреевича отобрать эти имѣнія, владѣла ими до своей смерти въ 1755 г. Передъ смертью Евдокія всю движимость своего борщовскаго дома (Евдокія жила въ с. Борщовѣ) завѣщала брату Григорію: «вѣдая, что родной мой братъ Григорій Бороздна имѣлъ ко мнѣ въ жизни моей довольную зычливость и надѣясь, что и по смерти моей будетъ онъ имѣть особливое попеченіе о душѣ моей, имѣніе свое распоряжаю слѣдующимъ образомъ: 1) душу мою грѣшную вручаю вседѣтелю моему Богу Отцу, яко отъ него мнѣ данную, а тѣло мое грѣшное да будетъ погребено съ надлежащими церковными обрядами въ с. Ярцевѣ, въ одномъ гробѣ съ покойною родителькою моею. 2) Дворъ мой материнскій въ г. Стародубѣ, съ хоромнымъ строеніемъ, отдаю брату моему Григорію; ему-же назначаю движимое мое имѣніе и «фанты»—одежду, бѣлье, серебро, цинковую посуду и весь мой скотъ. 3) Изъ этого моего имущества братъ мой долженъ отдать сто рублей сестрѣ нашей инокинѣ Серафимѣ и принять на себя какъ поминки («обычные столы учинить»), такъ и издержки на сорокоусты, а именно: въ монастыри—Каташинскій, Рябцевскій, Клюсовскій и дѣвичій Печеницкій по 10 р., на церкви—десять стародубскихъ, четыре погарскихъ, въ Горскѣ, Хрѣновкѣ, Клюсахъ, Медведовѣ и Логоватомъ, по 5 р.; въ с. Лобкахъ и Борщевѣ по 10 р. и въ Ярцевѣ, гдѣ тѣло мое будетъ погребено, 20 р. 4) Хлѣбъ весь въ зернѣ, находящійся въ ямахъ въ борщевскомъ моемъ дворѣ, роздать за душу мою по усмотрѣнію брата Григорія»... Но такъ какъ Борщовъ, по смерти Евдокіи, долженъ былъ перейти по наслѣдству къ Ивану Гамалѣѣ, то послѣдній, не признавая права за умершею распоряжаться борщовскою движимостью, сталъ оспаривать завѣщаніе Евдокіи. «Сего 1755 г. въ январѣ, когда я отлучился изъ дому своего въ Глуховъ для занятія дѣлами въ генеральномъ судѣ, въ это время умерла въ Борщовѣ, «братовая» моя Евдокія *Митро-*

фанова Бороздновна; братъ-же ея родной, бунчуковый товарищъ Григорій *Митрофановъ* Бороздна, пріѣхавши вслѣдъ за тѣмъ въ Борщовъ, не давая мнѣ знать о смерти своей сестры, забралъ всю тамошнюю движимость къ себѣ въ с. Ярцевъ»... Въ то время, когда Иванъ Гамалѣя дѣйствовалъ судомъ, жена его, бывшая графиня Рагузинская, двоюродная сестра Григорія Бороздны, писала послѣднему частныя письма, укоряя его за захватъ чужаго имущества. Письма эти очень интересны и одно изъ нихъ приводимъ здѣсь:

«Высокоблагородный мосцѣ пане Григорій *Митрофановичъ* Бороздна, мой благодѣтель!

Не удовольствовался ты тѣмъ, что *поворовалъ* наслѣдственное мужа моего имѣніе на многія тысячи, изъ села Борщова и хутора Чеховскаго, за что отвѣтишъ предъ судомъ, но производишъ воровство, по своему обыкновенію, въ лѣсахъ нашихъ... Промысломъ этимъ, кажется, и не приличествовало-бы вамъ промышлять. Лучше бы промышлять вамъ тѣмъ промысломъ, которымъ занималась и мать ваша, тѣмъ болѣе, что и дворъ имѣете на то въ Стародубѣ въ приличномъ мѣстѣ... Поэтому объявляю вамъ: соизвольте себя и людей вашихъ удерживать отъ таковаго непотребства, ибо таковые ваши поступки худые васъ самихъ приведутъ къ худому концу непремѣнно; поворованное-же вами возвратите обратно, безъ дальнихъ трудностей.—Ожидая письменнаго увѣдомленія отъ васъ, есмь доброжелательная услужница Анна Гамалѣева. 1755 г.»

Оскорбительное это письмо Григорій Бороздна предстявилъ въ генеральную канцелярію и жаловалси: «написано меня въ письмѣ этомъ постороннимъ отчествомъ, а именно Митрофановымъ сыномъ, и при томъ назвала меня Анна Гамалѣева воромъ и промыслъ мнѣ приписываетъ какой-то, будто-бы принадлежавшій матери моей, что все касается до поношенія чести моей... Но такъ какъ я не Митрофановъ, но съ природы малороссійскаго шляхтича Владислава Бороздны сынъ, и не воръ, но безъ всякаго подозрѣнія человѣкъ, и мать моя Федора Сергѣева дочь знатного роду, и промыслу никакого, который она, Гамалѣйка, къ поношенію моему наводитъ, не имѣла, а жила, какъ шляхетская жена съ шляхтичемъ, отцемъ его, а ея Гамалѣиной роднымъ дядею»... Эти темныя нареканія на семью

Владислава Бороздны остаются не разъясненными. Въ одной жалобѣ на Григорія Бороздну Иванъ Гамалѣя пишетъ: «моя братовая Евдокія съ роднымъ своимъ братомъ Григоріемъ суть *Митрофановы дѣти* Бороздны, но иногда пишутъ и называютъ себя Владиславовыми, а иногда Владиміровыми»... Видно, что общественное мнѣніе считало Григорія и Евдокію незаконнорожденными.

Второй сынъ Лаврентія Бороздны Иванъ (12) въ 1715 г. получилъ царскую грамоту, которою утверждались за нимъ «село Медвѣдово съ дворами и со всѣми угодьями и мельницами, село Курпановичи съ мельницею и гутою, половина м. Горска съ двумя мельницами, сельцо Смолевичи купленное, село Бутовское, два мужика въ с. Ущерпьи, дворъ въ с. Халѣевичахъ и дворикъ въ Стародубѣ. Частная жизнь и семейная обстановка Ивана Лаврентьевича Бороздны разсказана имъ самимъ въ его жалобѣ на зятя своего графа Гаврила Рагузинскаго: «когда я въ прошломъ 1725 г. взятъ былъ въ Глуховъ подъ караулъ, того-жъ дня графъ Гаврило Ивановичъ пріѣхалъ изъ Топали (гдѣ онъ жилъ) въ мой медвѣдовскій домъ и забралъ всю мою «худобу»: жемчугъ, золото, драгоцѣнныя вещи (клейноты), сребро, мѣдь, платье, оружіе и прочіе «домовіе сплендори». А забравъ оную худобу, на другой годъ Рагузинскій сталъ подласкиваться къ моей женѣ и затѣмъ взялъ за себя въ замужество мою дочь, безъ моего вѣдома и благословенія. А когда Божіимъ изволеніемъ и милостью царскою я былъ освобожденъ изъ неволи [1]) и возвратился домой; то засталъ свой домъ пустымъ: не было ни жены, ни дѣтей, кромѣ двухъ малыхъ хлопцевъ, сына и внука; все было забрато и въ домѣ не оставалось и одного «кавалка» хлѣба. Нѣсколько разъ писалъ я къ графу, чтобъ возвратилъ мнѣ жену и дѣтей, но въ отвѣтъ графъ только билъ моихъ посланныхъ, заковывалъ въ желѣза и сажалъ въ колодки. Потомъ упросилъ я игумена рябцовскаго монастыря Илью Дешкевича поѣхать къ графу въ Топаль и напомнить ему духовно, чтобъ онъ «смѣху съ дома моего не чинилъ и возвратилъ-бы жену, дѣ-

---

[1]) Иванъ Лаврентьевичъ Бороздна, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ словъ, былъ сосланъ въ Сибирь; причина ссылки намъ неизвѣстна.

тей и взятую «худобу». И отпустилъ было, по этой просьбѣ, Рагузинскій мою жену; но вслѣдъ-же затѣмъ прислалъ за нею своихъ денщиковъ, которые, ухвативъ жену, снова отвезли ее въ Топаль. Тогда я обратился къ схимницѣ печеницкаго монастыря, чтобы она, вмѣстѣ съ моею дочерью монахинею Евдокіею, ѣхала въ Топаль и просила о возвращеніи жены. Но графъ приказалъ взять ту схимницу подъ караулъ. И кого только я не посылалъ къ Рагузинскому, то всѣ были биты имъ... Горько страдая въ своемъ положеніи, я отважился наконецъ самъ ѣхать въ Топаль за женою и худобою; но какъ только подъѣхалъ я къ двору графа, онъ сейчасъ выслалъ противъ меня человѣкъ двадцать денщиковъ, которые, ухвативъ меня, точно злодѣя какого, ростянули и стали бить кулаками, а потомъ повели не знаю куда—топить или вѣшать... и если-бы въ это время не выбѣжала изъ дому дочь моя монахиня и не удержала денщиковъ, то вѣроятно пришлось-бы смертью пострадать... Затѣмъ меня выгнали со двора и я отправился къ топальскому попу и, передохнувъ у него, снова отправился къ графу въ домъ и, встрѣтивъ тамъ жену, забралъ ее въ сани и отвезъ домой. Къ притѣсненіямъ Рагузинскаго присоединились новыя: въ это время напалъ на меня еще и стародубскій полковникъ Пашковъ и хотѣлъ было меня арестовать. Я поѣхалъ жаловаться въ Глуховъ. Въ мое отсутствіе зять снова наслалъ въ мой домъ своихъ денщиковъ, которые забрали остальную мою худобу, которую я бралъ съ собою, когда ссылали меня въ Сибирь; при этомъ взята была и жена моя, которую Рагузинскій отправилъ въ Нѣжинъ къ греку Бешняку, гдѣ она и скрывалась цѣлое лѣто. А въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого 1727 г. жена моя упросила меня чрезъ братьевъ моихъ Николая и Лаврентія, чтобъ я отпустилъ ее въ Топаль доискиваться нашей худобы; я согласился и жена поѣхала вмѣстѣ съ братьями моими къ Рагузинскому за худобою. Но опять дѣло кончилось тѣмъ, что прислугу мою графъ выгналъ со двора, а жену удержалъ при себѣ, которая остается въ Топали и до сего дня [1]).

Жалобы Ивана Лаврентьевича Бороздны на зятя своего Рагузинскаго требуютъ объясненія о появленіи въ средѣ тогдашняго малороссійскаго общества графовъ Рагузинскихъ.

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, № 370.

Рагузинскіе пошли отъ извѣстнаго серба Саввы, уроженца рагузской республики (отсюда и его фамилія), торговавшаго въ въ 1700 г. въ Константинополѣ. Здѣсь онъ оказывалъ услуги нашему посольству сообщеніемъ нужныхъ ему свѣдѣній, при посредствѣ его сталъ извѣстенъ Петру I и когда въ 1703 г, въ качествѣ торговца-же, проникъ въ Россію, то, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ торговыми дѣлами, былъ употребляемъ Петромъ по дѣламъ не только торговымъ, но и политическимъ. Чрезъ него передавались въ Константинополь разныя свѣдѣнія и бумаги, чрезъ него-же Петръ велъ сношенія съ черногорцами, возбуждая ихъ противъ турокъ, во время нашествія Карла XII. За эти услуги, кромѣ широкихъ правъ торговли внутри Россіи, Петръ далъ Саввѣ въ 1710 г. богатыя имѣнія въ Малороссіи, заключавшія въ себѣ слѣдующія села и деревни: въ новозыбковскомъ уѣздѣ Топаль, Киваи, Туросну, Смотрову Буду, Гулювку, Крутобережку, Унуковичи, Курозновъ, Плавню, Чорнооковъ, Рудню, Проску, Каменку, Хохловку и Рубежное, въ кролевецкомъ с. Вишенки, въ борзенскомъ с. Парафіевку и въ гадяцкомъ уѣздѣ с. Розбышевку. Всѣ эти имѣнія принадлежали передъ тѣмъ сообщникамъ Мазепы: Ломиковскому и Василію Чуйкевичу. Эти сами по себѣ богатыя имѣнія Савва Рагузинскій съумѣлъ еще разширить насильственными захватами сосѣднихъ земель [1]) и, составивъ такимъ образомъ огромное состояніе, успѣлъ впослѣдствіи добиться признанія за нимъ графскаго титула, яко-бы принадлежавшаго его предкамъ. Послѣ Саввы богатства эти унаслѣдовалъ одинъ изъ его племянниковъ Гаврило, который въ 1725 г. женился, какъ мы видѣли, на дочери

---

1) Какъ велики были захваты Рагузинскихъ, видно изъ слѣдующей жалобы топальскихъ козаковъ 1727 г.: „въ прошлыхъ давнихъ годахъ, когда еще с. Топаль было во владѣніи Мокріевича, тогда мы грунта свои съ мужиками тамошними подѣлили, а въ прошлыхъ годахъ на нашемъ отдѣленномъ козацкомъ грунтѣ приказчики Саввы Рагузинскаго *поселили двѣ слободы*, прозываемыя Рубежное и Хохловка“... Вслѣдствіе этой и множества другихъ жалобъ на Гаврила Рагузинскаго, генеральная канцелярія назначила двухъ чиновниковъ „для розыска“; но когда чиновники предъявили указъ канцеляріи Гаврилу, „то по прочитаніи онъ, графъ, отвѣтствовалъ, что нехай де генеральная канцелярія и сто указовъ до меня присылаетъ, я тому не вѣрю, что они пишутъ“. На этомъ „розыскъ“ и остановился.—Арх. генер. канц., № 370.—Отсюда понятны и тѣ насилія, которыя позволялъ себѣ Гаврило Рагузинскій въ отношеніи къ Ивану Бороздне.

своего сосѣда Ивана Лаврентьевича Бороздны. Въ 1739 г. онъ написалъ свое завѣщаніе, изъ котораго приводимъ отрывки: «съ малыхъ своихъ лѣтъ отлучился я изъ своего отечества, не имѣя никакихъ пожитковъ, вслѣдствіе разоренія, произведеннаго проклятыми турками. Прибывъ въ россійскую имперію, жилъ я при своемъ дядѣ графѣ Саввѣ Владиславичѣ, занимаясь купеческими промыслами. А переѣхавъ въ Малороссію, женился на малороссійской шляхтянкѣ Аннѣ, Ивана Бороздны дочери, и прижилъ съ нею двое дѣтей, но они померли. Хотя я имѣю родныхъ братьевъ, но имѣніе свое, нажитое вмѣстѣ съ женою моею, воленъ оставить, кому хочу. И нынѣ по доброй моей волѣ оставляю наслѣдникомъ всего моего имѣнія роднаго брата моего, гр. Мойсея Владиславича, которому завѣщаю подъ клятвою учинить такое исполненіе моей воли: прежде всего долженъ онъ, братъ мой, отдать женѣ моей всѣ ея «уборныя вещи», денегъ двѣ тысячи рублей, с. Киваи и с. Туросну съ Будою и вольно будетъ ей, женѣ моей Аннѣ, тѣ села продать или другимъ способомъ ими распорядиться, если даже она и замужъ пойдетъ. Старшему брату Ефиму Владиславичу оставляю три тысячи рублей и по столько-же оставляю сыну его и двоюродному брату Ивану Ивановичу Владиславичу; сестрѣ Евлогіи, которая въ Сербіи, съ дѣтьми ея тысячу рублей; прочимъ свойственникамъ, въ Сербіи живущимъ, въ раздѣлъ тысячу рублей. Свояченицамъ: Агафьѣ, женѣ Стаховича, съ дѣтьми ея триста рублей, монахинѣ Евдокіи Бороздновой триста рублей. Служителей моихъ всякаго званія, выдавъ имъ двойное жалованье, отпустить на волю, кто куда хочетъ» и проч. Наслѣдство оставилъ Гаврило Рагузинскій огромное: въ имѣніяхъ его числилось 1066 дворовъ, денегъ было въ наличности болѣе 50 тысячъ рублей и, кромѣ того, множество золота и серебра въ вещахъ. Такое наслѣдство конечно не могло не возбудить зависти у обойденныхъ наслѣдниковъ. Старшій братъ умершаго Ефимъ, получившій по завѣщанію всего три тысячи рублей, началъ съ Мойсеемъ тяжбу, которую въ 1742 г. и выигралъ, такъ какъ императрица собственноручно написала на прошеніи Ефима: раздѣлить съ Мойсеемъ пополамъ. Получивъ половину наслѣдства Гаврила, Ефимъ Рагузинскій выгналъ вдову его изъ Топали «съ великою обидою и безчестіемъ». Вдова жаловалась, но ничего не добилась изъ завѣщаннаго имѣнія и вышла вторично замужъ за Ивана Гамалѣю.

Другая, старшая дочь Ивана Лаврентьевича Бороздны, Елена, была замужемъ за полякомъ Прушановскимъ, но принуждена была почему-то бросить мужа и постричься въ монахини; въ 1728 г. черниговскій епископъ Иродіонъ писалъ: «жаловался мнѣ польскій шляхтичъ рѣчицкаго повѣта Михаилъ Прушановскій, что женился онъ въ 1713 г. на дочери Ивана Бороздны Еленѣ и жилъ съ нею три года, прижилъ за это время двухъ сыновей; но въ 1718 г. жена его, поѣхавъ къ отцу въ гости, болѣе къ нему не возвращалась; что онъ, Прушановскій, жаловался генеральному судьѣ Чернышу, который было и вызвалъ Елену, но когда та явилась къ нему въ монашескомъ платьѣ, то Чернышъ оставилъ ее въ покоѣ, а Прушановскому дозволилъ жениться на другой женѣ».

Единственный сынъ Ивана Лаврентьевича, Иванъ (22), служить началъ въ 1735 г. бунчуковымъ товарищемъ и служилъ до 1762 г., когда былъ уволенъ въ отставку бунчучнымъ генеральнымъ (Зап. Марк., т. II, стр. 379); онъ значительно увеличилъ свои богатства, вѣроятно процессами, такъ какъ въ числѣ имѣній его встрѣчаемъ два села (Киваи и Туросну), которыя передъ тѣмъ принадлежали зятю его Гаврилу Рагузинскому. Всего Иванъ Ивановичъ имѣлъ 1,663 крестьянъ мужескаго пола, а именно: въ Медведовѣ 224, Киваяхъ 155, Туроснѣ 207, Душкинѣ 67, Смотровой Будѣ 227, Бутовкѣ 196, Ивановкѣ 58, Плауновкѣ 17, Стодолѣ 43, Близнѣ 57, Руднѣ Голубовской 119, Ельнѣ 61, Василевкѣ 71, Руднѣ Петровой 30, Куршановичахъ 205, Еленовкѣ 84, д. Петровой 54, м. Горскѣ 127 и въ сл. Гасичевскѣ 61.

У Ивана Ивановича былъ тоже одинъ сынъ и тоже Иванъ (41), котораго онъ женилъ на богатой Крыжановской, дочери выкрещеннаго еврея. Сынъ этого Ивана Ивановича, Петръ (45), служилъ уже въ гвардіи.

Наконецъ третій сынъ Лаврентія Бороздны былъ Максимъ (13). Онъ служилъ мглинскимъ сотникомъ при Скоропадскомъ. Интересныя свѣдѣнія о Максимѣ сохранились въ слѣдующей жалобѣ козаковъ мглинской сотни, поданной ими въ 1714 г. гетману: «какъ скоро сталъ Максимъ Бороздна сотникомъ, сейчасъ-же сталъ козаковъ муштру учити, что продолжаетъ и доселѣ; да приказалъ

всѣмъ куренямъ, чтобы козацкіе мушкеты были передѣланы «на флинты, шведскимъ строемъ». И принуждены мы были въ прошлый голодный годъ послѣдніе «злыдни» сбывать на эту передѣлку. Часто разъѣзжаетъ по «волости», «якобы колядовать, а больш для того, щобъ кого удрать»; такъ въ с. Драковѣ многихъ, «позавишовавши въ тинъ» [1]), своими руками билъ; тоже самое чинилъ и въ с. Овсинцѣ, «за тую-же колядку и дьяку церковному Грицку кіями добре досталось» [2]). Жалоба эта требуетъ объясненія; нужно знать, что въ это время Меншиковъ, получивъ въ подарокъ отъ Скоропадскаго почепскую сотню, самовольно присоединилъ къ ней еще двѣ: бакланскую и мглинскую, которыя, какъ видно, изъ сотенъ переименовалъ въ волости. Вѣроятно, желая заслужить расположеніе сильнаго Меншикова, усердный сотникъ хотѣлъ ввести у козаковъ солдатскій строй, «муштру».

На урядъ сотничества Максиму Бороздиѣ было дано с. Лопазна; но такъ какъ «урядовая маетность» была не крѣпка, то Максимъ, чтобы утвердиться въ Лопазни, сталъ употреблять общій для того времени пріемъ: онъ сталъ скупать земли у лопазненскихъ козаковъ, именно при помощи сотничьяго своего вліянія. Вдова его сына Михаила, при составленіи, по распоряженію Румянцева, описи мглинской сотни, представила всѣ купчія крѣпости, по которымъ пріобрѣтены были свекромъ ея земли въ Лопазнѣ; изъ копій этихъ актовъ, сохранившихся въ румянцевской описи [3]), видно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ производилъ Максимъ Бороздна «скуплю козачьихъ грунтовъ», которою такъ сильно злоупотребляла малороссійская старшина и къ прегражденію которой тщетны были всѣ усилія русской администраціи, старавшейся предупредить слѣ-

---

[1]) Старинный видъ наказанія, состоявшій въ томъ, что ноги виновнаго закладывали въ средину плетня; неподвижное положеніе наказываемаго давало возможность безпрепятственно наносить ему удары. Въ с. Дыбинцахъ (кіев. губ.) братство подвергало этому наказанію за разные проступки еще въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но безъ сѣченія или битья.

[2]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 4,195. Подъ именемъ „колядокъ“ должно, кажется, разумѣть одинъ изъ видовъ тѣхъ поборовъ старшины, которые извѣстны были подъ общимъ именемъ „ральца“. Колядованье имѣло видъ поздравленія съ праздникомъ, за которое поздравляемые должны были благодарить разными подарками.

[3]) Томъ CII, въ б—кѣ черниговскаго статистическаго комитета.

довавшее за такою «скуплею» обѣдненіе козачьяго сословія. Сохранилось 23 купчихъ записей, по которымъ Максимъ Бороздна пріобрѣлъ себѣ въ с. Лопазнѣ, не мало «пахатныхъ нивъ съ ложками, пашенныхъ концовъ, рѣзокъ обложныхъ и бортныхъ деревьевъ», то за деньги, очень впрочемъ не великія и для тогдашняго времени, то за долги, тоже незначительные (напр. за «полторы осмачки жита»), то наконецъ и совсѣмъ даромъ. Примѣръ пріобрѣтенія послѣднимъ способомъ представляетъ купчая 1717 г., по которой «всѣ селяне лопазенскіе, какъ товариство войсковое, стрѣльцы и посполитые мужеве, учинили вѣдомо, что по доброй волѣ своей, имѣя тяглой пашни шнуровые (измѣренные) концы, отдали ихъ сотнику своему Максиму Бороздне, «певными угомонищами положивши обрубецъ», т. е. ограничивъ отведенный участокъ извѣстными урочищами.

Женатъ былъ Максимъ Борздна на какой-то Катеринѣ Карчевской, которая «въ Россію выѣхала изъ чужихъ краевъ и воспріяла православную вѣру». По смерти Максима, вдова его вышла замужъ за поручика Антона Детерденева и выхлопотала въ 1727 г. царскую грамоту, по которой Лопазна была укрѣплена за вдовою Максима и его дѣтьми, не смотря на то, что это была, какъ мы сказали, «урядовая маетность».

Изъ дѣтей Максима извѣстенъ Михаилъ, который служилъ бунчуковымъ товарищемъ; въ уступной записи 1762 г. онъ передалъ имѣнія своивъ сс. Лопазнѣ и Ляличахъ женѣ и младшей дочери, Елизаветѣ, лишая при этомъ старшую дочь вовсе наслѣдства: «старшую же дочь мою Ефросинію, которая безъ воли и благословенія родителей своихъ, вышла замужъ, и чрезъ то намъ, родителямъ своимъ, нанесла печаль (отъ которой и въ здоровьи своемъ почувствовалъ великое поврежденіе), отдаляю и «выдѣдичаю» отъ всего моего имѣнія на вѣчные часы».

Ал. Лазаревскій.

Мемуары К. А. Рощаховскаго времени освобожденія крестьянъ.

Помѣщаемые ниже мемуары К. А. Рощаховскаго относятся къ эпохѣ, отдѣляющей дореформенную Россію отъ Россіи «освобожденной», какъ выражаются нѣкоторые иностранные писатели. Это было время, когда всѣ издававшіеся тогда журналы и газеты толковали объ одномъ и томъ-же вопросѣ, поставленномъ правительствомъ на очередь, вопросѣ, по широтѣ своей далеко превосходящемъ тѣ мелкія заботы, какія выпадаютъ въ удѣлъ другимъ временамъ. Это было время, когда извѣстія, публикуемыя правительствомъ о ходѣ освободительной реформы, и въ столицѣ, и въ заброшенныхъ деревенькахъ вызывали длинныя пренія и бесѣды объ отношеніяхъ рабовъ къ властелинамъ, о причинахъ, создавшихъ эти отношенія, о послѣдствіяхъ, какія можетъ оказать реформа на судьбу тѣхъ и другихъ.... Общій подъемъ духа въ сферѣ политико-общественной мысли дѣлаетъ то время интересною эпохою нашей исторической жизни XIX вѣка.

Если насъ отдѣляетъ уже четверть вѣка отъ той счастливой эпохи, если уже явилась возможность появленія въ нашей исторической литературѣ такихъ трудовъ, какъ напр. трудъ г. Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи», то тѣмъ болѣе умѣстно опубликованіе матеріаловъ, характеризующихъ дѣятельность и направленіе мысли въ тѣхъ или другихъ закоулкахъ нашей родины. Рукописи бывшаго предводителя дворянства бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, Константина Александровича Рощаховскаго, которыми мы располагаемъ, съ разрѣшенія его наслѣдника, представляютъ именно такой матеріалъ, и мы считаемъ своею обязанностью подѣлиться имъ съ читателемъ.

К. А. Рощаховскій былъ одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей того времени, и память о немъ еще до сихъ поръ сохранилась въ херсонской губерніи и въ елисаветградскомъ уѣздѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ свое время и въ публицистикѣ, выступивши въ издававшемся тогда «Журналѣ землевладѣльцевъ» сторонникомъ консервативной партіи. Нѣкоторыя изъ его статей въ этомъ журналѣ возбуждали рьяную полемику; за нѣкоторые его взгляды, напр. за защиту тѣлесныхъ наказаній, ему посылались не лестные эпитеты; онъ отвѣчалъ съ жаромъ на упреки и, какъ видно изъ его бумагъ, велъ списокъ своихъ положеній, которыя защищалъ, стараясь быть послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своимъ основнымъ мыслямъ.

Давая мѣсто нѣкоторымъ изъ ненапечатанныхъ его мемуаровъ, въ настоящее время имѣющихъ уже значеніе историческаго лишь матеріала, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя біографическія данныя о личности Константина Александровича, какія намъ удалось добыть отъ лицъ, его знавшихъ.

Отецъ Рощаховскаго былъ помѣщикомъ въ гадячскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, гдѣ его предокъ когда-то получилъ имѣніе отъ Мазепы, а дѣдъ и отецъ, Захарій и Петръ Рощаховскіе, были бунчуковыми товарищами. Женился онъ противъ воли родныхъ на полькѣ, которая въ 1815 году гостила у своихъ въ Литвѣ и тамъ родила сына. Подъ вліяніемъ уговоровъ родственниковъ она окрестила его въ католическую вѣру, назвавъ Никлесомъ. Отецъ его въ это время былъ озабоченъ устройствомъ нозаго «дворянскаго гнѣзда» въ херсонскихъ степяхъ, что было очень хлопотливо и трудно. Получивъ землю въ южной части нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, онъ копалъ тамъ колодязь и строилъ домъ. Лѣсъ для постройки въ эту пустыню нужно было возить изъ полтавской губерніи, что по разсказамъ стариковъ-крестьянъ было очень трудно въ то время заселенія херсонскихъ степей. Такимъ образомъ отецъ увидѣлъ своего сына только черезъ два года; узнавъ, что тотъ католикъ, Рощаховскій объявилъ войну своей женѣ, нашелъ на мѣстѣ двухъ нищихъ православныхъ, ссылаясь на какой-то обычай, и при помощи этихъ воспріемниковъ перекрестилъ сына въ православную вѣру, назвавъ его Константиномъ. Послѣ этого вся семья переѣхала изъ Литвы и Полтавщины въ свою новую деревню, назван-

ную по имени основателя Александровкою. Въ этой деревнѣ провелъ свои дѣтскіе годы авторъ предлагаемыхъ мемуаровъ подъ вліяніемъ молодой матери, чувствовавшей себя крайне одинокою среди чуждаго ей общества помѣщиковъ, съ разныхъ сторонъ наѣхавшихъ въ новозаселяемыя степи. На 10-мъ году отдали К. А. Рощаховскаго въ частный пансіонъ въ сосѣдней деревнѣ Седневкѣ; затѣмъ онъ еще учился въ Харьковѣ въ подобномъ-же пансіонѣ Робуша, подтотовлявшемъ воспитанниковъ въ университетъ; съ 1834 г. по 1839 онъ былъ студентомъ харьковскаго университета, который окончилъ со званіемъ дѣйствительнаго студента по юридическому факультету. Прослуживши послѣ этого около года въ Петербургѣ по министерству государственныхъ имуществъ, Константинъ Александровичъ въ 1840 т. вышелъ въ отставку и возвратился въ Александровку, гдѣ женился въ 1843 на бывшей своей соученицѣ по Седневскому пансіону. Кромѣ занятій по сельскому хозяйству, котораго онъ впрочемъ не любилъ, Рощаховскій исполнялъ и общественныя обязаности по выбору: 15 лѣтъ сряду онъ былъ почетнымъ смотрителемъ бобринецкаго уѣзднаго училища, а въ 1859 г. былъ избранъ бобринецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Умеръ онъ въ мартѣ 1862 года отъ скоротечной или галлопирующей чахотки, проявленіями которой были его вспыльчивость, развившаяся въ послѣдніе годы жизни, и горячность при отстаиваніи своихъ мнѣній. Однажды разгоряченный въ спорѣ по занимавшему тогда всѣхъ вопросу о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ онъ сильно спорилъ, причемъ ударилъ рукой по столу, что было принято за крайнюю невѣжливость; это усилило его болѣзнь, къ тому-же онъ еще и простудился. Другіе говорятъ, что вообще усиленныя кабинетныя занятія послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни свели его преждевременно въ могилу, на 47 году жизни.

Такова несложная біографія человѣка, который по всѣмъ отзывамъ былъ кроткимъ, смирнымъ семьяниномъ и «добрымъ бариномъ» по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Дѣтей своихъ онъ очень любилъ, самъ занимался ихъ воспитаніемъ и составлялъ для нихъ учебники[1]). Дворовой челяди онъ держалъ мало и не смотря

[1]) Этихъ учебниковъ мы не могли найти въ огромной пачкѣ рукописей, переданныхъ въ наше распоряженіе. Чтобы читатель могъ видѣть, насколько разносторонни были кабинетныя занятія К. А. Рощаховскаго, приводимъ спи-

на обязательныя отношенія ихъ къ своему пану, платилъ имъ постоянно небольшое мѣсячное жалованье, а дѣтей ихъ училъ грамотѣ въ своей домашней школѣ, что тогда было исключеніемъ. Въ одномъ разсказѣ, написанномъ имъ подъ заглавіемъ «Три креста», онъ разсказываетъ объ ужасной смерти своего бывшаго лакея, котораго исковеркала конная молотилка, оторвавши обѣ ноги. Умирая, тотъ просилъ у барина опіуму, чтобы прекратить страданія. Описавши борьбу чувствъ съ разсудкомъ, въ результатѣ которой пришлось отказать умирающему въ ядѣ, Рощаховскій продолжаетъ:

сокъ (можетъ быть неполный) тѣхъ рукописей, которыя остались послѣ него, отмѣчая годомъ тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть такая или иная дата.

1846 г. Всеобщая экономія народовъ. Стройновскаго (переводъ съ польскаго).

? О статьяхъ Тимашева и Пашкова относительно компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ.

1857 г. Мысли объ улучшеніи уѣздныхъ училищъ (Разсужденіе, основанное на 14 лѣтнемъ наблюденіи за бобринецкимъ училищемъ. Состоитъ изъ 4 частей: 1) цѣль уѣздныхъ училищъ; 2) объемъ преподаванія; 3) система преподаванія; 4) нравственно-религіозное направленіе преподаванія).

На 1858 годъ (Передовица по поводу „подвига“ дворянъ виленской, гродненской и ковенской губерній, ходатайствовавшихъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ).

1857 г. Замѣтки по поводу критики „Современника“ и статьи г. Петрово-Солового.

1858 г. Апрѣль. „Возвышенности“ (полемика съ Герценомъ и Чернышевскимъ).

— *Май.* Мысли о примѣненіи основныхъ началъ реформы къ улучшенію быта новороссійскихъ крестьянъ (было помѣщено въ „Журналѣ землевладѣльцевъ“).

— *Іюль.* Общинная поземельная собственность.

— *Ноябрь.* Произволъ и новый порядокъ (полемическая статья къ критикамъ его вышепомянутыхъ „Мыслей“).

1859 г. Январь. Приглашеніе къ смотрителямъ училищъ описывать мѣстности елисаветградскаго уѣзда для помѣщенія въ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“.

— *Февраль.* „Три креста“ (разсказъ о слугѣ Григоріѣ).

— *Февраль.* Недоразумѣнія по крестьянскому вопросу (длинный рядъ статей для „Журнала землевладѣльцевъ“).

— Замѣчанія на „Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, составленное херсонскимъ губернскимъ комитетомъ.

— Замѣчанія на „Приложеніе къ Положенію“ и на „Мнѣніе меньшинства херсонскаго губернскаго комитета“.

— Отзывъ по поводу особаго мнѣнія членовъ херсонскаго комитета Каснова и Соколовъ-Бородкина.

1860 г. Августъ. Объ орудіяхъ и машинахъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (докладъ елисаветградскому хозяйственному съѣзду, рѣчь при открытіи котораго имѣется также въ бумагахъ, безъ означенія года).

— *Декабрь.* Краткія замѣтки на проэктъ устава тверскаго земскаго банка.

«Мнѣ тяжело было вымолвить, а страдальцу еще тяжелѣе было выслушать мой отказъ. Отвернувши голову и испустивъ тяжелые стоны, онъ сказалъ:

— За что-же я умираю преждевременно и такъ мучительно? Въ сраженіи жертвуютъ за вѣру и отечество.... А я, бѣдный, за что 18 лѣтъ несъ службу, за что трудился, за что умираю!...»

Да, онъ это сказалъ!.... Я ничего не выдумалъ. Вижу и въ эту минуту страдальца, и слышу его справедливый, законный упрекъ.... Не думайте, чтобы всѣ крестьяне наши имѣли раболѣпныя души, не чувствовали своего стѣснительнаго положенія. Многіе изъ нихъ живо понимаютъ свое ничтожество и съ душами, достойными лучшей участи, жаждутъ независимости. На смертномъ одрѣ человѣка, преданнаго мнѣ всѣмъ сердцемъ, я услышалъ укоръ себѣ и стонъ о свободѣ. Видитъ Богъ, что я не оскорбился, но только глубже почувствовалъ несправедливость взаимныхъ людскихъ отно-

---

1861 г. Марта. Проэктъ программы занятій елисаветградскаго хозяйственнаго съѣзда.

— *10 ноября.* Херсонъ (мысли по поводу тысячелѣтія Россіи).

— *15 ноября.* Введеніе уставной грамоты (разсказъ изъ личной жизни).

— *28 ноября.* Разверстка угодій и выкупнаго платежа (рѣчь къ крестьянамъ).

Безъ означенія года:

Стихотвореніе „Поэту".

Краткая записка о бобринецкомъ уѣздѣ.

Рѣчь (передъ собраніемъ?) о крестьянскомъ вопросѣ.

Извлеченіе основныхъ мыслей изъ статей по крестьянскому вопросу.

Записка объ учрежденіи компаніи застрахованія скота.

Еще нѣсколько мыслей по предмету измѣненія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Земскія повинности.

„Русскій заграничный Сборникъ" 1858 г. (мысли о положеніи сельскаго духовенства и іезуитизмѣ въ воспитаніи).

Отзывъ на записку Палимпсестова объ учрежденіи образцовой фермы.

„Дѣтскій міръ" (талантливое возраженіе на статью Пирогова „Быть и казаться", помѣщенную въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" 1856 г., № 34).

Замѣтка на статью Чернышевскаго въ „Современникѣ": „Труденъ-ли выкупъ земли"?

О распространеніи грамотности въ сельскомъ сословіи (Рѣчь на елисаветградскомъ съѣздѣ хозяевъ).

Многія изъ этихъ статей Рощаховскій писалъ, какъ признается въ своихъ письмахъ, только потому, что, по изреченію Котляревскаго, „всякая мае свій умъ голова". Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны; что-же касается написанныхъ передъ самою смертью въ концѣ 1861 года, то очевидно они вовсе не предназначались для печати.

шеній, по которымъ я самъ пользовался стѣснительною и неестественною властью надъ другими подобными мнѣ людьми. Не забудьте, что это было въ 1850 году, когда еще нельзя было предвидѣть скораго исхода изъ укоренившагося у насъ крѣпостнаго права».

Писалъ же это авторъ, какъ видно изъ помѣтки, въ февралѣ 1859 года, т. е. когда уже былъ открытъ въ Херсонѣ и работалъ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и уже было объявлено объ учрежденіи двухъ центральныхъ редакціонныхъ комиссій для составленія общаго и мѣстныхъ «Положеній». Время съ 1858-го года до смерти Рощаховскаго, какъ кажется, принадлежитъ къ періоду, когда онъ больше всего писалъ, оставивъ чтеніе книгъ своей богатой библіотеки. По разсказамъ жены, ночью въ кабинетѣ онъ часто ходилъ и читалъ въ слухъ написанное, чтобы продолжать писать. Писалъ онъ, какъ мы упомянули, и для «Журнала землевладѣльцевъ», и для «Одесскаго Вѣстника», и просто для того только, чтобы вылить на бумагѣ тѣ мысли, которыя являлись у него въ видѣ объясненія и отвѣта на текущія явленія жизни и ихъ обсужденіе въ литературѣ. «Мы живемъ въ дивное время, говоритъ онъ, когда идеи добра и человѣчности согрѣваютъ сердце каждаго и когда можно безъ стыда назвать бѣднаго крестьянина своимъ другомъ. Никогда столько добра не было въ Россіи! Никогда не происходило такой славной борьбы великодушія со свойственнымъ человѣку желаніемъ оградить собственность отъ ущерба! Грядущія поколѣнія будутъ намъ завидовать!... Они должны завидовать, потому что до новаго великаго событія всеобщее увлеченіе къ добру стихнетъ; можетъ быть и слово утратитъ свою силу, а эгоизмъ начнетъ опять работать и привлекать слабыя сердца на свою сторону... Таковъ законъ для всего человѣчества! Куда око Божіе взглянетъ, тамъ души всѣхъ добрыхъ воспламеняются ко благу; а когда окончательно устроится это благо по изволенію Божію, тогда опять робкія души переходятъ отъ заблужденія къ заблужденію и ждутъ новаго толчка, новой зари благодатной... Иногда цѣлые вѣка проходятъ въ такомъ ожиданіи».

Разсуждая такъ о судьбахъ всего человѣчества, къ себѣ К. А. Рощаховскій былъ строгъ, при чемъ постоянно вспоминалъ о своемъ привиллегированномъ положеніи по сравненію съ положе-

ніемъ крестьянъ. «Мало я дѣлалъ добра для своихъ крестьянъ, пишетъ онъ, и совѣсть укоряетъ меня въ этомъ. Указывая мнѣ иногда прекрасные и достойные подражанія примѣры, она мнѣ шепчетъ, что если бы я постоянно употреблялъ малую часть доходовъ на пользу подвластныхъ мнѣ братьевъ, то легко удвоилъ бы ихъ благосостояніе. Когда же я сдѣлаюсь истиннымъ христіаниномъ и много ли мнѣ остается идти по скользкому пути жизни»?

Мы съ намѣреніемъ привели эти выписки изъ рукописей Рощаховскаго, чтобы легче и скорѣе характеризовать степень его развитія и внутренній міръ его души. Разсказы о немъ знавшихъ его служатъ только дополненіемъ къ его собственнымъ признаніямъ. По всѣмъ отзывамъ, это былъ человѣкъ въ обхожденіи вѣжливый и любезный; онъ старался выдержать ровный характеръ въ дѣловыхъ отношеніяхъ и быть мягкимъ въ обращеніи съ людьми, съ которыми приходилось сталкиваться; но честность въ веденіи дѣлъ общественныхъ и устойчивость убѣжденій, которые онъ проповѣдывалъ не безъ горячности, заставляли его иногда забывать принятыя формы приличія. Разсказываютъ такой случай. Одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ тогдашняго бобринецкаго уѣзда, отличавшійся скряжничествомъ и наклонностью нечистыми путями пріумножать свои достатки, явился однажды въ Бобринецъ къ предводителю съ просьбою завѣрить подпись, доставлявшую ему еще приличный участокъ земельнаго имущества. Хотя дѣло полученія этой подписи было обставлено довольно ловко и хотя помѣщикъ софистически представлялъ его совершенно законнымъ и чистымъ; но предводитель замѣтилъ, что, завѣривъ подпись, онъ совершитъ ничто иное, какъ подлогъ.

— Милостивый государь! сказалъ онъ просителю въ присутствіи нѣсколькихъ дворянъ, бывшихъ при этомъ: вы очень ошиблись. Меня удивляетъ одно. Вы могли ошибиться въ Константинѣ Александровичѣ Рощаховскомъ; но какъ смѣли вы такъ неловко ошибиться въ честности предводителя дворянства нашего уѣзда. Вонъ отсюда! Здѣсь не мѣсто мошенникамъ!

Богачъ Плюшкинъ стушевался и удалился.

— Извините меня, господа, что я въ качествѣ представителя вашего сословія позволилъ себѣ такую дерзость по отношенію къ этому негодяю,—обратился Рощаховскій къ бывшимъ у него дво-

рянамъ: вы всѣ свидѣтели этого факта и вѣроятно будете на судѣ безпристрастны.

Думали, что изъ этого возникнетъ дѣло объ оскорбленіи одного изъ магнатовъ уѣзда. Но кто-то изъ знавшихъ хорошо нравственныя качества мѣстнаго Креза успокоилъ всѣхъ и просилъ не разглашать о происшедшемъ скандалѣ.

— Повѣрьте, что дня черезъ два онъ явится, какъ ни въ чемъ не бывало, къ Константину Александровичу на обѣдъ.

Такъ и случилось. Бобринецкій Плюшкинъ сообразилъ, что харчиться на свой счетъ въ городѣ вовсе невыгодно и неблагоразумно въ виду того, что у предводителя всегда былъ открытъ роскошный столъ для всѣхъ дворянъ уѣзда на все время ихъ съѣздовъ и собраній. На другой день онъ уже обѣдалъ у Рощаховскаго, оговорившись передъ знакомыми, что онъ не умѣетъ такъ горячиться, какъ ихъ предводитель.

Безпощадность въ преслѣдованіи крѣпостниковъ, злоупотреблявшихъ своимъ правомъ, также отличала Рощаховскаго, какъ предводителя дворянства. Злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ по отношенію къ дѣвицамъ-крѣпачкамъ одного помѣщика александрійскаго уѣзда навлекли на него преслѣдованія со стороны закона. Но такъ какъ этотъ помѣщикъ былъ въ родствѣ со своимъ предводителемъ дворянства и другими сильными міра сего, то глумленія его надъ человѣческимъ достоинствомъ рабынь продолжались очень долго, а жалобы на вопіющія преступленія оставались безъ всякаго результата. Рощаховскій съ негодованіемъ говорилъ обо всей этой исторіи и когда разслѣдованіе дѣла было поручено ему, онъ, не смотря на всѣ противодѣйствія, довелъ дѣло до того, что истязателя отдали подъ судъ.

За то при другихъ обстоятельствахъ, когда знакомому его было поручено выселеніе одного замотавшагося помѣщика доброй души изъ своей усадьбы и тотъ произвелъ это по всѣмъ правиламъ военной власти,—Рощаховскій долго упрекалъ въ жестокости исполнителя порученія сохранной казны.

Насколько горячъ былъ Рощаховскій въ дѣлахъ, касавшихся примѣненія на дѣлѣ выработанныхъ убѣжденій, на столько онъ былъ мягокъ въ сферѣ личныхъ отношеній. Тутъ онъ былъ сдержанъ, деликатенъ и былъ истиннымъ джентльменомъ или дворяни-

номъ, хотя въ запискахъ своихъ и отказывался отъ этого титула въ пользу названія «человѣкъ». Слѣдующій случай, когда поссорившіеся дворяне обращались къ нему, какъ къ третейскому судьѣ, и ждали отъ него удовлетворяющаго обѣ стороны рѣшенія, показываетъ, какъ знакомые Рощаховскаго цѣнили его мнѣніе о себѣ.

Дѣло было такъ. Въ Елисаветградѣ, тогда еще «военномъ городѣ», т. е. центрѣ управленія южными военными поселеніями, тонъ всему задавали служители Марса и исполнители предначертаній Аракчеева. Былъ, разумѣется, въ городѣ и клубъ—«офицерскій», куда дворяне со своими женами и дѣвицами допускались лишь какъ «гости», подчиняясь соблюденію правилъ клуба. А правила эти при нѣкоторыхъ начальникахъ были довольно стѣснительны: иногда требовалось напримѣръ, чтобы кавалеры въ кадрили не смѣли садиться радомъ со своими дамами; иногда они должны были послѣ исполненія каждаго танца облекаться во всеоружіе своихъ оффиціальныхъ костюмовъ и пристегивать къ поясу сабли. «Эти собранія, говоритъ Рощаховскій, были самой грустной каррикатурой на человѣческія увеселенія»; даже сами офицеры убѣгали отъ нихъ въ Новую Прагу и Александрію, какъ отъ сущаго наказанія и предпочитали имъ гауптвахту. Дворяне сначала терпѣли свою пассивную роль «гостей» у воиновъ, но наконецъ пожелали эмансипироваться отъ прихотей военной диктатуры и задумали устроить свой собственный клубъ, или если хотя и не вполнѣ собственный, то такой, гдѣ они пользовались бы равными правами голоса съ офицерами. Предложили кое-кому написать проектъ устава «Елисаветградскаго мужескаго собранія»; проэктъ былъ написанъ; собрались его обсуждать и—перессорились. Ссора возникла изъ за стилистики и грамматики. Если вспомнимъ, что одесское «Общество сельскихъ хозяевъ южной Россіи» даже въ 1885 году посвятило нѣсколько своихъ засѣданій на рѣшеніе вопроса о томъ, умѣетъ ли грамотно писать адресы его предсѣдатель, то насъ нисколько не должно изумлять, что четверть столѣтія тому назадъ дворяне бобринецкіе также интересовались законами относительно буквы *ѣ*. Нѣкій Аристархъ Александровичъ, одинъ изъ членовъ-основателей «благороднаго собранія», нашелъ въ представленномъ проэктѣ устава неуваженіе къ этой буквѣ, указалъ и на промахи противъ языка и на слогъ «дурного тона». Составитель проэкта

обидѣлся, съ запальчивостью накинулся на Аристарха Александровича; другой «членъ-директоръ объединеннаго собранія офицеровъ съ дворянами на правахъ равенства» наговорилъ дерзостей смѣлому критику. Собраніе стало на сторону директоровъ. Аристархъ Александровичъ написалъ директорамъ короткое и рѣзкое письмо, въ которомъ гордо отказался отъ званія члена. Были ли директора этого «объединеннаго собранія» пока одни только военные, или уже они были избраны отъ двухъ возсоединившихся элементовъ, между которыми дворянамъ выпала роль присоединяющихся къ существующему учрежденію на правахъ равныхъ съ равными,— ясно не видно изъ письма Рощаховскаго, которымъ мы пользуемся; видно только, что спустя десять дней послѣ помянутой катастрофы, произшедшей кажется на новый годъ (1860), было собрано опять соединенное собраніе членовъ, которое въ отсутствіи Аристарха Александровича, прочитавши его замѣчанія на уставъ и письмо директорамъ, формально подвергло его остракизму. На сторонѣ исключеннаго и обиженнаго члена осталось меньшинство изъ 9-ти голосовъ, и онъ въ горѣ обратился къ Рощаховскому съ письмомъ, приложивъ всѣ документы по дѣлу о его изгнаніи и прося его высказать свое мнѣніе о его поступкѣ и о поведеніи директоровъ и всего собранія.

Отвѣтное письмо Рощаховскаго къ Аристарху Александровичу исполнено тонкой вѣжливости, остроумныхъ сопоставленій, здравыхъ сужденій о житейскихъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ рядъ поученій, высказанныхъ созершенно безобиднымъ для самаго щекотливаго самолюбія тономъ. Онъ находитъ, что и директора, и собраніе, и самъ Аристархъ Александровичъ—всѣ были неправы, но что все-таки онъ, Аристархъ Александровичъ, исключенъ напрасно и несправедливо. «Высказывая откровенно мои мысли о происшествіи, которое въ тѣсномъ смыслѣ имѣетъ важность только для васъ и для немногихъ лицъ елисаветградскаго общества,—такъ заканчиваетъ свое письмо Рощаховскій,—я съ прискорбіемъ думаю, что нельзя исправить прошедшаго. Но, кто знаетъ, можетъ быть, эти мысли пригодятся на будущее время не только нашему вновь учрежденному мужскому собранію, но и другимъ клубамъ, которые, забывая единственную цѣль мирнаго и полезнаго препровожденія времени, по временамъ принимаютъ на

себя роль инквизиціонныхъ судилищъ. Елисаветградское происшествіе было повтореніемъ екатеринославскаго, хотя если спросите членовъ, то почти каждый изъ нихъ будетъ осуждать мелочную раздражительность и нетерпимость екатеринославскаго общества. Для избѣжанія повторенія такихъ же случаевъ, вредныхъ для общественнаго развитія, необходимо приняться за коренныя измѣненія въ клубныхъ уставахъ. Честь тому обществу, которое, забывъ несвоевременное благоговѣніе къ стариннымъ правиламъ клубовъ, скорѣе другихъ приступятъ къ этому дѣлу».

Склонность къ обобщеніямъ по поводу самаго ничтожнаго случая текущей жизни отмѣчаетъ всѣ рукописи К. А. Рощаховскаго и обнаруживаетъ въ немъ недюжинную способность анализа фактовъ съ точки зрѣнія общественныхъ, а не частныхъ интересовъ. Это во всякомъ случаѣ дѣлаетъ его записки достойными напечатанія. Печатаемыя нами ниже отдѣльныя четыре его статьи имѣютъ и общій интересъ, характеризуя и время, отошедшее въ область исторіи, и отношеніе къ своему времени одного изъ выдававшихся критическими способностями его сыновъ.

Въ заключеніе можемъ привести о Рощаховскомъ мнѣніе, на которое съ гордостью указываютъ знавшіе его елисаветградцы. Императоръ Александръ II, посѣщавшій часто Елисаветградъ для смотровъ и маневровъ, однажды удостоилъ Рощаховскаго своею аудіенціею и долго бесѣдовалъ съ нимъ по поводу крестьянской реформы. Въ одинъ изъ болѣе позднихъ своихъ пріѣздовъ онъ освѣдомился о Рощаховскомъ и когда узналъ, что тотъ померъ, замѣтилъ: «Очень жаль! Умный былъ человѣкъ!»

А. Р.

I.

Херсонъ. 10 ноября 1861 г.

Сегодня балъ: Все здѣшнее общество, считающее себя лучшимъ, будетъ веселиться, или показывать видъ, что веселится. Я могъ бы встрѣтить знакомыхъ и отъ скуки сѣлъ бы играть въ ералашъ. Но что мнѣ въ этомъ праздномъ препровожденіи времени, въ этой тратѣ жизни безъ всякихъ душевныхъ стремленій?

У большей части господъ, которые теперь собираются на балъ, душа спитъ и никогда не просыпается къ разумной дѣятельности. Какъ ей дѣйствовать, когда она связана тупыми органами и когда надъ ней взяли верхъ матеріальныя побужденія? Для тѣхъ людей думы—мука, и они, достаточно утомя свои головы дѣловыми бумагами, ищутъ случая успокоить ихъ немышленнымъ препровожденіемъ времени. Счастье, если пробѣгая чужія идеи въ печатной книгѣ или журналѣ, умъ ихъ въ состояніи сосредоточиться до той степени, чтобы сколько-нибудь понять эти идеи и ими заинтересоваться.

Даю волю мыслямъ, которыя вѣроятнѣе всего никогда не будутъ напечатаны. Кашляю и чувствую удушье; грудь болитъ; пусть болитъ: хочу думать и жить, думаю, пока существую на свѣтѣ.

Будущее Россіи.

Приходитъ предполагаемое тысячелѣтіе Россіи, и она хочетъ чистымъ лебедемъ начать новую жизнь. Долго еще прійдется этому славному лебедю очищать грязь, накопившуюся вѣками. Теперь Россія сбрасываетъ съ себя только позоръ крѣпостнаго права, этого мелкаго тиранства.

Такіе важные перевороты скорѣе всего могутъ совершаться при твердомъ самодержавномъ правительствѣ. Наше правительство, тугое и упорное во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣйствовало въ этомъ важномъ дѣлѣ слабѣе всякаго конституціоннаго. Начали собирать голоса по всей Россіи, какъ будто воли государя было не достаточно для рѣшенія настоящей эманципаціи, которая только въ нашемъ пустынномъ и дикомъ отечествѣ считалась вопросомъ, потому что до русскихъ никогда не доходили или скорѣе до нихъ не пропускались общечеловѣческія идеи. Сначала заговорила литература и, правду сказать, разрабатывала предметъ хорошо, подала много полезныхъ совѣтовъ. Но это слѣдовало допустить до манифеста, чтобы, приступая къ реформѣ, обобщить главныя начала человѣчности и парализировать варварскіе предразсудки душевладѣнія. Тогда была бы дѣйствительно честь тѣмъ просвѣщен-

нымъ людямъ, которые ратовали на аренѣ для освобожденія 10-ти милліоновъ страдальцевъ. Въ настоящемъ случаѣ они только варьировали свои мысли по заданной темѣ. Допуская продолжительныя сужденія послѣ манифеста, правительство какъ будто показывало этимъ, что у него нѣтъ людей способныхъ осуществить самыя благія намѣренія и что оно, объявивъ принципъ, не сдѣлало никакого плана дѣйствій; или же оно только хитрило съ дворянствомъ, притворяясь, что нѣтъ въ Россіи тираніи и что будетъ такъ, какъ умные люди присовѣтуютъ. Затѣмъ, не довольствуясь литературными преніями, предоставлено было въ каждой губерніи самимъ помѣщикамъ составить проэкты освобожденія безгласныхъ крестьянъ по своему усмотрѣнію. Эти проэкты съ узкимъ одностороннимъ направленіемъ и часто съ намѣреніемъ обмануть правительство не принесли никакой пользы и служили только замедленіемъ дѣла. Отъ нихъ ничего добраго и не ожидали въ Петербургѣ, а вѣроятно думали этой мѣрой еще разъ польстить дворянству за тѣ жертвы, на которыя оно было осуждено заблаговременно.

Наконецъ разыграли третью хитрость и созвали какъ будто за дѣломъ депутатовъ въ столицу. Между ними нашлись люди рѣшительные. Начались укоры, требованія эманципаціи другого рода и стремленіе вознаградить дворянство другими правами. Имя Унковскаго пріобрѣло большую извѣстность и съ восторгомъ повторялось помѣщиками, особенно тѣми, которые рады были всякому препятствію къ осуществленію уже рѣшенной и всенародно объявленной эманципаціи крѣпостныхъ людей. Унковскій вовсе не заслуживаетъ признательности потомства, и его мнѣніе, которое въ безчисленныхъ спискахъ ходило по рукамъ, есть отсталое мнѣніе закоренѣлаго русскаго дворянина, который развивалъ не общечеловѣческія идеи, а идеи сословныя, съ желчью и ненавистью къ закабаленному народу, котораго онъ всегда готовъ быть гонителемъ. Позорно и стыдно передъ человѣчествомъ воспалять страсти притѣснителей и, не окончивши одного дѣла, затѣвать другое именно за тѣмъ, чтобы задержать въ Россіи ненавистное крѣпостное право. Если когда-нибудь прійдетъ пора конституціи—она бу-

детъ; только для блага народа инициатива и въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать правительству. Сначала нужно рѣшительно укрѣпить собственность, ввести въ благоразумной степени самоуправленіе, сравнять права всѣхъ сословій и избавить Россію отъ несправедливыхъ привиллегій и преимуществъ, которыя, принося пользу однимъ гражданамъ, стѣсняютъ другихъ и задерживаютъ все государство на пути прогресса.

Но вотъ умеръ человѣкъ, стоявшій въ главѣ преобразованія—Ростовцевъ. Каковъ ни былъ Яковъ Ивановичъ въ началѣ своего поприща,—при немъ редакціонныя коммиссіи не обращали вниманія на совершенно пустые и негодные проэкты губернскихъ комитетовъ, и дѣло шло прекрасно по одному принятому плану. Много потеряли крестьяне по смерти Ростовцева. Новый предсѣдатель былъ совершенно другихъ убѣжденій. Всѣ труды редакціонныхъ комиссій, въ которыхъ участвовали лучшіе люди Россіи, потеряли своё значеніе. Съ этими трудами поставлены были въ параллель незрѣлые проэкты своекорыстныхъ депутатовъ второго-призыва и по этой причинѣ положеніе, представленное на утвержденіе государя, составило амальгаму различныхъ мнѣній, другъ другу противорѣчащихъ.

Не говорю о сужденіяхъ въ государственномъ совѣтѣ, при которыхъ разоблачилась личность графа Панина. Потомство этого никакъ не забудетъ.

Наконецъ дѣло рѣшилось. Помѣщики и дворяне выслушали въ церквахъ манифестъ въ дни поста и покаянія. Этотъ манифестъ, который сначала почти всѣхъ привелъ въ недоумѣніе, написанъ превосходно. При началѣ такого дѣла опасно было подавать крестьянамъ большія надежды и не должно было сразу приводить въ ужасъ помѣщиковъ. Газеты безбожно лгутъ, говоря-бутдо крестьяне были въ восторгѣ: они разошлись изъ церквей съ поникшими головами. Помѣщики ободрились и охотно распространяли манифестъ, сами его читали крестьянамъ и разъясняли съ самодовольствіемъ. Онъ быстро облетѣлъ не только села, но всѣ деревни и хутора. Цѣль была достигнута безъ малѣйшаго сопротивленія. Умная хитрость, заключающаяся въ словахъ ма-

нифеста, вполнѣ извинительна. При томъ планѣ дѣйствій, какое избрало для себя правительство, нельзя было дѣйствовать иначе: начавши компромиссами, нужно было такъ и кончить. Положенія ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. У меня собралось нѣсколько помѣщиковъ въ тотъ день, когда они должны были быть присланы изъ Херсона. Я получилъ пакетъ ровно въ 12 часовъ ночи. Мы многое пробѣжали, но самое главное на первыхъ порахъ—правила приведенія въ дѣйствіе положеній—были случайно пропущены. Помѣщики были совершено спокойны, воображая, что полные два года будутъ пользоваться трудомъ крестьянъ безъ всякаго смягченія по прежнему. Впослѣдствіи, когда 1-я глава этихъ правилъ была имъ пояснена и когда отъ нихъ потребовали облегченій, они призадумались. Теперь, при началѣ введенія уставныхъ грамотъ, оба сословія недовольны, крестьяне въ особенности. Постараюсь объяснить это неудовольствіе.

Въ положеніи предоставляется освобожденіе крестьянъ и такъ, и сякъ, и иначе, т. е. на разные способы. Нѣкоторые писатели съ восторгомъ провозглашали добровольное соглашеніе—вотъ его и ввели въ положеніе, но только въ урѣзанномъ видѣ, потому что *добровольнаго* осталось очень мало. Другіе писатели стояли за выкупъ; допустили и выкупъ, однакожъ въ долгъ съ огромной разсрочкой, а не на наличныя деньги. Въ одномъ пустомъ, безграмотномъ и рабски уродливомъ мнѣніи предложили даръ, допустили и даръ такой, что крестьяне останутся нищими съ этимъ даромъ. Наслѣдственное пользованіе нашло мѣсто наравнѣ съ общиннымъ, круговая порука наравнѣ съ личною отвѣтственностью. Съ издѣльной повинности предоставляется переходить на оброкъ, съ оброчной опять возвращаться къ издѣльной. Землю предоставлено крестьянамъ требовать отъ помѣщиковъ и полностью, и до половины, и до трети, и до четверти надѣла; наконецъ позволяется отъ нея совсѣмъ отказаться на основаніи 8 ст. мѣстнаго Положенія. Крестьянамъ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ предлагаютъ особыя разнообразныя льготы, которыхъ крестьяне другихъ имѣній лишены. Наконецъ если крестьяне не рѣшатся на что нибудь по *добровольному* согласію

съ помѣщикомъ, то уставная грамота должна быть составлена самимъ помѣщикомъ или мировымъ посредникомъ по закону; а по этому закону слѣдуетъ при написаніи грамоты опять спросить почти обо всемъ крестьянъ. Слѣдовательно и законъ не имѣетъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго.

Ошеломленные крестьяне не знаютъ, на что рѣшиться. Они привыкли повиноваться волѣ своего царя и не видятъ въ положеніяхъ этой воли. Они желаютъ, чтобы царь, котораго они считаютъ земнымъ божествомъ, распорядился ихъ участію, какъ самъ знаетъ, и избавилъ-бы ихъ, людей темныхъ, внятнымъ царскимъ словомъ отъ ошибокъ по ихъ простотѣ и отъ обмановъ со стороны помѣщиковъ. Крестьяне знаютъ, что при всякаго рода соглашеніяхъ простой человѣкъ почти всегда теряетъ, и потому, какъ небесной милости, ожидаютъ рѣшительнаго и внятнаго простымъ умамъ царскаго слова. Чѣмъ кончится упорное ожиданіе другаго рѣшенія, предузнать трудно. Не достаетъ искры, чтобы возгорѣлось по всѣмъ селамъ лютое пламя. На комъ тогда будетъ лежать отвѣтъ передъ потомствомъ? Разумѣется, изъ очищенной горниломъ руды заблеститъ цѣнный металлъ, но чего онъ будетъ стоить человѣчеству? При такой неопредѣлительности узаконеній помѣщики подвергаются большой опасности, и на многія невинныя семейства можетъ пасть ярость раздраженной толпы. Не утѣшительно!

При исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей я ободряю помѣщиковъ, вразумляю крестьянъ, а для большаго успѣха дѣла печатаю статьи успокоительныя. Но наединѣ, самъ съ собою, не могу не видѣть опасности, которая угрожаетъ общественному порядку.

Однакожъ положимъ, что эта опасность благополучно миновала и что реформа кончилась мирно. Въ такомъ случаѣ другъ человѣчества не долженъ сожалѣть о судьбѣ нынѣшнихъ помѣщиковъ. Что значительная ихъ часть совершенно разорится и что дворянство, какъ рабо-владѣльцы, какъ притѣснители другаго сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ такое свое значеніе, тѣмъ лучше. Мѣсто ихъ

займутъ землевладѣльцы разныхъ сословій, которые просвѣщеннымъ трудомъ найдутъ для себя новые источники доходовъ. Скорѣе должно подумать объ участи крестьянъ, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать свѣжихъ нравственныхъ силъ для пользы государства и человѣчества. Вырвавшись изъ крѣпостного ига, силы эти должны проявляться, если не будутъ подавлены новыми стѣснительными обстоятельствами. Самый лучшій исходъ для крестьянъ есть разумѣется выкупъ. Но какъ устраивается этотъ выкупъ? Грустно видѣть, что въ такомъ дѣлѣ думаютъ о банковыхъ оборотахъ, о барышахъ и о поправленіи запутанныхъ государственныхъ обстоятельствъ. Лишь-бы государство не было въ убыткѣ, если оно не въ состояніи принять на себя нѣкоторыя жертвы—вотъ и все. Разсчетъ на барыши отъ эманципаціи не только не вѣренъ, но до крайности неблагоразуменъ и предосудителенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне-собственники совершенно обнищаютъ. Тогда прійдется прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ—насильственной, но совершенно необходимой. Удовлетвореніе правительства должно быть разложено на всѣ сословія государства, а не на однихъ крестьянъ, которымъ дорого и горько обходится свобода. Эра благополучія для крестьянъ начнется только съ того времени, когда они, будучи собственниками, совершенно освободятся отъ выкупныхъ платежей. Имѣется-ли это въ виду правительствомъ и ждетъ-ли оно только повсемѣстнаго совершенія выкупа, не разгадаешь, потому что внутренняя политика у насъ весьма мудреная. Прежде мы имѣли дѣло съ грозной и открытой правительственной силой, а теперь не тѣ времена: иногда кажется, что съ нами играютъ, какъ кошка съ мышкой. Пусть и такъ; однакожъ эта игра отдаляетъ желаемыя событія и угрожаетъ продолжительнымъ бѣдствіемъ десятку милліоновъ новыхъ гражданъ. Можетъ быть, придворныя интриги?... Нельзя винить царя, если онъ дѣлаетъ только то, что позволяютъ обстоятельства... Охъ, эти придворные интриганы, охъ эти старцы, выжившіе изъ ума, охъ, эти бездарные совѣтники, правители! Бѣда, если забираютъ верхъ они, а не честные дѣятели съ свѣтлымъ умомъ! Челядь

эта можетъ дѣйствительно остановить найлучшія намѣренія государя. Вспоминая Унковскаго и его адептовъ, скажу, что не отъ самодержавія намъ надо желать освободиться, а отъ этихъ спѣсивыхъ выродковъ человѣчества, по большей части глупцовъ и злодѣевъ. Что такое совершающаяся эманципація? Послѣдняя-ли это борьба за права человѣчества? или за ней послѣдуетъ другой переворотъ, желаемый всѣми и всѣми ожидаемый? Пока никто не мѣшаетъ, загляну далѣе въ будущее, въ которомъ быть можетъ мнѣ не суждено принимать участія. Какая-бы участь не суждена была моимъ дѣтямъ, желаю имъ послужить человѣчеству. Напутствую ихъ заранѣе моимъ благословеніемъ на путь добра и чести, но только не на тотъ путь, по которому идетъ Герценъ и не на тотъ, на которомъ безполезно погибъ Беккеръ. Уваженіе къ труду и собственности, любовь къ человѣчеству, стремленіе къ полному равенству правъ всѣхъ людей—вотъ тѣ начала, которыми честный гражданинъ долженъ всегда руководствоваться. Я никогда не внушалъ сыновьямъ спѣсивыхъ идей *благородства. Благородство!* Это пошлое слово для меня отвратительно. Уже прошли тѣ времена, когда говорилось: *noblesse, oblige* и когда дворяне, принимая на себя личину какого-то особеннаго прирожденнаго достоинства, питали въ своихъ душахъ основные предразсудки и, если случалось дѣлать добро низшимъ, то дѣлали его съ пренебреженіемъ, а зло отъ чистаго сердца. Сережа и Володя, друзья мои! Прошу васъ, будьте людьми и забудьте, что вы благородные. Много въ мірѣ мерзавцевъ—благородныхъ и едва-ли не большая ихъ часть. Сколько и изъ этого сословія видимъ въ исторіи, на ряду съ достойнѣйшими дѣятелями, людей зловредныхъ, самыхъ низкопоклонныхъ, самыхъ презрѣнныхъ! Довольно вспомнить обстоятельства вступленія на престолъ Анны Іоанновны, тиранію Бирона и другіе аналогическіе эпизоды нашей исторіи. Не они-ли поддерживали и усиливали то крайнее неравенство, тотъ гнетъ, отъ котораго стремится теперь освободиться Россія! Не они-ли для своей корысти распространяли рабство на свободныя земли, присоединенныя къ имперіи, за-

хватывали въ свои руки земли, благословляли и до сихъ поръ благословляютъ режимъ прошлаго царствованія и всѣми силами задерживали отечество на пути развитія? Варвары въ своихъ имѣніяхъ, въ минуты самыя критическія для государства они дѣлаютъ зло, не сознавая даже, что это зло, и внушаютъ его своимъ дѣтямъ. Сколько разъ мнѣ случалось съ отвращеніемъ слышать, какъ они выхваляли подвиги казнокрадовъ и безсовѣстно поставляли ихъ въ примѣръ сыновьямъ своимъ! А какіе при томъ гордые! какъ презрительно обращались съ своими подданными, съ прислугой, которой даже не называли по имени, а просто *человѣкомъ*. «Эй, *человѣкъ*, *скотина*, иди сюда»! Эти слова, вошедшіе въ привычку благороднаго сословія дворянъ, многозначительны и обнаруживаютъ, какое они имѣютъ понятіе о *человѣкѣ* и *человѣчествѣ*. Стоитъ-ли послѣ этого называть пошлымъ именемъ благородства чистыя и прекрасныя стремленія души? Но съ начала нынѣшняго царствованія идеи добра и чести начинаютъ понемногу развиваться и въ высшемъ сословіи. Постараемся изъ дворянъ сдѣлать человѣковъ и простыхъ, честныхъ, а не благородныхъ гражданъ. Въ самой этимологіи слова дворянинъ не сохранилось для настоящаго времени никакого почтеннаго значенія. У насъ нѣтъ ни нобиловъ, ни эдельмановъ, ни рыцарей. Зачѣмъ намъ оставаться съ этой унизительной кличкой и постоянно быть предметомъ ненависти другихъ сословій? Лучше отдадимъ преимущество уму и вѣчно движущемуся, измѣняющемуся состоянію передъ родомъ и будемъ всѣ равными гражданами.

К. Р.

II.

Введеніе Уставной Грамоты.

По окончаніи въ семъ году уборки хлѣба, я немедленно отправился въ деревню для соглашенія съ срочно-обязанными крестьянами относительно составленія уставной грамоты. Въ имѣніи моемъ учреждена волость; крестьянамъ моей деревни слѣдовало подать примѣръ для окрестныхъ деревень въ этомъ важномъ дѣлѣ, и я надѣялся, что оно пойдетъ легко и безпрепятственно. Предполагалось ввести уставную грамоту съ 1-го октября, а первая сходка была 27 августа.

Сначала я подробно разъяснилъ крестьянамъ два вида пользованія: *общиннаго* и *подворнаго или наслѣдственнаго*. Видя дѣйствительную невозможность въ нашей мѣстности дробленія общаго надѣла, единожды навсегда, на отдѣльные наслѣдственные участки, которые должны заключать въ себѣ все хозяйство отдѣльныхъ семействъ, такъ-же видя величайшее затрудненіе внезапнаго перехода къ четырехпольной системѣ, которая одна дѣлаетъ возможнымъ наслѣдственное пользованіе, по примѣру черезполосной собственности, заведенной у малороссійскихъ козаковъ, крестьяне единогласно избрали для себя общинное пользованіе съ правомъ разверстки земель по собственному усмотрѣнію между домохозяевами и съ правомъ передѣла этихъ земель, когда обстоятельства потребуютъ.

Послѣ того я разсказалъ крестьянамъ съ должною подробностью обязанности и послѣдствія *круговаго ручательства* при общинномъ пользованіи, а также *личной отвѣтственности* при наслѣдственномъ. Когда крестьяне разобрали, что круговое ручательство не состоитъ въ томъ, чтобы Иванъ работалъ за Петра и чтобы нерадивые ничего не дѣлали, а трудолюбивые за нихъ отвѣтствовали; когда они взяли въ толкъ, что каждый будетъ

отвѣчать за себя передъ обществомъ, которое имѣетъ всегда возможность не допустить неисполнительности не только нравственнымъ наблюденіемъ за поведеніемъ своихъ членовъ, весьма важнымъ въ этомъ случаѣ, но и законными мѣрами побужденій; наконецъ, когда они узнали, что при личной отвѣтственности грозитъ бѣда съ одной стороны отъ неограниченнаго самовластія, расточительности и разгула нѣкоторыхъ крестьянъ, отъ чего общество немедленно распадется на хозяевъ и батраковъ, а съ другой еще большая бѣда отъ того, что помѣщикъ, имѣя единственнымъ обезпеченіемъ временное, потомъ окончательное присвоеніе себѣ участка нерадиваго хозяина, не упуститъ воспользоваться этимъ, причемъ произойдетъ самая опасная черезполосность помѣщика съ крестьянами, неразлучная съ борьбой, при которой сильный міра почти всегда имѣетъ перевѣсъ передъ слабымъ; тогда крестьяне, еще съ большей твердостью, рѣшились на *общинное пользованіе за круговымъ ручательствомъ*. Хотя я принадлежу къ противникамъ, а не къ поборникамъ *общиннаго поземельнаго пользованія*, о чемъ довольно рѣзко заявлено мною въ послѣдней книжкѣ «Журнала землевладѣльцевъ»; но какъ прежде, такъ и теперь я нахожу, что общинное пользованіе для бывшихъ нашихъ крестьянъ, на первыхъ порахъ, при переходѣ ихъ къ новому порядку, необходимо. Они освободились отъ крѣпостной зависимости съ двумя важными пороками не малаго числа своихъ членовъ—лѣностью и пьянствомъ, такими пороками, при которыхъ наслѣдственное пользованіе было-бы окончательною гибелью для многихъ семействъ. Надобно, чтобы крестьяне исправились прежде нравственно, и единственное къ этому средство есть община. Мы имѣемъ этому примѣръ на военныхъ поселянахъ, которыхъ нравы видимо улучшаются. Вотъ почему мнѣ было очень пріятно разумное рѣшеніе крестьянъ моей деревни, и тѣмъ болѣе пріятно, что во многихъ другихъ имѣніяхъ крестьяне приходятъ въ ужасъ при одномъ предложеніи круговаго ручательства, богатые отъ боязни отвѣтствовать за бѣднаго и оказать иногда помощь ближнему, а бѣдные еще отъ большей боязни стѣсненія въ своей безпорядочной нерадивой жизни, по-

тому что до сего времени они имѣли заботу только о днѣ насущномъ безъ всякаго помышленія о будущемъ.

Достигнувъ этого, я спросилъ каждаго изъ домохозяевъ отдѣльно, а потомъ все общество о томъ, сколько они желаютъ получить земли; при чемъ объяснено было, до какой степени допускается уменьшенный надѣлъ и въ какомъ размѣрѣ, по правиламъ Мѣстнаго Положенія, сбавляется вознагражденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне были предварены, что надѣлъ опредѣляется разъ навсегда и что впослѣдствіи они не должны ожидать для себя никакой прибавки, какое-бы ни послѣдовало увеличеніе ихъ общества. Ни одинъ изъ крестьянъ, даже изъ тѣхъ, которые на основаніи 8 статьи Мѣстнаго положенія имѣли право отказаться отъ земли, не пожелалъ уменьшеннаго надѣла и все общество единогласно просило отрѣзки участка полностію по числу ревизскихъ душъ, т. е. въ указномъ размѣрѣ. Даже всѣ дворовые люди, не имѣвшіе никакого на то права, просили земли; но этимъ я рѣшительно отказалъ, обѣщавши впрочемъ дать нѣкоторымъ изъ нихъ землю по окончаніи ихъ обязательной службы, если они и тогда признаютъ для себя выгоднѣе отказаться отъ правъ и льготъ, которыя имъ предоставлены. Я не хотѣлъ вслѣдствіе необдуманнаго увлеченія дворовыхъ людей навлечь на себя впослѣдствіи ихъ упрекъ, и радъ этому, потому что при окончательномъ составленіи уставной грамоты нѣкоторые изъ крестьянъ, имѣвшихъ право на надѣлъ, отъ него отказались.

Оставалось указать крестьянамъ участокъ для нихъ предназначенный, пріуроченный къ ихъ усадебнымъ осѣдлостямъ и снабженный достаточными водопоями, какъ въ деревнѣ, такъ и въ степи для удобства хлѣбопашества. Мѣстность предназначеннаго участка согласовалась съ желаніями крестьянъ; вся моя земля была размежована на правильныя десяти десятинныя клѣтки; въ отрѣзкѣ по числу душъ полевыхъ угодій не могло встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія, даже для простыхъ людей, совершенно незнакомыхъ съ правилами межеванья. Межевщикъ мироваго съѣзда былъ на лицо, и ему поручено было сдѣлать

немедленно измѣреніе усадебныхъ осѣдлостей и отрѣзку участка при волостномъ старшинѣ, сельскомъ старостѣ и другихъ крестьянахъ.

Этимъ наши предварительные сужденія были кончены. Желая воспользоваться добрымъ настроеніемъ крестьянъ, я приступилъ къ разъясненію имъ сущности уставныхъ грамотъ, то есть двоякаго способа вознагражденія: посредствомъ *издѣльной повинности или отработки*, и посредствомъ *платежа оброка*. Я толковалъ имъ: какой-бы родъ вознагражденія крестьяне ни избрали, предполагается, что они должны выполнять его добросовѣстно. Помѣщикъ будетъ строго слѣдить за этимъ; мѣстныя власти будутъ ему содѣйствовать. Издѣльная повинность имѣетъ то преимущество, что крестьяне къ ней привыкли и что въ неурожайные годы легче отдѣлаться работой, чѣмъ добывать наличныя деньги на оброкъ, когда семейство страдаетъ отъ голоду; а оброка помѣщикъ ни подарить, ни отстрочить не можетъ, потому что и онъ, какъ человѣкъ, имѣетъ насущныя потребности, безъ которыхъ не можетъ существовать его семейство. За то цѣна работы при издѣльной повинности дешева и не выгодна для крестьянъ, если принимать въ соображеніе трудъ добросовѣстный и одни урожайные годы; трудиться въ чужомъ двору, на чужой нивѣ и быть всегдашнимъ чужимъ работникомъ— очень невесело; наконецъ издѣльная повинность соединена съ стѣсненіями, не дозволяющими отлучиться изъ дому и располагать временемъ, а такъ же съ недоразумѣніями обѣихъ сторонъ, навлекающими безконечныя разбирательства и паче всего съ тягостнымъ неотступнымъ надзоромъ надъ душею человѣка. Крестьянинъ. который знаетъ себѣ цѣну, лучше будетъ самъ для себя трудиться, а помѣщику оброкъ заплатитъ. Судя по существующимъ у насъ цѣнамъ на работниковъ, это не трудно для самыхъ бѣдныхъ семействъ; наймутъ одного, и за всѣхъ разсчитаются. Даже при мѣстныхъ неурожаяхъ, крестьянинъ, не стѣсняемый господской работой, можетъ что нибудь пріобрѣсть промысломъ или отправиться на заработокъ въ мѣста, не постигнутыя бѣдствіемъ. Только при выборѣ оброчной повинности слѣ-

дуетъ трудиться бодро и неусыпно, больше, чѣмъ прежде, трудиться и строго беречь каждую денежку про черный день. Оброкъ, трудный съ непривычки, имѣетъ еще то преимущество, что черезъ него можно перейти на *выкупъ*; а выкупъ, эта честная раздѣлка между помѣщикомъ и крестьянами, долженъ быть главною цѣлью обѣихъ сторонъ. Особенно онъ выгоденъ для крестьянъ. Крестьянинъ трудится при издѣльной повинности, собираетъ деньгу къ деньгѣ для платежа оброка, и его трудъ, его деньги тратятся имъ только за пользованіе усадебной осѣдлостью съ отведеннымъ надѣломъ. При выкупѣ-же съ благодѣтельнымъ содѣйствіемъ правительства онъ платитъ меньше и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ для своихъ дѣтей и внуковъ частицу собственности. Такъ добрый отецъ семейства сажаетъ на старости лѣтъ деревцо, думая не о себѣ, а о своемъ потомствѣ. Къ выкупу всѣ должны прійти непремѣнно, и если крестьяне отдаляютъ отъ себя выкупъ, то они дѣлаютъ величайшее зло семейству. Ихъ дѣти и внуки когда нибудь скажутъ: за что наши дѣды и отцы тратили свои силы даромъ, платили деньги даромъ и неблагоразумно прибавили на насъ горы излишняго платежа?

Мой послѣдній доводъ очень подѣйствовалъ на крестьянъ и они всѣ объявили желаніе приступить къ выкупу. Я имъ сказалъ, что это дѣло чрезвычайной важности, которымъ рѣшается вся будущая судьба ихъ семействъ, а потому его не слѣдуетъ кончать такъ опрометчиво, что они должны внимательно сообразить свои силы и можетъ быть имъ лучше избрать на первыхъ порахъ издѣльную повинность, пока соберутся съ средствами на оброкъ и выкупъ, что для этого я имъ передамъ уставныя грамоты въ разныхъ видахъ съ выкупнымъ договоромъ и предоставляю имъ полную свободу обдумать это дѣло самимъ безъ всякаго съ моей стороны участія, наконецъ, что всѣ ихъ справедливыя замѣчанія и просьбы я прійму охотно для соображенія при окончательномъ составленіи уставной грамоты. При семъ, подъ вліяніемъ искренняго желанія оказать по возможности и, можетъ быть, въ послѣдній разъ крестьянамъ отъ себя

добро за ихъ службу мнѣ и моимъ родителямъ, я предложилъ слѣдующія уступки: при общинномъ пользованіи за круговою порукою десятую часть издѣльной повинности, опредѣленной положеніемъ, или пятую часть оброка; при подворномъ пользованіи, вмѣсто этихъ облегченій, подарокъ усадебныхъ осѣдлостей *по окончаніи девяти лѣтъ для исправныхъ домохозяевъ, за которыми не будетъ оставаться никакой недоимки; наконецъ, при выкупѣ цѣлымъ обществомъ усадебныхъ осѣдлостей съ полевыми угодьями*, скидку дополнительнаго платежа. Мнѣ казалось, что крестьяне должны быть мнѣ благодарны, и я отпустилъ ихъ съ сердцемъ, полнымъ радости, какъ послѣ добраго дѣла, уже совсѣмъ оконченнаго.

Совѣщанія крестьянъ открылись при полной свободѣ, и дѣло приняло неожиданный оборотъ. Къ нимъ присоединились крестьяне другихъ деревень и начали принимать участіе въ сужденіяхъ. Одни говорили, что если я дѣлаю уступки, то слѣдуетъ держаться дружно и ожидать еще большихъ, потому что никто себѣ зла не желаетъ и за уступками вѣроятно скрываются другія льготы, которыхъ я для себя и ради пользы другихъ помѣщиковъ не желаю объявить; другіе толковали, что не слѣдуетъ соглашаться на всякую уставную грамоту, потому что это есть новое закрѣпленіе; третьи настаивали, что нигдѣ въ положеніи не сказано, чтобы надѣлъ цѣнился въ 150 рублей, а въ Положеніи сказано (66 и 67 ст. о выкупѣ), что плотится только шесть процентовъ съ оброка и слѣдовательно не 7 руб. 20 к., а гораздо менѣе; четвертые добавляли, что если посчитать годовой платежъ въ 49 лѣтъ, то имъ прійдется заплатить казнѣ болѣе 350 рублей отъ надѣла и что невозможно, чтобы это отъ нихъ требовалось. Благоразумные люди изъ крестьянъ боялись противорѣчить, потому что большинство грозило смѣнить старшину. Наконецъ въ первый случившійся на недѣлѣ праздникъ собрался сельскій сходъ или скорѣе *общая рада*, на которой рѣшено было не соглашаться ни на издѣльную повинность, ни на оброкъ, а просить *выкупа на царское слово, на царскую милость*. Съ этимъ почтительно и смиренно явилось ко

мнѣ общество крестьянъ. Я объявилъ имъ, что царское слово. царская милость заключается для нихъ въ Положеніяхъ, которымъ и помѣщики и крестьяне обязаны равно повиноваться, что выкупъ возможенъ только для крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, а потому прежде составленія договора о выкупѣ необходимо введеніе уставной грамоты на оброкъ; наконецъ, что выкупная плата оттого такъ велика въ сложности за 49 лѣтъ, что здѣсь полагаются проценты на капиталъ, который правительство занимаетъ. Но какъ я имъ ни толковалъ *таинство капитализаціи*, они меня не поняли. Отпуская ихъ, я совѣтовалъ одуматься и предлагалъ на это мѣсяцъ, два и больше времени, потому что, пользуясь все время ихъ промедленія работой въ настоящемъ размѣрѣ, я ничего не теряю. Крестьяне съ своей стороны просили меня повременить только до воскресенья, потому что они желали бы поскорѣй покончить съ барщиной, которая имъ надоѣла. Я согласился и на это и совѣтовалъ благоразумнымъ людямъ отдѣлить отъ себя тѣхъ, которые, не понимая своей пользы, будутъ упорствовать въ своемъ сумасбродствѣ.

Въ воскресенье въ толпѣ явившихся ко мнѣ крестьянъ я замѣтилъ незнакомыя лица посторонніхъ. Мнѣ объявили напрямикъ, что общество по прежнему ничего больше не желаетъ, какъ выкупа на царское слово, на царскую милость и проситъ меня въ этомъ скорѣе посодѣйствовать. Тогда я объявилъ крестьянамъ, чтобы они отложили помышленіе о моемъ содѣйствіи въ беззаконіи; что считаю ихъ недостойными тѣхъ уступокъ, которыя имъ обѣщалъ и которыхъ ихъ теперь лишаю; что болѣе виновные будутъ открыты и подвергнуты наказанію за сумасбродныя требованія, ими объявленныя; что на основаніи 36 ст. Прав. о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній я не имѣю надобности въ ихъ согласіи на уставную грамоту; что эта грамота, когда прійдетъ пора, будетъ составлена мною на издѣльную повинность, какъ болѣе для меня выгодную; что мировой посредникъ введетъ ее, если нужно, при содѣйствіи земской полиціи, и что ихъ дѣтямъ останутся только въ воспоминаніе

тѣ уступки, отъ которыхъ неблагоразумные отцы отказались. Затѣмъ я приказалъ разойтись толпѣ и до пріѣзда посредника больше не собираться.

Ничто не налагаетъ такой печали и тоски на душу, какъ неудавшееся доброе дѣло. Я зналъ, что крестьяне мои одумаются, но зналъ также, что ужъ не долженъ дѣлать имъ никакихъ облегченій, потому болѣе, что сосѣдніе крестьяне, принимая мое добро за долгъ, могли незаконнымъ требованіями покушаться на интересы другихъ помѣщиковъ.

Выѣхавши изъ деревни для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, я просилъ мироваго посредника вразумить крестьянъ и послалъ въ его распоряженіе становаго пристава для открытія болѣе виновныхъ. Добрые совѣты мироваго посредника не принесли пользы, пока становой приставъ не открылъ трехъ главныхъ подстрекателей изъ моихъ крестьянъ и двухъ изъ постороннихъ и пока они не были наказаны, съ удаленіемъ отъ участія въ сужденіяхъ на сельскихъ сходахъ.

Многіе удивляются уваженію къ закону въ Англіи, гдѣ одинъ *полисменъ* водворяетъ въ цѣлыхъ толпахъ порядокъ. Нашъ полисменъ—становой приставъ—одинъ одинешенекъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, управляется смирно и тихо съ десятками тысячъ разсѣяннаго народонаселенія, еще въ такое важное время, какъ теперь, еще безъ всякихъ средствъ, не только къ возстановленію порядка, но къ собственной защитѣ,—и это никому не удивительно. Правда, въ иныхъ случаяхъ онъ крестится и божится передъ народомъ въ доказательство того, что объявляетъ царскую волю, что требуетъ законнаго; но что же ему остается дѣлать, когда у него нѣтъ даже ни одного козака въ своемъ распоряженіи? Хвала нашему доброму народу!

Черезъ двѣ недѣли я получилъ приговоръ общества, въ которомъ крестьяне, винясь во всемъ, просили у меня прощенія и изъявляли готовность на введеніе уставной грамоты.

Занятый дѣлами, я не торопился и только въ октябрѣ поѣхалъ въ деревню. Призвавъ старшину, старосту и лучшихъ

хозяевъ, я заявилъ имъ уставную грамоту, составленную на издѣльную повинность безъ всякихъ облегченій, и приказалъ, разсмотрѣвъ ее на сходкѣ, объяснить мнѣ желанія общества письменнымъ приговоромъ. Меня увѣдомили, что 6 душъ крестьянъ, на основаніи 8 статьи Мѣстнаго Положенія, отказываются отъ надѣла, что за исключеніемъ ихъ общество желаетъ получить указный надѣлъ полностью и что оно проситъ уставной грамоты на оброчную повинность. На это я имъ отвѣчалъ, что первые два желанія совершенно законны, что же касается до оброчной повинности, то она не можетъ быть безъ платежа за полгода впередъ; но чтобы не отказать имъ и въ этомъ, я отсрочиваю введеніе уставной грамоты до 1-го ноября, съ тѣмъ, что если менѣе третьей части будетъ несостоятельныхъ къ платежу оброка, то я согласенъ принять за нихъ работу по добровольно условленной таксѣ, на основаніи 259 ст. Мѣстнаго Положенія.

1-го ноября, послѣ обычнаго молебствія, мировой посредникъ выполнилъ всѣ формальности введенія уставной грамоты на оброкъ, и общество внесло мнѣ полностію, за исключеніемъ пяти надѣловъ, оброчную сумму. Крестьяне тутъ же просили меня о составленіи договора на выкупъ. Въ три схода онъ былъ составленъ, разсмотрѣнъ и подписанъ. Срочно-обязанные крестьяне моей деревни Александровки находятся теперь на такомъ положеніи:

Оброкъ они обязались взносить по полугодіямъ впередъ полностью за круговымъ ручательствомъ общества. По утвержденіи выкупнаго договора я обязался возвратить крестьянамъ ту часть оброка, какая будетъ слѣдовать по разсчету со времени ассигновки къ выдачѣ мнѣ причитающейся выкупной суммы. Слѣдующій мнѣ дополнительный платежъ я разсрочилъ безъ процентовъ на такое число лѣтъ, чтобы ежегодный взносъ правительству вмѣстѣ съ погашеніемъ этого платежа не превышалъ обыкновеннаго девятирублеваго отъ надѣла оброка. По такому разсчету крестьянамъ приходится 16 лѣтъ платить мнѣ по

241 руб. 20 к., а 17-й годъ плату эту предоставлено замѣнить крестьянамъ нѣкоторыми повинностями.

Хотя между мною и крестьянами вышло въ началѣ недоразумѣніе, но оно кончилось миромъ и полнымъ согласіемъ. Чтобы не имѣть ни одного врага въ деревнѣ, я просилъ мироваго посредника допустить къ сельскимъ сходкамъ наказанныхъ. Надобно было видѣть ихъ радость. Крестьяне эти узнали свою ошибку, узнали, что я имъ желалъ добра и въ послѣднее время, особенно при нашихъ сужденіяхъ, вели себя вполнѣ благоразумно. Они конечно потеряли нѣсколько, но и я не удержался, чтобъ не сдѣлать имъ снисхожденія. Я оставилъ ихъ довольными и сосѣди изъ другихъ деревень пріѣзжаютъ узнать о совершившемся. По утвержденіи выкупнаго договора новые собственники намѣрены отслужить благодарственный молебенъ, и я обѣщалъ быть у нихъ на пиру.

Ноября 15. 1861 года.

III.

Разверстка угодій и выкупнаго платежа.

Нерѣшительность, съ которою крестьяне приступаютъ къ уставнымъ грамотамъ, зависитъ много отъ неизвѣстности будущаго экономическаго устройства обществъ, имъ самимъ предоставленнаго. Они не знаютъ, какъ распорядиться землею, поступающею въ ихъ пользованіе, какъ приступить къ распредѣленію повинностей, которыя должны лежать на нихъ, и пугаются этой неизвѣстности. Въ тѣхъ не многихъ мѣстахъ, гдѣ введены уставныя грамоты, крестьяне такъ же не успѣли еще установить должнаго порядка и устройства. Имъ нуженъ руководитель, который далъ бы добрый совѣтъ. Не довольно того, что мы подписали уставныя грамоты, отмежевали землю, сдѣлали разсчетъ слѣдующаго намъ оброка или размѣра издѣльной повинности; надобно еще не покидать крестьянъ на произволъ судьбы въ пору для нихъ трудную и научить, какъ имъ распорядиться землею, изъ какихъ источниковъ добывать оброкъ, какъ имъ

довести свое общество до такого состоянія, чтобы денежные взносы на удовлетвореніе повинностей поступали въ немъ правильно, безъ замѣшательства и недоимокъ, а такъ же съ соблюденіемъ справедливости ко всѣмъ и милосердія къ бѣднымъ. Хозяйственное устройство обществъ съ этой цѣлью теперь, на первыхъ порахъ и безъ примѣра, не легко; а между тѣмъ уже настала пора потолковать объ этомъ важномъ предметѣ, отъ котораго зависитъ будущее благосостояніе крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и не умѣющихъ воспользоваться этимъ благомъ.

Предлагаю на общее обсужденіе совѣты, которыя я далъ обществу крестьянъ моей деревни. На что они рѣшатся, не знаю. Примѣнить ихъ ко всякой мѣстности во всѣхъ подробностяхъ—нельзя; но главныя основанія, на которыхъ должна совершаться разверстка, должны быть, по моему мнѣнію, вездѣ одинаковы. Считая это предметомъ большой важности, ожидаю отъ друзей добра замѣчаній на ошибки, которыя я сдѣлалъ и, нисколько не упорствуя въ своихъ мнѣніяхъ, прійму эти замѣчанія съ благодарностью. Пойдемъ дружно на дѣло добра—чистое и совершенно безкорыстное, чтобы заблаговременно предохранить нашихъ меньшихъ братій отъ многихъ бѣдъ и напастей.

Обществу срочно-обязанныхъ крестьянъ деревни Александровки.

Уже проходитъ мѣсяцъ послѣ введенія уставной грамоты и послѣ написанія выкупнаго договора, а вы еще не приступили къ раздѣлу земли и къ разверсткѣ (раскидкѣ) съ каждаго семейства выкупнаго платежа. Откладывать *день за день* важное дѣло, до васъ касающееся, неблагоразумно, а *мѣсяцъ* есть уже большая потеря времени. Не можетъ быть, чтобы вы допустили своевольный *захватъ* земли, сколько кто захочетъ; такъ же точно не можетъ быть, чтобы весь выкупной платежъ вы рѣшились, во избѣжаніе хлопотъ, оставить *подушнымъ*.

Такъ какъ между нами дѣло пошло на выкупъ, то до моихъ выгодъ вовсе не касается распоряженіе, которое вы сдѣ-

лаете. На основаніи 160 ст. Положенія о выкупѣ вы имѣете полное право раздѣлить землю по общественному приговору, какъ вамъ заблагоразсудится; а на основаніи 118 ст. того же Положенія разверстка выкуннаго платежа между членами общества зависитъ отъ самаго общества. Если сдѣлаете хорошо, вамъ же будетъ легко расплачиваться съ казною; если сдѣлаете дурно или ничего не сдѣлаете, вы же сами, а не кто другой, будете подвергнуты тягости взысканія. Я сосѣдъ вашъ—не болѣе и, какъ всѣ ваши сосѣди, человѣкъ совершенно посторонній въ этомъ дѣлѣ, но не могу быть равнодушнымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы общество ваше послужило еще разъ для другихъ примѣромъ заведенія внутренняго порядка и благоустройства. Я обо всемъ распрашивалъ вашего старшину; знаю, что вы медлите по неумѣнію приняться за дѣло; знаю во многомъ ваши мысли и, принаравливаясь къ нимъ, подаю вамъ доброжелательные совѣты.

I.

Разверстку земли вы рѣшились сдѣлать на каждое семейство по числу ревизскихъ душъ. Я этого не одобряю, но считаю совершенно напраснымъ вамъ противорѣчить. Опытъ покажетъ, должна ли оставаться такая разверстка, и во всякое время вы можете ее исправить предоставленнымъ вамъ правомъ передѣла земель.

Вы намѣрены отдѣлить подъ выпасъ третюю часть земли, т. е. по полторы десятины отъ надѣла, что составитъ со включеніемъ усадебной 201 десятину. По соображенію съ планомъ, вашъ выпасъ долженъ заключаться по бобринецкую дорогу съ узкимъ прогономъ вдоль балки къ верхнимъ ставамъ. Этого недостаточно, и стѣснять скотоводство, которое всегда будетъ составлять главное богатство крестьянина, неблагоразумно. Слѣдуетъ еще отдѣлить по полъ-десятины отъ надѣла подъ выпасъ и тогда онъ будетъ состоять изъ 268 десятинъ. Въ этомъ вашъ старшина со мной согласенъ.

Между сѣнокосною и пахатною землями вы не полагаете никакого различія и не хотите ихъ раздѣлять на отдѣльные участки. Каждое семейство, получивъ въ одномъ мѣстѣ по числу душъ надѣлъ, будетъ по прежнему вести перемѣнное хлѣбопашество и отдѣлять по своему усмотрѣнію часть земли подъ сѣнокосъ. Ничего не могу сказать противъ этого. Вы будете имѣть для хлѣбопашества и сѣнокоса 335 десятинъ.

Вся земля раздѣлена на полосы въ 160 сажень ширины, а потому вамъ не трудно будетъ отрѣзать надѣлы, не требуя межевщика. Но къ сожалѣнію въ этомъ году время упущено, снѣгъ на дворѣ, и приходится ожидать открытія весны. Размежевка отниметъ у васъ не менѣе недѣли самаго драгоцѣннаго для хлѣбопашца времени. Постарайтесь по крайней мѣрѣ, чтобы ваши сужденія по этому предмету были окончены до начала весны, потому что не тогда заводить бесѣды и толки на сельскихъ сходахъ, когда нужно спѣшить бросать зерно въ влажную землю. Главное дѣло въ соглашеніи, а привести его въ исполненіе легко.

У васъ 45 отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяевъ. Сдѣлайте такое же число билетовъ съ нумерами и пусть каждый изъ васъ выметъ для себя билетъ. Число, которое написано на этомъ билетѣ, будетъ означать нумеръ надѣла, который сейчай же долженъ быть отмѣченъ въ спискѣ противъ имени домохозяина. По окончаніи вынутія жребіевъ, составьте приговоръ, съ тѣмъ, чтобы до окончательнаго отмежеванія посемейныхъ участковъ не было никакихъ перемѣнъ.

II.

Прежде чѣмъ приступимъ къ развертке выкупнаго платежа, надобно посчитать всѣ платежи, которые лежатъ на васъ ежегодно, всѣ расходы, которые необходимы обществу. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) выкупной платежъ въ казну по 7 р. 20 коп. отъ душеваго надѣла, а за 154 надѣла 964 р. 80 коп.; 2) дополнительный платежъ помѣщику по 1 р. 80 коп. отъ того-же надѣла, а за всѣ надѣлы 241 р. 20 коп.; 3) подушная

подать и земскіе сборы по 2 р. съ ревизской души, а со всего общества 268 руб.; 4) на необходимѣйшія общественныя нужды, не терпящія ни малѣйшаго отлагательства, по крайней мѣрѣ по 80 коп. съ души, что составитъ 107 р. 20 коп. Итого выйдетъ ежегоднаго платежа по 11 р. 80 коп. съ ревизской души, а со всего общества 1,581 р. 20 коп. Отвѣтствовать за этотъ значительный платежъ никакъ не могутъ ревизскія души младенцевъ, родившихся за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; не могутъ и тѣ ревизскія души, которыя изъ общества вашего отошли къ предкамъ и не принимаютъ никакого участія въ житейскихъ дѣлахъ; не могутъ наконецъ и ревизскія души страдальцевъ міра—слѣпцовъ и калѣкъ разныхъ, которые требуютъ еще къ себѣ призрѣнія, если не имѣютъ ближайшихъ родныхъ, способныхъ безъ посторонней помощи доставлять имъ содержаніе. Слава Богу, что у васъ мало такихъ ревизскихъ душъ; однакожъ есть понемножку, а слѣдовательно и объ нихъ слѣдуетъ подумать. Если, покоряясь голосу добра и христіанскаго долга, вы сдѣлаете на этотъ предметъ раскладку, то на каждую душу вашего общества прійдется болѣе чѣмъ по 12 руб. всего ежегоднаго платежа. Повторяю, что ревизскія души не могутъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, долго вынести такого налога. Однакожъ не пугайтесь. Вы имѣете для этого источниками: во 1-хъ *землю*, нашу общую кормилицу, во 2-хъ *свободный трудъ*, которымъ вы вполнѣ пользуетесь и въ 3-хъ *запасъ* (капиталъ), который въ крайнихъ случаяхъ призывается на помощь обществу при круговомъ ручательствѣ. Самый сильный изъ этихъ источниковъ есть *трудъ*, который при крѣпостномъ правѣ обогащалъ помѣщиковъ и который на свободѣ долженъ сдѣлаться въ нѣсколько разъ прибыльнѣе. На него слѣдовало-бы больше всего налечь, т. е. на *рабочія души*, мужскія и женскія, взрослыя и начинающія снискивать пользу трудомъ. Но что мнѣ дѣлать съ вами, когда вамъ все мерещатся *ревизскія души*, невинныя и передъ людьми и передъ Богомъ?

Однакожъ я вамъ объявляю, что вы сами невѣдомо приближаетесь къ закону правды. Разсмотримъ отдѣльно тѣ пла-

тежи, которые лежатъ на васъ сверхъ выкупнаго платежа въ казну. 1) *Дополнительный выкупной платежъ*, составляющій по сдѣланной мною разсрочкѣ 1 р. 80 коп. отъ душеваго надѣла, т. е. просто съ души, вы замѣнили принятіемъ на себя обязательныхъ повинностей, которыя въ общей сложности составляютъ менѣе полутора дня отъ надѣла для работниковъ и работницъ и два дня съ небольшимъ отъ того-же надѣла для полурабочихъ. Вы на 3 года значительно уменьшили себѣ денежный платежъ. Но что вы этимъ сдѣлали? Переложили подушную плату на рабочія силы, и она станетъ для вашего общества почти непримѣтною. 2) Съ *подушнымъ окладомъ и земскими сборами* слѣдовало-бы тоже сдѣлать: поработать дня три всѣми рабочими силами у кого нибудь изъ помѣщиковъ по существующимъ цѣнамъ во время косовицы или жатвы, и этимъ вы-бы очистили весь платежъ съ лихвою, освободившись отъ страха на счетъ отвѣтственности круговымъ ручательствомъ и избавили бы отъ хлопотъ неграмотнаго сборщика. Припомните, что въ недавнее время вы полъ-жизни теряли на господской работѣ. Но я никакъ не надѣюсь, чтобы вы приняли мой совѣтъ, потому что лукавый съ другой стороны вамъ шепчетъ, что нѣкоторымъ изъ васъ прійдется поработать нѣсколько часовъ лишнихъ, да, только нѣсколько часовъ, за невинную ревизскую душу младенца, за умершаго старика, вашего-же собрата, за несчастнаго слѣпца, которому бѣдное многодушное семейство едва можетъ доставлять пропитаніе. Правительство обѣщаетъ въ скоромъ времени перевесть подушный окладъ на землю, причемъ вѣроятно будетъ для васъ облегченіе; но пока вы этого дождетесь, казенныя подати и земскіе сборы много прибавятъ вамъ тягости къ платежамъ. Сверхъ того, при раскладкѣ ихъ на землю, они по прежнему останутся для васъ подушными. 3) *Сборъ для общественныхъ нуждъ* раскладывается уже во многихъ мѣстахъ на работниковъ, работницъ и полурабочихъ. Мнѣ стыдно и за васъ, и за себя, что при учрежденіи волости вы сдѣлали раскладку, въ противность моего совѣта, на ревизскія души. Пускай теперь вамъ старшина посчитаетъ неплательщи-

ковъ и вѣдается съ ними. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ раскладка сдѣлана была на рабочія силы, нѣтъ недоимокъ.

Въ настоящее время, по новости обстоятельствъ, вы имѣете много общественныхъ нуждъ, а впослѣдствіи откроются новыя, и общественный сборъ должно продолжать безпрестанно, пока не составится достаточный капиталъ, который на случай общаго бѣдствія будетъ служить найлучшимъ обезпеченіемъ и изъ котораго каждый благонадежный хозяинъ могъ-бы во всякое время, за умѣренные проценты, занять себѣ денегъ для улучшенія хозяйства.

III.

Теперь начну о самомъ важномъ предметѣ—разверсткѣ выкупнаго платежа. Знаю, что, по привычкѣ къ старинѣ, вы не рѣшитесь на такую разверстку, какъ я-бы желалъ и какъ-бы слѣдовало для общества, которое, боясь понужденій, хочетъ быть всегда исполнительнымъ въ отношеніи своихъ обязанностей и старается, чтобы эта исполнительность была равно удобна и легка для каждаго изъ членовъ его общей семьи. Будемъ итти къ лучшему по возможности и согласно теперешнимъ вашимъ понятіямъ о справедливости. Время и опытъ вѣрнѣе подвинутъ васъ къ тому, что я желалъ-бы вамъ теперь-же присовѣтовать.

Крестьяне получаютъ въ пользованіе отъ помѣщиковъ или пріобрѣтаютъ отъ нихъ въ собственность *усадебныя осѣдлости* и *полевыя угодья*. Въ 155 и 244 ст. Мѣстнаго Положенія, а также въ 14 и 15 ст. Положенія о выкупѣ опредѣляется доля оброка и выкупнаго платежа за усадебныя осѣдлости отдѣльно отъ полевыхъ угодій. Землю мы распредѣлили на два участка: для пастбища и для хлѣбопашества вмѣстѣ съ сѣнокосомъ. Пастбищная земля не подлежитъ раздѣлу и составляетъ общій участокъ, который никакъ не можетъ оплачиваться равномѣрнымъ налогомъ съ души; а для этого должно постановить таксу со скота, лошадей и овецъ, пользующихся подножнымъ кормомъ. За пахатную землю, которая принимается за одно съ сѣнокосною, слѣдуетъ опредѣлить плату отъ десятины, примѣняясь къ 1-му

примѣчанію 169 ст. Мѣстнаго Положенія. Принявъ это за основаніе, надобно сдѣлать разверстку выкупнаго платежа отдѣльно: 1) съ усадебныхъ осѣдлостей, 2) съ пастбищной земли и 3) съ полевыхъ надѣловъ.

1. *Усадебныя осѣдлости.* Нѣтъ никакого сомнѣнія и вы согласны съ этимъ, что всѣ домохозяева, пользуясь выгодами усадебныхъ осѣдлостей, должны нести за то общественныя повинности отъ своихъ семействъ. У васъ 45 усадьбъ, причисленныхъ по уставной грамотѣ къ первому, т. е. самому дешевому разряду. На основаніи приведенныхъ выше статей Положеній, за всѣ усадьбы слѣдуетъ ежегоднаго взноса 202 р. 50 коп., а слѣдовательно отъ каждаго домохозяина по 4 р. 50 коп.

Выкупная плата за всѣ усадебныя осѣдлости полагается равномѣрная, въ чемъ по словамъ старшины и вы согласны. Между самою лучшею усадьбою и самою худшею—большая разница; но опредѣлить постепенность этой разницы отъ первой до послѣдней усадьбы нѣтъ никакой возможности. При томъ рачительный хозяинъ не долженъ отвѣчать за то, что постояннымъ трудомъ придалъ своей усадьбѣ большую цѣнность. Само правительство полагаетъ различіе только по пространству занимаемому усадьбами, а въ этомъ отношеніи всѣ ваши дворы почти одинаковы. Однакожъ я думаю, что общество могло-бы сдѣлать *временное*, на нѣсколько лѣтъ, облегченіе для нѣкоторыхъ плохихъ усадьбъ, требующихъ исправленія и принадлежащихъ трудолюбивымъ хозяевамъ.

2. *Пастбище.* Повторяю, что для выпаса вамъ необходимо отдѣлить по 2 дес. отъ надѣла, а всего 268 дес. Въ этомъ числѣ я считаю и небольшое количество усадебной земли. Пастбище и при такомъ размѣрѣ не будетъ роскошно; а потому за выпасъ слѣдуетъ положить цѣну умѣренную, которая-бы не превышала обыкновенной цѣны на сторонѣ, потому что въ противномъ случаѣ всѣ лучшіе домохозяева угонятъ свой гулевой скотъ на дачи болѣе обильныя кормомъ по своей обширности, и этого запретить нельзя. Общество должно съ большимъ вниманіемъ и осторожностью обращаться съ собственностью и не

налагать несправедливыхъ тягостей на такъ называемое богатство, которое есть, по большей части, плодъ честнаго труда и умной распорядительности.

Вообще полагаютъ, что десятина пастбищной земли можетъ принести въ нашихъ мѣстахъ одинъ рубль дохода. Примѣняясь къ этому, предлагаю вамъ слѣдующую таксу:

а) Отъ рабочаго вола, коровы съ теленкомъ и ѣзжалой лошади по . . . . . 1 р.

б) Отъ гулевой скотины и лошади по . . . . 75 к.

в) Отъ овцы по . . . . . 50 к.

г) Отъ свиньи по . . . . . 25 к.

Я не знаю состоянія вашего, потому что никогда не вмѣшивался въ ваше хозяйство; но полагаю, что по этой таксѣ, въ которой показана высшая цѣна за выпасъ, вы легко соберете 268 рублей? Совѣтую прежде составить разсчетъ, и если сумма выйдетъ больше предполагаемой, то сдѣлать въ таксѣ скидку. Желательно, чтобы выпасъ обходился какъ можно дешевле.

3. *Надѣлъ.* Для хлѣбопашества и сѣнокоса остается 335 десятинъ. По общему разсчету всей земли пахатной и пастбищной, слѣдовало-бы, для пополненія выкупнаго платежа въ казну, за каждую десятину по 1 руб. 25 коп.; но такъ какъ земли пахатныя и сѣнокосныя приносятъ больше пользы противъ пастбищной, то за каждую десятину земли изъ надѣла полагается по 1 р. 50 коп., а за 335 дес. должно поступить 502 р. 50 коп. Хорошо-бы уменьшить плату и за эти земли, потому что общество, съ цѣлью заохотить своихъ членовъ къ труду, должно всѣми силами стараться доставлять имъ удобства и облегченія; но при сбавкѣ выйдетъ недочетъ въ требующейся для взноса въ казначейство суммѣ выкупнаго платежа.

IV.

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ, который будетъ служить повѣркой предположенной мною разверстки.

Выкупнаго платежа слѣдуетъ 964 р. 80 к.

Въ пополненіе этого платежа должно поступать:

За усадьбы	202 р. 50 к.
» выпасъ	268 р.
» надѣлы	502 р. 50 к.
Итого . .	973 р.

Надѣюсь, что теперь каждый изъ васъ, внимательно разсмотрѣвъ эту разверстку, найдетъ ее справедливѣе и легче противъ обыкновенной раскидки выкупнаго платежа на ревизскія души. Обдумайте это важное дѣло съ осторожностію и съ должнымъ вниманіемъ и рѣшайтесь, чтобы каждый изъ васъ заблаговременно могъ приготовиться и распорядиться къ сроку, когда отъ него потребуются деньги.

V.

Въ заключеніе долженъ сказать вамъ, что, примѣняясь при составленіи разверстки къ теперешнимъ вашимъ понятіямъ о справедливости, я вынужденъ былъ принять за основаніе ваше заблужденіе, а не истину. Если не для настоящаго времени, то хотя для будущаго слѣдуетъ дать вамъ понятіе объ этой истинѣ.

Какая бы ни была раскладка, она почти цѣликомъ падаетъ на трудъ человѣка, т. е. на рабочія силы. Земля, скотъ и другое достояніе только помогаютъ человѣку въ его трудѣ и дѣлаютъ его самостоятельнымъ хозяиномъ, а не батракомъ. Поэтому надобно, чтобы налогъ, который падаетъ на трудъ, былъ разложенъ какъ можно равномѣрно. Когда раскладка дѣлается на ревизскія души, то какъ ее не облегчайте, все таки одинъ работникъ будетъ платить совсѣмъ мало, а другой въ четверо больше. Отъ этого тѣ изъ васъ, которымъ по всей справедливости слѣдовало бы сдѣлать снисхожденіе, будетъ болѣе другихъ обременены платежемъ. Развѣ это справедливо? Единственнымъ оправданіемъ служитъ то, что тотъ, кто больше платитъ, больше земли занимаетъ. Такъ лучше дайте больше земли настоящему работнику, который можетъ извлечь изъ нея пользу, чѣмъ навязывать надѣлы малолѣтнимъ, умершимъ и калѣкамъ. Однимъ словомъ, надобно сдѣлать разверстку земли на семейства по числу работниковъ, и тогда все пойдетъ ладно. На каждаго ра-

ботника прійдется по 6 дес. пахатной земли вмѣстѣ съ сѣнокосной. Излишекъ будетъ оставаться для прибыли работниковъ и наниматься тѣмъ домохозяевамъ, которые этого пожелаютъ. Сверхъ того каждый вновь поступающій работникъ будетъ имѣть право на участокъ, оставшійся отъ убылаго.

Сдѣлавши это, надобно думать объ облегченіяхъ, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) Разложить платежъ на работницъ—вполовину противъ работниковъ, а также на полурабочихъ—по мѣрѣ ихъ возраста. Женщины всегда облегчали мужчинъ въ трудѣ, но только по предразсудкамъ, вышедшимъ изъ ревизскихъ сказокъ, на нихъ не обращалось никакого вниманія, и онѣ считались имуществомъ въ хозяйствѣ, не подлежащимъ никакой пошлинѣ. Чѣмъ больше хозяинъ имѣетъ въ семьѣ своей здоровыхъ и способныхъ рабочихъ рукъ, тѣмъ больше долженъ принимать участія въ платежахъ общественныхъ. Это совершенно справедливо.

2) Затѣмъ слѣдуетъ сдѣлать скидку со всѣхъ упомянутыхъ въ разверсткѣ платежей: *за усадьбу* довольно платить по *3* рубля, что составитъ 135 руб. со всего общества; *за выпасъ* надобно уменьшить плату на одну треть, и тогда будетъ получаться въ годъ 160 рублей: *за надѣлъ* довольно одного рубля отъ десятины, и слѣдовательно будетъ получаться 335 руб. Весь общественный взносъ изъ этихъ источниковъ составитъ 630 руб., но за то этотъ взносъ будетъ производиться легко и бездоимочно, безъ истощенія богатства хозяевъ и безъ малѣйшаго опасенія круговаго ручательства. Недостающія къ выкупному платежу 434 р. 80 к. съ легкостью пополнятся рабочими силами общества. На работника прійдется 5 руб , на работницу 2 р. 50 к., на полурабочихъ отъ 30 к. до 1 руб. Кто-же скажетъ, что это тяжело? Напротивъ того, всякій будетъ дорожить тѣмъ, что принадлежитъ къ обществу, которое старается, поощрить его къ труду, доставить всѣ удобства къ существованію и не отягощать несправедливыми налогами.

Надобно быть закоренѣлымъ въ предразсудкахъ и въ любви къ старинѣ, чтобы не видѣть пользы отъ такой раскладки.

Желаю, добрые люди, чтобы Богъ помогъ вамъ поскорѣе скинуть съ себя эту опасную закоренѣлость.

К. Рощаховскій.

28 Ноября
1861 года.

IV.

Дѣтскій міръ.

Посвящаю моей доброй матери.

Пишу такъ, чтобъ меня отцы и матери понимали.

Знаменитый русскій хирургъ и писатель Н. И. Пироговъ, ставши во главѣ просвѣтителей юношества въ Новороссійскомъ краѣ, помѣщаетъ по временамъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ свѣтлые взгляды по предмету воспитанія дѣтей. Въ № 34 этой газеты напечатана статья подъ заглавіемъ: *Быть и казаться.*

Главныя положенія этой статьи состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде чѣмъ человѣкъ вступитъ въ борьбу съ самимъ собою, въ немъ обнаруживается душевная двойственность, которая выражается словами *быть и казаться*, или человѣкъ хочетъ *казаться* не тѣмъ, чѣмъ онъ *есть*. Эта двойственность нашей духовной стороны обнаруживается съ первымъ лепетомъ ребенка. Первое ея проявленіе есть *притворство и ложь*. Но въ этой лжи и несообразности дѣйствій ребенокъ не перестаетъ еще *казаться* именно тѣмъ, чѣмъ онъ *есть*. Мы сами нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра, спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣденія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка, и съ этихъ поръ ребенокъ начинаетъ намъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть;* а что-бы лучше убѣдиться въ этомъ, мы изобрѣли и срочныя испытанія. Такимъ образомъ при нашей обыкновенной методѣ воспитанія мы способствуемъ, хотя безсознательно, развитію въ ребенкѣ *лжи и притворства*, а езуиты уже сознательно доводятъ двойственность души до степени коварства и клеветы съ ябедою и доносомъ. Если все это

заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то не лучше ли предъ Богомъ и человѣчествомъ замѣнить всѣ искуственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно фантастическаго міра дитяти? Намъ только нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя»: *аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и буоете, яко дѣти, не внидите въ царство небесное.*

Давши рѣшительный совѣтъ матерямъ семействъ не посылать дѣтей своихъ на театральную и бальную сцены, почтенный авторъ снисходительно показываетъ себя колеблющимся въ высказанныхъ имъ идеяхъ и обращается за совѣтомъ къ отцамъ и педагогамъ. «Пусть будетъ вашъ совѣтъ и чисто теоретическій, говоритъ онъ, все равно; я прійму его съ благодарностью».

Какъ отецъ семейства благодарю съ своей стороны почтеннаго автора за его вызовъ въ святомъ дѣлѣ воспитанія и вполнѣ увѣренъ, что онъ предлагаетъ свой вопросъ искренно *и дѣйствительно*, а не въ смыслѣ *кажущагося* снисхожденія къ мнѣніямъ отцовъ и педагоговъ. Не съ тѣмъ пишу, чтобы критиковать статью, въ которой есть глубоко подмѣченныя истины, а просто предлагаю собственное воззрѣніе на слова *быть и казаться*, потомъ на воспитаніе вообще.

Какъ скоро первыя душевныя способности развиваются въ ребенкѣ, онъ дѣйствительно начинаетъ дѣйствовать въ особенномъ фантастическомъ мірѣ, устроенномъ для него подъ вліяніемъ родителей. Мать сдѣлаетъ куклу дочери—и малютка воображаетъ сама себя матерью, кормитъ куклу грудью, убаюкиваетъ и поетъ ей колыбельныя пѣсни. Сыну дадутъ прутикъ—и онъ прыгаетъ по комнатамъ, представляя изъ себя наѣздника, или связавъ веревочкой нѣсколько стульевъ, которыя замѣняютъ ему экипажъ и лошадей, садится на воображаемыя козлы и помахиваетъ тѣмъ же самымъ прутикомъ. Дѣти всегда и во всемъ подражаютъ взрослымъ и хотятъ *казаться* ими. Кому прійдетъ въ голову деспотически нарушать этотъ прекрасный дѣтскій міръ и оста-

навливать невинныя игры и забавы, въ которыхъ всякій любящій отецъ охотно принимаетъ участіе? Такъ водится съ незапамятныхъ временъ, еще прежде покойнаго Агезилая. Но если дитяти родится фантазія мучить котенка или воробья привязаннаго ниткой за ножку, то разумѣется обязанность родителей остановить эту раждающуюся въ сердцѣ дитяти безсознательную жестокость. Его заставляютъ бросить котенка, выпустить птичку на волю и награждаютъ конфектой съ приличнымъ правоученіемъ. Въ послѣдствіи это *казаться* добрымъ входитъ ему въ привычку. Грѣшатъ ли тогда родители, вторгаясь самовластно въ фантастическій міръ ребенка? Грѣшитъ-ли мать, когда каждое утро и вечеръ заставляетъ его складывать ручонки на молитву и лепетать за нею слова обращенныя къ Богу? Воленъ каждый сказать, что дитя учатъ притворству и принуждаютъ *казаться* набожнымъ; но это *казаться* переходитъ въ необходимое сознаніе святости религіи и служитъ ему въ юности найлучшею охраною отъ порочныхъ житейскихъ искушеній. Такъ-же точно заставляютъ его *казаться*, а впослѣдствіи онъ пріобрѣтаетъ, чрезъ это принужденіе его воли, дѣйствительную любовь къ семейству. Сверхъ того каждый умный отецъ долженъ сдѣлаться сѣятелемъ добра въ сердцахъ дѣтей своихъ и мало по малу внушать имъ благородныя идеи, благія чувства и даже вѣрнѣйшіе, но немногіе законы приличія. Внимая ему, дѣти такъ-же безсознательно стараются *казаться* добрыми, справедливыми, хотя въ нихъ еще нѣтъ ничего этого. А какъ радуется отецъ такому началу, предвидя въ будущемъ хорошій плодъ! Съ другой стороны совѣстливый отецъ долженъ самъ *казаться* при дѣтяхъ лучшимъ и скрывать отъ нихъ свои слабости и недостатки. Сколько разъ такая прекрасная рѣшимость, изъ одного уваженія къ чистой невинности дѣтей, уничтожала въ старикахъ дурныя наклонности! Вотъ въ этомъ смыслѣ можно привести слова Спасителя, а не въ томъ, въ какомъ приводитъ ихъ Н. И. Пироговъ. Тому принадлежитъ царство небесное, кто *обратится*, то есть вытѣснитъ порокъ изъ своего сердца *и уподобится* по чистотѣ дѣтямъ.

Начинается отроческій возрастъ и приходитъ пора ученья. Если предоставить ребенку, какъ думалъ Руссо, полную свободу, то всякій совѣтъ и напоминаніе будетъ раздражать его характеръ; онъ породнится съ отвратительной лѣнью и привыкнетъ къ вредному безпорядку. Строгое внушеніе дѣтямъ, что они въ извѣстный часъ должны непремѣнно поучиться, хоть немного, но съ вниманіемъ, всего полезнѣе, легче и слѣдовательно человѣколюбивѣе. Пусть они сначала только *кажутся* прилежными и скоро послѣ того *будутъ* такими на самомъ дѣлѣ. Если при этомъ, по совѣту царя Соломона, и жезлъ понадобится раза два или три въ жизни ребенка, то и это не бѣда. Въ учебныхъ заведеніяхъ только малая часть учениковъ бываетъ внимательна, а всѣ прочіе должны *казаться*, и это необходимо потому, что еслибъ они вздумали, изъ любви къ правдѣ, слѣдовать своимъ влеченіямъ, то изъ того произошлабъ въ классѣ величайшая суматоха, *казаться* переходитъ мало по малу въ полезную привычку, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти научаются необходимому въ свѣтѣ повиновенію и уваженію къ старшимъ. Награды и поощренія необходимы дя дѣтскаго возраста и возбуждаютъ полезное соревнованіе, а законнымъ основаніемъ для этого могутъ служить только справедливые *срочные экзамены*. Допустимъ, что при экзаменахъ открывается поприще слабости *казаться*, но зачѣмъ мы покушаемся искоренить въ дѣтяхъ благородное честолюбіе, когда оно во всѣхъ возрастахъ служитъ великимъ моральнымъ двигателемъ къ усовершенствованію? Вспомните по себѣ, что отрочество есть самая безцвѣтня и тяжелая пора жизни и имѣйте къ нему сожалѣніе.

Настаетъ прелестная юность, въ продолженіе которой искра за искрой, какъ звѣзды на небѣ, начинаютъ загараться въ душѣ юноши благородные помыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ опасныя страсти. Съ этихъ поръ юноша испытываетъ незнакомыя влеченія, пылкое воображеніе представляетъ ему въ привлекательномъ видѣ разныя удовольствія, а совѣсть и стыдъ удерживаютъ, и онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, старается *казаться* невиннымъ, то есть не тѣмъ, чѣмъ *есть* на самомъ дѣлѣ. Несчастіе, если

добрый ангелъ внушаетъ ему этотъ спасительный стыдъ и, при рѣдкихъ и тайныхъ отступленіяхъ, даетъ еще силу *казаться* добрымъ, благороднымъ, набожнымъ, *а не нагло* отвергать добродѣтель, честь и Бога. Въ юношѣ, который желаетъ скрыть свою порочность, потому что ее стыдится, я вижу сѣмя исправленія. Такъ первые люди по грѣхопаденіи устыдились.... и старались *казаться* лучшими.

Молодой человѣкъ, не ознакомившись еще съ опытами жизни и не познавъ самого себя, вступаетъ въ свѣтъ съ богатыми надеждами и съ преувеличеннымъ о себѣ мнѣніемъ. Въ умѣ его начинаютъ роиться мысли... Онъ имъ цѣны не приложитъ въ мечтахъ своихъ, спѣшитъ высказать великолѣпнымъ языкомъ... и надѣется съ перваго раза *казаться* для всѣхъ отличнымъ писателемъ или вдохновеннымъ поэтомъ. Можетъ быть, онъ и *будетъ имъ*!... Такъ началъ Байронъ.

Наконецъ человѣкъ переходитъ въ *зрѣлый возрастъ*. Многія правила добра утратились въ немъ въ теченіи жизни; однакожъ все таки суетность и желаніе *казаться* передъ другими непогрѣшительнымъ въ немъ остаются, и даже передъ своею совѣстью онъ старается себя оправдывать. Но вотъ нисходитъ на него благодать Божія, онъ познаетъ свои страсти, слабости, пороки и начинаетъ *сознательную борьбу* съ ними... Вѣрю *вторичному возрожденію* въ этомъ мірѣ, когда душа получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ матеріальными побужденіями и становится разумнымъ и строгимъ судьею нашего бытія. Тогда только человѣкъ положительно дѣлается такимъ, какъ *есть*: добра не преувеличиваетъ, зло самъ въ себѣ преслѣдуетъ и не хочетъ ни передъ кѣмъ *казаться*. Какъ глубоко это чувствовалъ Гоголь! Но многіе и до гробовой доски боятся борьбы и не достигаютъ возрожденія. Святое таинство исповѣди много помогаетъ христіанину начать такую славную борьбу и сдѣлаться новымъ человѣкомъ, болѣе духовнымъ, болѣе достойнымъ.

Изъ сказаннаго мною до сихъ поръ вывожу слѣдующее положеніе: *должно всегда учить дѣтей быть добрыми безъ малѣйшей лжи и притворства; но не худо и то, если они кажутся добрыми.*

Будемъ продолжать далѣе.

Единая вѣчная идея *добра* и истины дробится на множество проистекающихъ изъ нея идей, которыя называются *добродѣтелями*. Одинъ только Богочеловѣкъ, нисшедшій въ міръ для нашего спасенія, могъ вмѣстить въ себѣ совершеннѣйшее развитіе всѣхъ добродѣтелей, а для насъ это не возможно. Наблюдательный отецъ всегда замѣтитъ, что при воспитаніи дитяти нѣкоторыя правила добра быстро принимаются въ его душѣ, въ другихъ напротивъ онъ долго колеблется, а иныя вовсе не находятъ соотвѣтствующаго имъ мѣста, потому что онѣ предупреждены противуположными имъ дурными наклонностями. Вотъ въ чемъ заключается двойственность души, совмѣщающей въ себѣ и добро и зло. Мы часто встрѣчаемъ поразительные примѣры такой двойственности. Иной человѣкъ могъ бы служить украшеніемъ міра по возвышенности идей, по непоколебимой честности, по сердечной добротѣ; но въ душѣ его вкоренилась какая нибудь гадкая слабость или мерзкій порокъ, — и маленькая частица зла налагаетъ тѣнь на его прекрасныя качества. *Двойственность* по несовершенству природы человѣка, не смотря на его *возрожденіе* и *благородную борьбу*, продолжается до самой его кончины. Благочестивый христіанинъ желая скорѣе и вѣрнѣй побѣдить въ себѣ зло, надѣваетъ рясу отшельника и удаляется въ монастырь; но и тамъ—въ кельѣ, въ затворѣ—зло его преслѣдуетъ. Изъ множества прекрасныхъ, истинныхъ и назидательныхъ легендъ, представляемыхъ для поученія людей нашею церковью, прочтите житіе Моисея Угрина.

Основываясь на двойственности души, очень часто не хотятъ прививать хорошимъ качествъ въ человѣкѣ и говорятъ, что онъ только *кажется* такимъ, въ дѣйствіяхъ же его похвальныхъ и заслуживающихъ подражанія находятъ небывалыя своекорыстныя побужденія. Это большой порокъ общества, и онъ-то служитъ источникомъ *клеветы*, *ябеды*, *наушничества* и другихъ низостей. Если нельзя исправить взрослыхъ людей, то покрайней мѣрѣ должно внушать дѣтямъ, что-бы они любили ближняго и уважали въ немъ человѣка, чтобы, не сомнѣваясь въ добрѣ, умѣли цѣнить полезныя дѣла и благородные поступки; наконецъ что-

бы, слѣдуя евангельскому ученію, были снисходительными къ слабостямъ, которыя очень часто могутъ *казаться* злымъ людямъ и тогда, когда онѣ вовсе не существуютъ. Если человѣкъ поступаетъ право и дѣлаетъ добро, то никому нѣтъ дѣла до его побужденій и онъ безспорно заслуживаетъ почтеніе. Тайна *быть* или *казаться* въ его поступкахъ принадлежитъ его совѣсти, а надъ совѣстью единый непогрѣшительный судья—Богъ.

Законы общества основаны на этой великой истинѣ.

Одни только дѣйствія награждаются, одни только дѣйствія наказываются, и законы не хотятъ знать, что могутъ быть воры и разбойники въ душѣ, которыхъ одинъ страхъ удерживаетъ. И справедливо... потому что для совѣсти долженъ быть другой судъ. Общественному мнѣнію предоставляется большое право; но добрыя дѣла никогда не должны быть предметомъ осужденія, и *смѣлая защита ближняго* передъ мнѣніемъ общества останется навсегда благороднѣйшею чертою характера.

Вотъ мое второе положеніе: *Добро слѣдуетъ понимать съ хорошей стороны, какъ оно должно быть, а отнюдь не съ худой, какъ оно можетъ казаться. Добрыя дѣла никогда не должны быть поводомъ къ осужденію.*

Теперь перехожу къ воспитанію.

Природа сама научила человѣка любить дѣтей и дѣтство. Можно забыть Бога, можно сдѣлаться равнодушнымъ къ отцу и къ матери, можно весь міръ возненавидѣть скорѣе, чѣмъ не любить своихъ дѣтей. Это величайшая рѣдкость! Уже больше 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я читалъ Confessions Ж. Ж. Руссо. Прощаю всѣ его слабости, которыя онъ безъ всякой нужды міру съ цинизмомъ разсказываетъ, но не могу до сихъ поръ забыть, что этотъ человѣкъ безжалостно бросалъ дѣтей своихъ въ пріютъ и забывалъ о ихъ существованіи.

Душа дитяти находится сначала въ тѣсномъ соединеніи съ его организмомъ и такъ сказать въ безразличіи. Природа, какъ она не прекрасна, ничего не сказываетъ этой душѣ и ничему не научаетъ, потому что она сама отвѣтствуетъ только на вопросы разума. Если-бы тотчасъ по рожденіи ребенка устранить

его отъ вліянія людей, то можетъ быть онъ остался-бы навсегда безсмысленнымъ, покрайней мѣрѣ достовѣрно, что былъ-бы ниже тѣхъ людей, которыхъ мы по отношенію къ себѣ называемъ дикими. Чтобы пробить матеріальныя узы для души вступающей въ свѣтъ, нужна помощь другой души—зрѣлой. Если не покажете дитяти солнца, оно его долго не примѣтитъ; если сами не вздумаете поѣздить предъ нимъ на палочкѣ, то едва-ли прійдетъ ему въ голову эта забава. Родители и близкіе создаютъ для дитяти маленькій міръ, сами стараются сдѣлать этотъ міръ прекраснымъ и разнообразнымъ, а воображеніе дитяти, принимая готовое, не скоро еще пріобрѣтаетъ способность творчества. Человѣчество также дитя у груди матери—природы. Если-бы было легко душамъ зрѣлымъ проникать въ законы естества, то мы-бы не бились цѣлыя тысячелѣтія за немногими истинами, которыя Господь позволилъ намъ открыть и усвоить.

Отъ различныхъ плановъ, по которымъ устраивается для дѣтей міръ въ крошечномъ объемѣ, происходятъ различные способы воспитанія, и всѣ они имѣютъ уважительное основаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ свои недостатки.

Родители желаютъ, чтобы драгоцѣнное время жизни не пропадало для ребенка въ опасной праздности и пустыхъ играхъ, чтобы онъ даже въ забавахъ учился быть человѣкомъ по всѣмъ условіямъ общества и не устыдилъ-бы ихъ со временемъ ложнымъ шагомъ, чтобы онъ былъ умнымъ, добрымъ, общежительнымъ. Полагая не безъ причины. что всего этого нельзя пріобрѣсть въ школахъ, а необходимо внушить дома ребенку, родители иногда слишкомъ стѣсняютъ его свободу. Душа его, какъ голубица, просится попорхать, порѣзвиться, а ей обрѣзываютъ крылья. При такомъ воспитаніи впадаютъ въ слѣдующія крайности: 1) дѣтей очень рано начинаютъ учить самымъ мелочнымъ свѣтскимъ приличіямъ, безъ которыхъ они могли-бы еще долго обойтись, и изгоняютъ чувство наивности. 2) Безполезными игрушками останавливаютъ развитіе воображенія, а роскошными нарядами поселяютъ страсть къ мотовству и зароняютъ сѣмя разочарованія. 3) Слишкомъ рано и многому начинаютъ

учить и притупляютъ умственныя способности. 4) Не довольствуясь этимъ, ввѣряютъ дѣтей наемникамъ, которые варварски поступаютъ съ ихъ волею и лишаютъ душевной энергіи. Такія дѣти выростаютъ по большой части съ слѣдующими недостатками: важнѣйшая часть ихъ духовной природы навсегда парализована, другая часть раздѣлена между добромъ и зломъ и находится въ дурномъ состояніи *двойственности*; наконецъ добро, какое есть, не упрочено въ душѣ, а всю жизнь осается *кажущимся*. Это живыя ничтожества.

Но вотъ другая система воспитанія и другія крайности. Отецъ уважаетъ свободу дитяти и рѣшился не нарушать ея. Устраивая для него волшебный, привлекательный міръ, онъ такъ себя умаляетъ, что ребенокъ не только считаетъ его своимъ товарищемъ и зазываетъ къ забавамъ, но даже беретъ надъ нимъ верхъ и рѣшительно имъ распоряжается; не желая коснуться свободы дитяти и развивать въ немъ унизительный порокъ *притворства*, отецъ не внушаетъ ему никакихъ докучныхъ правилъ добра и полагаетъ, что они прійдутъ сами собою, или что всемогущій Богъ откроетъ юной душѣ все, что нужно для ея совершенства и блага. О приличіяхъ и говорить нечего: какія можно указывать приличія душѣ ангельской? Пусть она остается сколь возможно долѣе въ первобытной непорочности безъ *лжи и коварства*. Для себя онъ не требуетъ никакого особеннаго уваженія, а проситъ одной откровенности и любви, основанной на совершенномъ равенствѣ. Всѣ прихоти ребенка мгновенно исполняются для того, чтобы не раздражать его характеръ; а чтобы не притупить способностей, то до 10 лѣтъ его ничему не учатъ. Наконецъ начинается ученіе съ естественныхъ наукъ. Въ присутствіи растроганнаго отца, сынъ впервые научается понятію о бытіи Божіемъ отъ искуснѣйшаго натуралиста по цвѣтку камеліи и по жемчужной раковинѣ. Отъ разсматриванія камешковъ, травокъ и жучковъ способности мальчика такъ быстро развиваются, что за годъ до срока, то есть на 13-мъ году, начинаютъ съ нимъ науку о дробяхъ. Безполезную исторію всеобщую и отечественную присудили бросить, какъ науку, которая болѣе

всего можетъ развить ужаснѣйшій порокъ *казаться* (бѣдная исторія!), а еще потому, что историческія сказки можно прочитать со временемъ во всей ихъ полнотѣ, а не въ томъ ничтожномъ видѣ, какъ онѣ расказываются дѣтямъ. Что же сдѣлалось изъ милаго мальчика? Увы! онъ сдѣлался *негодяемъ*, притомъ не только *кажущимся, а несомнѣннымъ:* безъ вѣры, безъ чести, безъ любви къ отцу, безъ уваженія къ законамъ. Мнѣ скажутъ: это быть не можетъ—покажите примѣръ. Къ несчастію есть примѣры, но высчитывать ихъ не хочу. Впрочемъ можно указать образчикъ такого свободнаго воспитанія въ Мартынѣ Найденышѣ —романѣ почтеннаго соціалиста Евгенія Сю. Вспомните также Митрофанушку Фонъ-Визина—другой примѣръ.

Много есть и другихъ способовъ воспитанія съ своего рода крайностями. Иной отецъ, хилый и болѣзненный, употребляетъ все свое стараніе, чтобы сыновья его были не таковы. Основываясь на истинѣ, что только въ здоровомъ тѣлѣ могутъ правильно развиваться душевныя способности, а притомъ узнавши, что Сократъ и Платонъ упражнялись съ честію въ борьбѣ и кулачномъ бою, онъ объ ученіи почти не думаетъ, а обращаетъ все вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ физическихъ силъ и ловкости. Другой дородный папаша, думая справедливо, что сынъ его долженъ быть надѣленъ достаточнымъ количествомъ физическихъ силъ при рожденіи, принимается до того развивать въ немъ мышленіе и воображеніе, что утомляетъ его душу излишнимъ напряженіемъ и дѣлаетъ не только тупоумнымъ, но и болѣзненнымъ. Иной старается, чтобы сынъ его былъ сколько возможно мягче сердцемъ, добрѣе душою и съ пеленокъ готовитъ его въ небожители; другой напротивъ хочетъ внушить ему твердость духа, благородную отвагу, боится какъ огня сентиментальныхъ проявленій и стыдитъ его за каждый признакъ чувствительности, называя это бабьимъ малодушіемъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ послѣдствія могутъ быть худы.

Мудрецъ Конфуцій сказалъ великую правду, что истина всегда во всемъ пребываетъ въ серединѣ. Однакожъ весьма трудно отыскать эту точку; а удержаться въ ней невозможно,

и человѣкъ всегда колеблется между крайностями. Поэтому при всякомъ способѣ воспитанія бываетъ большее или меньшее отступленіе отъ истины. Думаю, что самъ Песталоцци во многомъ дѣлалъ погрѣшности.

Какъ-же опредѣлить общія правила воспитанія, когда намъ истина во всѣхъ своихъ подробностяхъ неизвѣстна? Говорятъ, что у насъ нѣтъ людей въ настоящемъ значеніи этого слова и что прежде всего намъ должно имѣть въ виду, чтобы дитя сдѣлалось *человѣкомъ*, съ сердцемъ преисполненнымъ добра и безъ нравственной порчи. Говорятъ такъ-же, что при истинномъ *общечеловѣческомъ образованіи* всѣ люди, безъ различія народностей, дружно и быстрымъ ходомъ пойдутъ къ совершенству. Да возможно-ли такое образованіе? Зачѣмъ великіе умы бросаютъ намъ идею, а не научатъ, какъ ее привести въ исполненіе? Это заставляетъ насъ усумниться въ ихъ мудрости и обратиться къ мудрости небесной.

До пришествія Спасителя не было идеи человѣчества, а была идея народности. Онъ явился въ міръ свѣтлою зарею перерожденія, и общечеловѣческая идея обняла всѣ тѣ народы, которые начали поклоняться кресту и дала новое направленіе образованію. Довѣримся-же Слову Божію, которое составляетъ крѣпчайшія нравственныя узы соединенія всего человѣчества. Оно имѣетъ цѣлью образовать *христіанина*, а въ идеѣ христіанина заключается идея *человѣка* въ возможномъ совершенствѣ. Послѣ Спасителя ни одинъ мудрецъ не внесъ въ міръ новой замѣчательной нравственной идеи, и Сенъ-Симонъ напрасно предлагалъ другое обновленіе. Перестанемъ-же отыскивать человѣка ощупью съ фонаремъ философа древней Греціи, а озаримъ нашу душу евангельскимъ свѣтомъ и посмотримъ вокругъ себя: вѣрно найдемъ людей, какихъ нужно! Чтобы ихъ было еще больше, то попросту будемъ совѣтывать отцамъ и матерямъ воспитывать дѣтей своихъ въ правилахъ св. евангелія.

Признавъ безъ дальнихъ разсужденій единственнымъ разумнымъ основаніемъ образованія правила чисто религіозныя, я не оправдываю жестокаго деспотизма родителей, которые почти

съ пеленокъ предназначаютъ дѣтей къ особому роду службы или занятію; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю несправедливымъ стѣснять ихъ въ выборѣ системы воспитанія—по темпераменту ли дѣтей, или по собственному вкусу и выбору. Притомъ разнообразіе воспитанія необходимо. Въ мірѣ нужны люди съ разными душевными качествами, съ разными стремленіями воли, напримѣръ: нужны люди съ чистымъ незлобнымъ сердцемъ, чтобы служить хранителями священнаго огня добродѣтели и быть пастырями душъ; нужны люди твердые волей и отважные, чтобы быть защитниками противъ непріятеля и неправды; нужны люди съ возвышеннымъ умомъ и пылкой рѣшимостью, чтобы двигать впередъ общество; нужны люди съ преобладающимъ здравымъ смысломъ, чтобы сдерживать ложное стремленіе и т. д. Взглядъ, брошенный на міръ дѣтей съ этой точки зрѣнія, открываетъ, что въ этомъ пестромъ кругу малютокъ заключается полезное для общаго блага разнообразіе характеровъ. Одна система, какъ бы она ни была хорошо придумана, не можетъ замѣнить всѣхъ существующихъ нынѣ системъ воспитанія. Если исправлять, то должно исправлять каждую отдѣльно. Вообще: всякое воспитаніе хорошо, когда оно заключается въ кругу благоразумія, т. е. въ томъ кругу, котораго центромъ служитъ истина; всякое воспитаніе дурно, когда оно доходитъ до крайнихъ предѣловъ односторонности.

Изъ природы дѣтей и изъ здраваго смысла я вывожу слѣдующія неизмѣнныя по моему мнѣнію правила воспитанія: 1) *Особаго такъ называемаго общечеловѣческаго воспитанія въ христіанскихъ обществахъ не нужно и быть не должно.* 2) *Ни дома, ни въ школахъ не предоставлять полной свободы дѣтямъ и не лишать ихъ необходимаго попеченія.*

Мы говоримъ объ одномъ *человѣчествѣ* и ни слова объ *отчизнѣ*, какъ будто ея у насъ нѣтъ!... И что-то уже давно я не слышу ничего въ дѣлѣ воспитанія о Россіи!... Если желаемъ, чтобы дѣти насъ любили, уважали и заботились о нашей старости, то какъ же намъ не помышлять, не радѣть всею душою о Россіи—нашей доброй старушкѣ матери? Она скоро уже

вступитъ во второе тысячелѣтіе; такъ будемъ же стараться, чтобы она всегда имѣла доблестныхъ и вѣрныхъ защитниковъ въ сынахъ своихъ. Скажи намъ, милая отчизна! что нужно для твоего спокойствія и чести при образованіи новаго поколѣнія? И мнѣ чудится, что Россія отвѣчаетъ: „*Хочу*, чтобы вѣра православная, которую я приняла при св. Владимірѣ, ясно и ощутительно согрѣвала ученіе. *Хочу*, чтобы дѣти любили меня больше, чѣмъ отдаленную идею человѣчества, чтобы они гордились моимъ именемъ и чтобы имъ чаще обо мнѣ напоминали... *Хочу*, чтобы юныя души научились быть вѣрными подданными государя съ серденною къ нему преданностію, чтобы повиновались законамъ, были несовратимыми друзьями порядка и полезными гражданами... Короче, *хочу* того, что царь Николай сказалъ тремя словами: „*православіе, самодержавіе, народность*“.

Оканчивая статью, не могу утаить общаго голоса, что слѣдуетъ внимательно пересмотрѣть программы и измѣнить, соображаясь съ потребностями вѣка, преподаваніе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Желаніе законное и заслуживаетъ вниманія; но каждый, кто вознамѣрится предложить свои мысли объ этомъ, долженъ быть очень остороженъ. По моему мнѣнію, идея, не взвѣшенная практическимъ умомъ и не примѣнимая въ дѣйствительности, есть праздное мечтаніе о томъ, какъ бы въ генварѣ мѣсяцѣ наслаждаться зефирами и прохладой подъ тѣнью дерева.

Когда вздумаю о зимней порѣ и неизбѣжной стужѣ, то желаю только имѣть порядочный запасъ дровъ, чтобы сидѣть въ теплой комнатѣ и играть въ преферансъ съ пріятелями. Если часиковъ пять поиграешь, то въ это время мысли успѣваютъ отдохнуть, а потомъ, въ тишинѣ ночи, правильнѣе группируются и въ большемъ порядкѣ, въ болѣе понятныхъ формахъ ложатся на бумагу. До сихъ поръ я все читалъ, учился у другихъ; а теперь, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, родилось желаніе, чтобы другіе читали мои мысли. Но стоятъ ли онѣ того, чтобы ихъ печатать?...

Когда я съ трудомъ пробирался къ Н. И. Пирогову сквозь сотни людей и богатыхъ и бѣдныхъ, которые съ полиою надеждою ежедневно прибѣгаютъ къ нему за совѣтами въ тѣлесныхъ недугахъ, я думалъ: «какъ счастливъ этотъ человѣкъ, какъ много ему дано Провидѣніемъ и какъ онъ долженъ благодарить Господа, когда внезапно новая свѣтлая идея озаритъ его разумъ и святымъ откровеніемъ подастъ ему неожиданную увѣренность исцѣлить или исправить скудельный сосудъ немощной природы человѣка!

Не каждому человѣку св. Промыслъ даритъ талантъ; но есть счастливцы, которымъ дается не одинъ только: овому два, овому три, овому еще больше..... Будемъ же ожидать другой пользы отъ Н. И. Пирогова для Россіи и человѣчества на поприщѣ болѣе важномъ, на сколько душа важнѣе тѣла, на поприщѣ воспитанія и пріуготовленія къ общественной дѣятельности новаго поколѣнія новороссійскаго края. На этомъ основано много упованій отчизны и много надеждъ благомыслящихъ отцовъ семействъ, православныхъ христіанъ и спокойныхъ гражданъ! Велика можетъ быть его заслуга... но велика и отвѣтственность предъ Богомъ, Россіей и человѣчествомъ.

К. Р.

Прибавленіе.

Приготовивши эту статью къ отправленію, я замѣтилъ, что читатели могутъ еще усумниться въ томъ, что именно я разумѣю подъ словомъ *казаться*. Это послужило поводомъ къ прилагаемому прибавленію.

Нѣтъ ни одного порока, который бы назывался *казаться*. Никто не станетъ хвалить коварства, обмана, лжи, ханжества, ябеды, наушничества, даже слабостей кокетства, притворства, лести и хвастовства; но каждый порокъ и каждую слабость должно называть своимъ именемъ. *Казаться добрымъ или казаться не злымъ*—совсѣмъ не худо и значитъ признавать добро или стыдиться зла. Н. И. Пироговъ возстаетъ именно противъ

этого, желая совершенства и забывая, что никакая добродѣтель, никакая истина не могутъ разомъ внѣдриться въ душѣ нашей.

Съ добродѣтелью тоже, что съ знаніемъ.

Ребенокъ слушаетъ объясненіе урока и съ перваго разу ему *кажется*, что понялъ, достигъ... но много еще разъ онъ долженъ протвердить этотъ урокъ, чтобы остался прочнымъ достояніемъ его памяти. Такъ и съ первыми внушеніями добра....

Юноша прошелъ науку и полагаетъ, что пріобрѣлъ совершенное въ ней познаніе; но многаго онъ не знаетъ въ этой наукѣ... Такъ точно и съ добродѣтелью, которая имѣетъ степени своего развитія.

Ни одинъ любознательный человѣкъ не можетъ усвоить себѣ всѣхъ знаній, тѣмъ болѣе ни одно сердце не можетъ совмѣстить всѣхъ добродѣтелей. Вы тверды въ добрѣ—и съ досадой отыскиваете *человѣка*... я слабъ въ добрѣ—и вижу *людей*... Нѣкоторыхъ уважаю именно за тѣ добродѣтели, которыхъ не могу вполнѣ достигнуть. Вы можетъ быть истинны во всемъ; а я передъ своею совѣстью еще *кажусь* во многомъ!...

И я думаю, что между людьми не можетъ быть нравственнаго совершенства, какъ нѣтъ совершенства красоты физической. Иной всѣмъ красавецъ да носъ на бокъ, и переставить его на другое мѣсто никакъ не возможно. У другаго все прекрасно, но въ глазахъ непріятная *двойственность:* правый голубой, а лѣвый карій, и никакой мастеръ перекрасить ихъ подъ одинъ цвѣтъ не возьмется. По неволѣ надобно мириться съ единственновозможнымъ на землѣ—относительнымъ, то есть *кажущимся* совершенствомъ.

Вы полагаете вѣроятно, что въ мірѣ было бы лучше, когда бы всѣ перестали *казаться?* Не думайте такъ по своему сердцу. Въ полкахъ солдаты побросали-бъ знамена; на лекціяхъ танцовали-бъ кадриль; въ церкви какой нибудь молодчикъ затянулъ бы италіанскую арію; на улицахъ женщинамъ не было-бъ прохода; на балахъ дѣвицы кидались бы молодымъ людямъ на шею; жены побросали-бъ мужей и дѣтей, а мужья женъ. Можно дополнить эту картину всеобщими ругательствами, всеобщей

дракой, пьянствомъ, нагимъ развратомъ давно минувшихъ сатурналій... Скажите же по совѣсти, хорошъ ли такой міръ и какое въ немъ можеть открыться поприще для совершенной истины? *Казаться* много дѣлаетъ добра!... Обратитесь къ севастопольскимъ героямъ, и нѣкоторые изъ нихъ вамъ скажутъ, что желая *казаться* равнодушными, они чувствовали въ своей душѣ ужасъ, когда въ рѣшительную минуту находились на бастіонахъ, громимыхъ непріятелемъ.

Хочу еще найти опору для слова *казаться* въ нашей литературѣ и ничего не нахожу лучшаго, какъ стихотвореніе В. А. Жуковскаго: *Капитанъ Бопп*. Здѣсь, на смертномъ одрѣ капитана, происходитъ быстрый переходъ отъ невѣрія въ такъ называемое *казаться*, а потомъ въ *дѣйствительную вѣру*. Я сто разъ читалъ это прекраснѣйшее стихотвореніе и готовъ читать съизнова. Передъ смертію, передъ успокоительными молитвами на отходъ души, я желалъ бы еще его слышать и желалъ бы, чтобы оно было прочитано любящей меня душою... Оставьте меня, милыя грустныя воспоминанья и мысли скорби,—вамъ здѣсь не мѣсто!...

Предоставляю себѣ впослѣдствіи подробно поговорить съ родителями о воспитаніи—дома и въ учебныхъ заведеніяхъ и о направленіи воспитанія.

К. Р.

МАЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕЯСЛАВА.

Область народной жизни, которой посвященъ печатаемый ниже этнографическій опытъ, останавливала только мимоходомъ вниманіе изслѣдователей и никогда не была предметомъ отдѣльнаго сборника. Правда, первый выпускъ „Быта подолянъ“ весь состоитъ изъ описанія игръ, но причиною этому не намѣреніе издателя, а способъ появленія труда маленькими выпусками. Впрочемъ г. Шейковскій описалъ только *гаивки*—подольскія весеннія игры. Игры съ оттѣнкомъ обрядовымъ, съ отдаленными слѣдами стародавняго культа, обращали на себя вообще предпочтительное вниманіе этнографовъ. Развлеченія, игры забавы, которыми молодежь скрашиваетъ однообразіе деревенскаго житья, почти ускользнули отъ наблюденія. Мысль отмѣтить ихъ въ возможно большемъ числѣ и представить въ одной совмѣстной картинѣ нельзя поэтому не признать удачной. Въ замѣткахъ г. Исаевича описано до семидесяти игръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборничекъ этотъ сходится съ своими предшественниками, въ другихъ представляетъ данныя новыя. Для сравненія, вотъ бѣглый очеркъ того, что собрано уже въ южнорусскихъ этнографическихъ трудахъ на эту тему.

Было упомянуто о г. Шейковскомъ. Съ него и начнемъ, какъ съ одного изъ найболѣе ранних, чисто мѣстныхъ изслѣдователей. Описаннымъ имъ гаивкамъ онъ предпослалъ небольшой анализъ, въ которомъ по поводу этихъ остатковъ старины пытался, вслѣдъ за Сахаровымъ, установить стадіи въ исторіи развитія народовъ. На первой ступени, аморфизмѣ, ничто не обособилось еще въ міросозерцаніи человѣка, все въ зачаткѣ. Въ дальнѣйшемъ періодѣ, некромонтизмѣ, міровоззрѣніе народа формулируется въ извѣстные обряды. Каждое міровоззрѣніе формулируется особою, ему одному свойственною обрядностью, которая составляетъ внѣшнее выраженіе міросозерцанія. Въ періодъ обоготворенія силъ природы (натурализмѣ, по номенклатурѣ старой школы) и возникли *гаивки*, носящія явные слѣды временъ стихійнаго культа. Періодъ, съ

которымъ онѣ совпадали и совпадаютъ и теперь, есть пробужденіе природы весной; мѣста, гдѣ они создались, это лѣса, *гаи* и глаголъ *гаятись* въ своемъ прежнемъ употребленіи означалъ совершать требы въ рощѣ, молиться. Кромѣ этихъ стародавнихъ обломковъ, г. Шейковскій описалъ нѣсколько гаивокъ бытовыхъ, имѣющихъ иное происхожденіе. Книжка его вызвала появленіе въ литературѣ работы талантливаго, рано умершаго, Свидницкаго, Въ замѣчательномъ этюдѣ «Великдень у подолянъ» онъ во многомъ дополнилъ трудъ своего земляка, обнаруживъ способность къ увлекательному изложенію, что, какъ извѣстно, дѣла никогда не портитъ.

Въ «Бытѣ русскаго народа» Терещенка, вышедшемъ еще въ 1848 г., играмъ и забавамъ посвященъ весь четвертый томъ. Не говоря о невозможности для этнографіи, какъ науки, такого взгляда, гдѣ за этнографическую единицу принято цѣлое государство, записи Терещенка возбуждаютъ мало довѣрія произвольностью редакціи и тою массою сентенцій и курьезовъ, которыми пересыпанъ весь трудъ этого трудолюбиваго, но болтливаго ученаго. Подъ фирмою игръ, у него описываются такія занятія, какъ *теребить носъ*, съ комментаріями значенія носа; игра въ жмурки, по его толкованію, есть «олицетвореніе скрытой, но пламенной страсти» и т. п. Введено множество игръ не народнаго происхожденія, существованіе которыхъ въ народѣ едва-ли кто возьмется подтвердить, напр. шахматы. Тѣмъ не менѣе десятка два малорусскихъ игръ, имъ описанныхъ, нельзя оставлять безъ вниманія, хотя-бы потому, что записаны онѣ сравнительно очень давно.

Въ видѣ журнальной статьи появился превосходный очеркъ Максимовича «Дни и мѣсяцы украинскаго селянина», гдѣ играмъ удѣлено также нѣкоторое мѣсто. Въ этихъ замѣткахъ, остановившихся, какъ это часто бывало у покойнаго историка, на одномъ началѣ, непосредственныя наблюденія пересыпаны сближеніями изъ исторіи и миѳа, все съ глубокимъ и точнѣйшимъ знаніемъ, но съ пріемами и чувствомъ мѣры художника. Описаны круговые и ключевые дѣвическіе танки днѣпровскаго Побережья. Въ этомъ маленькомъ опытѣ кіевскій ученый, славѣ котораго суждено расти съ годами, даетъ описательные образцы, столь же изобразительные, сколько и точные.

Н. Маркевичъ въ книгѣ, худшую страницу которой составляетъ ея названіе (Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ), отмѣтилъ девять весеннихъ игръ. Его описаніе сельскаго быта расположено по временамъ года, но грѣшитъ чрезвычайной неравномѣрностью. Значительную часть занимаетъ текстъ «Вертепа», пріуроченнаго къ описанію празднованія Рождества. Игры занимаютъ мѣсто самое скромное.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ общирнѣйшемъ сборникѣ Чубинскаго нашли себѣ мѣсто и обрядныя и бытовыя забавы. Записи доставлены составителю изъ разныхъ мѣстностей; нѣкоторыя, болѣе распространенныя игры, въ многочисленныхъ варіантахъ. Сюда-же вошелъ отчасти и матеріалъ старыхъ сборниковъ. Въ общемъ получилось все таки преобладаніе обрядовыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, что очень цѣнно, переданы въ народномъ пересказѣ, т. е. съ сохраненіемъ всего своего бытоваго облика.

Сборникъ г. Лисенка «Молодощи» (Кіевъ, 1875 г.), кромѣ веснянокъ, заключаетъ въ себѣ и мелодіи пѣсень, поющихся при играхъ и описанія самыхъ игръ. Нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ находимъ у Чубинскаго, конечно для одного лишь голоса. Въ «Молодощахъ» они снабжены фортепьяннымъ сопровожденіемъ. Около десятка этихъ игръ у Чубинскаго не помѣщено.

Въ книгѣ Оскара Кольберга «Pokucie» (Kraków. 1882), занявшей видное мѣсто въ южнорусской этнографической литературѣ, отдѣлъ *Zabawy na Wełykdeń* посвященъ играмъ. Нѣкоторыя изъ весеннихъ игръ сопровождаются нотами напѣвовъ. Также, какъ у Чубинскаго, здѣсь не мало варіантовъ. Въ первый разъ выдѣлены игры хлопцевъ и парубковъ: Деркачъ, Дзвинъ, Огонь, Лозы, Зграя, Крамарь, Монастырь, Дидъ и проч. Большинство ихъ нѣсколько отлично отъ игръ, извѣстныхъ въ лѣвобережной Украйнѣ.

Этими отмѣтками и исчерпывается, кажется, все, что есть по части малорусскихъ игръ въ печати. Въ собраніи г. Исаевича большинство описанныхъ игръ бытовыя и цѣлый отдѣлъ, представляющій значительную новинку (игры въ карты). Описанія ребяческихъ упражненій и забавъ далеко не лишни для представленія цѣлой картины деревенскаго быта. Послѣдній отдѣлъ занимаютъ найболѣе уже извѣстныя игры «сборная дружина».

Объ этихъ послѣднихъ играхъ слѣдуетъ сказать, что въ южной Россіи онѣ запечатлѣны характерными особенностями. Въ великорусскихъ хороводахъ принимаютъ участіе оба пола и всѣ возрасты. Ихъ «водятъ» все теплое время. Южно-русскіе танки можно видѣть только въ короткій промежутокъ между Пасхой и Зелеными святками, танцуютъ ихъ однѣ дивчата, кромѣ двухъ-трехъ, гдѣ принимаютъ участіе и хлопцы (Щетка, Горошекъ, Тѣло). Великорусскими хороводами заправляетъ обыкновенно одна хороводница, большею частью пожилая женщина; украинскій танокъ водятъ сами дивчата и передовою становится болѣе смѣлая и расторопная изъ нихъ. Во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ

поръ танкахъ не встрѣчалось ничего похожаго на грубыя и циничныя игры, въ родѣ извѣстныхъ игръ: *Женина любовь*, *Гуляй, гуляй* и т. п. Большинство южно-русскихъ игръ отличается эстетическимъ тактомъ.

Въ записанныхъ г. Исаевичемъ народныхъ карточныхъ играхъ любопытна своеобразная терминологія. Карточныя игры въ народѣ никогда не имѣли значенія азартной забавы, а служили всегда только безобиднымъ развлеченіемъ зимнихъ вечеровъ. Только въ послѣднее время, съ проникновеніемъ различныхъ новшествъ въ деревню, карты стали принимать вредный характеръ, основанный на низшихъ инстинктахъ страсти, какой принадлежитъ имъ въ такъ называемомъ образованномъ кругѣ, чуть не съ проникновенія ихъ въ нашу страну въ XVII вѣкѣ.

Развитіе духовныхъ интересовъ конечно парализовало-бы значеніе этой безсмысленной и тупой забавы въ свѣжей народной средѣ. Въ средѣ «культурной», провинціальной въ особенности, этотъ стимулъ повидимому безсиленъ. Культурному обществу извѣстно, что пріобрѣтеніе картъ предшествовало изобрѣтенію книгопечатанія. Надо думать, что этою причиною объясняется то предпочтеніе, которое это общество отдаетъ первому изобрѣтенію передъ вторымъ.

Небольшой запасъ печатнаго этнографическаго матеріала по данному предмету позволилъ сдѣлать въ текстѣ игръ только нѣсколько сравнительныхъ ссылокъ. Сборники указаны въ настоящемъ предисловіи, а затѣмъ слово принадлежитъ самому почтенному собирателю.

В. Горленко.

Прочитывая «Труды» Чубинскаго, мнѣ бросилось въ глаза то, что среди прочаго громаднаго этнографическаго матеріала какъ то теряется незначительное число игръ, помѣщенныхъ тамъ. Я обратилъ на это невольно вниманіе потому, что живу въ мѣстности, гдѣ игры дѣтей и взрослыхъ распространены особенно, гдѣ постоянно наталкиваешься на нихъ, въ особенности весной.

Мнѣ приходилось жить въ разныхъ мѣстахъ Малой Россіи: на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, на Волыни и въ Подоліи; но нигдѣ я не встрѣчалъ такого изобилія игръ и такого любовнаго къ нимъ отношенія. Чѣмъ можно объяснить, что окрестности Переяслава служатъ мѣстомъ ихъ средоточія? Мнѣ кажется, что причиной этому то, что Переяславъ издавна имѣлъ учебныя заведенія и между ними славившуюся въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка семинарію, привлекавшую массу учащейся молодежи.

Семинаристы и сами выдумывали игры и приносили ихъ изъ мѣстъ своей родины. Они учили своихъ товарищей, отъ нихъ перенимали игры и переяславскіе мѣщане, у которыхъ жили на квартирахъ семинаристы. Изъ города игры распространялись по окрестностямъ.

Игры, какъ узоры, рисуются на прекрасномъ фонѣ весны. Послѣ долгой зимы и сидѣнья на печкѣ или прогулокъ въ тяжелыхъ отцевскихъ облаченіяхъ, дѣти, да и молодежь вообще, весной съ особеннымъ азартомъ набрасываются на игры.

Весенній день. Солнце льетъ съ темно голубаго неба сверкающіе лучи, радость и теплая свѣжесть стоятъ въ воздухѣ. Слышится пѣніе жаворонка и курликанье журавлей. На деревьяхъ нѣтъ еще листьевъ; только тамъ вдали, за селомъ, бѣлѣютъ бруньки лозы и покрытый кой-гдѣ блѣдно зеленой травой, уже высохшій майданъ тянется, чуть склоняясь къ рѣкѣ. Она, голубая, теперь многоводно рябитъ и блещетъ противъ солнца милліонами искръ и, съ сознаніемъ молодости и силы, бурно устремляется подъ колеса мельницы. Старикъ мельникъ, съ подстриженной сѣдой бородой и длинными усами, стоитъ и смотритъ на пѣнящуюся воду. Онъ смотритъ на воду, на майданъ, и улыбается какому-то, пришедшему съ весной, отголоску своей прошедшей молодости,...

На майданѣ играютъ *въ маткову*. Вотъ ударилъ парубокъ палкой по мячу, мячъ взвился черной точкой въ воздухѣ. Парубокъ бросаетъ «гилку» и мчится *къ ступкѣ*. Сивая шапка сбита на затылокъ, пышными складками ложатся сзади широчайшіе штаны, китыци червоного пояса развѣваются по вѣтру, онъ мощно разбрасываетъ ногами.

Но предательскіе штаны губятъ хлопца; пущенный въ него мячъ запутывается въ нихъ, и звучавшая дотолѣ отдѣльными криками равнина оглашается кликами радости и побѣды. Партія *поля* мчится *въ городъ*, злополучный парубокъ сбитъ съ ногъ ловко подставленной подножкой; на него наваливается его партія, бѣгущая въ поле, ему *загинаютъ сухою вовка* и валятъ на него, при крикахъ и смѣхѣ, *малу кучу*.

Кромѣ гигіеническаго значенія игръ, какъ универсальной гимнастики, много въ нихъ и воспитательнаго, нравственнаго элемента. Въ нихъ незамѣтно развиваются чувства долга, взаимной помощи

дружбы, въ нихъ вырабатывается громадянинъ; необходимость взаимной поддержки тѣснѣе сближаетъ дѣтей; какъ результатъ постонной помощи одного другому здѣсь развивается дружба; въ играхъ обозначаются характеры, сила ума и воли, выявляются люди, которымъ пріучаются вѣрить съ дѣтства и за которыми будетъ идти громада.

Игры раздѣлены мною на четыре группы. Въ каждой группѣ, когда это было возможно, я помѣщалъ игры въ послѣдовательномъ порядкѣ, если имѣлись болѣе простыя и болѣе сложныя однородныя съ ними.

I. Игры въ мячъ.

Мячъ дѣлаютъ обыкновенно изъ бычачьей шерсти, которую въ изобиліи даютъ линяющіе въ весеннее время волы и коровы. Такой мячъ называется «повстянымъ» и приготовляется такимъ образомъ: надергаютъ изъ вола или коровы мягкой и чистой шерсти и, смачивая ее водой или слюной, катаютъ между ладонями, сперва маленькимъ комкомъ, а потомъ все большимъ, придавая ей круглую форму. Чѣмъ долѣе, усерднѣе и равномѣрнѣе производится выкачиваніе, тѣмъ мячъ становится болѣе тугимъ и упругимъ и даетъ большіе прыжки. Иногда его обшиваютъ кожей, сшивая чехолъ изъ четырехъ ромбовидныхъ кусочковъ кожи, или-же набиваютъ такой чехолъ «куницею», то есть бородками метелокъ камыша, или конопли. Обшитый кожей мячъ называется «реминнымъ» въ отличіе отъ «повстяного»; первымъ играютъ подростки и парубки, второй употребляютъ дѣти. Случается, что передъ игрою мячъ, для большей тяжеловѣсности, намачиваютъ водой; тогда ударъ отъ него сильнѣе и чувствительнѣе, если игра состоитъ напр. въ томъ, что мячемъ бьютъ по ладонямъ.

Игра въ мячъ очень разнообразна и имѣетъ слѣдующія подраздѣленія:

а) *Высокій дубъ, горе дубъ* [1]).

Играющіе выкапываютъ продолговатую ямку, поперекъ которой кладутъ короткую палочку; на эту палочку кладутъ вдоль ямки другую болѣе длинную такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ опу-

[1]) Чубинскій, т. IV, стр. 44; Труды этн. стат. экспед., изд. 1877 г.

стился въ ямку, а другой торчалъ въ воздухѣ. Изъ этой продолговатой палочки получается такимъ образомъ родъ рычага, на короткое плечо котораго, опущенное въ ямку, кладутъ мячъ. Собравшіяся для игры дѣти «вымѣряются» на палкѣ, кому первому начинать игру, для чего старшій между ними, подбрасывая вертикально въ воздухѣ предназначенную для игры палку (гилку), схватываетъ ее рукою у нижняго конца, предоставляя тоже дѣлать другимъ, и кому придется взяться рукой за край палки, тому и начинать игру. Онъ беретъ тогда «гилку» и, присаживаясь около ямки, ударяетъ ею съ размаха по длинному плечу рычага—мячъ вылетаетъ изъ ямки вверхъ. Чѣмъ выше и прямѣе идетъ вверхъ мячъ, тѣмъ искуснѣе значитъ игрокъ и тѣмъ больше ему чести. Кто поймаетъ, тотъ продолжаетъ игру и т. д.

б) *Гилка простая.*

«Гилкою» называется собственно палка, которой бьютъ мячъ вверхъ, отсюда самая игра носитъ тоже названіе. Видоизмѣненіе этой игры происходитъ отъ числа играющихъ. Простая «гилка» или «у мяча», «опуки», ведется между двумя или тремя играющими. Мѣсто, съ котораго бьютъ мячъ, называютъ «городомъ», а пунктъ, гдѣ его ловятъ, «полемъ».

Играющіе вымѣряются на «гилкѣ» и кому выпало начинать игру, тотъ становится въ «городѣ», а товарищъ его, иногда и нѣсколько, идутъ въ «поле».

Кто поймаетъ мячъ на лету, тотъ идетъ бить вмѣсто игравшаго. Искусство игры не только въ томъ, чтобы мячъ летѣлъ, какъ можно выше и горизонтальнѣе, но и въ томъ, чтобы стоящіе въ «полѣ» не съ разу могли поймать его, для чего ударъ направляется въ сторону отъ играющихъ или инымъ неудобнымъ дла нихъ путемъ. Не умѣющій дать направленіе мячу по своему желанію не считается игрокомъ. Въ простой «гилкѣ» бьютъ, какъ попало; эту игру ведутъ начинающіе. Положеніе бьющаго, какъ активное, считается болѣе привлекательнымъ и такъ сказать почетнымъ, пассивнѣе иоложеніе тѣхъ, которые ловятъ мячъ, отъ того и менѣе интересно; но играющіе въ простую гилку постоянно мѣняются ролями.

в) *Гилка сложная.*

Осложняется она и большимъ числомъ играющихъ, и тѣмъ, что играющіе выдѣляютъ изъ своей среды, кромѣ начинающаго

игру. который бьетъ мячъ, еще другаго, который поддаетъ ему, или «пидгилюе». Когда есть кому подбросить мячъ, то бьющій по нему беретъ «гилку» обѣими руками, а отъ этого ударъ гораздо сильнѣе и мячъ летитъ выше и быстрѣе. Бьющій и поддающій располагаются въ «городѣ». остальные въ разныхъ разстояніяхъ и концахъ «поля», чтобы на каждый ударъ, короткій и длинный, высокій и низкій, прямой вверхъ и въ бокъ, былъ готовъ ловецъ. Кто поймалъ мячъ на лету, тотъ идетъ бить; кто задержалъ на скаку, тотъ бросаетъ его «пидгильному»; если тотъ поймаетъ, то становится вмѣсто бьющаго, а бросившій вмѣсто «пидгильного», бьющій же «старый» уходитъ въ «поле».

г) *Гилка маткова, или матка* [1]).

«Маткова» или «матка» есть дальнѣйшее развитіе игры «въ мяча» и «гилки». Тутъ привходитъ уже полное раздѣленіе играющихъ. Являются игроки, могущіе бить съ разсчетомъ, вводятся сложныя правила, опредѣляющія надлежащій ходъ выигрыша и проигрыша. Такая игра на двѣ партіи развиваетъ соревнованіе. Бѣготня къ такъ называемой «ступкѣ», иногда цѣлой гурьбой, со смѣхомъ и толкотней, придаетъ особенный увлекающій интересъ этой сложной и занимательной игрѣ. Ее любятъ не только дѣти, но и взрослые; нерѣдко можно видѣть «сивоусого дядька», мчащагося среди веселой толпы молодежи къ «ступкѣ» и обратно... Общая картина игры не лишена комизма и напоминаетъ стаю юркихъ чирятъ, среди которой, торопливо маша крыльями, летитъ «довгошеій крижнякъ....»

Играющіе въ «маткову» выбираютъ двухъ «матокъ», самыхъ лучшихъ и искусныхъ игроковъ.

«Матки» отходятъ въ сторону и становятся обнявшись. Остальные играющіе раздѣляются попарно. Пары составляются изъ равносильныхъ игроковъ. Въ каждой парѣ условливаются о названіи каждаго. Потомъ играющіе подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: «соломы чи зерна?» «дерева чи зализа?» и т. п. Матки выбираютъ по очереди, говоря: «соломы!» «зализа!» и «солома» и

---

[1]) У Чубинскаго эта игра названа „гилкой“, т. IV, стр. 44; Тр. эти. стат. эксп. въ с. з. край, 1877 г.

«зализо» становятся около выбравшихъ ихъ матокъ и т. д,, пока не составятся двѣ совершенно равносильныя партіи.

Когда партіи составились, матки подходятъ «мирятись». Одна изъ матокъ беретъ гилку и бросаетъ ее другой маткѣ, та ловитъ гилку одной рукой; бросившая матка обхватываетъ рукой гилку выше ловившей, та въ свою очередь переноситъ руку выше и такъ до конца гилки. Чьей матки рука окажется на концѣ гилки, та съ своей партіей остается въ «городи», а противная уходитъ въ «поле». оставляя въ городѣ одного изъ самыхъ проворныхъ «подгильнымъ». На него возлагается обязанность «пидгилювать», т, е. подбрасывать мячъ для удобнаго удара по немъ гилкой. Шагахъ въ 25—40 отъ города назначаютъ мѣсто («ступку»), до котораго и обратно каждый изъ стоящихъ въ городѣ долженъ добѣжать въ промежуткѣ произведеннаго имъ самимъ или кѣмъ либо другумъ удара и передачей мяча изъ поля въ городъ, если только мячъ не пойманъ на лету и не рѣшаетъ перехода партій цѣлымъ составомъ одной на мѣсто другой.

Каждый изъ стоящихъ въ городѣ имѣетъ право одинъ разъ ударить гилкой по мячу, матка-же три. Промахъ считается за ударъ. Когда все уже установилось, городяне подходятъ по очереди къ «пидгильному», тотъ подбрасываетъ мячъ вверхъ, подошедшій-же бьетъ съ такой силой гилкой по мячу, чтобы тотъ полетѣлъ въ поле.

Израсходовавшій то количество ударовъ, какое онъ имѣлъ право сдѣлать, можетъ возобновить его, сбѣгавши къ ступкѣ. Сбѣгать къ ступкѣ, не подвергаясь удару мяча, можно только тогда, когда мячъ или летитъ въ воздухѣ, или-же далеко упалъ въ поле, когда-же мячъ находится въ рукахъ «пидгильного» или близко въ полѣ, къ ступкѣ проскользнуть трудно, такъ какъ противная партія постарается попасть въ перебѣгающихъ; а если это случится, то партія города проигрываетъ и уходитъ въ поле, а партія поля въ городъ. Партія города такъ-же проигрываетъ, если кто нибудь изъ партіи поля поймаетъ мячъ на лету [1]). Обѣ партіи обращаютъ все свое искусство—партія города, чтобы удержать, какъ можно долѣе свою активную позицію, партія поля, чтобы выйти изъ сво-

---

[1]) Въ этой игрѣ мнѣ часто приходилось слышать возгласы: „не шатырь“, „шатырникъ“. По смыслу „шатырить“ значитъ отчаянно рисковать.

ей пассивной роли. Матка первой и своимъ подкомандным внушаетъ «не продавать», т. е. бить такъ, чтобы поляне не могли поймать, а равно перебѣгать къ ступкѣ и обратно какъ можно проворнѣе и своевременнѣе, и сама поступаетъ также. Малыши, начинающіе, большею частью даютъ промахи, подростки, умѣющіе, не посягаютъ на «горяка» или ударъ вверхъ, но бьютъ «скачка», по прямой и въ бокъ, на что претендуютъ противники, а матка или перебиваетъ за черту поля, или такъ подбиваетъ вверхъ, чтобы мячъ падалъ вертикально, при чемъ ловящему достается по пальцамъ, по носу и лицу, иногда-же онъ и поймавши опрокидывается назадъ и роняетъ мячъ. Только пресытившись игрой, или-же увлекаясь желаніемъ показать свою ловкость, матка дастъ чистый, мягкій и ровный ударъ по параболѣ; тогда поймать уже не трудно. Матка противной стороны въ свою очередь разставляетъ своихъ подкомандныхъ въ томъ или иномъ направленіи, на большемъ или меньшемъ разстояніи, по степени ихъ умѣнья ловить мячъ, а также бросать мячемъ въ бѣгущихъ или просто перебрасывать мячъ, и пользуется всякою оплошностію противника, какъ въ ударѣ, такъ и въ пробѣганіи установленной дистанціи. Тутъ съ той и другой стороны всеобщее напряженіе, всеобщее рвеніе, строгая подчиненность распредѣленіе ролей, товарищество, соперничество, чувство общей чести, общей неудачи. Трудно придумать что либо, болѣе удачно и болѣе непримѣтно подготовляющее мальчика и юношу къ общежитію.

д) *Чортючка.*

Это также матковая ирра въ мячь, разнится отъ нея только тѣмъ, что партія поля состоитъ собственно изъ одного, а другимъ считается «пидгильный», стоящій въ полѣ. Разница еще въ томъ, что бьющій, послѣ удара или промаха, тотчасъ же долженъ бѣжать къ ступкѣ, не выжидая для этого благопріятнаго времени. Если находящійся въ полѣ ударитъ перебѣгавшаго, то этотъ послѣдній идетъ въ поле, а тотъ въ городъ «пидгильнымъ», прежній же «пидгильный» заступаетъ мѣсто выбывшаго изъ города. Если же перебѣгавшаго ударитъ «пидгильный», то онъ остается въ городѣ, находившійся въ поле идетъ на его мѣсто «пидгильнымъ», а перебѣгавшій отправляется въ поле. Названіе «чортючки» эта игра получила вѣроятно отъ того, что, пока находящійся въ полѣ по-

падетъ въ городъ, пассивное положеніе ему «осточортіе» и онъ успѣетъ вспомнить всѣхъ чертей.

Въ эту игру играютъ обыкновенно тогда, когда за недостаткомъ играющихъ большой матковой составить нельзя.

е) *Каша* [1]).

Играющіе собираются въ кружокъ и одинъ изъ нихъ, бросая мячъ о земь, кричитъ: «тутъ каша, тутъ!» Всѣ бросаются къ мячу, желая поймать его на лету; кто поймалъ, тотъ садится верхомъ на того, который потянулся за мячемъ и не поймалъ. Комонникъ уже со спины товарища бросаетъ мячъ. Кто поймаетъ, тотъ садится на того-же коня. Если-же всадникъ потянется за мячемъ, а поймаетъ конь, то, при смѣхѣ играющихъ, происходитъ перемѣна ролей: конь становится всадникомъ, а всадникъ конемъ. Если мяча никто не поймаетъ, то каша «розсыпалась» и игра начинается снова. Ведется игра и такъ, что не поймавшій мяча, вмѣсто спины, подставляетъ поймавшему сложенныя челнокомъ руки; тотъ бьетъ въ руки мячемъ изо всей силы и если подставляющій ихъ удержитъ въ рукахъ мячъ или подхватитъ съ земли, то въ свою очередь бьетъ сосѣда, причемъ всѣ играющіе становятся въ кружокъ.

ж) *Яйця, пички* [2]).

Сколько играющихъ, столько-же вырываютъ въ одну линію «пичокъ» или ямокъ. Ямки окружаются чертой—«городомъ». Каждая ямка имѣетъ владѣльца. Во время игры каждый стоитъ около своей ямки. Владѣльцы крайнихъ ямокъ катятъ мячъ по ямкамъ. Въ чью ямку попадетъ мячъ, тотъ хватаетъ его и старается попасть въ кого нибудь изъ играющихъ, которые обязаны выбѣжать изъ города въ поле. Если онъ промахнется, то получаетъ въ свою ямку «яйце»—камушокъ; если-же попадетъ въ кого нибудь, то этотъ послѣдній долженъ быстро подхватить мячъ, вбѣжать въ городъ и попасть въ кого нибудь изъ играющихъ, которые тоже, послѣ удачнаго удара, должны побывать въ городѣ и снова оттуда выбѣжать. Послѣ промаха вся партія собирается въ городъ и игра про-

---

[1]) У Чубинскаго, т. IV, стр. 43, изд. 1878 г.

[2]) Великорусская игра *ямки*.

должается по старому, а промахнувшійся получаетъ «яйце» (камушокъ). Кто получитъ первымъ пять яицъ, тотъ проигралъ и его разстрѣливаютъ мячемъ. Каждый играющій имѣетъ право ударить его столько разъ, сколькихъ яицъ недостаетъ до пяти.

Подвергаемый разстрѣлу становится лицемъ къ стѣнѣ и, опершись о нее лбомъ, прикрываетъ затылокъ руками. Разстрѣлъ сопровождается ѣдкими насмѣшками и криками «ого-го!», одобряющими удачный ударъ тяжелаго кожанаго мяча. Вообще-же эта веселая игра очень часто оканчивается плачемъ и проклятіями, иногда-же и потасовкой.

з) *Баранъ.*

Играютъ вдвоемъ или втроемъ, рѣдко больше. Бросаютъ возлѣ стѣны мячъ о земь съ такой силой, чтобы онъ, отскочивши отъ нея, ударился о стѣну и тогда его ловятъ. Ловятъ одной или двумя руками. Первый изъ играющихъ ловитъ до тѣхъ поръ, пока не промахнется; тогда передаетъ мячъ другому. Когда мячъ обошелъ всѣхъ играющихъ, первый снова бросаетъ мячъ и ведетъ счетъ пойманнымъ мячамъ съ того числа, на какомъ ему въ первый разъ не вывезло и т. д. Кто первымъ досчитаетъ до условленнаго передъ игрой числа, тотъ выигралъ.

и) *Стинка № 1-й.*

Эта игра подобна предъидущей; въ ней только не дѣлаютъ «барана», а бросаютъ мячъ о стѣну или на крышу и на обратномъ пути его ловятъ. Счетъ ведутъ, какъ и въ «баранѣ».

і) *Стинка № 2-й.*

Въ этой игрѣ двѣнадцать фигуръ. Въ началѣ «вымиряются», кому бросать первому. Если осѣкся первый, то передаетъ мячъ второму и т. д. Когда снова очередь дойдетъ до перваго, онъ продолжаетъ съ той фигуры, на какой остановился. Кто окончилъ первымъ, тотъ отъ игры устраняется, выжидая окончанія оной. Игра продолжается остальными участниками, уменьшающимися по мѣрѣ того, какъ болѣе счастливые игроки выполняютъ всѣ 12 фигуръ. Проигравшимъ всегда оказывается одинъ, который и подвергается разстрѣлу. Число ударовъ опредѣляютъ заранѣе. Фигуры: 1) бро-

саютъ мячъ о стѣну «зъ пидъ нызу» (изъ-подъ опущеной руки) и ловятъ двумя руками. 2) Тоже, но ловятъ одной рукой. 3) Бросаютъ мячъ о стѣну «зъ верху» и ловятъ двумя руками. 4) Тоже, но ловятъ одной рукой. 5) «Каша»—бросаютъ мячъ о земь и ловятъ двумя руками. 6) Тоже, но ловятъ одной рукой. 7) «Баранъ»—бросаютъ мячъ о земь подъ угломъ къ стѣнѣ и ловятъ двумя руками. 8) Тоже, но ловятъ одной. 9) «Головки»—становятся спиною къ стѣнѣ, облокачиваются о нее затылкомъ, въ такомъ положеніи бросаютъ мячъ о стѣну и ловятъ двумя руками. 10) Тоже, но ловятъ одной. 11) Кладутъ мячъ на ладонь, подбрасываютъ его вверхъ и когда мячъ летитъ внизъ подбиваютъ его снова вверхъ обратной стороной кисти и тогда ловятъ двумя руками. 12) Тоже, но ловятъ одной рукой.—Каждая фигура повторяется три раза.

II. Игры въ карты («листы»).

Масти носятъ слѣдующія названія: «жиръ» (трефи), «вино» (пики), «чирва» (черви) и «дзвинка» (бубни). Карты каждой масти называются такъ: тузъ, король, «краля» или «вышникъ», «хвалька» (валетъ), «хлапъ», онъ-же «нижникъ», «десятка», «девятка», «висимка», «симка» и «шистка». Играютъ всегда тридцатью шестью картами, безъ двоекъ. Сдаютъ, какъ и вездѣ, снимаютъ-же нѣсколько навыворотъ: даютъ снимать игроку, сидящему не съ правой, а съ лѣвой стороны, по ходу часовой стрѣлки. Сдающій кладетъ передъ нимъ колоду на столъ; если-же приподнесетъ на ладони лѣвой руки, то снимающій почти всегда, снявъ съ ладони всю колоду, плюетъ ему въ руку и если это случится въ началѣ игры, то принимается довольно добродушно, если-же во время разгара игры, то очень часто физіономія плюнувшаго вымазывается его-же слюной. Картами играютъ до тѣхъ поръ, пока они не разлѣзутся. Такъ какъ карты скоро грязнятся, то у игроковъ выработался особый способъ ихъ чистки: карты намазываютъ слегка свѣчнымъ саломъ или «лоемъ» и затѣмъ вытираютъ чистой тряпицей, отъ чего карты хотя нѣсколько выигрываютъ въ вѣсѣ, за то блестятъ, какъ свѣже вымазаный сапогъ. Карты, очищенныя подобнымъ образомъ, особенно удобны для «ляпання» ими по столу, что, какъ извѣстно, является признакомъ азарта въ игрѣ, когда колесо фортуны начинаетъ быстро клониться то въ ту, то въ другую сторону.

Игры въ карты также разнообразны и имѣютъ свои туземныя названія. Таковы:

а) *Пъяница.*

Играютъ вдвоемъ. Раздѣляютъ колоду картъ поровну и, каждый, взявши въ руки свои карты, переворачиваетъ ихъ вверхъ корой. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: оба игрока открываютъ одновременно по картѣ, чья карта окажется старше (масти въ разсчетъ не принимаются), тотъ беретъ свою карту и карту противника и подкладываетъ подъ низъ своихъ картъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у одного изъ игроковъ не выйдутъ всѣ карты; такой какъ-бы пропилъ свое добро и ему за то присвояется названіе «пъяница».

б) *Свиня.*

Сдающій тасуетъ колоду и, перевернувши вверхъ крапомъ, разбрасываетъ карты по столу. Потомъ беретъ одну карту и, расчистивши мѣсто на столѣ, переворачиваетъ ее.

Слѣдующій игрокъ беретъ изъ кучи карту на угадъ; если она не той масти, какой открытая карта, онъ беретъ слѣдующую и т. д., пока не найдетъ карту искомой масти; когда карта найдена, онъ кладетъ ее на открытую первымъ игрокомъ карту и еще отъ себя сверху кладетъ другую, «навалюе».

Слѣдующій игрокъ (если играютъ втроемъ) ищетъ такимъ-же способомъ карту масти положенной вторымъ игрокомъ и т. д., пока есть перевернутыя карты на столѣ; когда-же они разобраны, то не имѣющій той масти на рукахъ, какой карта лежитъ поверхъ кучи, снимаетъ эту карту, слѣдующій-же за нимъ кладетъ карты, какъ сказано выше, или снова снимаетъ карту, если этой масти карты у него нѣтъ: у кого на рукахъ нѣтъ уже картъ, тотъ вышелъ. Проигрываетъ тотъ, у кого въ концѣ игры оказались карты и онъ по этому «свиня».

в) *Видьма.*

Общеизвѣстный, такъ называемый «фофанъ» (l'homme noir). Предварительно выбрасываютъ изъ картъ даму трефъ, бубенъ и червей и оставляютъ даму пикъ, которая и называется вѣдьмой.

Играютъ вдвоемъ, втроемъ и больше. Такъ какъ игра состоитъ въ сбрасываніи картъ по парамъ, то проигрываетъ тотъ, у кого останется дама пикъ, какъ безпарная.

г) *Визъ.*

Такъ называемые «свои козыри». Очень распространенная въ народѣ игра. Процессъ ея общеизвѣстный, а названіе получила она очевидно отъ того, что проигравшимъ здѣсь считается тотъ, кому достается въ заключеніе вся куча картъ, напоминающая собою нагруженный возъ.

д) *Дурень.*

Общеизвѣстный «дурачекъ».

е) *Невирный дурень.*

Отличается отъ простого тѣмъ, что кроютъ картами, перевернутыми вверхъ крапомъ и ходившій долженъ отгадать, убиты карты или нѣтъ, говоря: «вирю» или «не вирю». Если карты оказались битыми и ходившій сказалъ: «вирю», то карты отбрасываются; если-же онъ въ этомъ случаѣ сказалъ: «не вирю», то и тѣ карты, которыя онъ ходилъ и тѣ, которыми они бились, вручаются ему. На оборотъ: если карты не убиты и ходившій сказалъ: «не вирю», то бившій забираетъ себѣ и тѣ и другія карты. У кого въ концѣ игры останутся карты, тотъ и есть «дурень невирный».

ж) *Хвалька.*

Называется такъ отъ слова хвалиться мастью, или назначать козыри. По старшинству козыри идутъ въ такомъ порядкѣ: козырная шестерка—«змійка», валетъ трефъ—«стара», валетъ пикъ—«винова», валетъ червей—«чирвова», валетъ бубенъ—«янковскій» или «водовозъ», тузъ козырей, король козырей и т. д.

Играютъ вчетверемъ. Партнеры сидятъ другъ противъ друга, сдаютъ каждому по девяти картъ, сразу по три карты. Козыри назначаетъ игрокъ сидящій съ лѣвой стороны сдающаго.

Въ этой игрѣ стараются взять возможно больше взятокъ, но только не всѣ. Хвалившійся ходитъ первымъ, а остальные сбрасываютъ по картѣ. Четыре карты образуютъ взятку. Взявшій взятку

снова ходитъ. Игра считается съигранною ни въ чью, если хвалившійся и его партнеръ возьмутъ пять взятокъ, а ихъ противники четыре, и выигранною, если случается наоборотъ. Взятыя три взятки называются «тринчикъ«, двѣ—«саквы»; взятіе одной только взятки хвалившимся и его партнеромъ равносильно большому шлему; а если они не возьмутъ ни одной взятки, то игра ихъ «суха»; противники считаются въ семъ случаѣ совершенно посрамленными.

«Хвалька» самая любимая и распространенная игра между крестьянскою молодежью.

3) *Цыганъ.*

Это сатира на крестьянское начальство, въ связи съ злобой дня деревенской жизни—конокрадствомъ. Нѣкоторыя карты въ этой игрѣ имѣютъ свои особыя названія; такъ тузъ трефъ называется «голова», король трефъ—«старшина», трефъ дама (вышникъ жировый) —«писарь», трефъ валетъ (нижникъ жировый)—«цыганъ», десятка трефъ—«десятникъ», а шестерка трефъ—«кобыла».

Играютъ впятеромъ; каждый получаетъ по 7-ми картъ, а послѣдняя означаетъ козырь. Послѣ сдачи тѣ изъ играющихъ, у которыхъ окажутся карты съ исчисленными сейчасъ названіями, выкладываютъ ихъ на столъ, за исключеніемъ «кобылы». У кого на рукахъ «цыганъ», тотъ взявши въ руки джгутъ и идя съ какой либо карты къ тому, у кого въ картахъ «десятникъ», приговариваетъ: «десятникъ, кобыла вкрадена!» Тотъ отвѣчаетъ ему: «я твоій кобыли не пастухъ, иди до старшины». Имѣющій въ рукахъ карту съ названіемъ «старшины» на подобное же заявленіе «цыгана», ударивъ его джгутомъ, говоритъ: «я твоій кобыли не пастухъ, иди до головы». «Голова» отсылаетъ его къ «писарю», а «писарь» опять направляетъ его къ «десятнику», приговаривая:

Пишу билетъ.
На симъ лѣтъ,
На очерета,
На болота.
Бижы до десятника у повитку.
Тамъ вона привъязана,

Бери старосту, понятихъ,
И иди кобылу забери.

Тогда «цыганъ», ударяя джгутомъ «десятника» по плечу, говоритъ: «у тебе кобыла!» Если у десятника «кобылы» нѣтъ, то онъ, открывая всѣ свои карты, говоритъ: «дивиться, люде добри!

„Я чоловикъ не опороченъ
У своему обществи".

Тогда всѣ четверо играющихъ, вырвавъ у «цыгана» изъ рукъ джгутъ, всѣ поочередно бьютъ его по плечамъ за взведенную на «десятника» напраслину, т. е. за то, что «цыганъ» не отгадалъ, у кого въ картахъ «десятникъ». Если-жъ онъ отгадаетъ, то въ свою очередь бьетъ три раза того, у кого окажется карта «кобыла», а прочіе бьютъ этого послѣдняго по два раза.

и) *Сыжъ.*

Напоминаетъ игру въ носки и почти тождественъ съ нею. Карты сдаются всѣмъ играющимъ поровну. Ходитъ игрокъ, сидящій съ лѣвой стороны сдающаго. Слѣдующій кладетъ старшую карту той-же масти, а сверху кладетъ другую, которую слѣдующій долженъ крыть, или принять, если нечѣмъ покрыть. Такъ играютъ до тѣхъ поръ, пока у кого нибудь изъ играющихъ не останутся карты на рукахъ. Проигравшій такимъ образомъ кладетъ одну изъ оставшихся у него картъ на столъ вверхъ крапомъ и, обращаясь по очереди къ остальнымъ играющимъ, предлагаетъ отгадать, какая положена имъ карта. Спрошенный старается отгадать, но выражаетъ отвѣтъ не словами, а числомъ ударовъ, какое присвоено той картѣ, которую онъ хочетъ назвать, и какъ тузъ каждой масти выражается 30-ю ударами, король 20-ю, «вышникъ» (дама) 15-ю, «нижникъ» (валетъ) 10-ю, а остальныя карты сообразно числу очекъ, то, намѣтивъ въ отгадъ ту или другую карту, онъ бьетъ спрашивающаго столько разъ, сколько слѣдуетъ по той картѣ. Бьютъ обыкновенно по носу или рукѣ тремя или болѣе вмѣстѣ сложенными картами. Спросившій считаетъ число ударовъ каждаго и запоминаетъ оное; а когда всѣ играющіе отвѣтятъ на его вопросъ, онъ переворачиваетъ карту и тѣмъ, которые ошиблись,

даетъ сдачи такимъ числомъ ударовъ, на какое они ошиблись. Кто отгадалъ, того не бьетъ.

При видимой грубости игра не лишена внутренняго смысла: пріучаетъ къ внимательности, запоминанію того, что слѣдуетъ помнить, точности въ разсчетѣ и пр.

і) *Хвыль.*

Играютъ впятеремъ. Сдаютъ каждому по семи картъ. Послѣ сдачи по пяти картъ открываютъ козырь. Дама козырная называется «хвыль».

Играютъ такъ: у кого на рукахъ «хвыль», тотъ беретъ «хлюстъ» и бьетъ по разу трехъ изъ участниковъ игры, а четвертаго не бьетъ. Четвертаго онъ оставляетъ подручнымъ.

Послѣ того какъ «хвыль» ударилъ, онъ беретъ карты подручнаго, выбираетъ изъ его картъ козыри и, присоединивши къ своимъ, оставляетъ на рукахъ четыре старшихъ козыря (хвыль старше туза), если же четырехъ козырей нѣтъ, то дополняетъ до четырехъ простой мастью; тоже дѣлаютъ и остальные три игрока. т. е. соединивши свои карты, выбираютъ козыри до четырехъ; остальныя карты отбрасываютъ. Когда карты выбраны, имѣющій «хвыля» ходитъ съ него, говоря: «Дай до хвыля!» «Дай до туза!» «Дай до масти»! вообще до той карты, съ которой ходитъ. Если «хвыль» взялъ три взятки, а противники одну, то «хвыль» еще бьетъ своихъ противниковъ по три раза; если же «хвыль» взялъ одну, а противники три взятки, то они бьютъ каждый по два раза «хвыля» и «подручного».

к) *Шистъ.*

Играютъ вдвоемъ, троемъ или четыремъ. Каждому изъ играющихъ даютъ по три карты, послѣ чего каждый мысленно назначаетъ себѣ масть, которой ему слѣдуетъ держаться въ игрѣ. Забота всякаго играющаго—скопить въ рукѣ одномастныя карты: по этому карты другихъ мастей онъ старается спустить другимъ участникамъ игры. Тотъ, кому слѣдуетъ ходить послѣ сдачи, передаетъ сидящему съ лѣвой стороны карту лишней для него масти, произнося при этомъ «шистъ», а тотъ въ свою очередь даетъ ему карту ненужной для него масти, и т. д. Взаимный обмѣнъ картъ идетъ до

тѣхъ поръ, пока у кого нибудь не окажутся всѣ три карты одной масти и не останется одинъ, у котораго на рукахъ карты разныхъ мастей.

Вышедшій первымъ преподноситъ тогда проигравшему колоду и со словами: «а ну хлопче!» начинаетъ ею фыркать, т. е. взявши колоду въ лѣвую руку, приподымаетъ одинъ ея край правой рукой и, выпуская осторожно карты, заставляетъ ихъ падать одна за другой. Проигравшій старается попасть пальцемъ между падающими картами такъ, чтобы поверхъ пальца было возможно меньше картъ. Когда это сдѣлано, фыркавшій беретъ часть колоды, отдѣленную проигравшимъ и, подымая по очереди карты, торжественно произноситъ: *Тузъ!—Въ лобъ угрузъ*! при чемъ ударяетъ проигравшаго рукой по лбу.

Начатая экзекуція продолжается. Выигравшій восклицаетъ: *Круль*! запускаетъ руку въ шевелюру проигравшаго и, приговаривая:

Иде круль, панъ сгрогій,
Звертай зъ дороги,
Бо иде панъ безногій,

вертитъ его головой то въ ту, то въ другую сторону.

Произнося затѣмъ речитативомъ слѣдующія присказки:

Краля! По щоци вдрала!
Нижникъ! Нижче!
Десятка! У лобъ пъятка!
Девятка! Тожъ пъятка!
Висьмака! По потылыци типака!
Симка! Симереньке, голузеньке, гала, гала, дуцъ!

выигравшій то ударяетъ проигравшаго по лицу, то даетъ пинка въ бокъ, то щелкнетъ пальцемъ въ лобъ, то шлепнетъ по затылку, то, дернувъ за чубъ, щелкнетъ снова всей пятерней по головѣ.

При словѣ: *Шистка!* держа за волосы проигравшаго, выигравшій съ развалкой говоритъ:

Ихавъ шистъ
Черезъ мистъ,
Кобыла загрузла,
Винъ за хвистъ:
Тяги, тяги,
Нема дуги.
Де дуга?
У лиси.
А хамутъ?
У стриси.
Ску—угу
Пи—пи!

И во все это время то качаетъ его голову съ боку на бокъ, то опускаетъ внизъ или подымаетъ вверхъ, сообразно пониженію или повышенію тона, а при словахъ: *ску—угу, пи—пи!* изо всей мочи протягиваетъ рукой по волосамъ отъ шеи до макушки.

Вообще эта игра, весь интересъ которой зиждется на волосной расправѣ, рѣдко кончается мирно и въ концѣ концовъ игроки расходятся «съ украшеніями въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходитъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта...», что и не удивительно, когда терпѣніе подвергается такому искусу, а въ этомъ повидимому и весь смыслъ игры.

л) *Хлюстъ* [1]).

Играютъ вчетверемъ, два противъ двухъ. Сдаютъ по пяти картъ и открываютъ козыря. Сидящій съ лѣвой стороны сдающаго ходитъ. Каждый бросаетъ по картѣ той же масти; если той масти нѣтъ, то кроетъ козыремъ. Четыре карты составляютъ взятку. Кто взялъ взятку, тотъ ходитъ. Какая пара взяла больше взятокъ, та выиграла и отсчитываетъ проигравшей *хлюстомъ* количество ударовъ, равное разности между взятками обѣихъ паръ.

м) *Нисъ.*

Число играющихъ не ограничено. Сдаютъ по три карты. Слѣдующій за сдающимъ игрокъ слѣва, обращаясь къ третьему, говоритъ: «иду пидъ тебе носа». Если у того игрока карта хорошая, то онъ говоритъ: «мырю», и идетъ подъ слѣдующаго то количество «носовъ», какое ему заблагоразсудится; если же карты у него плохія, то онъ бросаетъ карты и говоритъ: «не мырю». Такъ идетъ въ круговую до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ играющихъ не спроситъ у своего сосѣда слѣва (если была его очередь идти «носа»): «у тебе хлюстъ»?. Если тотъ скажетъ: *ни*, то играетъ спросившій; если же у кого нибудь изъ остальныхъ игроковъ на рукахъ хлюстъ, то онъ открываетъ карты и говоритъ: «хлюстъ у

---

[1]) Хлюстомъ иазывается, если у кого нибудь изъ играющихъ окажется три карты одной масти или три козыря, или три хвальки, или три туза, или двѣ карты одной масти хвалька. Старшинство хлюста опредѣляютъ тѣ фигуры, изъ которыхъ онъ образовался.

мене». Если ни у кого старшаго хлюста нѣтъ, то открывшій первымъ хлюстъ выигралъ и бьетъ всѣхъ по носу столько разъ, сколько кто носовъ «замиривъ». Послѣ десяти ударовъ колодой картъ по носу позволяется дать *понюхать*, т. е. сложенными желобкомъ картами тычутъ подъ носъ. Послѣ нѣсколькихъ пулекъ этого преферанса, носы игроковъ замѣтно разрумяниваются и пылаютъ.

н) *Скубки.*

Таже игра, что и «носъ»; но проигравшихъ «скубутъ», т. е. дергаютъ за волосы.

о) *Джгутъ.*

Таже игра, что и предъидущая; но проигравшихъ бьютъ джгутомъ по ладонямъ.

п) *Манахвейка.*

Играютъ на деньги. Ставятъ по ровну. Сдаютъ по три карты и «свитять» козыря.

Одинъ изъ игроковъ ходитъ, слѣдующій слѣва бьетъ и навaливаетъ. Кто убилъ послѣднимъ, тотъ забираетъ ставку. Если убилъ предпослѣдній и навалилъ большимъ козыремъ, а козырь послѣдняго млаже, то и выигрываетъ предпослѣдній, какъ убившій послѣднимъ.

р) *Лава.*

Играютъ въ шестеремъ, «лава» противъ «лавы» (партіи). Сдаютъ по шести картъ каждому. Передъ каждымъ играющимъ переворачиваютъ по картѣ; у кого старшая фигура, тотъ будетъ сдавать. Кому сдавать, тотъ снимаетъ колоду и открывшаяся карта—козырь. Играютъ три противъ трехъ. Каждый играетъ отдѣльно со своимъ vis-à-vis. Ходятъ и бьютъ. Чья «лава» взяла больше взятокъ, та и выиграла.

Существуетъ еще денежная игра «три листа», извѣстный трилистикъ, и «зъ пидходомъ», видоизмѣненіе игры въ «носа».

III. Палки и кости.

а) *Даровище.*

Игра чисто дѣтская. Играютъ вдвоемъ. Играющіе садятся съ палками по «жабъячи» (какъ лягушки) одинъ противъ другого и стараются каждый своей палкой попасть по палкѣ противника. Кто попалъ, тотъ кричитъ: «дарую коня! дарую вола» и т. д.

б) *Швайка.*

Играютъ или каждый за себя, или партія на партію. За невозможностію играть желѣзной свайкой, берутъ деревянную въ аршинъ длиной, палку, одинъ конецъ которой заостренъ.

Игра состоитъ въ томъ, чтобы брошенная изъ рукъ «швайка» воткнулась въ землю. Кому удастся разъ воткнуть свайку въ землю, тотъ бросаетъ ее другой и третій разъ—до тѣхъ поръ, пока свайка не упадетъ бокомъ на землю; тогда она передается слѣдующему и т. д. Каждый игрокъ ведетъ счетъ удачнымъ ударамъ и кто первый дойдетъ до условленнаго заранѣе числа, тотъ выигрываетъ, оставшійся же послѣднимъ съ недобитымъ числомъ, проигрываетъ и возитъ перваго на спинѣ.

в) *Швайка съ цуркою.*

Кладется плашмя на землю «цурка», т. е. круглая палочка длиной вершка въ два, съ тупыми концами. Играющіе по очереди бросаютъ свайку съ такимъ разсчетомъ, чтобы она воткнулась въ землю рядомъ съ «цуркой», которая замѣняетъ собою кольцо; число обязательныхъ удачныхъ ударовъ условливается заранѣе. Интересъ игры въ вѣрности прицѣла и ловкости удара. Это тоже, что стрѣльба въ цѣль. Разстояніе точки, гдѣ воткнулась свайка, отъ «цурки» не должно превышать длины свайки, что каждый разъ и повѣряется на дѣлѣ. Когда свайка не воткнулась въ землю рядомъ съ «цуркой», или упала на бокъ, тогда бросаетъ ее тѣмъ же порядкомъ другой, третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ играющихъ раньше всѣхъ не достигнетъ условленнаго количества удачныхъ ударовъ. Такой считается выигравшимъ, а кто этого не выполнитъ, тотъ возитъ его и другихъ на спинѣ.

г) *Цурка* [1]).

Приступающіе къ игрѣ раздѣляются на двѣ партіи: партію города и поля, что опредѣляется обычнымъ вымѣриваніемъ на палкѣ. Каждый изъ играющихъ держитъ въ рукахъ палку аршина въ полтора. Въ городѣ выкапываютъ маленькую (въ четверть), узкую ямку и на ея конецъ, обращенный къ полю, въ поперекъ кладутъ «цурку». или палочку, заостренную съ обоихъ концовъ.

Игра состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ играющихъ подходитъ къ ямкѣ и, оборотившись лицомъ въ поле, становится такимъ образомъ, чтобы ямка пришлась между его разставленными ногами. Ставши такимъ образомъ, онъ подкладываетъ одинъ конецъ имѣющейся у него въ рукахъ палки подъ цурку и выбрасываетъ ее въ поле. Если поляне поймаютъ цурку руками, то партія города проигрываетъ и уходитъ въ поле; если же поляне только «заидятъ цурку», т. е. одинъ изъ нихъ во время полета ударитъ ее палкой, то выбрасывавшій цурку лишается права на продолженіе игры въ эту очередь и ждетъ, пока снова прійдетъ его очередь. Если же цурка благополучно пролетѣла въ поле и тамъ упала, то одинъ изъ полянъ беретъ ее и бросаетъ въ городъ, стараясь попасть въ большую палку, которую выбрасывавшій кладетъ поперекъ ямки. Если полянинъ попадетъ въ палку, то выбрасывавшій тоже лишается права на игру въ эту очередь; если же цурка пролетѣла мимо, не задѣвъ палку, то выбрасывавшій беретъ цурку и кладетъ въ ямку города такъ, чтобы одинъ конецъ ея торчалъ въ воздухѣ и, ставши съ лѣвой стороны ямки, бьетъ палкой по торчащему ея концу. Когда цурка вылетитъ изъ ямки, стоящій у ямки старается попасть по ней палкой и если попадетъ, то идетъ на то мѣсто, гдѣ она упала и снова бьетъ по ней, до трехъ разъ, считая при этомъ, на сколько шаговъ отбилъ цурку отъ города.

Промахъ считается за ударъ. Если кто промахнется всѣ три раза, то лишается права на игру въ эту очередь; если жъ попадетъ, то снова выбрасываетъ, потомъ бьетъ и т. д. Одного смѣняетъ другой и такъ до тѣхъ поръ, пока партія не уйдетъ въ поле.

Чья партія раньше добьетъ до условленнаго заранѣе числа шаговъ, та выиграла. Побѣжденная партія должна провозить на

---

[1]) Терещенко, Бытъ рус. нар., т. 4, стр. 66.

своихъ спинахъ партію побѣдившую, отъ города до выброшенной цурки.

д) *Булка или Бурда.*

Таже игра, что и одноименная съ ней игра въ мячъ; играютъ только «булкой»—деревяннымъ шаромъ.

е) *Школубъ или генъ-генъ.*

Каждый играетъ за себя. Играютъ ножемъ—«колодачемъ». Игра состоитъ въ бросаніи ножа такъ, чтобы онъ воткнулся въ землю. Ножъ при бросаніи берутъ не за ручку, а за лезвіе; бросаютъ съ кулака, съ ладони и головы. Играющіе должны пройдти всѣ условія. Если ножъ не воткнется въ землю, то бросавшій передаетъ его слѣдующему, а когда прійдетъ его очередь, продолжаетъ игру съ того условія, на какомъ остановился. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока останется только одинъ не выполнившій условій; тогда окончившій первымъ беретъ одной рукой *колодачъ*, а другой не окончившаго игрока за волосы и, разставивъ ноги и нагибаясь къ землѣ, говоритъ:

Гена, гена не боюся,
Скильки хочу й наскубуся.
Генъ, генъ!

и съ послѣдними словами бросаетъ колодачъ между ногъ назадъ. Проигравшій долженъ бѣжать за колодачемъ и повторять безъ перерыва: «школубъ, школубъ»... Если онъ этого не выполнитъ, то снова повторяется таже исторія; если же принесетъ колодачъ, говоря безъ перерыва «школубъ», то игра возобновляется снова.

ж) *Тыкало.*

Игра ведется компаніей хлопцевъ и дивчатъ и разсчитана на застѣнчивость послѣднихъ. Играющіе садятся по турецки въ кружокъ. Двое изъ хлопцевъ садятся внутри кружка; одинъ изъ нихъ называется «тыкало», другой «сирай». «Тыкало» беретъ маленькую палочку въ вершокъ длины и, спрятавъ ее въ руку, тычетъ всѣмъ играющимъ подъ сидѣнье. Подъ однимъ изъ нихъ онъ непримѣтно оставляетъ наконецъ палочку—«тыкало».

Когда тыканье окончилось, «сирай» говоритъ:

Сираю, сираю,
По полю ганяю.
Дай, Боже, вгадати,
У Θеклы (напр.) узяти.

и съ послѣдними словами ищетъ «тыкало» начиная съ Θеклы.

У кого онъ найдетъ тыкало, тотъ садится *сирать*, а онъ *тыкать* и игра возобновляется по старому. Если же «сирай» до трехъ разъ «тыкала» не найдетъ, то одинъ изъ играющихъ отводитъ его въ сторону и шопотомъ спрашиваетъ: «кого ты любишъ»? Онъ говоритъ напр.: «Олену». Тогда его подводитъ «тыкало» къ кругу и всѣ въ кружкѣ отгадываютъ, кого онъ любитъ; кто отгадалъ, садится вмѣсто него *сирать* и т. д.

з) *Голый у голого.*

Каждый играющій имѣетъ «кіёкъ»—палку. Всѣ бросаютъ свои «кійки» по одному направленію. Чья палка останется позади другихъ, тотъ «голый» и долженъ подбрасывать свою палку вверхъ, а всѣ остальные попадаютъ въ нее.

Если попадутъ, «голый» снова долженъ бросать и такъ до тѣхъ поръ, пока, бросая въ его палку, не промахнутся; тогда игра начинается снова.

і) *Шапучка.*

Всѣ играющіе становятся врядъ и взявши свои палки за одинъ конецъ, бросаютъ ихъ о землю другимъ, такъ, чтобы палка «пошкопыртала», т. е. пошла колесомъ. Чья палка окажется сзади, тотъ съ сокрушеннымъ сердцемъ снимаетъ свою шапку и бросаетъ ее вверхъ, а остальные попадаютъ въ шапку «кійками»; если попали, шапка бросается снова и такъ до полнаго уничтоженія шапки. Если не попали, что случается рѣдко, то игра возобновляется. Эта веселая игра очень часто кончается слезами, такъ какъ большею частью лицемъ страдательнымъ является какой нибудь подростокъ въ батьковской шапкѣ, для котораго финалъ игры наступитъ дома, когда разгнѣванный родитель увидитъ уныло возвращающееся съ пастовня чадо въ какомъ то подобіи сорочьяго гнѣзда и когда властная рука отца прямо черезъ шапку опустится на чубъ любителя сильныхъ ощущеній.

и) *Шалахва.*

Играющіе сначала «вишкопыртуються», т. е. бросаютъ такъ свои палки, чтобы они пошли колесомъ. Чья «шкопыртка» впереди, тотъ беретъ у всѣхъ шапки и, отнеся ихъ на нѣкоторое разстояніе, кладетъ на землю, положивши предварительно подъ нихъ камни, кизяки и проч.

Положивши шапки, онъ кричитъ: «шалахва!»

Остальные играющіе бросаются съ крикомъ «шалахва» и топчутъ шапки колѣнями.

Это собственно игра—шутка и поигравшій разъ въ «шалахву» другой разъ уже не хочетъ.

к) *Шкареберть.*

Играющіе берутъ палки за одинъ конецъ и, бросивши другимъ въ землю, смотрятъ, сколько разъ палка, идя колесомъ, ударилась о землю концами. Чья больше, тотъ выигралъ.

л) *Шкандыбки.*

Играющіе становятся на колѣни врядъ и «вышкандыбуются», т. е. взявъ палку за одинъ конецъ между пальцевъ, какъ перо, бросаютъ ее нижнимъ концемъ о землю такъ, чтобы палка пошла колесомъ, или «зашкандыбала». Чья палка осталась сзади, тотъ выходитъ какъ бы въ поле «пасты» и стеречь скотину, что производитъ такимъ образомъ: беретъ свою палку и, отмѣривши отъ колѣнъ сидящихъ двѣ ея длины, проводитъ параллельно ихъ черту по землѣ, что называется «плазъ». На «плазъ» онъ кладетъ свою палку. Сидящіе должны, «шкандыбая» своими палками, попасть по палкѣ, лежащей на «плазу». Кто не попалъ или попалъ послѣднимъ, тотъ идетъ за пастуха, а прежній пастухъ идетъ на его мѣсто и садится врядъ съ остальными игроками.

Если всѣ играющіе попали затѣмъ въ палку «на плазу», то палка переносится дальше въ поле и кладется у конца найболѣе перескочившей палки и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не загонятъ палку «плаза» такъ далеко, что уже никто попасть не можетъ. Тогда пасущій беретъ палки и, садясь на первый «плазъ», попадаетъ «шкандыбая» въ палку послѣднаго плаза. Чьей палкой попадетъ, тотъ будетъ пасть и игра начинается снова.

м) *Шуль.*

Играющіе становятся врядъ, вымѣрявшись предварительно на палкѣ. Чья рука оказалась сверху на концѣ палки, тотъ бросаетъ свою палку впередъ шаговъ на пять, а остальные «шулятъ» подъ нее, т. е. бросаютъ свои палки такъ, чтобы одинъ ихъ конецъ подсовывался подъ брошенную палку. Бросая свои палки, кричатъ: «цуръ на товщій!» или «цуръ на тоньшій кинець»! Кто отгадалъ, тотъ имѣетъ право «шулить» столько разъ, сколько рукъ въ томъ концѣ, который онъ цуралъ. Кто не «зашулить», тотъ идетъ въ поле вмѣсто бросавшаго свою палку для подшуливанья, а не подшулившій идетъ вмѣсто него въ поле.

н) *Скракли* [1]).

Игра въ скракли сходна съ игрой въ кегли. Играющихъ можетъ быть двѣ, три и больше паръ. Раздѣляясь на двѣ равныя партіи, устраиваютъ въ разстояніи шаговъ двадцати другъ отъ друга два города отъ $1^1/_2$ до 2-хъ аршинъ въ квадратѣ, очерчивая палкой мѣсто на землѣ. Тогда каждая партія въ чертѣ своего города укладываетъ на землѣ скракли, или круглыя продолговатыя (не свыше $^1/_2$ аршина) палочки такимъ образомъ: одна кладется по фронту города, двѣ другія на край первой, четвертая ставится внутрь стоймя, пятая кладется на концы 2-й и 3-й и поддерживается четвертой.

Играющіе, стоя у своего города, по очереди бросаютъ палки въ городъ противника, стараясь выбить оттуда его скракли. Иногда одинъ ловкій и сильный ударъ выбиваетъ изъ города всѣ пять скраклей, но это случается очень рѣдко; когда же скракли только разбиты и лежатъ плашмя, выбивать ихъ трудно и игра затягивается. Случается, что выбитый скраколь ляжетъ на чертѣ города; тогда его ставятъ тамъ же на чертѣ стоймя и онъ, по одиночеству своему, называется «чернець». Такого чернеца своевать уже не трудно. Вѣрность прицѣла, твердость руки рѣшаютъ побѣду. Партія

---

[1]) Терещенко, Бытъ русск. нар. т. 4 стр. 64. Чубинскій, т. Ш. стр. 97.

раньше выбившая скракли изъ противнаго города считается выигравшею; проигравшіе должны везти побѣдителей на собственныхъ спинахъ три раза отъ города до города.

Это очень интересная и любимая взрослыми игра. Въ «Віѣ» Гоголь упоминаетъ объ ней: «За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу или (с)краг(к)ли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ» и т. д.

о) *Палочки, короли.*

Это малорусскія бирюльки. Нарѣзываютъ изъ лозы 36 палочекъ одинаковой длины (2—3 вершка), но не одинаковой толщины; изъ нихъ на 4 болѣе толстыхъ срѣзывается кожа по краямъ и въ серединѣ, а на 8-ми средней толщины лишь по краямъ, остальныя 24 вовсе не нарѣзываются и считаются рядовыми, тогда какъ первые называются королями, а вторые валетами или десятниками. Играютъ вдвоемъ. Начинающій беретъ въ руку всѣ палочки и сжавъ ихъ крѣпко, быстро выпускаетъ на столъ, отъ чего они, падая, ложатся одна на другую, образуя кучку. Задача игры въ томъ, чтобы вытаскивать палочки изъ кучи заостреннымъ и загнутымъ перомъ, но такъ, чтобы ни одна изъ сосѣднихъ не шевельнулась, въ противномъ случаѣ перо передается въ руки другаго. У кого въ концѣ игры оказалось больше очокъ, тотъ выигралъ. Нѣкоторые игроки пріобрѣтаютъ удивительную ловкость въ этой игрѣ.

п) *Паци.*

«Паци»—тѣ же великорусскія бабки. Игра ведется на косточкахъ свиныхъ ногъ и процессъ игры весь тотъ же, только названіе косточекъ мѣстное, отъ слова *пація*, употребляемаго для названія маленькихъ поросятъ.

IV. Игры «Зборная дружина».

а) *Коромысло.*

Двое дѣтей, ставши одинъ къ другому спиной, переплетаются руками и начинаютъ нагибаться, отчего ноги то одного, то другого болтаются въ воздухѣ.

б) *Рипка.*

Двое дѣтей, оборотившись лицомъ одинъ къ другому и поставивши ноги вмѣстѣ, берутся за руки, и, отклонившись корпусомъ на длину вытянутыхъ рукъ, начинаютъ быстро кружиться.

в) *Таранъ.*

Одинъ играющій становится «ракомъ», а два другіе, взявъ третьяго за руки и ноги и раскачавъ, бьютъ имъ стоящаго ракомъ; тотъ летитъ кубаремъ и т. д.

г) *Шуба.*

Нѣсколько мальчиковъ ловятъ по выбору одного и, растянувши его въ воздухѣ за руки и ноги, начинаютъ качать его и при этомъ пѣть:

Шубо жъ моя, шубо!
Треба тоби рукавчата пришить,
Треба тоби латку налатать... и т. д.

д) *Перевозить бабу.*

Играютъ у берега рѣки или пруда. Бросаютъ камешки такъ, чтобы они пошли по водѣ рикошетомъ. Сколько камень или черепокъ сдѣлалъ скачковъ, столько бросавшій «перевизъ бабъ».

е) *Пукалка.*

Изъ гусинаго пера отрѣзывается трубочка, трубочку эту втыкаютъ въ ломоть картофеля, отчего трубочка закупоривается.

Заостренной палочкой проталкиваютъ одну картофелину къ другому концу, воздухъ въ трубочкѣ сжимается и выталкиваетъ другую картофельную пробочку съ характернымъ звукомъ, отъ котораго и трубочка получила свое названіе.

Пукалки дѣлаютъ и изъ толстой бузины, но тогда стрѣляютъ изъ нихъ мокрыми пробками изъ клочковъ.

Мальчики, вооруженные пукалками, раздѣлившись на двѣ партіи, ведутъ войны.

ж) *Сикавка.*

Сикавки вырѣзываются также изъ бузины или изъ георгинъ

къ такой незамысловатой трубкѣ придѣлывается поршень и съ помощію его выбрасывается наружу налитая внутрь вода.

Партія дѣтей, вооруженная такими инструментами, обрызгиваетъ противную партію водой.

з) *Плести лозу.*

Дѣти становятся въ два ряда, лицомъ къ лицу. Всѣ пары vis-à-vis берутся за руки. Крайняя пара проходитъ подъ руками всѣхъ и становится съ противоположнаго конца, за ней идетъ слѣдующая, за ней слѣдующая и т. д. Это подражаніе выплетанію изъ лозы какой нибудь вещи.

и) *Довга лоза.*

Собравшіеся для игры мальчики, ставъ другъ отъ друга на разстояніи 2—3 шаговъ, ложатся вдоль улицы параллельно одинъ другому. Крайній подымается и бѣжитъ, перепрыгивая черезъ каждаго, и за крайнимъ ложится. За нимъ бѣжитъ другой, затѣмъ слѣдующій и т. д. Иные, играя въ «довгу лозу», не ложатся, а становятся, согнувшись въ поясницѣ. Такая игра называется еще «Скраколь»; но само собою разумѣется, что перепрыгивать чрезъ стоящаго, хотя и согнутаго, гораздо труднѣе.

і) *Сухій вовкъ.*

Нѣсколько мальчиковъ набрасываются на одного и, поваливши его на землю, пригибаютъ ему ноги къ головѣ; это называется «загинать сухого вовка».

к) *Мала куча.*

Когда соберется толпа молодежи, кто нибудь одинъ, крикнувши: «мала куча!» валитъ своего сосѣда на землю. Остальные подхватываютъ крикъ: «мала куча!» и со смѣхомъ валятъ одинъ другаго на перваго, пока не навалятъ кучи. Тогда самый здоровый наваливается поверхъ всѣхъ и своею тяжестію не даетъ кучѣ разползтись.

л) *Тисна баба, или давить олію.*

Это болѣе школьная забава и стостоитъ въ томъ, что сидящіе по краямъ скамьи школяры, перемигнувшись между собою, вдругъ съ обоихъ концовъ начинаютъ тѣснить товарищей къ срединѣ

скамьи, при чемъ каждый старается ногами упереться во что нибудь неподвижное, какъ стѣна или сосѣдняя скамья. Застигнутые въ расплохъ товарищи сдавливаются до того, что невозможно ни встать, ни пошевельнутся, а иногда и дышать даже трудно.

м) *Куца баба, Ци-ци баба* [1]).

Это тоже, что жмурки. Одному изъ играющихъ завязываютъ глаза и онъ «куца баба». Куца баба должна поймать кого нибудь изъ играющихъ. Кого поймаетъ, тому завязываютъ глаза. Играютъ въ хатѣ.

н) *Квачъ.*

Играющіе становятся въ кружокъ и по очереди плюютъ въ сложенные кольцомъ пальцы. Кто плюнетъ удачно, тотъ показываетъ руки и говоритъ: «чисте, якъ золото», Кто плюнетъ себѣ на палецъ, тому всѣ кричатъ: «квачъ»! Онъ гоняется за всѣми играющими и кого ударитъ, тотъ «квачъ». «Квачъ» бываетъ «простый», «деревяный» и «зализный». Это значитъ, что убѣгающему отъ квача можно ухватится за желѣзо или дерево, и тогда «квачъ» не имѣетъ права ударить.

о) *Горилки.*

Общеизвѣстная игра въ горѣлки. Играетъ нечетное число дѣвочекъ. Одна становится впереди—«горитъ», а остальныя, взявшись за руки парами, располагаются за ней.

Стоящая впереди говоритъ:

Горю, горю ясно, щобъ не погасло!

Задняя пара, при послѣднихъ словахъ, разнимаетъ руки и бѣжитъ, стараясь соединиться впереди горящей. Горящая ловитъ; которую поймаетъ, та будетъ пара. Не имѣющая пары будетъ горѣть.

п) *Кони.*

Въ «кони» играютъ всевозможнымъ образомъ. Коней изображаютъ и палочки, и сами играющіе. Тутъ дѣти продѣлываютъ все, что дѣлаютъ взрослые съ настоящими лошадьми.

---

[1]) Терещенко, т. 4, стр. 30.

р) *Ковзалка, Репалка.*

Оба эти названія обозначаютъ въ сущности одну и туже игру. Ковзалка и репалка состоятъ одинаково въ катаньѣ по льду, не на конькахъ, конечно, а на собственныхъ сапогахъ, подбитыхъ гвоздями съ острыми головками и замѣняющихъ съ большимъ удобствомъ коньки. «Ковзаются» обыкновенно мальчики цѣлыми компаніями. Дѣлается это совершенно просто: на пруду или рѣчкѣ расчищаютъ на льду дорожку и скользятъ по ней съ разбѣгу ногами. На «репалку» собираются парубки и дивчата, берутся за руки и бѣгаютъ или скользятъ парами по свѣже-замерзшей рѣкѣ. Подъ тяжестью катающихся ледъ трескается или «репается», отсюда и названіе игры.

с) *Спускалка.*

Дѣтская забава, какъ и «ковзалка». Ребятишки катаются или спускаются съ горы на саночкахъ, дощечкахъ, лубкахъ и такъ называемыхъ «ковганкахъ», устраиваемыхъ изъ коровьяго «кизяка», облитаго съ одной стороны водой и замороженнаго.

т) *Крутилка.*

Въ прорубь опускаютъ колъ и, когда онъ обмерзнетъ, на него надѣваютъ старое колесо. Къ спицамъ колеса привязываютъ длинный шестъ, а къ концу онаго саночки. Отважные садятся въ саночки, а другіе вертятъ колесо, отчего саночки летаютъ вокругъ кола съ большой быстротой. Игра небезопасная; катающіеся опрокидываются и набиваютъ носы и лбы.

у) *Гуси* [1]).

Всѣ играющіе «гуси», а одинъ «вовкъ». Гуси изъ своей среды выбираютъ матку.

У гусей два города и они перебѣгаютъ изъ одного въ другой къ маткѣ.

---

[1]) Терещенко, „Бытъ русск. народа“, т. 4, стр. 15—18.

«Вовкъ» располагается между городами и ловитъ перебѣгающихъ гусей.

Матка и гуси стоятъ въ разныхъ городахъ. Матка переговаривается съ гусями:

— Гуси до дому! кричитъ она.

— Чого? спрашиваютъ гуси.

— Вовкъ за горою.

— Якій?

— Сирый, билый та волохатый, та тикайте швидче до хаты.

Гуси бѣгутъ, а волкъ ихъ ловитъ.

Когда всѣ гуси переловлены, матка идетъ къ волку и спрашиваетъ:

— Чи ты не бачивъ моихъ гусей?

— Ни, мычитъ волкъ.

Гуси окликаются, гергочуть.

— А то щожъ гергоче? спрашиваетъ матка.

— То дивчата ложки мыють, отвѣчаетъ волкъ.

Матка отходитъ и, возвратившись, снова спрашиваетъ волка: чи ты не бачивъ моихъ гусей? и т д., до тѣхъ поръ, пока матка услышитъ герготанье гусей. Тогда она окликаетъ вновь.

— Гуси, гуси, чи вы тутъ?

— Ге, ге, ге.... отвѣчаютъ гуси и бѣгутъ за маткой. Игра возобновляется по старому.

ф) *Воронъ* [1]).

Играющіе выбираютъ матку—ворона.

Дѣти, обыкновенно дѣвочки, берутся за талію одна другой, образуя сзади матки «ключъ».

«Ключъ» съ маткой во главѣ подходитъ къ ворону, который копаетъ ямку. Матка спрашиваетъ его.

— Вороне, вороне, що ты робишъ?

— Яму копаю.

— Для чого?

— Грошей шукаю.

---

[1]) Маркевичъ, Обычаи и пр., стр. 71; Чубинскій, т. III, стр. 73; Терещенко, т. IV, стр. 96.

— На що тоби гроши?
— Голку купить.
— На що тоби голка?
— Мишокъ пошить.
— На що тоби мишокъ?
— Соли купить.
— На що теби силь?
— Солить та золить.
— Що солить и золить?
— Очи.
— Кому очи?
— Дитямъ, щобъ вони морквы (капусты, гороху) не рвали, не топтали..

Съ послѣдними словам воронъ бросается на «ключъ», стараясь поймать послѣднюю, которая вмѣстѣ съ «ключемъ» прячется за матку. Когда весь «ключъ» переловленъ, игра начинается снова.

х) *Котики.*

Играющіе дѣлаютъ городъ и вырѣзываютъ по числу играющихъ, безъ одного, такое же количество кусочковъ дерну съ землей. Оставшемуся безъ «котика», кусочка дерна, всѣ котики складываютъ «у припилъ», его самаго ведутъ съ завязанными глазами въ кусты, гдѣ онъ складываетъ котики. Когда котики спрятаны, его подводятъ къ городу и рязвязываютъ глаза. Относившій котиковъ ищетъ ихъ и когда найдетъ, то забираетъ въ руки и, гоняясь за остальными играющими, бросаетъ въ нихъ котиками. Въ кого попадетъ, тотъ будетъ искать котика и игра возобновляется.

ц) *Сучка* [1]).

Къ вбитому въ землю колу привязываютъ поясъ. Одинъ играющій «сучка». Онъ беретъ одной рукой конецъ привязаннаго къ колу пояса, а въ другую руку джгутъ, сплетенный изъ полотенца. Всѣ играющіе кладутъ свои шапки по окружности около кола. Игра состоитъ въ томъ, чтобъ выхватить свою шапку, не подвергаясь удару джгута. Кого «сучка» ударитъ, тотъ становится на

[1]) Терещенко, т. 4, стр. 20.

мѣсто ея, а сучка идетъ въ поле. Игра продолжается до безконечности.

ч) *Кулачки.*

Объ этой дикой, несомнѣнно заимствованной, забавѣ взрослыхъ сохранились лишь воспоминанія. Героическія времена кулачекъ, когда десятками выносили избитыхъ до полусмерти, давно миновали и если еще гдѣ удержались кулачки, то это только тѣнь прежнихъ. По издавна установившейся традиціи, кулачки въ городахъ и мѣстечкахъ происходили всегда на Рождество Христово и между одними и тѣми-же кутками или частями города. Въ Переяславѣ кулачки происходили на рѣкѣ Альтѣ между «Заильтицею» и «Спасчиною», лежащими на двухъ противоположныхъ берегахъ прославленной гетманомъ Тарасомъ Трясиломъ рѣки. Къ «спасчанамъ» присоединялись «козы» (семинаристы), а «заальтяне» сплошь состояли изъ «чинбарей», или кожевниковъ, въ насмѣшку называемыхъ «котолупами».

Мнѣ разсказывали объ одномъ героѣ кулачекъ, козакѣ м. Песчаного, Балабанѣ. Кулачки происходили между «мистомъ» и «замистямъ» на «Чернечій гребли», такъ какъ ледъ на Супоѣ былъ тонокъ и ломался подъ ногами. Уже не знаю, къ какому кутку принадлежалъ Балабанъ, но только въ то время участія въ кулачкахъ не принималъ, а сидя подъ гостепріимнымъ кровомъ Берка, «кружлявъ горилочку», какъ то и подобаетъ солидному домохозяину. Въ это время противники однокутчанъ Балабана, располагая большими силами, налегли на нихъ и Ѳермопилы готовы были пасть. Бросились за Балабаномъ. Въ немъ проснулса герой. Онъ выскочилъ стремительно, надѣвая на ходу рукавицы.

Когда онъ приблизился, его однокутчанъ уже погнали.... Съ нечеловѣческимъ, дикимъ воплемъ ринулся Балабанъ на встрѣчу своимъ и чрезъ разступившуюся толпу обрушился, съ нѣсколькими повернувшими вслѣдъ за нимъ смѣльчаками, на противника; противникъ дрогнулъ и побѣжалъ. Но силы были не равны, не всѣ поддержали и Балабанъ съ горстью храбрецовъ долженъ былъ отступить. Не смотря на то, что сдерживалъ на себѣ всю тяжесть насѣдавшаго врага, онъ отступалъ медленно, шагъ за шагомъ, да-

вая сдачи насѣдавшимъ.... Была груда. Балабанъ оступился и упалъ, и хотя лежачаго не бьютъ,—ему порядочно помяли бока.

Но время кулачекъ миновало.....

Мнѣ едва-ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мною мѣстности; но и записанное прибавитъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ общей картинѣ малорусской деревенской жизни.

Изслѣдователи стараго строя народной жизни должны торопиться собираніемъ замѣтокъ и о такихъ ея бытовыхъ сторонахъ, какъ описанныя забавы и игры. Въ селахъ уже начинаетъ замѣчаться такое же отношеніе къ играмъ, какъ и къ обычаямъ, пѣснямъ и проч.

С. Н. Исаевичъ.

СЛѢДЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИМП. ПЕТРА I. СЪ САВВОЮ РАГУЗИНСКИМЪ.

Въ описи бумагъ графовъ Владиславичей-Рагузинскихъ, составленной въ 1750 г. подполковникомъ Зиновьевымъ и бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Туровскимъ, вслѣдствіе возникшей тяжбы между Ефимомъ и Моисеемъ графами Владиславичами о наслѣдованіи имѣнія, оставшагося послѣ смерти брата ихъ Гавріила, сохранились слѣды переписки, которую велъ императоръ Петръ I съ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ. Переписка эта характеризуетъ отчасти дѣятельность обоихъ и ихъ взаимныя отношенія. Приводимъ свѣдѣнія о ней въ томъ видѣ, какъ передаетъ ихъ опись.

1. *1716 года сентября 8 дня.* Письмо изъ Копенгагена отъ государя блаженныя памяти Петра перваго съ подтвержденіемъ, чтобы достать въ Венеціи такого майстера, которой умѣетъ дѣлать якори, какіе употребляются на полугалерахъ и на протчихъ греческихъ судахъ, при которомъ письмѣ копія письма его величества приложена: о покупке мраморныхъ штатуевъ лучшаго майстерства 12-ти, въ ростъ цѣлого человѣка.

2. *1716 года, 24 сентября.* Письмо изъ Копенгагена до Сави Рагузинскаго съ подтвержденіемъ, дабы подрядъ сдѣлалъ зъ Италіи въ городъ Санкт-Пететбургъ тридцати штатуовъ, въ томъ числѣ поясныхъ десять, на которомъ подпись царицы Екатерины.

3. *1716 года, ноября 17 дня.* Письмо изъ Гавеляръ отъ государя блаженныя памяти Петра перваго до Сави Рагузинскаго, дабы на нѣкоторыя покупки денегъ сотъ шесть или семь ефимковъ агенту Беклемишеву, который живетъ въ Венеціи, видалъ, на которомъ подпись государева.

4. *1716 года, декабря 12 дня.* Письмо отъ государя блаженной памяти Петра перваго изъ Амстердама съ требованіемъ, дабы для украшенія церкви разныхъ цвѣтовъ въ какую цѣну бѣлаго и чернаго простова мрамору проведалъ цены и якъ поскорея отрепортовалъ.

Къ 1716 году относятся еще и письма къ Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, писанныя извѣстнымъ секретаремъ Петра I Макаровымъ, какъ-то.

5. *1716 года, 17 іюля.* Письмо къ Саввѣ Рагузинскому отъ А. Макарова съ объявленіемъ, дабы по указу его величества въ Италіи купилъ раковинъ, которыми убираютъ гроти.

6. *29 іюля.* Въ вышеписанной силѣ, при которомъ (т. е. письмѣ) и обрисъ приложенъ.

7. *8 сентября.* Съ объявленіемъ, что войска россійскіе сюда перевезлись и что непрестанныя имѣетъ коммиссіи.

8. *18 сентября.* Съ объявленіемъ, что дѣла здѣшнія отмѣняются съ поздаго ради осенняго времени; десантъ въ Шони отлагаютъ до будущей весни, причиною въ томъ нихто другіе, токмо самъ государь датченъ, для того замешкали транспортные суда, и о протчемъ.

9. *14 декабря.* Съ объявленіемъ, что его царское величество изволилъ сюда въ Амстердамъ прійти сего мѣсяца въ 7 день благополучно. Къ празднику Рождества Христова ожидаетъ сюда и царицу государыню, и о прочихъ оказіяхъ.

10. *21 декабря.* Съ объявленіемъ, что, кто у его будетъ опредѣленъ для пріему у городи и отправленія въ Италію смоли и воску и какъ его увѣдомить о отпускѣ товаровъ, указы посланы.

11. *1717 года, февраля 1-го дня.* Отъ государя блаженной памяти Петра I изъ Амстердама до Сави Владиславича съ требованіемъ, дабы наготовили доволное число марморовыхъ, бѣлихъ и черныхъ, плитъ разныхъ мѣръ, фута по два и по полтора въ квадратѣ, которые употребляются въ домахъ на поли, и прислать въ Петербургъ, и съ объявленіемъ, что издержанные имъ на разныя потребности деньги 2,363 руб. велѣно кореспондентамъ ему Савѣ возвратно отдать, и о прочемъ.

12. *1717 года, февраля 6 дня.* Изъ Амстердама съ надписаніемъ «Мейн-геръ», съ объявленіемъ, что о дачѣ смоли на корабли

князю Меньшикову указъ посланъ, и съ предложеніемъ, дабы поискалъ деревъ 100 или болѣе лавровъ да крона, два фута высоты, или четверти двѣ было, какіе прислалъ бы въ Петербурхъ, и о протчемъ.

13. *1717 г., 15 февраля.* Изъ Амстердама съ надписаніемъ именнымъ, съ требованіемъ, дабы проискавъ майстера, который идулы (идолы) дѣлаетъ, прислалъ бы, также и книгу бакачаялинову (Бокаччіо), ежели возможно, чтобы перевесть на словѣнскій языкъ, и о прочемъ.

14. *1717 г. февраля 15.* Изъ Амстердама съ надписомъ «меморія», съ требованіемъ, дабы при отправленіи корабля на томъ же кораблѣ прислалъ дерева лавровые сто или больше, да крона, два фута высоти.

15. *1717 г., марта 19.* Отъ государыни къ надворному совѣтнику Савѣ Рагузинскому, съ требованіемъ, жебы какіе дамскіе уборы и протчее провѣдавъ что новое, хотя по одной штучкѣ для пробы прислалъ бы.

16. *1717 г., марта 24.* Изъ Ротердама отъ государя, на которомъ написано тѣмъ государемъ: «Какъ скорѣе возможно пріѣзди въ Парижъ для свиданія».

17. *1717 г., мая 28.* Изъ Парижа отъ государя, въ которомъ написано съ подтвержденіемъ, дабы переводъ сдѣлалъ въ Венецію къ агенту Беклемишеву на оплату долга его, и что онъ занялъ тамъ на пропитаніе гардемариновъ 2050 червоныхъ, точно будетъ заплочено кореспонденту.

18. *1717 г., іюня 9.* Изъ Парижа, въ которомъ государь пишетъ: Monsieur, съ объявленіемъ, дабы для оставленныхъ ради обученія языка Аврааму Дочереву, при которомъ оставить кредиту кореспондента, который бы ему давалъ на ихъ содержаніе по 4 ефимка, какіе будутъ заплочены обратно въ Москвѣ или въ Петербурге.

19. *1717 г., августа 21.* Изъ Амстердама, въ которомъ написано: Monsieur, съ подтвержденіемъ, дабы къ отправленному въ Италію Юрію Кологриву для найму нѣсколько человѣковъ художниковъ и покупки нѣкоторыхъ вещей и когда онъ на тѣ покупки или наемъ людей будетъ требовать денегъ, то ему давать по его письмамъ, которые будутъ уплачены на Москвѣ.

20. *1717 г., сентября 13 дня.* Изъ Берлина отъ государя съ надписью: Monsieur, съ предложеніемъ, дабы отправленные товары на кораблѣ, ежели онѣ въ скорости не продадутся, о тѣхъ, учиня по совѣту съ агентомъ Беклемишевымъ, репортовать.

Въ дополненіе къ этимъ письмамъ Петра I, въ описи находятся слѣдующія письма Макарова, относящіяся къ 1717 году:

21. *1717 г., января 7.* Письмо къ Савѣ Владиславичу отъ Александра Макарова, съ прошеніемъ, дабы посланному въ Италію ради обученія иностраннаго языка Ивану Алексѣеву сто или двѣсти червоныхъ онъ, Сава Владиславичъ, выдалъ ради его необходимыхъ нуждъ, которые онъ, Макаровъ, имѣетъ уплатить его Владиславича кореспондентамъ.

22. *1717 г., февраля 11.* Съ прошеніемъ, дабы того листоподателя Самарина въ своей милости содержалъ бы и въ протчемъ его прошеніи спомоществованіе чинилъ, и при томъ письмѣ приложены два листа съ разныхъ его Макарова представленій.

23. *1717 г., марта 5.* Съ объявленіемъ, что якорныхъ дѣлъ майстеръ уже пріѣхалъ, и по его Савы Владиславича рекомендаціи помянутаго *(пробѣлъ)* на откупъ и сплѣку его фамиліи царское величество пожаловалъ четыре тысячи рублей.

24. *1717 г., февраля 18.* Съ объявленіемъ, что о фрегате Армонте, что отсюда для нагрузки вашихъ товаровъ зайдетъ въ Ливорно, указъ посланъ къ г. послу князю Куракину, съ того для извѣстія при томъ письмѣ копію сообщаетъ.

25. *1717 г., марта 10.* Съ объявленіемъ, что юхта нынѣ уважена по случаю, но развѣ что нѣкоторая часть ей взята будетъ на его царское величество, и какъ то состоится, и впредъ увѣдомлять не оставитъ.

26. *1717 г., апрѣля 11.* Съ объявленіемъ, что о юхте е. в. извѣстенъ, однакожъ извѣстить о томъ обстоятельствѣ и отписать, коликое число будетъ со всей той юхти всѣхъ денегъ выручки и по чемъ за пудъ на харчи очистится, и о протчемъ.

27. *1717 г., мая 1.* Съ объявленіемъ, что писаное отъ него Владиславича къ Юрію Кологривому прошеніе не оставитъ, и о протчемъ.

28. *1717 г., мая 5.* Съ объявленіемъ, что его величество указалъ отправить изъ Венеціи въ Ливорно катеръ для забратія тамъ всѣхъ вещей, которые покупилъ онъ, Владиславичъ, и о протчемъ.

29. *1717 г., мая 9.* Съ объявленіемъ, что взятіе Юріемъ Кологривымъ на нѣкоторыя покупки 6,000 ефимковъ будутъ въ скорости кореспондентамъ Савы Владиславича отданы.

30. *1717 г., іюля 20.* Объ отдачѣ племяннику Савы Владиславича въ счетъ долга 4,000 рублей.

31. *1717 г. сентября 12*—съ объявленіемъ, что о юфтовыхъ деньгахъ указы будутъ присланы къ нему, Савѣ Владиславичу и Беклемишеву, и о расходахъ на разные государственныя потребности изъ оныхъ денегъ.

32. *1717 г. сентября 15.* Съ объявленіемъ, что о расходѣ денегъ юфтовыхъ уже указы посланы, за которые покупить посуды серебрянной гишпанской, которую покупя прислать въ Голандію къ послу князю Куракину, и о протчемъ.

23. *1717 г., окт. 3.* О цѣнѣ веревокъ, которые состоятъ въ адмиралтействѣ, со всею работою по 1½ рубля за пудъ, а берковецъ 15 р.

34. *1717 г., октября 13.* Изъ Петербурха съ объявленіемъ, что посланы имѣютъ быть къ Юрію Кологривому деньги, числомъ до 30,000 ефимковъ, ради нѣкоторыхъ потребностей, и о протчемъ.

35. *1718 г., января 26 дня.* Треплѣкатъ (указа именного) съ подтвержденіемъ, дабы въ Римѣ съ будучими двомя каменщиками, кои главные майстеры по письмахъ его милости приговорены въ службу, одинъ за 500 руб., другой за (пробѣлъ) руб. на годъ, контракты учинили, потомъ рапортовали бы.

36. *1718 г., апрѣля 18 дня.* Письмо отъ государя изъ Берлина, въ которомъ написано: Monsieur, съ объявленіемъ, что по письму Юрія Кологривого, что въ Римѣ штатуй гораздо дешевою ценою которыхъ мочно купить, для того, по первымъ переводнымъ деньгамъ на вексель 5,000 ефимковъ, послано нынѣ къ нему черезъ капитана командира Кнаевича 7,000 руб. по предъявленію, и о протч. (при которомъ и дупликатъ).

37. *1718 г., 7 апр.* Треплѣкатъ въ вышеписанной силѣ.

38. *1718 г., іюня 7.* Письмо отъ государя изъ Петербурха, въ которомъ въ горѣ (въ верху) написано: Monsieur, по письму его, за проданную юфту деньги перевести на ефимки, и при томъ дупликатъ.

29. *1718 г., августа 13.* Письмо отъ государя къ Савѣ Владиславичу съ требованіемъ, дабы постарался, какъ возможно, прислать чертежа и деревяную модель генуэзскимъ галерамъ и ежели можно, то и мастера нанять.

30. *1718 г., августъ.* Письмо отъ государя изъ Петербурха съ надписаніемъ: Monsieur, съ требованіемъ, дабы майстера галернаго дѣла отправить въ Венецію моремъ, а зъ Венеціи до Петербурха сухимъ путемъ.

31. *1719 г., августа.* Письмо изъ СПБ. отъ государя съ предложеніемъ Савѣ Владиславичу, дабы, заключа контрактъ зъ каменщиками, которые майстера годные на два года въ службу, такихъ найскорѣе присылать по сухому пути въ Петербурхъ, при чемъ и дупликатъ въ той-же ролѣ.

32. *1719 года, 6 февраля.* Письмо къ Савѣ Владиславичу отъ Александра Макарова съ объявленіемъ, что его царское величество, также и ея величество государыня царица при олонецкихъ минеральныхъ водахъ, за помощью Божіею, обрѣтаются здрави и какъ можно видѣть, что оные воды его царскому величеству гораздо дѣйствительнѣе будутъ, и о протчемъ.

33. *1719 г., 12 февраля.* Съ объявленіемъ, что Алексѣю Юрьеву и Авраму Аѳанасьеву его величество указалъ, дабы онъ, Владиславичъ, до ихъ тамошняго житья по 400 рублей русскою монетою выдавалъ, да что и на прошедшіе 1717 и 1718 годы въ помянутое число 400 не достало, то оные имъ отдать ради ихъ необходимости.

34. *1719 г., 31 іюля.* Съ объявленіемъ, что генералъ маіоръ Лесли имѣлъ баталію съ шведами и оныхъ побилъ у Желѣзныхъ Заводовъ.

35. *1719 г., 4 сентября.* Съ объявленіемъ, дабы онъ, Владиславичъ, прислалъ щетъ о всѣхъ расходахъ, которые были изъ денегъ, полученныхъ за юфтъ.

36. *1719 г., 1 декабря.* Съ объявленіемъ, что пущенное отъ Владиславича письмо, съ присылкою щета за юфть, получено и доложено царю.

37. *1719 г., 22 декабря.* О наймѣ для его величества въ Венеціи живописца и о скорѣйшей его высылкѣ.

38. *1720 г. февраля 22 дня.* Письмо за его царскою рукою, писанное съ Санкт Петербурха, въ которомъ написано: Monsieur,

съ предложеніемъ, даби зъ Риму статую Венуса висвободили, а какъ освобоженъ будетъ, то о томъ какъ найскорѣе репортовалъ (при томъ дупликатъ).

39. *1720 г., февраля 27.* Трепликатъ съ Санкт-Петербурха до надворнаго совѣтника Рагузинскаго съ объявленіемъ, дабы въ пріемѣ статуй стараніе свое приложилъ, а объ отправленіи отъ Ливорно до Амстердама на то резолюція въ указѣ.

40. *1720 г., 8 августа.* Письмо государя съ Петербурха, съ надписью: Monsieur, съ объявленіемъ, что генералъ князь Голицынъ непріятелей самихъ, такъ и ихъ кораблѣ засталъ въ Лотеланскихъ гаваняхъ и тамо съ ними учинилъ драку, съ коего четыре фрегата отъ ихъ взялъ, и о томъ дабы въ народѣ всюда публиковалъ.

41. *1720 г., 15 августа.* Письмо отъ государя съ Петербурха съ предложеніемъ, дабы статуя Венуса съ Ливорны при Іосифу Франки, который разные языки доволно вѣдаетъ, такъ и другіе вещи мраморовые можетъ отправить въ Голландію, и при томъ приложенъ дубликатъ и трипликатъ такой же и копія изъ грамоты кардиналу Доболи.

42. *1720 г., 11 сентября.* Письмо отъ государя изъ С.-Петербурха: Monsieur, съ подтвержденіемъ, дабы взятія шведскія фрегати Вестъ-Сюндъ вести и какъ оние ишли, также предводители...

43. *1720 г., февраля 5.* Письмо отъ государя, а именно Monsieur, съ предложеніемъ, дабы посланнымъ мастерамъ, именно: Петру Салуци и Матвѣю Ларети, въ той силѣ, для покупки статуй у князя Массовскаго и для подряду на мраморовые ступенѣ дано было-бъ тысячь двѣ или три ефимковъ за подпискою.

44. *1720 г., сентября 8.* Письмо отъ государя къ Савѣ Владиславичу съ поздравленіемъ, что августа въ 30 день съ шведами вѣчный миръ заключенъ.

Годовъ и чиселъ не имѣющія письма государя:

45. *Письмо, а къ кому не означено.* Съ предложеніемъ, дабы къ Савѣ Владиславичу, по требованію его, послано было смолы числомъ 1,000 бочекъ.

46. *Письмо государя,* на которое написанъ трипликатъ къ Савѣ Владиславичу, съ подтвержденіемъ, дабы прежде чертежа деревянныя части генуезскихъ галеръ прислалъ, а между тѣмъ майстера пріискалъ.

Болѣе въ описи бумагъ, относящихся до личныхъ сношеній въ эти годы императора Петра I и его кабинетъ-секретаря Макарова съ Саввою Рагузинскимъ, мы не нашли, но опись за это время (1716—1720 г.) даетъ богатый матеріалъ относительно торговой дѣятельности Рагузинскаго за границею по поставкѣ не только ко двору, по порученію государя, статуй, мрамора, раковинъ, мастеровъ, образцевъ кораблестроенія и пр., а государынѣ дамскихъ уборовъ, но и на армію, на флотъ, на монетный дворъ и окружавшимъ государя вельможамъ массы всевозможныхъ товаровъ, причемъ, по поводу послѣднихъ, впослѣдствіи было много переписки съ таможнями русскими, вслѣдствіе неуплаты Рагузинскимъ пошлинъ.

(Извлечено изъ описи, находящейся въ домашнемъ архивѣ княгини М. П. Долгоруковой въ с. Великой Топалѣ, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи).

А. Лашкевичъ.

ПАНЕГИРИКЪ КОЧУБЕЯМЪ.

(I-й половины XVIII в.)

Южно-русская литература XVIII в. необычайно богата всякого рода піитическими произведеніями, въ громадномъ большинствѣ неизданными и обреченными на безслѣдную гибель. Если-бы собрать все то, что по этой части хранится въ общественныхъ и особливо частныхъ библіотекахъ и архивахъ, то составились-бы, кажется, не только десятки, но и сотни томовъ. Виршеписаніе—болѣзнь нашихъ предковъ XVIII в. На него убивалась масса времени въ школахъ, оно примѣнялось ко всякому пустѣйшему случаю въ жизни и не было, можетъ быть, грамотнаго и мало-мальски досужаго человѣка, который не предавался бы этому занятію. Въ особенности въ ходу были панегирики при жизни и по смерти. Поэзіи во всѣхъ такихъ произведеніяхъ не найдете никакой: пустота содержанія, искусственность построенія, тяжелая форма, убійственный силлабъ—таковы отличительныя ихъ черты. Съ непріятнымъ чувствомъ берешься за подобную рукопись и съ досадой бросаешь ее послѣ нѣсколькихъ минутъ чтенія. И однако все это характерная черта времени, школы и жизни, и если мы хотимъ изучить ихъ, должны знакомиться и съ такими произведеніями, имѣть ихъ по крайней мѣрѣ нѣсколько образцевъ.

Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ и по такимъ побужденіямъ помѣщается и то, сообщенное намъ А. М. Лазаревскимъ изъ собранія его рукописей, стихотворное произведеніе, которому мы дали вышепоставленное заглавіе.

Разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ этого «Панегирика» намеки даютъ намъ возможность приблизительно опредѣлить время и цѣль его созданія, а также и общественное положеніе его автора.

Въ присоединенномъ къ Панегирику «подносителномъ словѣ» авторъ, обращаясь къ восхваляемому имъ Василію Васильевичу Кочубею, говоритъ: «мнѣ въ полку вашего высокородія жизнь свою влекущу не надлежало спокриватися, безвѣстну и без-

данну быти, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе новрещи стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе»; въ концѣ-же онъ прибавляетъ, что, «славя и величая» Василія Леонтьевича и «свѣтлую и знаменитую фамилію» Кочубеевъ, прославляетъ «собственнѣе честное и доброе имя его высокородія», Василія Васильевича.

Такимъ образомъ годы полковничества Василія Васильевича Кочубея (1727—1743) опредѣляютъ приблизительно время написанія этого памятника.

Въ высшей степени наивно и характерно говоритъ самъ авторъ о томъ, что его побудило взяться за перо. Это 1) желаніе славы, 2) желаніе польстить начальству, «его высокородію» и 3) желаніе получить соотвѣтствующій силѣ поэтическаго паренія даръ.

Если принять во вниманіе всю ничтожность личностей Василія Леонтьевича и Василія Васильевича Кочубеевъ (см. Костомаровъ, Мазепа; А. М. Лазаревскій, Кочубей, въ «Русскомъ Архивѣ» и т. д.) и крайнюю нравственную несостоятельность Федора Васильевича и его матери, то безпочвенность, фальшь и искусственность «Панегирика» выступятъ во всей своей непривлекательной наготѣ.

Это произведеніе весьма типично для той литературы, которую можно назвать чисто схоластической.

Тутъ въ особенно яркой формѣ выступаютъ характерные пріемы схоластическаго творчества, къ началу XVIII в. совершенно уже изжившіеся, вывѣтрившіеся, сдѣлавшіеся шаблонными. Нѣтъ ни одного образа, ни одного выраженія мало-мальски искренняго, естественнаго.

На этомъ примѣрѣ особенно ярко видно, до чего дошло разложеніе схоластической литературы того времени, какъ форма и обязательные пріемы творчества выѣли почти все содержаніе.

«Панегирикъ» отличается ужасною растянутостью; одинъ и тотъ-же мотивъ проходитъ черезъ все произведеніе, повторяясь на разные лады на протяженіи 16 страницъ.

Раздѣляется онъ на нѣсколько частей: на «ляментъ вѣры, надежды, любви, милости, истины, правды, мира», «епиграмму апострофичну» и «слово подносителное».

Авторъ пользуется всѣми пріемами и формами, какіе ему только могла представить схоластическая поэзія, пользуется всѣмъ зависящимъ отъ него, чтобы только доказать свое усердіе.

Судя по помаркамъ, поправкамъ и дополненіямъ, которыми испещрена рукопись, въ нашихъ рукахъ былъ оригиналъ.

Написана рукопись крайне витіеватымъ и прихотливымъ почеркомъ, съ росчерками, титлами и т. д. Нѣкоторыя буквы (напр. р, у, ж) изображаются нѣсколькими способами. Надъ гласными, которыми начинается слово, а иногда и въ срединѣ и концѣ слова ставятся ударенія, придыханія, точки. Вообще правописаніе крайне своеобразно и не выдержано; одно и тоже слово въ разныхъ мѣстахъ пишется различно. Разстановка знаковъ произвольная.

Почти весь «Панегирикъ» написанъ тяжелымъ 13-сложнымъ стихомъ, не вездѣ впрочемъ выдержаннымъ. Авторъ гоняется часто за риѳмой въ ущербъ смыслу. Пишетъ авторъ тѣмъ смѣшаннымъ языкомъ, какимъ тогда писали почти всѣ въ лѣвобережной Украйнѣ. Тутъ и русскіе, и малорусскіе, и церковно-славянскіе, и польскіе элементы. Болѣе всего элементовъ русскихъ.

И по характеру письма, и по характеру произведенія, и по нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что это произведеніе принадлежитъ перу полковаго писаря. Какъ извѣстно, въ XVII и XVIII вв. изъ среды писарей вышло много малорусскихъ писателей: малорусскіе писаря всегда отличались значительною образованностью, начитанностью и страстью къ литературѣ.

В. Каллашъ.

Ламентъ или тренъ [1]) *вѣры, въ которомъ изясняется добрій подвигъ любомудра и геройна мужа.*

Ахъ жалю превеликій! жалю нестерпимій!
Умре мужъ въ мужехъ честенъ и въ Бога блажимій,
Василій по імени, Кочубей по роду.
Отиде благій, мирній, на мирну свободу,
Отиде къ Царю слави, подвигъ добръ скончивши,
Петру вѣрно первому въ жизни послуживши,
Імператору росску великому въ славѣ,
Страшну врагомъ въ побѣдахъ, крѣпкому въ державѣ,
Егоже імя толко ощутивъ кто слухомъ,
Громъ гремящъ быти слишитъ, внутръ мятется духомъ.
Въ вѣрѣ тверду каменю, церкви святой щиту,

[1]) Отъ греч. Θρῆνος,—плачевная пѣснь, жалобная элегія.

Сему-то онъ послужилъ, соблюлъ знамениту
Вѣрность, въ службахъ, походахъ, ревнивій по Бозѣ
Поборникъ показался, ратуя на мнозѣ
Съ врагами креста, правди, на лжу лютъ, суровій
И такъ правѣ подражателъ явился Христовій.
Не вбоялсъ яробурна Мазепина духа,
Сталъ противъ въ лице ему и аспида глуха,
Отъ правди слухъ заткнувша, обличалъ жестоко,
Сказуя: не годствуетъ имѣть яро око
На отца отечества и царя своего,
Питатель-бо и жизнь естъ живота твоего,
Петръ естъ камень твердій, скрушишъ своя зубы,
Которими угризнути хощешъ, уме грубій.
Престани, звѣровидне, не пожри Россіи
Малой своимъ затѣвомъ,—мисли твои зліи.
Будетъ на тя плакати до смертной години
И ты-жъ будешъ зватися змѣнникъ,—студъ единій.
Буди, песъ, благодаренъ, къ любвѣ памятливій,
О чести тебѣ данной не будь забитливій.
Спомни то, что и оселъ ясли познаваетъ
Своего господина, знаетъ, кто питаетъ.
Удержи твой золъ замислъ, не сектуй [1]) со Свѣемъ,
Не губи насъ, бо и ми чтось ино затѣемъ.
Тимъ совѣтомъ уранилсъ, сталъ ожесточенній,
Ввесь жестокъ, ввесь желѣзенъ и окамененній.
Пустилъ гнѣвомъ на правди любителя права,
Отсѣченна за правду Кочубея глава,
И его друга искренна Искру обезглави,
Оугасилъ, блиснулъ-бо былъ полковникъ въ Полтави.
Оутѣшился Мазепа, врагъ Россіи главній,
Что своихъ соперниковъ отнялъ животъ славній.
Сталъ въ отрадѣ лисъ хитрій, веселилсь надъ мѣру,
Что царъ ихъ ему предалъ, правдѣ не ялъ вѣру.
О мужи изрядніи! мужи героични!
Страдалци всесвѣтліи, въ жизни красолични,
Оружници Христови, ратници бодрственни,

---

[1]) Съ боку приписка: *не согласуй.*

До крове противъ врага стоясте бодрственни.
Пренебрегли за правду жизнь временну оба,
Оулучили жизнь вѣчну, отшедши до гроба.
За мене единую, да живу, умросте,
Да я буду свѣтлая, себе погребосте,
Да я буду славная, ви на смертъ поносну
Предастеся волею, въ славѣ плодоносну.
Добръ вашъ подвигъ: убо ви и вѣнца достойни,
И вѣчноя памяти вамъ пѣсни пристойни,
Да поются согласно, яко право слово,
И вся дѣла ваша въ вѣрѣ, сердце-жъ неистово
Вашего гонителя Мазепи Івана
Да мучитъ неисцѣлна совѣстная рана.
Соблюли есте слово терпѣній Христовихъ,
Да сподобитъ опъ вже васъ и честей Еговихъ!

Ламентъ или тренъ надежди, где показуетъ лютость Мазепину и суетну надежду его, надежду чести наслѣдниковъ и извѣстіе спасенія правдолюбителя, благороднаго мужа, Василія Кочубея.

Поострилъ врагъ лестивій мечъ свой обоюдній
На віяхъ правдолюбцевъ, Мазепа всестудній.
Не наситился крове невиннѣ пролитой,
Не усрамился жизни, тирански забитой.
Еще духомъ демонскимъ дишетъ на Россію,
Мисля ее, коварній, предать горду свѣю.
Нажденъ на волшебни матки своея сили,
Разорить хощетъ зъ Свѣмъ россійски предѣли.
Но Богъ что предувидѣлъ, то и предуставилъ,
Шкареди на чистотномъ мѣстѣ не поставилъ,
Далъ его тщу надежду ему въ погибель,
А роду россійскому зготованна гибель
На главу обратилась гонителю Свѣю:
Кую яму ископалъ, то самъ впаде въ сію.
Побѣже бо, устрѣленъ во ногу безчестно,
Замелъ слѣдъ за собою левъ хоботомъ лестно.
А змѣнникъ, видѣвъ бѣду, убилъ себе ядомъ,
Злій злѣ погибе марно, инъ-же виноградомъ

Возобладалъ россійскимъ, о мерзскій Мазепо!
За ядь едну, какъ Ісавъ, враждебна заклепо,
Продалъ еси первенство и славу високу,
За что и во пропастъ взятъ съ душею глубоку.
О Россіе Малая! лотра воскормила,
Почто его маленка еще не вдавила?
Раздеръ тебѣ утробу, кая согрѣвала,
Кая его матерски она пѣстовала.
Восплатилъ за благое, коварній, злобою,
За хлѣбъ твой поносною попралъ тя пятою.
Егда-бо вже подсилѣлъ славою и тѣломъ,
Тогда самимъ поставилъ звѣрство свое дѣломъ.
Однако-жъ, да не веста, звѣръ будетъ видимій,
Надъ мѣру кротокъ и добръ временемъ билъ зримій.
Не познанъ волкъ, овчею кожею одѣтій,
И змій лютій нодъ злакомъ тайно лестно скритій,
И тимъ самимъ отведе въ слѣдъ себе доволны
Люди, кой згиблъ, какъ θevga (лжецъ) оній своеволній,
Съ протчіими, толко мужъ правъ словомъ и дѣломъ
Не присталъ совѣту ихъ, судилъ бо мѣриломъ
Оумнымъ быть то пагубно; какъ судія умній,
Разсуждая на долзѣ, тотъ многоумній
Закрѣпилъ во памяти не дѣлати кова,
Цѣлому государству къ мятежу готова.
Оумрѣтъ паче изволилъ, мене придержася,
Вѣдалъ то, хочъ и умре, надежда-жъ остася.
Не погибнетъ праведникъ, но будетъ въ покою,
Еще-жъ памятъ здѣлаетъ и чадомъ собою.
Самъ царство надѣялся горне улучити,
Чистъ отъ крове, и своимъ славу умножити.
И кто-жъ вже не вѣдаегъ Кочубеевъ рода,
Развѣ зоилъ или нощна вранная порода,
Василія въ Полтавѣ полковника славна,
Богата, честна, силна, господина главна,
Отцу соименнаго и въ вещи согласна,
Въ подвизехъ неразпственна, въ санѣ доброкрасна?
Такъ-то умре со мною мужъ онъ красній, дивній!
О мужу похвалная и вѣнецъ ти гривній:
Тебѣ память вѣчная и вѣчность блаженна,
Яко кончина жизни твоей естъ почтенна,

Яко со извѣстіемъ отходъ твой спасенній.
Буди въ Христѣ надеждѣ горѣ помяненій,
Тиранину-жъ твоему, измѣннику злому,
Худа частъ во езерѣ огненномъ худому.

Ламентъ или тренъ любви, которая тоскуя являетъ подражателство по Христѣ и любовъ болшую, которой для еденъ за многихъ умре, за церковъ страданіе, за истинну смертъ, за отчество терпѣніе, наконецъ одолжается и въ блаженствѣ вѣчномъ вѣчно, дружно, служить любомудру мужу.

За толикій крестъ, онимъ понесенній,
Подвиже кровопивца, Мазепа завзятій,
Брань въ Россіи, воведши свѣйскіе внутръ рати.
Забилъ любве отческой Іюда лестивій,
Впустилъ шведа въ предѣли, враждою палимій.
Шведъ-же, якъ левъ, вторгнувшись, хотѣлъ слякать рикомъ,
Но изійде зъ Россіи срамно Амаликомъ,
Петръ бо первій государъ, покой всежеланній,
Ратни побилъ полчища, побѣдилъ погани,
Укрилъ поле полтавске сопротивнпхъ трупомъ.
О поле щасливое! трупъ-же далъ въ снѣдь супомъ
Птицамъ воздушнимъ, звѣремъ, лютимъ, сирояднимъ,
Прочіихъ-же у плѣнъ взялъ снарядомъ изряднимъ.
Видѣ вже онъ измѣнникъ побѣду такову,
Побѣже, Василій-же свишше неистову
Посмѣялся, что бѣжитъ, никимъ-же гонимій.
Надсадившись во пути, изгибль злѣ зломнимій.
Веселится-жъ Кочубей, со Христомъ кочуя,
О побѣдѣ такъ славной, отъ триумфовъ чуя.
Радостенъ, что посупленъ и скорбенъ врагъ зрится,
Церковъ-же правовѣрнихъ въ радости красится.
Веселъ, что змій великій, змій лютъ посрамленій,
Змій древній и лестивій сталъ вже низложеній,
А отчество россійско въ отрадѣ витаетъ,
Чего мужъ правдолюбецъ желалъ и желаетъ,
За котрое и умреть билъ не отреченній.
Единъ умре за многихъ, единъ погребенній.
Подражатель Христовій явно показался,
За други своя умеръ, любвѣ ввесъ отдался.

Отъ мене ничто его здѣ не розлучило,
Ни мечъ, ни огнь, ниже гладъ, ни зло отвратило
Настоящое уже, ни смерть зла поносна,
За которую даласъ жизнъ вѣчна, доброносна.
Такъ насъ троихъ возлюбилъ, что и титулуетъ
Всю свою фамилію, съ крестовъ показуетъ,
Что крѣпко вѣрѣ святой оній прилѣпился,
На мечъ-же, якъ на котву [1]) надежди, склонился,
А сердцемъ изявляетъ мене любовъ силну,
Въ сердцу бо я извикла жизнь мѣть небездѣлну.
О мужу любителній! живій любве виде!
Боголюбче истинній! новій Христовъ слѣде!
Кую тебѣ соплету пѣснь надгробну нову?
Кую ти отдамъ почесть за любовь Христову?
Кіимъ вѣнцемъ вѣнчаю тя искренна сына?
Ахъ болѣзнъ мнѣ сердечна! нещасна година!
Что тя вижду во гробѣ тѣломъ положенна,
Хочъ душею, и знаю, въ небо преселенна.
Желала-бъ я истинно еще въ тя пожити,
Вѣтви моя мирнія въ свѣтѣ распрострѣти.
Но когда вже любитель Богъ приказалъ бить тако,
Пошли-жъ Христосъ во ономъ вѣцѣ намъ жить всяко,
Гдѣ вѣра и надежда уже упразднятся,
Со мною-жъ вси святіи въ дружбу сообщатся.
Теперъ-же и считай вже вѣнци чести горѣ,
Воспомииай сладкіе труда, при упорѣ
Показанни за правду, и подвигъ твой добрій
Стави въ позоръ, якъ воинъ прехрабрій и добрій.
Похваляйся смертію, обнажай и рани,
Кія подялъ за Христа и за християни.
Я-жъ тебѣ, Василіе, сладости желаю
И радости райскія; въ конецъ припѣваю:
Радуйся мучениче, новій и недавній!
Вѣчна ти память буди, а мучителъ главній,
Твой Мазепа, враждебній, да смутится вѣчно,
Скрежетомъ мучимъ зубнимъ, болитъ неизлѣчно.

Милостъ и істинна
Стрѣтостася,
Правда и миръ
Облобизастася (*Псаломъ 84*).

---

[1]) Старо-слав. *котва*—якорь.

Ламентъ или тренъ милости, въ коемъ показуетъ безвременное вдовство, и неначаянное сиротство чадъ, и височайшую милость імператорскую, на домъ благороднаго мужа, за истину его свѣдительствованную.

I.

Ревнивій плачъ мя, и вдовство безгодно,
И сиротство чадъ, и время злоплодно,
Снѣдаютъ велми и сроднихъ воплъ-горе
Разятъ мнѣ сердце, душу пробиваютъ,
Что еденъ ввержень, якъ Іона въ море,
За многихъ, такъ бо его поминаютъ:
Жена утробу свою раздирая,
Чада-же власи на себѣ терзая,
Ко гробу тѣло, душу-жъ шлютъ ко небу,
Естеству нуждну исполняютъ требу.

II.

Самъ воздухъ воплемъ, слезми наполняютъ,
Воздиханіемъ небо проражаютъ,
Къ сожалѣнію сердца влекутъ людій,
Мене, милости, ищутъ на позорѣ,
Просятъ помощи въ предстоящихъ судій,
Суще въ бѣдѣ, вже и главномъ подзорѣ,
Ко Богу жъ кричатъ: милость твоя буди!
Теперъ насъ утѣшъ въ послѣднемъ горѣ!
Таковъ воплъ жени любве мужа свята,
Мужа бо глава была уже снята.

III.

Азъ милость, всегда на стогнахъ поема,
Учувши воплъ тотъ, ревностнимъ вземлема
Духомъ, и прійшла тому присмотрѣтся,
Ажъ мужъ во кровѣ безъ глави плаваетъ.
Стала жъ я тому велми и дивиться,
Какъ то мужъ красенъ себе въ той валяетъ;
Когда жъ пришло мнѣ въ другихъ испросится,
Ажъ онъ за правду такъ злѣ умираетъ.
Тогда во мнѣ духъ мой внутрній возмутился,
Тогда и оумъ мой зъ сердцемъ засмутился.

IV.

По смутку жъ радость завсегда бываетъ,
Се вже Петръ мене въ домъ ихъ посилаетъ.
Вшедше я, свѣтла, съ правдою сійшлася,
Где, якъ со другомъ другъ, и веселилась.
Тамъ и истина ко мнѣ вже призналась
И съ миромъ златимъ доволно красилась.
Тамъ и квартеру себѣ записала
По вѣкъ жить, хранить домъ тотъ уже стала.

V.

Не опровергнутъ вѣтри своевольни,
Ни яростніе разбіютъ вже волни.
Основанъ бо естъ на камени силномъ,
Петрѣ Великомъ, добрѣ неомилномъ.
Помиловалъ тотъ домъ твой и вся чада,
Закрѣпилъ силно своею рукою
Грамоти, жизни печалной отрада,
Многу явилъ есть Петръ милость собою,
О! Василіе, въ милости тамъ Бога
Ликуй, а здесъ я чадомъ буду многа.

Ламентъ или тренъ истини, въ которомъ объявляется истинное его благородія по Бозѣ и вѣрное по отечеству въ жизни ревнителство.

В весь мужъ истиненъ, по Христѣ поборни . . Я ъ,
истиннолюбецъ, на вражду, лжу борникъ.
А зъ всегда ему служила до сл . . . . . О ва,
азъ въ сердце ему *Ей и Ни* вселила.
С ердечно его . . . . и . . . . . Ч адамъ готова
И гербъ бо свѣтелъ сими . . . . . У красила,
Л юбовно сердце враждебно . . . . . Б езъ слова,
крестами двома, *ей, ни* заключила
І сту единимъ; въ отрадѣ явля . . . . . Е тъ,
другимъ въ напасти себе защищаетъ.
И стинною ввесь и домъ его . . . . . д . И шетъ
Истинну вездѣ судія сей пишетъ.
Писалъ первѣе перомъ скорописнимъ,

Облегчалъ людемъ трудъ судній утиснимъ.
Генералній бо писаръ прежде бивши,
Потомъ судейство тожде улучивши,
Такъ крѣпко въ себѣ вписалъ мя собою,
Что ни топоромъ мощно, ни рукою
Било вже згладитъ, кровію бо красно
Запечатлѣлъ жизнь и честь доброщасно.
О мужу правій, права твоя вѣра!
Мученикъ палма (финикъ) буди ти секѣра.

Лямент ъ или тгренъ правди, котрая ламентуетъ по святомъ мужѣ, яко оставилъ ея. Где и воспоминаетъ, что вездѣ ея такъ на устѣхъ, какъ и на сердцѣ носилъ охочно, такъ словомъ предъ императоромъ Петромъ Первимъ дерзновенно исповѣдовалъ, какъ и дѣломъ самимъ до смерти показалъ во своей жизни.

Изгнанецъ бѣдній въ свѣтѣ, никимже любима
Правда, якая была когдась всеблажима.
Exo. Нынѣжъ ли презрима?
Презрѣнна, оставленна, по людехъ блукаю,
Мирнаго себѣ мѣста вездѣ вже шукаю.
Exo. Знайшла уже, чаю?
Нѣстъ мѣста, ни въ сосѣди никто не пріймаетъ;
Слишно жъ мнѣ, что философъ зъ свѣщою шукаетъ.
Exo. Но не обрѣтаетъ?
Не обрящетъ, хочъ во дни, въ полдни онъ ищетъ,
На мене бо и въ нощи народъ золъ злѣ рищетъ.
Exo. Что-жъ онъ поищетъ?
Не поищетъ ничего, я бо дерзновенна,
Предъ цари не стиждуся и не посрамленна.
Exo. Чтожъ такъ болѣзненна?
За то толко едино очень мнѣ естъ болно,
Что мя племя, небно племя гонитъ долно [1]).
Exo. Зло бо своеволно.
Озлобляетъ надъ мѣру, не даетъ покою,
Доволствоваться кажетъ въ мирѣ всякъ собою.
Exo. Гордитъ же тобою?
Гордитъ, лжу возлюбивши, якъ Мазепа лживій,

---

[1]) Dolny—низменный.

Тотъ бо лжи внукъ и авторъ билъ новъ, неправдивій.
Exo. Кто жъ есть незлобивій?
Незлобивъ билъ мужъ еденъ, Василіемъ званній,
Правъ сердцемъ, не коваренъ, Богомъ мнѣ билъ данній.
Exo. За что жъ мордованній?
За мене едну, хотѣлъ бо образомъ явити,
Самъ умре, мене хотя мертву оживити.
Exo. Какъ могло то бити?
Такъ: что кто мене словомъ, сей исповѣлъ дѣломъ,
За мене поносную смерть понесе тѣломъ.
Exo. Лютъ позоръ тотъ зѣло.
И по смерти язикомъ истину Христову
Сказовалъ, Мазепину жъ обличалъ сурову.
Exo. Ярость неистову?
Теперъ же о нещасной и много плачевной!
Лишилася жилища и красоти дневной.
Exo. Такъ ли есть запевно?
Весма во подземніе пойшолъ мѣста темна,
Приняла его мати въ нѣдра свое земна.
Exo. На смерть приемна?
Смертъ тѣло положила въ кіевской столици,
Въ Печерскомъ, душу давши Маріи царици.
Exo. Гдѣ святихъ суть лици?
Тамъ лежитъ со Искрою, другомъ своимъ прѣснимъ,
Свѣтли оба предъ царемъ связомъ дружби тѣснимъ.
Exo. Смѣются жъ безмѣстнымъ?
Смѣются Мазепинымъ змѣнническимъ ратемъ,
Что въ жизни церкви ставилъ да погребенъ татемъ.
Exo. Церковна жъ лишился?
Лишилсъ християнскаго погреба сквернавній,
Сколко славенъ, столко сталъ безчестенъ лукавій.
Exo. Годенъ такой слави.
Достоинъ есть дѣлатель таковъ мзди своея,
Ти же, мой любителю, до смерти твоея
За мя до крове ставши, озми честь и славу,
Богатство неси въ домъ твой, за мене бо главу,
Якъ Іоаннъ ангелъ онъ, отъ Ирода стятій,
Положилъ еси, святе, студъ жизни проклятій
Обличивъ Мазепинъ, кой прелюбодѣй стался,
Живу еще Петровѣ отнять престолъ тщался,

Живу сущу мужевѣ правилну, законну,
Поять жену Россію хотѣлъ безъ закону.
Праведній судія ти мздою Господь буди,
Что спаслъ еси смертію въ жизни многи люди.
Мене жъ прощай нещасну, другиню ти вѣрну,
Съ тобою здѣ пожившу жизнь доволну, мирну!

Ламентъ или тренъ мира, въ которомъ воспоминаетъ, яко мирствовалъ всегда въ себѣ и со протчіими любомудрій онъ мужъ и яко его смертію жизнь, его правдою миръ, собственнѣйшимъ же щастіемъ его имиераторскаго величества, блаженной и вѣчной памяти достойнаго Петра Перваго, паче же величайшаго Бога милостію, и побѣда надъ свѣтемъ россамъ даровася.

О мужу изрядній, въ истинну нарядній, мужу героичній!
Жизнь тебѣ ведренна, тишайша, бодрственна и покой онъ вѣчній,
Павловъ собесѣдникъ, ти Христовъ сосѣдникъ истиненъ явился.
Миренъ со врагами, съ внутрними силами вѣчно примирился.
Смерть твоя поносна, а жизнь плодоносна жизнь многимъ здарили,
Сонмъ же врагъ лукавихъ уста твои прави, якъ мечемъ, побили.
Вовели въ Россію миръ, а горду свѣю студъ навели зѣлній
И его замисли лукавіе явили бездѣлни.
Измѣну сказали Мазепи, чтобъ мали дозоръ вже опасній,
Звѣрско бо онъ дишетъ, ко свѣю вже пишетъ секти зли, ужасни.
Жребіемъ горнимъ, а щастіемъ долнимъ Петра естъ побѣда,
Гордаго жъ свѣя стрѣла бѣда сія, что не знать и слѣда.
Тогда лобизался, съ правдою витался, и миръ вожделѣнній
Во церквахъ и домѣхъ, въ братіяхъ свѣдомихъ сталъ бо непремѣнній.
На стогнахъ во градѣ пѣлъ пѣснь во отрадѣ, пѣснь нову побѣдну,
Къ радости високу, къ сладости шероку, вѣчности сосѣдну.
Тогда всякъ вже, борби позабивъ и скорби, весело въ покою
Поигралъ зъ сосѣди, поизбивши бѣди, вдругъ скачя со мною.
А слава рѣчива, веселясь до дива, понесла то въ страни,
Что я вже владѣю и радость имѣю; прочъ вступили жъ брани,
Вчувши и дубрави толикій гласъ слави, и земни предѣли,
Что Росси ликуютъ, въ мирѣ торжествуютъ, и воински сили
Задивясь играли, шумно ликовали, рѣки жъ пошли въ скоки
И небо самое, ощутивши жъ тое, ликъ мало жестокій.

Ликуй же и ти, Василіе, тамо, съ ангели твоя радость буди прямо.
Назирай горни мирнія тѣ двори,
Где святихъ хори.
Вѣкъ же да идетъ и години злати
Да текутъ синомъ и внукомъ безъ втрати,
Здравія, чести, богатства и слави
Щастія прави!
Ти вже со мною, Кочубею мирній,
Христу до смерти и Петру бывъ вѣрній,
Кочуй все мирно, во радости вѣчной,
Забивай жизни уже героичной
Въ бранехъ различной.

Епиграмма апострофична къ его высокоблагородію, высокодостойно-почтенному господину, господину Василію Кочубею, государственними грамотами крѣпко учрежденному полку полтавского полковнику.

Вѣмъ добрѣ сердце твое, мужу всеизрядній,
Мужу въ злати утвори пригожства нарядній,
Что оно тужитъ, егда отца поминаетъ,
Каковъ былъ мужъ предобрій, извѣстно бо знаетъ,
Но егда и считаетъ отческія труди,
Подвигъ добръ ажъ до смерти, веселится всюди.
Долѣ бо себѣ славу видитъ превисоку,
Горѣ же вѣнецъ отцу и почесть шероку,
Себѣ здесь зритъ отраду, отцу жъ радость вѣчну
Тамо слишитъ съ аггели и сладостъ масличну.
Отцу въ небѣ миръ сладокъ, съ мученики данній,
Себѣ жъ покой на землѣ маетъ всежеланній.
Пущай же живетъ всегда въ сихъ до смерти тое,
Отческо жъ во онихъ вѣчно имя всеблагое.

Слово подносителное предъ многоповажнимъ лицемъ его высокородія, господина, господина Василія Кочубея, знаменитаго полковника, при поднесеніи ляментa сего отъ поднощика, напредъ означеннаго, сказованное и вмѣсто епилога или окончення панегиричнаго здѣ оуключено.

Со многимъ дерзновеніемъ, смѣлою ногою, но въ смиренномъ сердцу войшолъ въ домъ твой теперъ, мужу геройчій, мужу всякородноя похвали достойній. Кую же основателную причину дамъ такъ многаго моего дерзновенія и смѣлаго входа, и не входа толко, но яко, надъ надежду

и достоинство мое, многоповажное ваше лице видѣть и словомъ моимъ слухъ утруждать всяко сподобился. Многіи суть причини, сияжъ естъ изъ нихъ первѣйшая. Яко самое вещи требуеть того достоинство, даби мнѣ такъ многожелаемій даръ вамъ, ибо блаженнѣйшую жизнь и смерть вѣчной памяти достойнаго отца високородія вашего, за вѣру, вѣрность, истину и отечество россійское мученически умершаго, отъ трехъ богословскихъ добродѣтелей: вѣри, надежди и любви и протчіихъ, яко то: милости и истини, правди и отъ мира болѣзненно опѣваемаго, подносить дерзающему весма не посупленну быть, ни дряхлу оказоватися, праведная бо жизнь, какъ гласитъ мудрецъ, вездѣ дерзновеніе водитъ, и въ похвалахъ своихъ требуетъ дерзновенія, а что же подношу, не почудися, любомудрій, героичній мужу, той моей дерзости, но хотящаго свѣтлому твоему имени служити усердно не отдали, милостивно жъ пріяти благоволи, ибо весма не подлежало мнѣ, въ полку вашего високородія жизнь свою влекущу, спокриватися безвѣстну, праздну и безданну бити, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе повредщи стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе.

Того для, вмѣсто дани, даръ тотъ, во знаменіе усерднѣйшаго моего къ вамъ, високодостойнопочтеннѣйшій мужу, почтенія, поднося, всепокорнѣйше приять прошу милостиволюбно. Будетъ то не безъ удивленія и похвали свѣтлой фамиліи високородія вашего, тебе же, героичній мужу, не безъ внутренной радости, всякъ бо приникнуть имѣяй въ трудъ мой сей, въ народъ дерзновенно пущаемій, первѣе всего прочтетъ любомудраго отца високородія вашего титлу и задивится истиннимъ несравнительнимъ добродѣтелемъ, дерзости, правдѣ, новому мученичеству и за вѣру, Христову церковь и отечество терпеливому страданію, вашему же такъ рѣдко кому случаемому доброщастію. Хочай же я, лютій оній воспоминая случай, и огорчеваю душу вашего високородія болѣзнію и усопшій уже паки воздвизаю плачъ, но всегда у врачеви стихъ живетъ то (?) дѣтей: что всякая въ нихъ врачба, сперва усти приемлема, гортани прикрая видится, потомъ же силу и дѣйство ея добрѣ увидѣвшимъ сладка естъ и благоприятна. Пріими уже, героичній високій мужу, и мой тотъ даръ, зовемій ляментъ, отъ самаго имени печалній и прикрій, отъ вещи жъ искуса, чаю, будетъ вашему високородію, яко сотъ медовній. Пріими же малое приношеніе, яко по малихъ водахъ плаваніе; на сихъ же изучившися, къ болшимъ похваламъ предуготовлюся и поступлю въ глубину на ловитву истиннѣйшаго описанія жизни и блаженной смерти любомудраго отца високородія вашего, всегда идя отъ сили въ силу, славя и величая свѣтлую и знаменитую фамилію, собственнѣе же честное и доброе имя вашего високородія во вѣчніе роди.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА XIX ВѢКА.

Ожесточенная вѣковая борьба малорусскаго и польскаго племенъ, сопровождавшаяся страшными насиліями одной стороны надъ другою, цѣлымъ рядомъ войнъ и широкими потоками крови, выражалась не рѣдко ѣдкими политическими памфлетами и сатирами съ той и другой стороны. По мѣрѣ того, какъ противники разводимы были въ разныя стороны и борьба съ чисто политической почвы переходила на экономическо-общественную, съ сохраненіемъ неизмѣннаго религіознаго оттѣнка, памфлеты и сатиры учащались и борьба изъ кровавой становилась между прочимъ чернильной.

На страницахъ «Кіевской Старины» не разъ были воспроизводимы неизвѣстные доселѣ литературные памятники такой борьбы; но найболѣе позднимъ изъ нихъ по времени намъ кажется помѣщаемое теперь стихотвореніе. Оно написано, какъ значится на сообщенномъ намъ спискѣ, въ 1832 году, на Волыни, нѣкіимъ Василіемъ Растовецкимъ, а слѣд. является непосредственнымъ отраженіемъ народнаго возбужденія, вызваниаго польскимъ возстаніемъ 1831 года. Авторъ, становясь на точку историческую, длиннымъ рядомъ примѣровъ старается убѣдить поляковъ, что политическая ихъ судьба безповоротно рѣшена всѣмъ ходомъ исгорической и строемъ государственной ихъ жизни, что королевство ихъ въ принципѣ было аномаліею и абсурдомъ, что воскресить его невозможно и что потому имъ не остается ничего болѣе, какъ подчиниться гигантской силѣ, ихъ покорившей, и жить въ мирѣ съ русскими.

Кто такой былъ Василій Растовецкій, написавшій эту сатиру, неизвѣстно. По воспоминаніямъ дѣтства намъ извѣстна съ этимъ именемъ и фамиліею личность полковаго священника, умершаго до 1840 г. Не онъ-ли и былъ авторомъ настоящаго стихотворенія? Автору, кто-бы онъ ни былъ, нельзя отказать въ знаніи исторіи, пониманіи ея хода, поли-

тическомъ чутьѣ и тактѣ. Фамилія Растовецкихъ извѣстна на Волыни, встрѣчалась и въ духовенствѣ; а волынскіе семинаристы и священники тогдашняго времени были единственно близкими къ народу людьми, понимавшими и всѣми силами отстаивавшими его интересы противъ гнетущей польской стороны. Авторъ патріотъ не только въ мѣстномъ, но и общерусскомъ смыслѣ. Языкъ и складъ стиховторенія носитъ всѣ слѣды наступившаго сліянія мѣстной поэзіи съ обще-русскою, но вмѣстѣ и самобытныя черты въ видѣ картинъ и уподобленій, духа рѣчи, внѣшней ея формы и присущихъ ей юмора и ироніи.

Что стихотвореніе въ свое время было въ ходу, видно изъ того, что оно проникло въ Галицію и намъ сообщено въ тамошнемъ спискѣ 1843 г., съ очевидными слѣдами тамошней транскрипціи и фонетики. На спискѣ означены даже мѣсто списыванія и названіе списывателя въ слѣдующихъ словахъ: «Іосифа Любомира Семеновича. Въ Сухоставѣ, 26 января 1843 г.». Вотъ его заглавіе и текстъ.

КРИТИКА ПОЛЬСКАГО ЦАРСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Василія Растовецкаго,

на Волынѣ, 1832 г.

1.

Ляхи! на що вамъ тое лихо,
Котрого шукали вы?
Чемубъ то не седѣти тихо?
Чи вамъ бурчати противъ Москвы?
Чи вы забули, якъ голандцѣ,
Нѣмцѣ и всѣ гишпанцѣ
Зъ французомъ на нью ишли?
Шѣсть сотъ ихъ тысячъ, щожъ дознали?
Бѣду велику напитали.

2.

Кто свѣтъ создалъ и правитъ свѣтомъ,
Такый порядокъ завѣлъ,

Щобъ снѣгъ не падавъ зъ неба лѣтомъ
И садъ середъ зимы не цвѣлъ,
Баранъ съ медведемъ не бранился
И съ пѣвнемъ воробець не бился.
Не пара зайцеви коза,
Огонь палитъ воскъ, палитъ салитру,
Пухъ не лѣтаетъ противъ вѣтру
И дубъ моцнѣйшый, нижъ лоза.

3.

То правда, що Давидъ маленкый
Да Голіаѳа уклалъ;
Самсонъ, тоже жидовинъ дуженкый,
Самъ руками льва розтерзалъ:
Чи можнажъ по сему гадати,
Щобъ карлики посмѣли звати
Гигантовъ на смертный бой?
Кто въ дѣлѣ важномъ такъ гадае,
Въ силце, якъ птичка, впадае
И въ клѣточцѣ живетъ вѣкъ свой.

4.

Кто въ дѣлѣ хоче бути меткый,
Нехай припадки всѣ сбере
И ни оденъ, або два рѣдкѣ,
То правду добре розбере.
Кто Карла быстрого всмиряе,
Свою столицю закладае
На собственной его землѣ?
Лѣщынського кто зводилъ зъ трону,
Сасконцу давалъ корону?
Все то робили москалѣ.

5.

Чи намъ не говорити небылицѣ
Про мудрый брандибурский домъ,

Коли могущыхъ двѣ царицѣ
Съ другими царствовали гуртомъ,
Побрались рука за руку,
Щобъ добре дати ему науку,
Но все съ нимъ ладу не дойшли;
Однѣ лишь москалѣ тягучѣ,
Въ бояхъ умѣлыи и ручѣ,
Весь край его съ мечемъ пройшли.

6.

Де дѣлись крымскіи ногайцѣ,
Що вамъ страшнѣ були не разъ?
Богемцѣ также и моравцѣ
Ховались одъ нихъ подъ часъ;
Червонцѣ зъ васъ и кожушки драли,
Дѣвчатъ по двадцять тысячъ брали,
Кромѣ мущинъ и молодиць.
Дежъ тое кожушковое войско,
Що грабило васъ, угровъ и Шлоньско?
Предъ Москвою пало ниць.

7.

Де сѣчева чудесная зграя,
Що множилась и безъ жѣнокъ,
Що туркамъ и вамъ була страшная,
Давала добренкый толчокъ?
Велика русская цариця
Сказала имъ пожениться,
Домами на Кубанѣ жить,
Черкесовъ тамъ собою страшити,
А не жидовъ и васъ лупити.
Москаль, що скаже, такъ и быть.

8.

Послухалъ Мустафа француза,
Съ Москвою воёвать началъ,

Поймалъ же добренкого туза,
Сто пудъ лиха напиталъ.
Кагульский день—стыдъ бісурманцóвъ,
Съ малою силою Румянцовъ
Гналъ ихъ, калѣчилъ по поляхъ,
А на морѣ Орловъ безстрашный
Турецкѣ кораблѣ ужаснѣ
Въ кутокъ загналъ, спалилъ на прахъ.

9.

Смирился, збулъ бѣды такои,
Постыдный миръ въ Кайнарджи принялъ,
Однакъ не долго булъ въ покоѣ.
А другомить войну началъ:
Якойже дозналъ потери?
Очаковъ, Измаиловъ, Бендери
Хотяй московскій чули духъ,
Якъ вóнъ задумался о Насанѣ,
Що лопнувъ съ флотомъ на Лиманѣ,
Хоть другихъ билъ въ Египтѣ въ пухъ.
Отъ що чрезъ столѣтное время
Народъ московскій поробилъ!
Вóнъ тузалъ разное людское племя,
А въ томъ гурти и васъ побилъ,
Его́ звать стали великаномъ,
Вóнъ зновъ бился съ шведомъ и султаномъ,
Земли, людей багато взялъ,
А Николай часть усугубилъ,
Вóнъ шаха и Магмуда чубилъ,
Народъ возами грозне билъ.

10.

Такъ любо москалямъ дивиться
На тѣ далекѣ краи,
Де ихъ теперъ лежитъ граница.
О, якъ зчислить столпы сіи!
Тутъ треба книжки предъ очи,
Щобъ не заблудити, якъ середъ ночи.

Скажу вамъ, хоть не все ошибусь:
Шведы, по кавказькіи горы,
Прусъ, Чорное, Ліодовитое море,
Китай, Дунай, Червоная Русь.

12.

Якабъ сему була причина,
Що москалѣ мудруютъ всѣхъ?
Не другая, а та едина:
Великій край, багацько ихъ,
Царь, якъ отець, они якъ дѣти,
Велитъ имъ дѣлъ своихъ глядѣти,
Они и слухаютъ ёго.
Вонъ добрыхъ милуе, доволить,
Упрямыхъ, злыхъ по праву школить,
Порядокъ требуетъ сёго.

13.

Такъ царства, якъ и человѣкъ,
Родятся и такъ ростутъ;
Но имъ не можна жить во вѣки;
Коли часъ прійде, то и упадуть.
Розумныи люди насъ не дурять,
А сущу правду балагурять:
Тому народу конець,
Де меншѣ старшыхъ не уважають,
Правдъ царскихъ не выполняють,
То и въ судахъ правдѣ томець.

14.

Одкинувши всѣ баналюки,
О ляхи! що маете для насъ,
Вы казку слухайте безъ скуки,
Да и долгенкую о васъ:
Що царства вашого начало
Одъ Зимовита лишъ настало,

Вы лѣтъ до тысячи были.
Той Зимовитъ, Рурикъ-славнѣ
Царѣ, оба то дуже давнѣ,
Почти и лѣтъ однихъ жили.

15.

Щастливѣ вы тогда бували,
Когда наслѣдственныи царѣ
По воли вашой управляли.
Они знали ваши надзоры,
Побѣдами найболшими гремѣли,
Столпы желѣзныи быть умѣли
На земли своей; на краю
Набралась лиха и нѣмота,
Два разы кіевскіи ворота
Умѣли брать подъ власть свою.

16.

А послѣ пѣстовали Ягеллоны,
До силы, счастія ихъ вели,
Богемскіе и венгерскіе троны
У воли ихъ тогда были,
И вся Литва до васъ пристала.
Тогда то Польща процвѣтала,
Тогда добре вамъ було,
Мѣста и села населялись,
Торговля, ремѣсла взмагались,
Булъ лады, ученіе цвѣло.

17.

При короляхъ сихъ добрыхъ, любихъ
Вы дуже начали гулять,
Ошибокъ наробили грубыхъ,
Власть стали дуже ихъ стиснять.
Алъберта добре окресали,
При Александрѣ доказали,

Що самовласный вы народъ.
Тогда вы дерева садили,
Що послѣ вамъ зродили
«Не позвалямъ» смертный плодъ.

18.

Що добрыхъ сто головъ изробить
Для краю цѣлого въ дѣлахъ,
Подкупленъ пьяниця все згубить
И цѣлый сеймъ розсиплетъ въ прахъ.
Такъ шляхта вольная брикала,
Всьо дномъ на верхъ перевертала,
Жде сейму нового опять.
Въ два роки онъ знова собирался
И знову также розрывался,
Дѣла народнѣ знову сплять.

19.

Хоть часомъ сеймъ и продолжался
По праву черезъ недѣль шесть,
Чогожъ народъ бѣдный дождался?
Якую онъ получилъ тамъ честь?
Що воеводамъ, каштелянамъ,
Маршалкамъ, канцлерамъ, гетманамъ
Староства добрыи дали,
Тіи Бѣлого Орла поняли,
А тѣ чиновъ подоставали,
Да все лишъ для себе пани.

20.

А дробна шляхта чиншовая
На сеймики бѣгомъ бѣжитъ,
Одни другихъ переганяя:
Тамъ то попоѣсти и попить!
Воли лопали стадами,
Горѣлка, пиво, медъ бочками

Було для ней одъ пановъ.
За що? Щобъ выбрать разомъ съ нею
Приятеля въ ихъ судѣ судѣю,
Такихъ-же и на сеймъ пословъ.

21.

Пышили ся Ягеллоны,
А ляхъ болшей воли пожелалъ,
Задумалъ роздавать короны
Такимъ, которыхъ самъ и собиралъ.
Выборы першѣ лишъ настали,
Валуя королемъ обрали,
Щобъ онъ якъ полицмайстеръ булъ.
Побачивши такое мытарство,
Бурливое покинувъ царство,
И до французовъ знать драпнулъ.

22.

У кажди такіи выборы
Якого можна ждать добра?
Споръ, сваръ, крикъ и розговори:
Той хоче Павла, той Петра
На польскомъ тронѣ посадити,
Щобъ послѣ могли его за носъ водити
И королевщину схватити,
Другихъ царовъ тѣмъ раздражати,
Щобъ принцовъ ихъ не выбирати—
Такъ вороговъ прійшлось нажити.

23.

А тіи безкоролевья страшнѣ
Одинъ розбой лишъ були.
Кто панъ богатый, той ужасный,
А прочіи якъ заяци жили.
Пани войска свои держали,
У шляхты добра закладали

Кто пять, шисть селъ имѣлъ, той не панъ,
Лишъ шляхтичомъ онъ назывался,
У пана ласки домагался,
Щобъ цѣлый булъ чубъ, то й уланъ.

24.

Не толко шляхтою робили
Такій калабаликъ пани,
И королевское войско били
За надворныхъ жовняровъ они.
Кто Любимирского не зналъ,
Якъ королевское войско трепалъ,
И съ ними мирился, мовъ чужый.
Що выроблялъ и Радзіевскій,
Князь Радзивилъ и Зебрадовскій,
Да и бискупъ тамъ носъ вставилъ свой.

25.

А три Зборовски забіяки,
Самило, Криштофъ и Андрей,
Такой наробили драки,
Що лишъ дивись, да потѣй.
Вапоньского Самило згладилъ,
Съ Замойскимъ канцлеромъ не зладилъ,
На короля въ трехъ принялись—
Або ёго зъ престола зсадити,
Або его совсѣмъ убити;
Но се дѣло не удалось.

26.

Да и сами про между собою...
За добро и за що небудь
Не разъ доходило до бою,
Щобъ между ними старшый булъ,

Робили сварку да и тлусту,
Сапѣгу зсѣкли на капусту,
Огиньскій, Вишневецкій тожъ
И зновъ Сапьеги, Радзивилы
Тожъ колотъ завести вмѣли,
Такой що на войну похожъ.

27.

Таку бездѣлицу велику
Король Янъ Казимиръ узналъ,
Безъ сварки всякой и безъ крику
Корону тяжку вамъ оддалъ,
Подяковалъ за ласку вашу,
Торбу грошей взялъ на кашу.
Въ манастырѣ до вѣку жилъ,
А вашѣ безпорядки знавши
И проповѣдь о нихъ сказавши,
Вóнъ за сто лѣтъ и смерть вамъ открилъ.

28.

При Зимовитѣ права вѣра
Въ сей край до русияновъ прійшла:
Чи сказать-же для примѣра,
Що тутъ она собѣ знайшла?
Завсѣды вы ее давили,
А русиновъ товкли, били
И мали ледве не за псóвъ.
Они вамъ тоже не давались,
Такъ якъ могли оборонялись,
Щобъ езуитъ ихъ не поѣвъ.

29.

Коли староста чегриньскій
Обиду тяжку зробилъ,

То писарь войсковый Хмельницкій
О судъ короля о тѣмъ просилъ.
Они старостѣ поблажили,
Такого-жъ пива наварили,
Що кровью милися, якъ водою.
За жѣнку, за село, за сына
Намнята вамъ добре чуприна.
Онъ тягъ ажъ подъ Люблинъ изъ ордою.

30.

А ще найперше Жовтѣ Воды
Онъ съ кровію вашею смѣшалъ,
Дождался и Корсунь такой роботы,
Що двохъ гетмановъ тамъ поймалъ.
А потомъ руси больше набравши
И іоломъ свой на бакеръ взявши,
До Львова зъ нею доходилъ,
Тамъ лоба цупко насторошилъ:
Все грабилъ, все палилъ, все пустошилъ
И короля булъ окружилъ.

31.

У русиновъ частенько изъ вами
Розвязка добрая була.
Не ладили вы съ козаками,
Такъ часть ихъ до Москвы пойшла,
Поддался туркамъ Дорошенко,
Зъявились Гонта и Тимченко—
И симъ вы рады не дали,
Вонибъ васъ мордовали долше,
Да въ край москаль прійшолъ же,
Ихъ до нещастья довели.

32.

У васъ було не чистое царство,
А ни республика була.

Якесь чудное государство.
Бо только шляхта у васъ була,
Що ей хотѣлось, то робила,
Крестьянъ, мѣщанъ пригомотила—
У васъ булъ только сущій гамъ.
Дежъ такъ було, якъ се сказати?
При королѣ аристократы—
Се смерть другая вамъ!

Библіографія.

Poczet rodów w wilkiém księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Warszawa, 1887. (*Знатные роды въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI в. Составилъ и издалъ Адамъ Бонецкій. Варшава. 1887 г.*)

Не смотря на то, что настоящая книга составлена польскимъ ученымъ и издана на польскомъ языкѣ, она по всей справедливости должна составлять столько же, если не болѣе, пріятную новинку для русскихъ ученыхъ, интересующихся исторіею южной и западной окраинъ Россіи, какъ и для самихъ поляковъ. Въ ней собраны документальныя свѣдѣнія по исторіи литовско-русскихъ дворянскихъ родовъ за XV и первую половину XVI в. Если родословныя изслѣдованія представляютъ несомнѣнный научный интересъ въ исторической литературѣ каждаго народа, какъ вспомогательное средство въ дѣлѣ выясненія и разработки общей его исторіи, то въ примѣненіи къ исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею русскихъ земель это положеніе имѣетъ сугубое значеніе. Чтобы понять это, стоитъ лишь вспомнить о той вліятельной политической роли, какую играли въ литовскомъ государствѣ, при его феодальномъ строѣ, многочисленные княжескіе и вообще знатные роды. Правда, въ польской литературѣ еще съ XVI ст. никогда не было недостатка въ сочиненіяхъ, посвященныхъ шляхетской генеалогіи и геральдикѣ; но всѣ эти «herbarze» Папроцкаго, Окольскаго, Нѣсецкаго et tutti quanti не внушаютъ большаго къ себѣ довѣрія, такъ какъ ихъ составители, льстя шляхетскому тщеславію соотечественниковъ, не стѣснялись возмещать отсутствіе точныхъ генеалогическихъ свѣдѣній самыми забавными небылицами. По этому г. Бонѣцкій поступилъ какъ нельзя болѣе благоразумно, совершенно игнорируя въ настоящемъ своемъ трудѣ всѣ гене-

алогическіе труды предшественниковъ, за исключеніемъ развѣ такихъ серьезныхъ изслѣдователей, какъ гг. Стадницкій, Вольфъ и Бартошевичъ, мнѣнія которыхъ онъ иногда принимаетъ къ свѣдѣнію, и въ основу своего труда положивъ исключительно документальные источники. Первое мѣсто въ ряду этихъ источниковъ у него занимаетъ Summaryusz, т. е. краткая опись или перечень документовъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ Литовской Метрики, отъ самыхъ древнихъ временъ до половины XVI ст., замѣняющая для него подлинную Метрику. Зная, съ какими огромными затрудненіями сопряженъ доступъ къ подлинной Метрикѣ Литовской, хранящейся въ Петербургѣ, не рѣшаемся сдѣлать упрекъ г. Бонѣцкому за эту замѣну, тѣмъ болѣе. что книги Метрики за XV в. не сохранились; но не можемъ не пожалѣть, что онъ не счелъ нужнымъ болѣе подробно познакомить насъ съ своимъ первоисточниковъ и не сообщилъ даже того, когда и кѣмъ сдѣланъ этотъ Summaryusz и насколько подробно передаетъ онъ содержаніе актовъ подлинной Метрики. Кромѣ того, въ распоряженіи г. Бонѣцкаго находились и нѣкоторые другіе необнародованные еще источники, какъ напр. акты и декреты Люблинскаго трибунала, архивъ Войниловичовъ, инвентарь коронаго архива, составленный королевскими комиссарами въ 1682 г., метрика коронная и т. под. Наконецъ онъ воспользовался цѣлымъ рядомъ (болѣе 40 названій) относящихся къ его предмету печатныхъ сочиненій, какъ польскихъ, такъ и русскихъ, преимущественно изданій древнихъ памятниковъ, наприм. Акты гродскіе и земскіе, изданные во Львовѣ, изданія Виленск. Археограф. Коммисіи, Археографическій Сбовникъ документовъ относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси, Грамоты великихъ князей литовскихъ и т. под. Въ выборѣ послѣднихъ у г. Бонѣцкаго, впрочемъ, замѣчается нѣкоторая неполнота и недостаточно строгая разборчивость: почему-то въ спискѣ его матеріаловъ отсутствуютъ, наприм., Акты Западной Россіи, хотя Акты Южной и Западной Россіи отмѣчены, отсутствуютъ также всѣ рѣшительно изданія Кіевской Археографической Комиссіи, тогда какъ такое сомнительное въ научномъ отношеніи изданіе, какъ «Витебская Старина», удостоено его вниманіемъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ источниковъ г. Бонѣцкій выбралъ свѣдѣнія рѣшительно о всѣхъ дворянскихъ родахъ Литовскаго Княжества, какія только встрѣчались ему, расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Свѣдѣнія эти не отличаются ни разнообразіемъ, ни бытовыми подробностями. Общая ихъ формула приблизительно такая: кто изъ представителей даннаго рода и когда именно въ первые упоминается въ источникахъ и по какому случаю, кто были его дѣти, внуки и т. д., какіе и когда получили они уряды, какими владѣли помѣстьями и т. под.

Но высокое научное достоинство этихъ свѣдѣній заключается именно въ ихъ исторической точности и документальной вѣрности, лишенной какихъ-бы то ни было прикрасъ, что и дѣлаетъ книгу г. Бонѣцкаго незамѣнимымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя литовско-русской старины.

Вездѣ, гдѣ была возможность, составитель приложилъ особыя родословныя таблицы съ хронологическими датами при каждомъ имени. Это чрезвычайно облегчаетъ пользованіе книгою въ случаяхъ спѣшныхъ справокъ. Всѣ фамильныя имена и прозвища, а также названія географическія приведены въ книгѣ въ ихъ первоначальной литовской или русской формѣ, какъ они писались въ XV—XVI вв., а не въ позднѣйшей ополяченной ихъ формѣ: точно также составитель поступаетъ и въ отношеніи личныхъ или крестныхъ именъ, что еще болѣе важно, такъ какъ правильная передача крестнаго имени весьма часто можетъ заключать указаніе на то, къ какому вѣроисповѣданію—восточному. или западному—принадлежало извѣстное лице.

По вопросу о происхожденіи волынскихъ и другихъ южнорусскихъ княжескихъ родовъ, составлявшему, какъ извѣстно, камень преткновенія для всѣхъ древнихъ и большинства новыхъ нольскихъ генеалоговъ, г. Бонѣцкій обнаруживаетъ въ своей книгѣ достаточное безпристрастіе и независимость своихъ сужденій: онъ не придаетъ никакого значенія старымъ, вѣками утвердившимся въ польской литературѣ мнѣніямъ относительно якобы происхожденія этихъ родовъ изъ дома Гедиминовичей и болѣе склоняется въ пользу признанія князей: Чорторыйскихъ, Сангушковъ, Вишневецкихъ, Ружинскихъ, Воронецкихъ, Збаражскихъ, Порыцкихъ и др. потомками южнорусскихъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ. По большой же части онъ благоразумно уклоняется отъ такого или иного рѣшенія вопросовъ о первоначальномъ происхожденіи того или другаго рода, въ виду того. что документальныя данныя, бывшія у него подъ руками и относящіяся лишь къ XV и въ рѣдкихъ случаяхъ къ концу XIV вв., не представляютъ для этого достаточныхъ основаній.

Единственный упрекъ, какой можно бы сдѣлать г. Бонѣцкому, или же, можетъ быть, вѣрнѣе его издателю—это по поводу крайней дороговизны книги: въ кіевскихъ магазинахъ она продается по 10 р. за экземпляръ. Правда, книга представляетъ довольно объемистый томъ in quarto, въ 500 съ лишнимъ страницъ, издана въ типографскомъ отношеніи вполнѣ безупречно, на веленевой бумагѣ, съ прекрасной виньеткой на заглавномъ листѣ; но всѣ эти внѣшнія достоинства книги не могутъ примирить покупателя съ ея непомѣрной дороговизной. Лучше въ такомъ случаѣ издать хорошую книгу болѣе скромно, на обыкновениой

бумагѣ, но назначить цѣну ей подешевле; иначе большинство тѣхъ лицъ, для которыхъ она предназначается, могутъ очутиться въ непріятномъ положеніи, такъ мѣтко выраженномъ народной пословицей: «добрый крамъ, та не по нашихъ грошахъ».

О. Л.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ, сост. В. А. Потто. С.-Петербургъ, 1887 г. т I, вып. 1—4. Изд. 2-е.

Первое изданіе вышло въ 1885 г., а теперь передъ нами второе изданіе «Кавказской войны» Потто, что уже доказываетъ отчасти достоинства этого труда. Цѣль автора—популяризированіе исторіи кавказской войны, и съ этой цѣлью онъ предлагаетъ вниманію читателя рядъ живыхъ и бойкихъ разсказовъ и біографій, причемъ обращаетъ вниманіе и на внутреннюю исторію вѣковой кавказской борьбы русскихъ съ горцами, воспоминанія отдѣльныхъ лицъ—участниковъ войны, пѣсни, черты нравовъ и быта. Изданіе предпринято въ трехъ томахъ: 1) До Ермолова, 2) Ермоловское время и 3) Персидская война 1826—1828 г. Авторъ не преслѣдуетъ строго историческія цѣли и потому въ его книгѣ нѣтъ критики событій и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и почти нѣтъ ссылокъ на научныя пособія. Это популярно - историческій трудъ, изложенный простымъ, яснымъ языкомъ, иногда въ художественныхъ очеркахъ, на отличной бумагѣ, четкимъ отличнымъ шрифтомъ, съ немногими, весьма хорошо исполненными, небольшими рисунками въ началѣ и концѣ статей, въ формѣ виньетокъ при инипіалахъ. Для русскихъ юношей, преимущественно учащихся въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, «Кавказская война» г. Потто—пріятное и полезное чтеніе, изъ котораго они вынесутъ убѣжденіе, что самые гробы служатъ для насъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что слава въ потомствѣ слѣдуетъ за тѣми, кто живетъ не во имя самолюбивой гордости, а во имя блага своей отчизны и своего народа (IV. 568).

Въ 4 выпускѣ перваго тома помѣщено нѣсколько статей по исторіи черноморскаго войска, именно: 1) Чепига и Головатый, 2) Бзюкская битва, 3) Атаманъ Бурсакъ, 4) Гибель Новогригорьевскаго поста и 5) Смѣрть Тиховскаго. Въ этихъ статьяхъ очерчена дѣятельность храбрыхъ потомковъ запорожскихъ сѣчевиковъ, силою обстоятельствъ заброшенныхъ далеко отъ родного Днѣпра на берега бурливой Кубани, лицемъ къ лицу съ дикими головорѣзами черкесами.

Въ статьѣ о Чепигѣ и Головатомъ излагается въ короткихъ словахъ горемычное блуканіе запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, въ связи съ запорожской политикой Потемкина. Въ послѣдніе годы своего бурнаго существованія запорожская Сѣчь выдвинула двухъ замѣчательныхъ людей: атамана Харька Чепигу и войскового судью Антона Головатаго. Это были истые сыны Запорожья, посильно отстаивавшіе его вѣковыя вольности и, при полной невозможности сохранить ихъ, содѣйствовавшіе мирному переселенію козаковъ въ прикубанскія степи. Въ статьѣ г. Потто ясно выступаетъ умная и дальновидная политика Головатаго, пріискивавшаго такую комбинацію, которая, ограничивая въ угоду Потемкина запорожскія права въ извѣстной мѣрѣ, въ то же время не нарушала бы основныхъ традицій Сѣчи; но Потемкинъ съ свойственнымъ ему высокомѣріемъ рѣшилъ, что Сѣчь должна быть уничтожена. Балагуря съ притворной любезностью со своимъ «побратимомъ» Головатымъ въ Петербургѣ, Потемкинъ посылаетъ приказаніе генералу Текели занять Сѣчь и обезоружить козаковъ. Въ лицѣ Головатаго выразился русскій демократизмъ, какимъ онъ проявился въ народоправствѣ сѣверно-русскихъ вѣчевыхъ Новгорода и Пскова и въ южнорусской Сѣчи; въ лицѣ Потемкина боярское и слившееся потомъ съ нимъ бюрократическое начало русской жизни, развившееся въ Московскомъ государствѣ до петровскаго времени и расцвѣтшее во время Петра Великаго и въ особенности во время Екатерины Второй. И тамъ, и здѣсь было много ума и настойчивости; но на сторонѣ послѣдней была еще сильная власть и знакомство съ западно-европейскими средствами вліянія и борьбы. Главное, самый ходъ историческихъ событій былъ за Потемкина, и потому имя его покрылось славой, хотя дѣятельность его не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что дорого всякому человѣческому сердцу, съ идеями просвѣщенія, гуманизма и свободы.

Сознавая важное значеніе мѣстнаго и этнографическаго элементовъ, въ статьѣ о черноморскихъ козакахъ г. Потто приводитъ малорусскія пѣсни, сложенныя черноморцами, и передаетъ безъ перевода оригинальныя, полныя иронія и силы, малорусскія рѣчи Головатаго. Напрасно только г. Потто вездѣ пишетъ Чепѣга, вмѣсто малорусскаго слова Чепига. Если бы слово «чепѣга» находилось и въ русскомъ языкѣ, тогда можно было бы и черезъ *т* его передать, а то оно принадлежитъ только малорусскому языку въ значеніи деревянныхъ ручекъ у плуга, а отсюда уже въ значеніи одного созвѣздія. Въ старину оно писалось чрезъ *ѳ*, но произносилось чрезъ *и*

Въ статьѣ о бзіюкской битвѣ говорится о первомъ походѣ черноморцевъ за Кубань и участіи ихъ въ междоусобной битвѣ двухъ черкесскихъ племенъ шапсуговъ и шпедуховъ. Козаки помогали шпеду-

хамъ, и со времени этой битвы начались вторженія шапсуговъ въ Черноморію.

Атаманъ Бурсакъ, третій послѣ Чепиги (второй—Котляревскій), былъ одинъ изъ послѣднихъ характерныхъ представителей Сѣчи запорожской. Выбранный въ концѣ 1799 г., онъ пробылъ атаманомъ до 1816 г., когда вышелъ въ отставку. Онъ многократно врывался въ Шапсугію, разорялъ аулы и отбилъ охоту у горцевъ тревожить черноморскую линію. При немъ, въ 1803 г., прекратился сѣчевой урядъ, и черноморцы были раздѣлены на полки на общемъ основаніи съ другими казачьими войсками.

Статьи о гибели Новогеоргіевскаго поста въ 1809 г. и о геройской кончинѣ полковника Тиховскаго въ 1810 г. въ битвѣ съ черкесами дополняютъ общую картину тревожной боевой жизни черноморцевъ въ началѣ настоящаго столѣтія.

О.

Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Амфіана С. Лебедева. Выпускъ 1. Москва 1886 г.

Профессоръ харьковскаго университета А. С. Лебедевъ въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ обратился къ изученію южнорусскихъ церковныхъ и монастырскихъ архивовъ и издалъ нѣсколько небольшихъ работъ, обратившихъ уже на себя вниманіе лицъ, занимающихся южнорусской бытовой исторіей. Историческія статьи и замѣтки А. С. Лебедева, почти всѣ очень небольшія, разбросаны въ разныхъ журналахъ, между прочимъ, въ мало извѣстномъ харьковскомъ журналѣ «Миръ», вышедшемъ всего въ шести книгахъ. Г. Лебедевъ возъимѣлъ прекрасную мысль собрать свои прежнія изслѣдованія по южнорусской церковной исторіи и, дополнивъ ихъ новыми, издать въ нѣсколькихъ выпускахъ подъ общимъ, какъ видно по первому выпуску, заглавіемъ: «Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе: «Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета». Исторія харьковскаго коллегіума была уже изслѣдована свящ. Д. Федоровскимъ въ «Дух. Бесѣдѣ» 1863 г. и П. С—ымъ въ «Харьк. Епарх. Вѣдомостяхъ» 1880 г. Оба писали исторію коллегіума по архивнымъ документамъ, дѣламъ коллегіума, хранящимся въ архивѣ харьковской духовной семинаріи; но архивный матеріалъ не былъ ими исчерпанъ. А. С. Лебедевъ нашелъ въ семинарскомъ архивѣ нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ просвѣтительному значенію коллегіума для Украйны, которыми на-

званные изслѣдователи не располагали. Кромѣ того, А. С. Лебедевъ нашелъ нѣсколько интересныхъ для исторіи коллегіума документовъ въ архивахъ курской и харьковской духовныхъ консисторій и курскаго знаменскаго монастыря. Вся статья г. Лебедева состоитъ во 1) изъ краткаго изслѣдованія о постановкѣ преподаванія наукъ и о просвѣтительномъ значеніи харьковскаго коллегіума (стр. 1—31) и во 2) изъ архивныхъ документовъ, относящихся къ коллегіуму (стр. 32—103).

Въ началѣ изслѣдованія о коллегіумѣ изглагается исторія его возникновенія, источники его доходовъ и положеніе учебнаго дѣла. Какъ общеобразовательная школа, доступная для людей всѣхъ сословій, харьковскій коллегіумъ пользовался сочувствіемъ общества, и это сочувствіе тѣмъ болѣе возрастало, что коллегіумъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ относился къ практически примѣненнымъ знаніямъ, языкамъ русскому, французскому и нѣмецкому. Въ коллегіумѣ преподавались, кромѣ того, богословіе, философія, естественная исторія, физика, риторика, піитика, математика, иѳика, исторія, географія, музыка, рисованіе, языки латинскій и греческій. Замѣчательно, что въ коллегіумѣ важное значеніе имѣло преподаваніе греческаго языка, согласно съ его общеобразовательнымъ значеніемъ, между тѣмъ какъ въ другихъ школахъ духовнаго вѣдомства почти безраздѣльно господствовалъ латинскій языкъ. Число учениковъ въ коллегіумѣ всегда было значительно; въ самомъ началѣ существованія коллегіума, въ 1727 г., было уже 420 чел.; въ послѣдующія времена число учащихся возрастало до 700, 800 и выше. Главный контингентъ давали дѣти духовенства; но и свѣтскихъ было не мало, притомъ не только дворянскихъ дѣтей, но и дѣтей купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, крестьянъ. Коллегіумъ выпускалъ много подготовленныхъ людей не только въ духовную, но и статскую службу: медиковъ, дипломатовъ, учителей гимназій. Со всей Украйны духовенство, дворяне, мѣщане и купцы обращались въ коллегіумъ съ просьбами объ отпускѣ въ ихъ домы изъ воспитанниковъ коллегіума учителей, и начальство давало отпуски воспитанникамъ философскаго и богословскаго классовъ. Вообще, въ XVIII ст., скудномъ просвѣтительными средствами, харьковскій коллегіумъ имѣлъ важное общеобразовательное значеніе для всей южной Россіи.

Изъ приложенныхъ къ изслѣдованію архивныхъ документовъ одинъ имѣетъ историко-литературный интересъ; это похвальное слово архіерею Епифанію, составленное въ 1727 г. Ильей Филипповичемъ по случаю учрежденія коллегіума,—слово крайне витіеватое, риторическое, съ рисунками, иллюстрирующими текстъ. Гораздо любопытнѣе инктрукціи коллегіума учителямъ о томъ, какъ и чему учить. Здѣсь опредѣляется общій характеръ и направленіе коллегіумскихъ наукъ. Еще любопытнѣе,

но уже въ смыслѣ преимущественно бытовомъ, инструкціи инспекторамъ, или старшимъ изъ воспитаниковъ коллегіума относительно того, какъ они должны руководить младшими воспитанниками. Наряду съ наставленіями, чтобы младшимъ воспитанникамъ внушался страхъ Божій и добронравіе, наклонность къ молитвѣ и хожденію въ церковь, идутъ наставленія, чтобы ученики «не ходили по базару безъ нужды, по льду не кользались , чтобы сами инспекторы по улицамъ не бродили, не шатались по чужимъ квартирамъ, особенно по безчестнымъ домамъ, не били учениковъ по щекамъ, за волосы не рвали, не штрикали ничѣмъ въ глаза, въ зубы и въ грудь, не бранились неблагопристойно и не давали ученикамъ насмѣшливыхъ прозваній». Приложенныя далѣе выписки изъ приходо-расходныхъ книгъ коллегіума 60-хъ годовъ прошлаго вѣка представляютъ любопытныя данныя для исторіи цѣнъ въ б. Слободской Украйнѣ.

Вообще первый выпускъ «Историческихъ разысканій» А. С. Лебедева представляется цѣннымъ вкладомъ въ исторію просвѣщенія въ южной Россіи, и остается только пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски „Историч. разысканій" не заставляли читателей долго ждать себя,—желаніе тѣмъ болѣе основательное, что труды А. С. Лебедева захватываютъ мало-разработанную область культурной исторіи южно-русскаго края, преимущественно бывшей слободско-украинской, нынѣ харьковской губерніи.

Н. С.

Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'a nos jours par Léon Sichler. Paris. 1886 г. IX+340. (*Исторія русской литературы отъ начала ея до настоящихъ дней. Льва Зихлера.*).

Съ каждымъ годомъ русская литература все болѣе и болѣе привлекаетъ на себя вниманіе французскаго общества. Почти всѣ значительные русскіе писатели переведены на французскій языкъ; появился цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ; появляются, наконецъ, и полные обзоры русской литературы. Во Франціи есть теперь цѣлый рядъ писателей, увлекающихся всѣмъ русскимъ, много пишущихъ о Россіи, напр. Рамбо (La Russie épique, Histoire de Russie), графъ де-Вогюе (Le Roman russe), Леже (Etudes slaves), Дюпюи (Les grands maîtres de la littérature russe au XIX-e Siècle) и т. д. Къ нимъ можно причислить и Льва Зихлера. «Исторія русской литературы» не первая его работа. Недавно онъ издалъ «Conets russes, traduits et illustrés»; кромѣ того о Россіи онъ писалъ въ Revue des Traditions populairs (octobre, 1886 г.), въ Revue des religions (1886 г.) и т. д. На страницахъ его послѣдней книги разсѣяны

указанія на будущія работы: такъ онъ обѣщаетъ издать: Légendes chrétiennes russes et oukrainiennes (стр. 36), La Poèsie Russe, Rècits russes d'auteurs contemporains, Les beaux arts en Russie, Le peuple russe, Légendes russes et Légendes de la Petite Russie.

Книга Зихлера имѣетъ чисто компилятивный характеръ; составлена, главнымъ образомъ, по французскимъ трудамъ о Россіи. Изъ русскихъ попадаются ссылки на гг. Безсонова, Пыпина, почему-то называемаго Sypine (стр. 116), Драгоманова. По всей вѣроятности, эти ссылки—изъ вторыхъ рукъ. Нѣкоторыя мѣста какъ будто бы прямо переведены изъ «Исторіи русской литературы» Полеваго (о Посошковѣ, духовной драмѣ и т. д.).

Зихлеръ даетъ краткія біографіи писателей, переводъ нѣкоторыхъ ихъ произведеній, краткія замѣтки о значеніи писателей въ исторіи русской литературы. Это очень сжатый очеркъ, могущій имѣть нѣкоторое значеніе для французскаго читателя, но никакъ для русскаго. Это не то, что «Geschichte der russischen Litteratur» Рейнгольда, которая можетъ имѣть значеніе и для русскаго читателя, ибо она написана глубокимъ знатокомъ русскаго языка и литературы, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Любопытно, что Зихлеръ въ свою «Исторію русской литературы» ввелъ нѣкоторыя данныя литературы южно-русской, какъ старинной, такъ и позднѣйшей. На стр. 97—101 онъ говоритъ о «Russie méridionale et occidentale au XVI Siècle»; здѣсь перечислены главнѣйшіе южно-русскіе литературные дѣятели XVI в. и вкратцѣ указано ихъ значеніе. Болѣе всего авторъ останавливается на Петрѣ Могилѣ, Гизелѣ, Копинскомъ, Галятовскомъ, Радивиловскомъ, Симеонѣ Полоцкомъ; остальныхъ только перечисляетъ. Объ южно-русскихъ ученыхъ, перешедшихъ въ Москву и объ ихъ значеніи, Зихлеръ также кратко упоминаетъ на стр. 101—104 и 110—112: болѣе всего говоритъ онъ о Симеонѣ Полоцкомъ и Епифаніи Славинецкомъ; о Димитріи Ростовскомъ очень мало (стр. 112).

На стр. 131—132 авторъ говоритъ объ южнорусскихъ думахъ, даетъ переводъ думы о Марусѣ Богуславкѣ и извѣстной пѣсни: «Ой пишли казаченьки зъ Украины»; переводъ довольно близокъ къ подлиннику, но свѣдѣнія о думахъ у Зихлера столько же скудны, какъ и о перечисленныхъ раньше южно-русскихъ писателяхъ. Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ думы: «думы—это размышленія народа, это элегіи, пѣсни, поэмы историческія, которыя всегда имѣютъ своимъ предметомъ жизнь украинцевъ или козаковъ и славу такихъ ихъ героевъ, какъ Наливайко, Хмельницкій, Дорошенко. Смуты «руины» (les troubles de l'interrègne) и

подвиги претендентовъ на корону (булаву?) находятъ также себѣ тамъ откликъ» (стр. 131).

На стр. 280—281 помѣщена поверхностная біографія Шевченка; въ концѣ перечислены его главнѣйшія произведенія: Гайдамаки, Катерина, Иванъ Подкова, Тарасова ничъ, Гамалія, Наймичка. Кромѣ того есть нѣсколько словъ о Маркѣ Вовчкѣ (стр. 332), довольно много о Гоголѣ (стр. 261—271).

В. К—шъ.

---

1) Шебелинскій бунтъ, Л. Илляшевича, 2) П. И. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки, И. П. Сокальскаго. (Харьковскія Губернскія Вѣдомости. 1887 г. №№ 62—63, и 100).

На страницахъ «Кіевской Старины» отъ времени до времени появляются библіографическія сообщенія о статьяхъ другихъ журналовъ, касающихся южноруской исторіи и этнографіи. Особенное значеніе имѣютъ такія сообщенія о статьяхъ, встрѣчающихся въ «Губ. Вѣдомостяхъ», въ которыя рѣзко заглядываетъ большинство читающей публики.

Статьи мѣстнаго историко-литературнаго и этнографическаго характера всего чаще можно встрѣчать въ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». На сей разъ я хочу ознакомить читателей съ двумя названными статьями, въ нихъ помѣщенными.

Первая изъ нихъ передаетъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, разсказъ объ одномъ характерномъ эпизодѣ изъ исторіи украинскихъ военныхъ поселеній, мало или почти совсѣмъ у насъ неизвѣстной. Вотъ сущность этого разказа.

10 ноября 1828 г. состоялось распоряженіе объ образованіи серпуховскаго полка изъ 15 казенныхъ селеній и двухъ хуторовъ въ зміевскомъ и изюмскомъ уѣздахъ харьковской губерніи. Жители всѣхъ селеній вновь образуемаго округа серпуховскаго уланскаго полка, со дня поступленія ихъ изъ гражданскаго вѣдомства въ военное, до конца мая 1829 года оставались въ образѣ жизни по прежнему безъ всякаго измѣненія, были тихи, смирны и не оказывали открытаго непослушанія новому управленію. Новость управленія заключалась въ томъ, что прежнія волостныя и сельскія правленія были переименованы въ сельскіе комитеты; въ нихъ постоянно находилось по одному вахмистру съ двумя ефрейторами, почти всѣ неграмотные, а къ нимъ придано было по нѣсколько членовъ изъ коренныхъ жителей. Эскадронные командиры и ихъ помощники пріѣзжали въ селенія своего эскадрона временно,

а командиръ поселенныхъ эскадроновъ, ротмистръ Молчановъ, занимаясь составленіемъ описи имуществу жителей и семейныхъ ихъ списковъ, по мѣрѣ успѣха переѣзжалъ изъ селенія въ селеніе.

23 мая, черезъ вахмистровъ, ефрейторовъ и членовъ сельскихъ комитетовъ, жителямъ всѣхъ селеній объявленъ вышеупомянутый приказъ, чтобы назначенные въ дѣйствующіе эскадроны, служащіе инвалиды и кантонисты, запаслись хлѣбомъ на трое сутокъ и были бы готовы идти 25 числа въ слободу Меловую, на инспекторскій смотръ. Приказано было одѣться почище, быть въ новыхъ кафтанахъ, шляпахъ, кушакахъ и сапогахъ.

Этотъ приказъ вызвалъ повсюду большое смущеніе и ропотъ. „Для чего идти въ Меловую на смотръ, когда у насъ нѣтъ никакой казенной амуниціи?—говорили они на сходахъ; пусть сперва одѣнутъ, а потомъ смотрятъ, а въ теперешнемъ одѣяніи, зипунѣ и лаптяхъ, смотрѣть нечего, а ежели кто хочетъ смотрѣть насъ, то можетъ видѣть, пріѣхавъ къ намъ въ селеніе". Населеніе, вообще очень несочувственно относившееся къ военному поселенію, теперь заволновалось. Среди доселѣ мирнаго населенія распространился слухъ, что на смотръ требуютъ не всѣхъ жителей, а только назначенныхъ въ дѣйствующіе эскадроны и что какъ скоро они соберутся въ слободу Меловую, тамъ забрѣютъ имъ лбы и отошлютъ въ дальніе полки. Этому слуху тамъ повѣрили, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ первоначально не было замѣтно сопротивленія, матери, жены и дѣти злосчастныхъ избранниковъ. провожая ихъ въ Меловую, оглашали воздухъ рыданіями и причитаніями.

Населеніе села Шебелинки рѣшилось не идти на смотръ; вскорѣ къ шебелинцамъ присоединились жители слободы Михайловки. Противъ волновавшихся крестьянъ, собравшихся въ Шебелинкѣ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, былъ двинутъ отрядъ уланъ въ 336 чел. Уланы, встрѣтившіе пиками крестьянъ, вооруженныхъ кольями и косами, были отбиты и отступили, потерявъ раненными 24 человѣка. Губернаторъ Муратовъ и сенаторъ Горголи напрасно старались увѣщаніями склонить крестьянъ къ покорности. «Уважаемъ твою сѣдину, говорили крестьяне сенатору Горголи, но служить не будемъ». Въ Шебелинкѣ появилась своего рода орлеанская дѣва, воодушевлявшая народъ къ сопротивленію. Воинствующей героиней оказалась старуха Аксинья Токарева, болѣе извѣстная подъ уличнымъ прозвищемъ «бабки Гарбузихи» и слывшая среди шебелинскихъ крестьянъ за колдунью. Въ теченіи двухъ дней, 28 и 29 мая, бабка Гарбузиха по нѣсколько разъ обходила толпу съ пасхою, вербою и горохомъ. Пасху всѣ должны были цѣловать, вербою колдунья махала кругомъ, а гороху по три зерна

она сама клала въ ротъ каждому изъ поселянъ. Въ тоже время она раскидывала кругомъ «городка» листья орѣховыхъ деревьевъ, увѣряя всѣхъ, что теперь стрѣлять въ нихъ никто не посмѣетъ.

Между тѣмъ къ Шабелинкѣ стягивались войска: вторая уланская дивизія въ полномъ составѣ и баттарея конной артиллеріи. «Едва взошло солнце 31 мая, говоритъ г. Илляшевичъ, какъ бунтовавшей толпѣ еще разъ предложено было покориться. Отвѣтъ былъ отрицательный. Избѣгая кровопролитія и все еще надѣясь на возможность мирнаго окончанія, генералъ Горголи приказалъ дать одинъ пушечный выстрѣлъ черезъ головы. Это еще болѣе ободрило непокорныхъ. Отъ выстрѣла, на противуположномъ концѣ деревни, загорѣлся стогъ сѣна. Толпа разразилась гремкимъ ура, увѣровавъ, что чары бабки Гарбузихи предохранили ихъ даже отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Не долго однако они ликовали. Отданъ былъ приказъ стрѣлять картечью, которая, врѣзывалась въ самую толпу, повалила сотни. Всего было сдѣлано 24 выстрѣла, послѣ которыхъ уланы пошли въ атаку. Все, что могло еще бѣжать изъ городка, бѣжало передъ уланами; но тѣ подступали со всѣхъ сторонъ, стрѣляя изъ карабиновъ въ упоръ и послѣ выстрѣла отступая въ заднюю шеренгу, пропускали впередъ пикинеровъ. Такимъ образомъ, уже не встрѣчая сопротивленія, уланы сошлись со всѣхъ сторонъ въ серединѣ деревни, гдѣ отъ оставшейся толпы, павшей на колѣни, приняли просьбу о помилованіи и увѣреніе въ покорности.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Горголи показано, что во время усмиренія убито поселянъ на мѣстѣ 46, тяжело ранено, которые тамъ-же и умерли 28, а всего 74 человѣка, и въ томъ числѣ одна женщина. Отправлено въ госпиталь раненыхъ 100 человѣкъ, изъ нихъ 29 умерло, 39 выздоровѣло, а 32 оставались въ госпиталѣ къ 14 августа, когда былъ подписанъ этотъ рапортъ. Несомнѣнно, показанныя здѣсь цифры далеко ниже дѣйствительныхъ. По показанію современника этого событія, только въ андреевскій госпиталь (борисоглѣбскаго полка) было доставлено около 400 раненыхъ, а въ рапортѣ сенатора Горголи, согласно донесеній поселеннаго начальства, въ андреевскомъ госпиталѣ показано лишь 60 раненыхъ. Современникъ этотъ, житель слободы Андреевки говоритъ, что всѣхъ раненыхъ, доставленныхъ въ Андреевку и требующихъ большею частію ампутаціи и другихъ хирургическихъ операцій, нельзя было помѣстить въ госпиталь и ихъ разложили въ манежѣ и въ школѣ, на землѣ на соломѣ; въ манежѣ въ четыре ряда. Три госпитальныхъ медика И. И. Бирнбаумъ, докторъ Пауль и Егоръ Фаддѣевичъ Слѣдзіевскій работали усерднѣйшимъ обра-

зомъ; но при всемъ искусствѣ врачей не многіе калѣки вернулись домой, большинство-же умерли.

Послѣ усмиренія наступилъ часъ возмездія. Къ счастію, дѣло попало въ руки такого справедливаго и гуманнаго человѣка, какимъ былъ сенаторъ Горголи. Почти три мѣсяца ѣздилъ онъ изъ селенія въ селеніе, отбирая показанія, распрашивая о причинахъ недовольства, стараясь успокоить взволнованное населеніе».

Представляя государю императору свое заключеніе о причинахъ бунта, сенаторъ Горголи прямо обвинялъ военное начальство, которое, зная о нерасположеніи крестьянъ къ переходу въ военные поселяне, не соблюло достаточной осторожности при введеніи новыхъ порядковъ и впослѣдствіи не приняло своевременно мѣръ предосторожности для сохраненія порядка.

Группируя виновныхъ, Горголи къ зачинщикамъ и подстрекателямъ отнесъ 50 чел., а къ участникамъ 163 чел., причемъ великодушный сенаторъ ходатайствовалъ передъ государемъ о прощеніи виновниковъ второй категоріи, уже испытавшихъ тяжесть тюремнаго заключенія. Ходатайство это было уважено; всѣ 163 чел. были отпущены по домамъ. Изъ 50 главныхъ виновниковъ 2 были сосланы въ бобруйскую крѣпость въ каторжныя работы, а остальные 48 отправлены въ Елисаветградъ на службу въ поссленные эскадроны 3-й уланской дивизіи. Бабка Гарбузиха, или Аксинья Токарева, содержавшаяся во все время слѣдствія и суда на полковой гауптвахтѣ, по старости, была отпущена домой безъ всякаго наказанія, лишь съ отобраніемъ подписки, чтобы «она впредь отнюдь не осмѣливалась обманывать суевѣрный народъ мнимымъ своимъ знаніемъ въ ворожбѣ, въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нею по всей строгости законовъ»; мѣстному-же начальству поставлено было въ обязанность «имѣть за поведеніемъ ея и поступками строгій секретный надзоръ».

Вторая статья, принадлежащая перу роднаго брата покойнаго П. П. Сокальскаго, сообщаетъ обстоятельныя и точныя біографическія свѣдѣнія о покойномъ и его музыкальной дѣятельности.

П. П. Сокальскій родился въ Харьковѣ 14 сент. 1832 г. Здѣсь онъ получилъ высшее образованіе въ мѣстномъ университетѣ по естественному разряду наукъ и защитилъ, по окончаніи въ немъ курса въ 1855 г., диссертацію на степень магистра химіи. Въ Харьковѣ-же написаны были имъ первыя музыкальныя произведенія, счетомъ 16, изъ которыхъ въ бумагахъ покойнаго сохранилось только четыре.

«Съ 1855 года началась для П. П. Сокальскаго безпокойная, кочевая жизнь, полная заботъ и труда, изъ-за устройства соціальнаго положенія, при которомъ внѣшняя обстановка не шла-бы въ разрѣзъ съ свободою душевныхъ стремленій. Онъ ищетъ устроиться прежде всего въ Москвѣ, въ редакціи какой-либо газеты или журнала, попадаетъ случайно въ какую-то деревню въ тверской губерніи, откуда шлетъ въ «Отечественныя Записки» разсказъ: «Наблюденія уѣзднаго старожила надъ коньками своихъ сосѣдей» (январь, 1857 г.), перекочевываетъ затѣмъ на короткое время въ С.-Петербургъ и участвуетъ цѣлымъ рядомъ статей (сельско-хозяйственнаго и техническаго содержанія) въ изданіи Журнала министерства государственныхъ имуществъ. Наконецъ судьба несетъ его за Океанъ и въ послѣдней (№ 12) книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за тотъ-же 1857 годъ помѣщено уже его «Письмо изъ Америки». Около трехъ лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ должности секретаря русскаго генеральнаго консула Нотбека въ Нью-Іоркѣ. Три года, проведенные П. П. Сокальскимъ въ Америкѣ, имѣли рѣшающее значеніе въ его жизни. Здѣсь именно отдался онъ любимому искусству всею душею, безраздѣльно, здѣсь изучилъ теорію и исторію музыки, здѣсь-же задумалъ и капитальныя свои произведенія: оперу «Мазепа» (на тему А. Пушкина), оперу «Майская ночь» (на тему Гоголя) и оперу «Осада Дубно» (на тему Гоголя) «Тарасъ Бульба». Среди шума и грохота громаднаго города, на смѣну разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній отъ Новаго Свѣта, сами собою, во всей своей красѣ, вставали предъ добровольнымъ изгнанникомъ дорогія воспоминанія о цвѣтущихъ садахъ, зеленыхъ лугахъ и просторныхъ, тогда еще цвѣтными коврами покрытыхъ весною степяхъ Украйны. Въ Нью-Іоркѣ написана и первая малорусская фантазія (безъ словъ) на тему: «Вѣютъ вѣтры буйные по степи широкой».

Послѣ возвращенія въ Россію, П. П. Сокальскій въ 1860 г. поселился въ Одессѣ, по приглашенію брата своего П. П. Сокальскаго для совмѣстнаго редактированія «Одесскаго Вѣстника», и съ тѣхъ поръ проживалъ въ Одессѣ, посвящая свои труды литературѣ и преимущественно музыкѣ.

Принадлежа къ числу плодовитыхъ музыкальныхъ композиторовъ, П. П. Сокальскій создалъ много музыкальныхъ пьесъ и фантазій и нѣсколько оперъ, изъ которыхъ, по спеціально мѣстно историческимъ рамкамъ «Кіев. Старины», здѣсь упомянемъ: «На лугахъ. Отголоски Украйны. Спб. 1861 г.» (не издано) и «Тарасъ Бульба», изд. въ Петербургѣ въ 1864 г. подъ названіемъ «Осада Дубно». Либретто оперы

на русскомъ и малорусскомъ языкахъ написано самимъ композиторомъ, причемъ было исходатайствовано имъ право пользоваться обоими либретто при постановкѣ оперы на сцену. Кромѣ того П. П. Сокальскій составилъ на украинскіе мотивы 4 пьесы, положилъ на музыку три думы Шевченка, романсъ на слова Глѣбова «Не такъ мене правда» (Основа, 1861 г., іюль), сдѣлалъ нѣсколько переложеній малорусскихъ пѣсенъ на фортепьяно и составилъ рецензію по поводу постановки въ Одессѣ «Риздвяной Ночи» Н. В. Лисенка, помѣщенную въ Одесскомъ Листкѣ 1884 г., №№ 257—258.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ П. П. Сокальскій ревностно изучалъ народную музыку. Онъ съ большимъ усердіемъ сталъ записывать музыку мѣстныхъ малорусскихъ пѣсенъ и принялся за изученіе сборниковъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи и въ Европѣ. Одна коллекція этихъ сборниковъ составляетъ довольно значительную часть его музыкальной библіотеки. Этимъ-то матеріаломъ и воспользовался П. П. Сокальскій при составленіи своего капитальнаго труда «О русской народной музыкѣ».

Съ 1862 г. начинаются теоретическіи его работы по музыкѣ. Въ журналѣ «Время» помѣщена его статья: «О музыкѣ въ Россіи» (мартъ, 1862 г.).

Повидимому, итоги своихъ теоретическихъ работъ по музыкѣ подвелъ П. П. Сокальскій въ сочиненіи своемъ: «Русская народная музыка», *вполнѣ оконченномъ и приготовленномъ къ печати* (какъ значится на рукописи) *28 февраля 1886 года.*

Сочиненіе состоитъ изъ 2 частей. Авторъ далъ ему слѣдующее заглавіе:

«Русская народная музыка» (великорусская и малорусская) въ ея строеніи, *мелодическомъ* и *ритмическомъ*, и отличія ея отъ основъ современной *гармонической* музыки. Часть 1) мелодическое строеніе. Часть 2) ритмическое строеніе. Изслѣдованіе *П. П. Сокальскаго.* Одесса, 1886 г.

На разсмотрѣніи извѣстнаго музыкальнаго критика *М. М. Иванова* была (въ рукописи) только первая часть этого сочиненія, и онъ высказалъ о ней самое лестное сужденіе въ двухъ статьяхъ «Новаго Времени» отъ 23 марта с. г. (№ 3974) и отъ 30 марта (№ 3981).

Въ концѣ статьи И. П. Сокальскій сообщаетъ, что одесскій литераторъ-публицистъ, Павелъ Степановичъ Леонардъ, узнавши, что печа-

таніе изслѣдованія «О русской музыкѣ» задерживается въ настоящее время за неимѣніемъ готовыхъ для того средствъ, сочувственно отнесся къ этому дѣлу и заявилъ готовность поддержать матеріальными средствами изданіе этого изслѣдованія, которое, въ виду того, что текстъ изобилуетъ нотными строками, предположено печатать въ С.-Петербургѣ, подъ наблюденіемъ *Н. Н. Бороздина*, друга покойнаго изслѣдователя, и подъ редакціею музыкальнаго критика *М. М. Иванова*.

С.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

А.-Г. К. Киркоръ,

ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи[1]).

(некрологъ).

Почти незамѣтно проскользнуло для нашихъ ученыхъ извѣстіе о кончинѣ Адама-Гонорія Карловича Киркора, одного изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятелей, какихъ выставила для науки наша западная окраина. Не будетъ излишнимъ поэтому посвятить нѣсколько словъ воспоминанію этой трудовой, недавно еще окончившейся жизни.

Смерть постигла Киркора на 69-мъ году жизни, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Краковѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы, удрученный старостью и измученный продолжительною болѣзнью. Покойный былъ уроженецъ Бѣлоруссіи и почти всю свою жизнь посвятилъ изученію этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Литвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начатъ извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собирателемъ Зоріаномъ Доленгою-Ходаковскимъ (Ад. Чарноцкимъ) и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, Ѳ. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими. Имъ прежде всего обязана наша наука многими изысканіями по

[1]) Читано въ засѣданіи московскаго археологическаго общества.

части исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ областей нашего отечества, и къ ихъ трудамъ будетъ обращаться всякій, кто пожелаетъ ближе познакомиться съ исторіей нашей западной окраины и съ духовною жизнью литовскаго и бѣлорусскаго народовъ. Были, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, не свободныя подъ часъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ-же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ съумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало, и съ благодарностью помянетъ людей, посвятившихъ жизнь, трудъ и средства для пользы своей родины и поддерживавшихъ такъ или иначе священное пламя на очагѣ родной науки.

А. К. Киркоръ родился въ 1818 году, т. е. именно въ тотъ самый годъ, когда появился трудъ помянутаго Ходаковскаго: «О славянствѣ въ до-христіанскій періодъ». Родиною Киркора была могилевская губернія, гдѣ отецъ его былъ, кажется, сельскимъ уніатскимъ священникомъ гдѣ-то около города Мстиславля. Учился онъ сначала въ могилевской гимназіи, а потомъ въ дворянскомъ институтѣ въ Вильнѣ. По окончаніи образованія онъ остался жить въ этомъ городѣ, получивъ должность секретаря при губернскомъ правленіи. На эту чиновничью службу онъ смотрѣлъ, какъ на горькую необходимость, и всегда искалъ знакомства и дружбы въ средѣ людей болѣе просвѣщенныхъ, желая посвящать свободныя минуты для болѣе возвышенныхъ цѣлей. Въ числѣ его друзей былъ между прочимъ профессоръ бывшаго виленскаго университета, археологъ Михаилъ Гомолицкій. Подъ его-то вліяніемъ развилась въ Киркорѣ страстная любовь къ занятіямъ древностями и, благодаря этому, онъ оказалъ большую услугу разработкѣ мѣстной исторіи и особенно археологіи. Онъ раскопалъ систематически болѣе 1,000 кургановъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, изслѣдовалъ и описалъ множество городищъ и замковищъ. Рядомъ съ археологіею шли также занятія по этнографіи, которой онъ отдавался съ неменьшимъ увлеченіемъ и уже въ 1839 году написалъ статью «О языческихъ обрядахъ въ Бѣлоруссіи». Болѣе 30 лѣтъ прожилъ онъ въ Вильнѣ и въ теченіе этого времени работалъ для Вильны и виленской губерніи по преимуществу.

Лучшею иллюстраціею безкорыстной и неутомимой дѣятельностью Киркора будутъ служить многочисленные труды, принадлежащіе ему самому цѣликомъ, или-же изданные имъ въ сообществѣ съ другими на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Въ 1843 году, при участіи извѣстнаго Крашевскаго, издававшаго уже съ 1841 г. свой Athenеum, а также М. Грабовскаго, М. Верещинскаго и др., Киркоръ приступилъ къ періодическому изданію «Радегастъ», названному такъ по имени одного изъ древне-языческихъ полабско-славянскихъ божествъ, представителя вещей и воинственной силы божества солнца, по объясненію нѣкоторыхъ миѳологовъ. Журналъ долженъ былъ выходить на польскомъ языкѣ и служить главнымъ образомъ интересамъ западнаго края; но по выходѣ въ свѣтъ перваго тома изданіе пришлось прекратить по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Тогда Киркоръ подъ псевдонимомъ Яна изъ Сливина (Jan ze Sliwina) задумалъ издавать «Памятники умственной жизни» (Pamiętniki umysłowe); въ теченіе 1845—46 гг. ихъ вышло три книги, и на этомъ изданіе прекратилось.

Вскорѣ послѣ этого Киркоръ былъ избранъ членомъ виленскаго губернскаго статистическаго комитета, а также членомъ имп. археологическаго общества. Благодаря этому для него открылся болѣе широкій кругъ дѣятельности. Онъ сталъ производить научныя изслѣдованія въ западныхъ губерніяхъ, совершая отъ времени до времени поѣздки, издавалъ и редактировалъ рядъ трудовъ и отдѣльныхъ статей по исторіи, археологіи, этнографіи, статистикѣ и отчасти даже лингвистикѣ. Съ 1850 по 1854 г. онъ редактировалъ «Памятныя книжки виленской губерніи», издававшіяся при губернскомъ статистич. комитетѣ. Это изданіе, какъ и всѣ ему подобныя, предназначалось собственно для справочныхъ цѣлей, но кромѣ того тамъ былъ отдѣлъ неоффиціальный, и Киркоръ, какъ знатокъ края, съумѣлъ придать живой интересъ этому дѣлу и сообщить ему серьезный характеръ. Самъ онъ велъ тамъ постоянную рубрику «Виленскія воспоминанія» и кромѣ того помѣстилъ еще слѣдующія свои статьи: «Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 г.» (Пам. кн., 1852 г.), «Очерки городовъ виленской губерніи» (ibid.), «Статистическій взглядъ на виленскую губернію» (1853 г.). Къ этому-же времени относятся его «Историко статистическіе очерки

виленской губерніи» (1852 г., 2 т., съ таблицами) и «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (1854 г.), изданныя виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Какъ дѣйствительный членъ имп. рус. географическаго общества, Киркоръ печаталъ свои труды и въ изданіяхъ этого общества. Такъ, въ 1854 г. въ «Вѣстникѣ имп. рус. геогр. общ.» помѣщена его статья: «Населеніе г. Вильны и его статистика за послѣдніе 22 года». Позднѣе, въ 1857—58 г. въ томъ-же изданіи появился его большой очеркъ подъ заглавіемъ: «Этнографическій взглядъ на виленскую губернію», составленный согласно программѣ, выработанной обществомъ. Для большаго распространенія этого интереснаго труда общество перепечатало его цѣликомъ и въ другомъ своемъ изданіи, «Этнографическомъ Сборникѣ» (вып. 3), гдѣ онъ занялъ болѣе одинадцати печатныхъ листовъ [1]). Тутъ, послѣ общаго введенія, трактуется о наружности жителей виленской губерніи, о языкѣ, о домашнемъ и общественномъ бытѣ, объ обычаяхъ и обрядахъ, о народномъ лѣченіи и лѣкарствахъ, объ увеселеніяхъ и музыкѣ, о нравственности, объ умственныхъ способностяхъ и образованіи, о народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ, наконецъ, приведено болѣе сотни бѣлорусскихъ и отчасти литовскихъ пѣсенъ и около 200 пословицъ, и приложено объясненіе словъ. Большая часть наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ надъ жизнью населенія виленской губерніи, можетъ быть отнесена ко всѣмъ бѣлоруссамъ и литовцамъ вообще, такъ что, не смотря на свои повидимому узкія рамки, этотъ трудъ имѣетъ общее значеніе для изученія Бѣлоруссіи и Литвы. Въ 1856 г. Киркоромъ изданы въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ «Прогулки по Вильнѣ и его окрестностямъ», основательно знакомящія читателя съ историческими достопримѣчательностями этого древняго города, бывшаго нѣкогда столицею литовскаго княжества; это изданіе было въ 1859 г. повторено съ дополненіями. Въ томъ-же 1856 году, при участіи М. Гусева, М. Балинскаго и Л. Кондратовича онъ издалъ на русскомъ и на польскомъ языкахъ «Записки виленской археологической коммисіи», гдѣ между прочимъ помѣстилъ свою статью: «О значеніи и успѣхахъ археологіи».

---

[1]) См. также „Extraits des publications de la Société Jmpér. Géographique de Russie en 1856—57, Спб. 1859 г.

Продолженіе этого изданія явилось отдѣльнымъ выпускомъ въ 1858 г. и было обработано Киркоромъ при содѣйствіи И. Малиновскаго. Въ промежуткѣ между этими изданіями появились въ «Извѣстіяхъ имп. рус. археологич. общества» (1857 г.) еще слѣдующія статьи Киркора: «Археологическія разысканія въ виленской губерніи» и «Изображеніе литовской богини Мильды» (съ рис.). Другія его статьи разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ и журналамъ, не только русскихъ, но и польскимъ (напр. въ журналѣ «Bibliotеka Warszawska», 1855 г.); разыскать и точно обозначить всѣ эти труды будетъ задачею библіографа, имѣющаго возможность наводить всѣ необходимыя для этого справки.

Однимъ изъ выдающихся событій въ умственной жизни Вильны этого времени было между прочимъ основаніе въ Вильнѣ, по иниціативѣ гр. Евст. Тышкевича, музея древностей, предназначеннаго для храненія памятниковъ старины западнаго края и существующаго до настоящаго времени. Киркоръ, какъ страстный археологъ и другъ Тышкевича, сразу принялъ весьма дѣятельное участіе въ этомъ учрежденіи, какъ въ его устройствѣ, такъ особенно въ обогащеніи коллекціями, добываемыми во время своихъ раскопокъ и получаемыми отъ разныхъ лицъ и любителей древностей и рѣдкостей. Назначенный затѣмъ вполнѣ заслуженно «консерваторомъ» археологическаго отдѣленія музея, онъ составилъ въ 1858 г. первый опытъ систематическаго описанія музея подъ заглавіемъ «Перечневый каталогъ предметовъ въ виленскомъ музеѣ древностей». Изъ этого перечня видно, что въ самомъ началѣ своего существованія музей имѣлъ болѣе 3,000 отдѣльныхъ предметовъ, касающихся духовнаго и внѣшняго быта древнихъ литовцевъ и бѣлоруссовъ, не считая въ томъ числѣ нумизматическихъ, естественно-историческихъ и библіографическихъ коллекцій, которымъ также было положено прочное начало.

Поѣздки съ научною цѣлью, раскопки, составленіе отчетовъ и статей съ изложеніемъ результатовъ этого изученія, наконецъ редактированіе историко-статистическихъ трудовъ и занятія по музею—все это не оставляло для него почти ни минуты свободнаго времени, и не смотря на это, онъ мечталъ еще о періодическомъ изданіи, посвященномъ мѣстнымъ интересамъ. Объ изданіи на русскомъ языкѣ въ тогдашнее время въ Вильнѣ нечего было и думать,

потому что слишкомъ мало было мѣстныхъ русскихъ силъ, которыя могли-бы поддерживать изданіе. И вотъ въ 1857 г. Киркоръ, навербовавъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ, приступилъ къ изданію извѣстнаго «Виленскаго Портфёля» (Teka wileńska)[1]); но ему не суждено было долго существовать. До 1863 г. его вышло всего восемь книгъ, въ которыя однако вошелъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, имѣющій большое значеніе для исторіи умственнаго движенія на нашей западной окраинѣ въ великую эпоху 60-хъ годовъ. Съ воцареніемъ Александра II почувствовалось приближеніе «новыхъ дней», началось обсужденіе разныхъ вопросовъ и настоятельныхъ реформъ, выдвинутыхъ наукою и еще болѣе жизнью, съ необыкновеннымъ жаромъ и серьезностью; все встрепенулось, и провинція не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ столичныхъ центровъ, но иногда и опережала ихъ, потому что провинціальные дѣятели ближе стояли къ народной массѣ и отчетливѣе понимали необходимость той или другой реформы, практическое значеніе того или другого вопроса. Вильна была однимъ изъ главныхъ провинціальныхъ центровъ, гдѣ кипѣла духовная жизнь. Въ сентябрѣ 1858 года этотъ городъ удостоился посѣщенія государя императора, пробывшаго тамъ два дня. Государь былъ восторженно привѣтствуемъ всѣми безъ различія національностей и сословій. Ученикъ Сырокомли Викентій Коротынскій посвятилъ Александру II отъ имени народа стихотвореніе на бѣлорусскомъ языкѣ: «его милости, государу императору Александру Миколаевичу пѣсня съ поклономъ одъ литовско-русинскои мужицкои громады»; а кружокъ литераторовъ и мѣстныхъ ученыхъ съ Киркоромъ во главѣ удостоился поднесть государю «альбомъ», или вѣрнѣе историко-литературный сборникъ, составленный въ память этого радостнаго событія и изданный виленскою археографическою коммиссіею. Составители сборника въ предисловіи или посвященіи высказали самыя вѣрноподданническія чувства отъ лица всѣхъ народностей западнаго края и предрекали милость, свободу, равноправность. Извѣстный польскій поэтъ Антоній Эдвардъ Одынецъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ необыкновенно вдохновенное стихотвореніе или оду въ

---

[1]) Передъ этимъ было выхлопотано разрѣшеніе на изданіе журнала „Pogoń Litewska“, но изданіе не осуществилось.

честь Александра II, подъ заглавіемъ: «Przyjdz Królewstwo Boze!» Киркоръ напечаталъ тамъ-же по русски «Историко-статистическіе очерки г. Вильны съ его достопримѣчательностями»; наконецъ Николай Малиновскій помѣстилъ статью на французскомъ языкѣ: «Литва со времени воцаренія Александра II». Эта горячая преданность русскому царю представителей польской интеллигенціи вызвала въ заграничной польской прессѣ цѣлую бурю. Ярые, непримиримые поляки-патріоты закидали ихъ грязью, публично обозвали измѣнниками. Польскій критикъ и публицистъ Юл. Клячко, изъ виленскихъ евреевъ, выпустилъ въ 1860 г. въ Парижѣ политическій памфлетъ, подъ заглавіемъ: «Отступники» (odstępcy), направленный прямо противъ лицъ, учавствовавшихъ въ названномъ сборникѣ; его поддержалъ другой публицистъ Уѣйскій въ своихъ «Письмахъ изъ подъ Львова». Но все это не охладило Киркора, потому что онъ гораздо шире понималъ задачи истиннаго патріотизма, и интересы своего народа и своей родины были для него выше безсмысленныхъ фанатическихъ нападокъ.

Въ слѣдующемъ-же 1859 г. Киркоръ открылъ въ Вильнѣ собственную типографію, и съ этихъ поръ начался самый оживленный и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, онъ всегда вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о самой свѣтлой полосѣ. Эти воспоминанія онъ печаталъ въ 1884—85 гг. въ петербургскомъ «Краѣ» и въ «Дневникѣ Познанскомъ». Домъ Киркора былъ для всѣхъ открытъ и служилъ центромъ умственной жизни Вильны. По субботамъ бывали у него собранія, служившія не столько для увеселенія, сколько для обмѣна мыслей, споровъ, обсужденія разнаго рода вопросовъ. Постоянными гостями Киркора были: Сырокомля, Одынецъ, музыкантъ-композиторъ Монюшко, писатель Игн. Ходзько, археологи и историки: Ѳ. Нарбуттъ, М. Балинскій, Н. Малиновскій, бр. Тышкевичи, гр. Тизенгаузъ и многіе другіе. Иногда эти субботніе вечера принимали литературный характеръ, особенно когда Вильну посѣщала какая-нибудь знаменитость. Тутъ устраивали свои концерты извѣстные братья Венявскіе, Контскіе Антонъ и Аполинарій; о послѣднемъ Киркоръ еще въ 1852 г. издалъ даже брошюрку въ память его пребыванія въ Вильнѣ. Съ открытіемъ собственной типографіи, Киркоръ снова принялся за періодическія изданія. Въ 1859—62 гг. онъ издалъ подъ

извѣстнымъ уже псевдонимомъ два тома «Виленскаго Сборника» (Pismo zbiorowe wileńskie), а въ 1860 г., кромѣ того, принялъ на себя изданіе и редакцію газеты «Виленскій Вѣстникъ» («Krajer Wileński), причемъ главнымъ помощникомъ его былъ Н. Малиновскій. Это былъ оффиціальный литературно-политическій органъ, предназначенный для Литвы и Бѣлоруссіи и печатавшійся на двухъ языкахъ: русскомъ и польскомъ. Существованіе мѣстнаго органа было чрезвычайно важно для края, особенно въ такое время, когда съ жаромъ обсуждались вопросы, касающіеся крестьянской реформы; нужно было только умѣніе вести. Успѣхъ газеты подъ его руководствомъ былъ таковъ, что вмѣсто прежнихъ 400 подписчиковъ явилось 3,000 съ лишнимъ. Но тутъ начались разныя дрязги и непріятности, была растрачена значительная сумма подписныхъ денегъ, издатель потерпѣлъ до 10,000 р. убытку и наконецъ долженъ былъ отказаться отъ изданія, чему не мало способствовали и политическія волненія, охватившія въ то время нашу западную окраину.

Это были послѣдніе годы жизни и дѣятельности Киркора въ Вильнѣ. Къ этому періоду относятся еще слѣдующіе его труды на польскомъ языкѣ: «Литва въ историческомъ, научномъ и статистическомъ отношеніяхъ» (1862 г.), «Путеводитель по Вильнѣ» съ весьма обильными историческими свѣдѣніями (1862 г., второе изданіе вышло въ 1880 г.) и «Вильна и желѣзныя дороги», путеводитедь съ планами и видами г. Вильны и съ картою желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, въ «Сборникѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по виленской губерніи», изданномъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, онъ помѣстилъ статью на русскомъ языкѣ: «Краткое обозрѣніе ученой дѣятельности по части статистики въ литовскомъ краѣ и въ особенности въ виленской губерніи» (I ч., 1863 г.).

Въ концѣ слѣдующаго 1864 года, московское археологическое общество избрало Киркора своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и какъ-бы въ благодарность за оказанную ему честь онъ помѣстилъ впослѣдствіи въ «Трудахъ» этого общества, имѣющихъ спеціальное названіе «Древности», свое изслѣдованіе: «Монетное дѣло въ Литвѣ» (т, II, 1869 г.), вышедшее также отдѣльнымъ оттискомъ въ 1870 г. Впрочемъ и раньше еще онъ доставилъ этому обществу цѣлый рядъ статеекъ и замѣтокъ, которыя вошли въ число матеріаловъ

для археологическаго словаря, печатаемыхъ въ «Древностяхъ». Замѣтимъ кстати, что Киркоръ первый началъ составлять бѣлорусскій словарь, и если у него, можетъ быть, недоставало необходимаго для этого основательной филологической подготовки, то за то у него было основательное знаніе народа и близкое знакомство съ живою народною рѣчью. Объясненія бѣлорусскихъ словъ встрѣчались въ печати уже и раньше или одновременно у этнографовъ-собирателей, напр. въ сборникѣ пѣсенъ И. Чечота (Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, Wilno. 1846), а также у разныхъ мелкихъ мѣстныхъ писателей, обрабатывавшихъ въ стихотворной и прозаической формѣ народно-бѣлорусскія темы, напр. у Дунинъ-Марцинкевича (Ciekawyś—przeczytaj! Минскъ, 1856 г. Dudarz białoruski, ib. 1857 г.) и другихъ. Но всѣ эти словарики ограничивались, конечно, нѣсколькими десятками словъ, требовавшихъ объясненія для точнаго пониманія текста. Между тѣмъ Киркоръ, при составленіи своего списка бѣлорусскихъ словъ, руководствовался уже именно мыслью составить опытъ слова вообще, независимо отъ того или другаго текста. Подобную попытку сдѣлалъ еще въ 1851 г. протоіерей Григоровичъ, но смерть не позволила ему привести въ исполненіе свое намѣреніе, такъ что словарикъ Киркора остается все таки первымъ печатнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Онъ помѣщенъ въ видѣ приложенія въ упомянутомъ выше этнографическомъ описаніи виленской губерніи (Этногр. Сб., в. 3, Вѣстн. рус. геогр. общ., ч. XXI). Къ сожалѣнію, послѣдующіе составители бѣлорусскаго словаря, какъ г. Микуцкій, такъ и г. Носовичъ, не сочли даже нужнымъ упомянуть имя Киркора, какъ своего предшественника въ этой области научнаго изслѣдованія.

Послѣ передачи въ другія руки «Виленскаго Вѣстника» Киркоръ оставилъ Вильну и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ 1867 г. онъ началъ издавать тамъ большую ежедневную газету на русскомъ языкѣ «Новое Время». Сначала онъ велъ это дѣло вмѣстѣ съ Юматовымъ, а съ апрѣля 1869 г. изданіе перешло въ его полную собственность и печаталось въ его же типографіи. Кромѣ общихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, въ газетѣ обращалось особенное вниманіе на вопросы касающіеся западнаго края. Они обсуждались и въ передовыхъ статьяхъ и въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались въ газетѣ въ большомъ количествѣ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ именно освѣщались въ газетѣ тѣ или другіе факты изъ общественно-политической жизни нашего запада, не будемъ однимъ словомъ говорить о направленіи газеты, но не можемъ не упомянуть о томъ, что уже въ то время изданіе это возбудило въ нѣкоторыхъ подозрѣніе въ какихъ-то польско-шляхтетскихъ тенденціяхъ, въ желаніи идеализировать панское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ и т. д. Намъ кажется, что если газета и говорила иногда за пановъ, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ не ставили въ какое-то исключительное положеніе среди другихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ этого края и чтобы на нихъ смотрѣли, какъ и на другихъ, безъ предвзятыхъ мыслей и подозрѣній; а требованіе болѣе справедливаго отношенія къ человѣку еще нельзя назвать идеализаціею, прославленіемъ его достоинствъ въ ущербъ другимъ. Какъ бы тамъ не было, Киркоръ очень дорожилъ успѣхомъ своего изданія, убилъ на него все свое состояніе, и не смотря на это, могъ протянуть его существованіе только до 1871 года включительно.

Надломленный трудомъ, огорченный неудачами 50-лѣтній старикъ, онъ принужденъ былъ наконецъ совсѣмъ покинуть не только свою родину, но и отечество. Поселившись въ Краковѣ, онъ опять попробовалъ въ слѣдующемъ же 1872 г. издавать большой, общедоступный журналъ на польскомъ языкѣ «На сегодня» (Na Dzis), посвященный литературѣ, наукѣ, искусству, сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности. Вышло три книжки, но дальше изданіе не могло продолжаться по недостатку средствъ. Положеніе Киркора въ это время было далеко не завидное. Ради заработка онъ писалъ статьи въ разные журналы, пробовалъ даже читать публичныя лекціи и пробивался кое-какъ. Изъ его литературныхъ трудовъ, относящихся къ этому времени, упомянемъ слѣдующее: «Очерки современной русской литературы» (Tygodnik Wielkopol., Познань, 1873 г.), «О литературѣ родственныхъ славянскихъ народовъ» (Краковъ, 1874 г.), «II отдѣлъ краковской академіи наукъ, историко-библіогр. очеркъ» (Славянскій сборникъ, изданіе славян. благотворит. комитета, СПБ. 1876 г., т. III), «О древнихъ славянахъ (1875 г.), «Славяне въ Венгріи» (1875 г.), «Прибалтійскіе славяне» (Przegl. archeol., Львовъ, 1876 г,), «Славянская этнологія» (?), «Картины литовской жизни» (Познань 1875 г.), «Ризница ви-

ленскаго каѳедральнаго собора и его богатство» (Kwartalnik, изд. при Kłosach, 1877 г., II), «Литва и Бѣлоруссія въ историческомъ, географич., статистич. и археологическомъ отношеніяхъ» (Opiskun Domowy, 1875 г., Варшава). За исключеніемъ статьи объ академіи, все это было написано на польскомъ языкѣ и только послѣдній изъ названныхъ трудовъ былъ обработанъ самимъ-же Киркоромъ по русски и въ видѣ монографіи о Литвѣ о Бѣлоруссіи помѣщенъ въ изданной Вольфомъ «Живописной Россіи». Эта монографія заняла почти весь 3-й томъ названнаго изданія, вышедшій въ свѣтъ въ 1882 году (тамъ-же помѣщены еще двѣ статьи П. П. Семенова о современномъ экономическомъ состояніи Литвы и Бѣлоруссіи и статья С. В. Максимова «Бѣлорусская Смоленщина») и о важности ея можно судить уже по тѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, какіе въ ней затронуты. Первая часть труда трактуетъ о литовскомъ Полѣсьѣ и заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Первобытныя времена литовскаго Полѣсья, 2)) Народности литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь, 3) Литовскій языкъ и литовская миѳологія, 4) Природа древней Литвы, 5) Современная природа Литвы, 6) Историческія судьбы литовскаго Полѣсья, 7) Просвѣщеніе и народное творчество Литвы, 8) Городъ Вильно, 9) Городскія поселенія въ Литвѣ и народный трудъ въ Литвѣ. Вторая часть содержитъ въ себѣ всестороннее изслѣдованіе бѣлорусскаго Полѣсья, изложенное по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Памятники временъ первобытныхъ, 2) Слѣды язычества въ народныхъ празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ, 3) Народная жизнь, 4) Историческія судьбы бѣлорусскаго Полѣсья, 5) Умственныя силы и средства образованія, 6) Природа Бѣлоруссіи, 7) Долина Припети, 8) Поселенія въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ. Появленіе этого труда на русскомъ языкѣ возбудило сильныя подозрѣнія и вызвало нѣсколько журнальныхъ статей, направленныхъ противъ его автора и издателей, хотя въ сущности эти нападки не имѣли достаточныхъ основаній [1]). Если были вѣрно

[1]) Помѣстивъ въ свое время въ нашемъ изданіи одну изъ такихъ статей, въ виду загадочной брошюры Либеровича (см. „Кіев. Старину“ 1884 г., август. кн., стр. 681—701), мы, въ видахъ безпристрастія, тѣмъ охотнѣе даемъ теперь мѣсто отзыву другаго рода, не отрицающему въ трудѣ Киркоръ нѣкоторыхъ историческихъ погрѣшностей, но не видящему въ немъ предвзятой антирусской

указаны нѣкоторые фактическіе промахи, почти неизбѣжные во всякомъ единоличномъ трудѣ, то на основаніи этого нельзя еще съ увѣренностью сердцевѣда строить обвиненіе въ сепаратизмѣ, какъ это дѣлали нѣкоторые ярые обрусители, считающіе только себя носителями истинно-патріотическихъ идей. Особенно возсталъ противъ Киркора «Виленскій Вѣстникъ», а потомъ «Русь» (1884 г). Нѣкто Либеровичъ издалъ въ Краковѣ, а за тѣмъ и въ Петербургѣ брошюрку: «Stara Polska w malowniczym opisie» (1883 г.), гдѣ авторъ хотѣлъ во чтобы то ни стало навязать изданію Вольфа какую-то политическую тенденцію. И вотъ эти-то взгляды какого-то фанатичнаго поляка были приняты противниками за самый неопровержимый аргументъ, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, это была только неумѣстная и смѣшная выходка одного изъ лагеря непримиримыхъ, готовыхъ придраться ко всему. Профессоръ Кояловичъ, не чуждый, кажется, мысли представлять собою всю Бѣлоруссію и Литву заразъ, напалъ съ нѣкоторою какъ бы завистью на издателей «Живописной Россіи» за то, что они пригласили участвовать въ этомъ изданіи не надежныхъ и безпристрастныхъ русскихъ историковъ и писателей, къ которымъ онъ, конечно, причисляетъ и себя, а какихъ-то, по его выраженію, «носителей чисто окраинныхъ идей». Объ упомянутомъ 3-мъ томѣ этого изданія г. Кояловичъ писалъ въ своей «Исторіи русскаго самосознанія» слѣдующее: «Онъ (т. е. 3 томъ) почти весь представляетъ воспроизведеніе польскихъ воззрѣній и польскихъ притязаній на Литву и Бѣлоруссію. Главнымъ авторомъ этого тома, главнымъ такъ сказать строителемъ путемъ науки польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи былъ г. Киркоръ, обладающій, какъ и г. Спасовичъ, и русскимъ и польскимъ образованіемъ, и у котораго, подъ видомъ гуманности и научности, тоже вездѣ видны великая неправда и фанатизмъ по отношенію ко всему русскому, какъ это русское сложилось во времена московскія и сохраняется во всѣ времена послѣ-петровскія» (стр. 448, 1884 г.). Такихъ голословныхъ обвиненій можно наговорить, сколько угодно; но врядъ-ли безпристрастный читатель «Живописной Россіи» и въ частности труда Киркора согласится съ ними. При-

мысли, проглядѣть которую было бы страннымъ для редакціи, составленной изъ авторитетовъ русской науки (какъ г. Семеновъ), стоящихъ выше всякихъ подозрѣній въ сочувствіи ольскимъ тенденціямъ.—*Ред.*

держиваясь образнаго языка г. Кояловича, можно сказать, что Киркоръ вовсе не имѣлъ поползновенія сдѣлаться «строителемъ польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи»,—подобное стремленіе было бы крайне смѣшно въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; напротивъ онъ показалъ, хотя только слегка, какъ это зданіе дѣйствительно строилось нѣкогда и какъ оно рухнуло, не имѣя подъ собою прочныхъ основаній. Неужели можно ставить въ вину историку то, что онъ показываетъ степень вліянія одного государства на другое, одной націи и ея быта, религіи и культуры на другую? Неужели справедливо требовать отъ него, чтобы онъ умалчивалъ о томъ, о чемъ намъ непріятно вспоминать? Говорить о Литвѣ и Бѣлоруссіи и умолчать о вліяніи Польши было бы все равно, что писать исторію Россіи и не упомянуть о монгольскомъ игѣ. Горько было выслушивать всѣ эти обвиненія почти 70-лѣтнему старику, который большую половину своей жизни отдалъ безкорыстному служенію родинѣ. Онъ не въ силахъ былъ отвѣчать на всѣ эти памфлеты, а его обвинителямъ это было на руку. Только въ прошедшемъ году въ одномъ изъ галицкихъ журналовъ нѣкто А. Щепанскій написалъ обвинителямъ Киркора отвѣтъ, котораго намъ, къ сожалѣнію, не пришлось доселѣ прочитать; знаемъ только, что авторъ опровергаетъ упреки, дѣлаемые Киркору и старается доказать всю добросовѣстность его труда.

Сдѣланный нами перечень работъ Киркора, относящихся къ періоду его заграничной жизни, былъ бы недостаточенъ для полной характеристики его тамошней дѣятельности и могъ бы повести къ невѣрному заключенію, что съ переѣздомъ за границу Кикоръ сдѣлался исключительно кабинетнымъ ученымъ и только повторялъ въ разныхъ передѣлкахъ свои прежнія работы и изслѣдованія. Но этого нельзя допустить, зная уже его прежнюю вѣчно подвижную жизнь и его натуру, постоянно ищущую дѣла, новыхъ занятій, новаго труда. Привыкнувъ еще на родинѣ къ непосредственнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью, пристрастившись къ научнымъ поѣздкамъ, къ раскопкамъ и другимъ подобнымъ изслѣдованіямъ, онъ и подъ старость не могъ навсегда замкнуться въ стѣнахъ города; его тянуло въ деревню, къ народу, къ курганамъ, къ городищамъ, а новая, еще мало для него знакомая страна представляла такой богатый матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій, ко-

торыя были его призваніемъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку со стороны краковской академіи наукъ. Она избрала его своимъ членомъ, а потомъ назначила его хранителемъ коллекцій археологическаго отдѣленія. Небольшая субсидія, отпускаемая этимъ отдѣленіемъ академіи, дала ему возможность совершить цѣлый рядъ поѣздокъ въ разныя мѣста Галиціи съ научною, главнымъ образомъ археологическою цѣлью. Результаты своихъ изслѣдованій онъ излагалъ въ видѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ коммисій, учрежденныхъ при академіи по отдѣламъ археологіи, антропологіи съ этнографіею, филологіи и пр., а потомъ эти отчеты печатались въ трудахъ названныхъ коммисій. Упомянемъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: «Археологическія разысканія въ окрестностяхъ Бабице и Квачалы», «Разысканія въ Квачалѣ» (оба 1873 г.), «Покутье въ археологическомъ отношеніи», «Разысканія памятниковъ старины въ ближайшихъ окрестностяхъ Кракова» (оба 1876 г.), «Археологическія изслѣдованія въ 1876 г.: 1) отчетъ о поѣздкѣ и перечень памятниковъ, 2) о каменныхъ гробницахъ на Подолѣ въ Галиціи, 3) отчетъ о поѣздкѣ въ Макшишовъ» (1877 г.), «Отчетъ объ археологическихъ памятникахъ, доставленныхъ въ академію изъ археологическо-антропологической поѣздки въ 1877 г.», «О важности и значеніи археологическихъ памятниковъ и о научномъ ихъ изслѣдованіи» (оба 1878 г.) и «Археологическія разысканія въ 1878 г.» (1879). Наконецъ, намъ извѣстна одна статья его, написанная по чешски, и помѣщенная въ любопытномъ изданіи Эдуарда Елинка: «Slovansky Sbornik», къ сожалѣнію, мало извѣстномъ нашимъ этнографамъ. Она о заглавлена: «Доисторическія могилы и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси» (1881 г.).

Но мало-по-малу эти хлопотливыя занятія становились слишкомъ утомительными для старика, а кромѣ того и здоровье стало ему измѣнять. Надо же было, однако, жить на что-нибудь; между тѣмъ пособіе, выдаваемое отъ академіи, было слишкомъ недостаточно, а другою постояннаго дохода не было никакого. При такомъ критическомъ положеніи въ послѣдній разъ Киркоръ рѣшился издавать журналъ. Онъ вспомнилъ, что изъ прежнихъ его періодическихъ изданій иныя имѣли успѣхъ, кромѣ того его мысль о новомъ журналѣ встрѣтила сочувствіе среди старыхъ его друзей и сотрудниковъ, а также среди молодыхъ ученыхъ и литераторовъ, и въ

его распоряженіе поступило много безплатныхъ статей по части археологіи, этнографіи, филологіи и педагогики. Наконецъ въ 1884 году онъ публиковалъ объ изданіи «Краковскаго Портфеля» (Teka Krakowska). Какъ по названію, такъ и по своимъ задачамъ и содержанію это изданіе было какъ бы продолженіемъ «Виленскаго портфеля», его далекимъ отголоскомъ, раздавшимся почти 30 лѣтъ спустя. Доживая свои послѣдніе годы въ одиночествѣ на чужбинѣ, Киркоръ съ какимъ-то трогательнымъ чувствомъ переносился мысленно въ мирные, тихіе уголки родной Литвы и Бѣлоруссіи. Это было для него единственнымъ средствомъ успокоенія среди треволненій неприглядной жизни, единственною отрадою и поддержкою его нравственнаго существованія. По этому многія страницы своего изданія онъ посвящалъ описанію историческихъ мѣстностей и другихъ памятниковъ западнаго края. Но и это утѣшеніе было непродолжительно. Вышло два тома «Краковскаго Портфеля», а затѣмъ оказалось, что даже при даровыхъ статьяхъ нечѣмъ заплатить за печать и бумагу.

Такъ и заглохло это изданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала быстро замирать и горемычная жизнь этого труженика. Въ одномъ частномъ письмѣ, писанномъ къ своему другу на родину въ іюлѣ 1884 года, онъ жалуется на свое бѣдственное положеніе. «Плохо живется подъ старость, говоритъ онъ: заработокъ труденъ, надежнаго ничего нѣтъ, пособія отъ академіи не хватаетъ и на поѣздки. Съ 1839 года работая безпрестанно для Литвы, я всѣмъ для нея пожертвовалъ». Здоровье все ухудшалось; къ болѣзни сердца прибавилось рожистое воспаленіе, которое перешло въ послѣднее время въ гангрену, такъ что ему нельзя было ни дома работать, ни выходить изъ дому. Въ январѣ 1886 г. пишетъ онъ тому же пріятелю: «Поймите, что за положеніе человѣка, у котораго нѣтъ никакихъ средствъ, никакого постояннаго дохода, а жить все таки нужно. Доктора рѣшили, что у меня неизлѣчимая болѣзнь сердца и что каждую минуту я могу умереть. Однако смерть меня не пугаетъ: я достаточно жилъ. Что было въ моихъ силахъ и средствахъ, я сдѣлалъ и могу съ чистою совѣстью сказать, что для Литвы моя жизнь не прошла даромъ». Такимъ образомъ и въ послѣдніе дни жизни всѣ свои мысли, всѣ стремленія онъ обращалъ къ родному краю, и уже почти на смертномъ одрѣ корректировалъ свой послѣдній трудъ по археологіи города Вильна: «Bazylika Litews-

ka», который вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ за нѣсколько дней до его смерти. Продолжительная болѣзнь исчерпала въ конецъ всѣ средства. Были закладываемы вещи и рукописи, но вскорѣ и къ этому послѣднему средству нельзя было прибѣгать, потому что закладывать было нечего, и пришлось жить буквально на чужой счетъ и пользоваться безплатнымъ лѣченіемъ знакомаго доктора. Наконецъ $^{12}/_{24}$ ноября 1886 года Киркоръ скончался на рукахъ сестры, которой не на что было даже вернуться изъ-за границы по смерти брата. Похороны совершились скромно въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ академіи, профессоровъ и литераторовъ, безъ стеченія публики, безъ рѣчей. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что всѣ свои бумаги, коллекціи, картины, скульптурныя произведенія, гравюры, миніатюры и много другихъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для Литвы, а также свой портретъ, писанный масляными красками, покойный завѣщалъ краковскому народному музею.

Такъ отошелъ въ вѣчность неутомимый и энергичный работникъ на полѣ науки. Жизнь его еще разъ доказала намъ, какой тернистый путь и какая печальная кончина ожидаетъ нерѣдко людей, самоотверженно бросающихся на это неблагодарное поприще. И если при этихъ ежедневныхъ примѣрахъ, наводящихъ глубокую печаль и уныніе, все таки не изсякаетъ въ людяхъ стремленіе къ свѣту науки, то какъ сильна должна быть въ человѣкѣ та божественная искра, которая не даетъ ему погрязнуть въ мелочахъ обыденной, повседневной жизни и постоянно побуждаетъ его къ чему-то высшему! Чрезвычайно поучительна жизнь людей, подобныхъ Киркору. Они ищутъ не собственной славы, не личной выгоды, а общественной пользы, при томъ пользы духовной, а не матеріальной. Они, правда, не пролагаютъ въ наукѣ новыхъ путей, не оставляютъ послѣ себя капитальныхъ произведеній, которыя бы служили свѣточами для потомковъ; но вся ихъ жизнь сама по себѣ представляетъ капитальный трудъ,—трудъ черный, но въ высшей степени полезный и необходимый, потому что на немъ зиждется послѣдующая наука. Дальнѣйшіе научные дѣятели большею частью забываютъ этихъ чернорабочихъ тружениковъ, или же, что еще печальнѣе, попрекаютъ ихъ, пользуясь плодами ихъ трудовъ, и не хотятъ простить имъ даже невольныхъ ошибокъ, отъ которыхъ никто не свободенъ. Киркору еще при жизни, какъ мы видѣли,

пришлось претерпѣть не мало упрековъ, злостныхъ нападокъ и обвиненій съ разныхъ сторонъ, и изъ его жизни мы наглядно убѣждаемся, до какой степени трагично бываетъ положеніе безпристрастныхъ служителей науки и вобще людей мирнаго и серьезнаго труда въ тѣ бурные историческіе моменты, когда подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ тенденцій разыграются общественныя страсти и когда не быть ярымъ приверженцемъ той или другой партіи значитъ, по мнѣнію большинства, быть преступникомъ, предателемъ. Такимъ людямъ остается одно утѣшеніе, одна слабая надежда, что когда-нибудь, хоть не скоро, хоть послѣ смерти, ихъ поймутъ и оцѣнятъ безпристрастно. Но могутъ-ли они быть въ томъ увѣрены? И какова будетъ эта оцѣнка: будутъ-ли ихъ благословлять, или проклинать?... Киркоръ допускалъ и послѣднее, и заранѣе прощалъ всѣмъ. Свои воспоминанія о Вильнѣ онъ заканчиваетъ такимъ трогательнымъ размышленіемъ: «Ктоже остался въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ»? спрашиваетъ онъ себя послѣ перечисленія болѣе выдающихся дѣятелей, съ которыми онъ нѣкогда вмѣстѣ работалъ и которые умерли раньше его, и отвѣчаетъ: «Изъ давнишнихъ дѣятелей не осталось тамъ ни одного... Подростаетъ молодое поколѣніе, учится коечему; въ людяхъ способныхъ никогда не было недостатка въ Литвѣ, а слѣдовательно найдутся такіе, которые будутъ пробовать свосилы. Это будутъ люди новые, возродившіеся; начнутъ, навѣрно, осужденіемъ и уничтоженіемъ насъ стариковъ, пойдутъ по новымъ направленіямъ, но все таки будутъ работать. Пошли имъ Богъ счастья!» [1])

Н. Янчукъ.

Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ.

Академія художествъ возымѣла хорошую мысль устраивать передвижныя выставки картинъ, по примѣру извѣстнаго товарищества художниковъ, сдѣлавшаго уже 15 передвижныхъ выставокъ картинъ, несомнѣнно усилившихъ въ обществѣ интересъ къ успѣ-

---

[1]) Kraj, 1884 г., № 3.

хамъ русскаго искусства, Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Харьковѣ гоститъ первая передвижная выставка картинъ академіи художествъ, заключающая въ себѣ 160 картинъ, акварелей и скульптурныхъ произведеній. Число крупное; но хорошихъ картинъ мало, десятка два не болѣе. Лучшія картины составляютъ произведенія профессоровъ академіи: покойнаго В. Г. Перова, Н. А. Кошелева, Л. Ф. Лагоріо, И. П. Келера, А. И. Мещерскаго, И. К. Айвазовскаго и покойнаго академика Р. Г. Судковскаго. Въ массѣ выставленныхъ картинъ 9 съ малорусскимъ содержаніемъ, одна жанровая и восемь пейзажей. Къ этому числу нужно добавить еще двѣ частныхъ картины г. Васильковскаго, выставленныя на продажу. Лучшія картины: 1) «Степь въ Малороссіи весною», С. И. Васильковскаго, 2) «Вечеръ», І. Е. Крачковскаго и 3) «Подъ горой», Ю. И. Федерса.

Сергѣй Ивановичъ Васильковскій, класный художникъ 1 степени, родомъ изъ харьковской губерніи и, по заявленнымъ имъ въ живописи художественнымъ склонностямъ, украинскій пейзажистъ. Это еще очень молодой художникъ, лишь въ прошломъ году выдвинувшійся, благодаря своей академической картинѣ, удостоенной награды большой золотой медалью. Картина эта, передающая въ художественномъ выполненіи одно живописное мѣстечко харьковской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, въ лѣтній жаркій и безоблачный день, извѣстна отчасти харьковскимъ любителямъ искусства по фотографическимъ снимкамъ. Д. И. Эварницкій сдѣлалъ замѣтку объ этой картинѣ въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1886 года. Находящаяся на академической выставкѣ «Степь»—довольно большая картина, съ хорошимъ освѣщеніемъ, съ простымъ и тѣмъ болѣе выдающимся содержаніемъ. Это не екатеринославская и не херсонская степь, необъятная, ровная, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, съ водными источниками въ балкахъ и ярахъ; нѣтъ, это степь харьковская, точнѣе, харьковское поле, какое путникъ проѣзжаетъ, напримѣръ, въ богодуховскомъ уѣздѣ, ровное, съ небольшими лѣсочками, разбросанными тамъ и сямъ, на разстояніи версты или двухъ верстъ одинъ отъ другаго и небольшими углубленіями въ землѣ, гдѣ долго задерживается дождевая вода. Въ такой «степи» есть что-то мягкое, нѣжное, успокаивающее. У г. Васильковскаго въ «степи» па-

сется стадо овецъ, а въ небольшомъ разстояніи отъ нихъ, почти въ центрѣ картины, два пастуха, старикъ и парубокъ, типичные украинцы по обличью и одеждѣ, спокойно и лѣниво разводятъ огонь. Легкій, бѣлый дымокъ утопаетъ въ мягкой синевѣ лѣтняго украинскаго воздуха. «Степь» передана академіей художествъ харьковскому городскому музею, вмѣстѣ съ другими пожертвованными 35 картинами, и остается только пожелать, чтобы число картинъ, подобныхъ по содержанію «Степи» С. И. Васильковскаго, картинъ мѣстнаго харьковскаго содержанія, въ городскомъ музеѣ постоянно возрастало, въ интересахъ краеваго развитія русскаго искусства и, шире того, въ интересахъ разносторонняго изученія и воспроизведенія краевой жизни.

Двѣ небольшія картины С. И. Васильковскаго, «Зима» и «Лѣто», выставленныя въ отдѣльной комнатѣ, даютъ поводъ лишь упрекнуть художника въ поспѣшности и небрежности работы. Право, дѣлается досадно, когда художникъ, заявивъ себя на первыхъ двухъ шагахъ съ найлучшей стороны, затѣмъ проникается самомнѣніемъ, полагая, что ему достаточно мазнуть два-три раза кистью, набросать на полотно рѣченку и нѣсколько деревьевъ на берегу ея, какъ уже публика будетъ любоваться, удивляться и покупать картины, не справляясь особенно объ ихъ цѣнѣ. Теперь и провинціальная публика стала кое-что смыслить въ искусствѣ и отдѣлять плохое отъ хорошаго. «Зима» еще можетъ привлечь къ себѣ вниманіе зрителя, хотя и тутъ облака на горизонтѣ, пусть даже зимнія, снѣговыя, грязноваты; хата приподнята выше средней ея высоты, и всѣ черты мелки и не типичны. «Лѣто» совсѣмъ плохо: гора надъ рѣчкой слишкомъ темна, по времени дня; деревья набросаны небрежно; цвѣта и тоны неопредѣленны или слишкомъ темны. Отъ такого талантливаго художника, какъ С. И Васильковскій, мы, избалованные его первыми картинами, въ правѣ ожидать много хорошаго, свѣжаго и оригинальнаго.

«Вечеръ» І. Е. Крачковскаго—вечеръ въ концѣ іюля или въ началѣ августа, послѣ вѣтрянаго и можетъ быть холоднаго дня, какіе бываютъ послѣ сильнаго дождя. Повисшія на горизонтѣ облака съ однимъ только въ отдаленіи яркимъ привѣтомъ отъ красныхъ лучей заходящаго солнца, однообразнаго сѣраго цвѣта, непривѣтливыя, сумрачныя. Центральная часть картины представляетъ

стерню на недавно сжатой полосѣ жита, съ тремя фигурами крестьянъ, двумя женщинами и однимъ мужчиной. Направо—полого возвышенность съ вытянувшимися въ рядъ «витряками»; за ними идетъ село, съ тщательно огороженными дворами, въ которыхъ красуются бѣлыя хаты. На лѣво отъ стерни и крестьянъ разстилается рожь, совсѣмъ уже созрѣвшая и склонившая свои колосики. Она уходитъ далеко въ поле, въ синеватую даль горизонта. Хорошо задумана и старательно отдѣлана правая сторона картины, въ особенности витряки, въ частности дальній витрякъ, рельефно выдѣляющійся на горизонтѣ, ярко освѣщеннымъ пучкомъ прорвавшихся изъ-за тучъ солнечныхъ лучей. Крестьяне не типичны и болѣе походятъ на великоруссовъ, чѣмъ на малоруссовъ.

Картина академика Ю. И. Федерса «Подъ горой» сравнительно съ предыдущей картиной, веселѣе по тону и колориту. Здѣсь болѣе свѣта, болѣе воздуха; краски ярче. Художникъ изобразилъ уютный украинскій поселокъ у подошвы довольно большой покатой горы въ ясный лѣтній полдень. Правую сторону картины занимаютъ хаты, вытянувшіяся въ линію, лѣвую гора; въ отдаленіи возвышенности и синѣющій лѣсъ на нихъ. Въ особенности хорошъ передній планъ картины, гдѣ находится крестьянскій дворъ и окружающій его плетень.

Почти также хороша въ художественномъ отношеніи другая картина Ю. И. Федерса «Мѣловыя горы». На правой сторонѣ картины поднимается надъ рѣкой мѣловая гора; на склонѣ ея село; лѣвую сторону картины и передній ея планъ занимаетъ рѣка и мостикъ. Здѣсь выдается спускающаяся въ рѣку мѣловая сторона горы, по бѣлизнѣ и чистотѣ мѣла. Но эта бѣлизна мѣла даетъ всей картинѣ какой-то вялый и блѣдный колоритъ, непріятно дѣйствующій на глазъ зрителя однообразіемъ общаго свѣтоваго тона.

«Туманное утро» К. Я. Крыжицкаго представляетъ рѣчку, растянутую черезъ весь холстъ, и на ея лѣсистыхъ берегахъ раскинуты хатки; все это затянуто сѣрой дымкой тумана. Туманъ такъ силенъ, что контуры и очертанія предметовъ скрываются отъ глазъ зрителя.

«Заглохшая мельница» В. М. Галимскаго изображаетъ разлившійся въ болото прудъ, или, можетъ быть, рѣчку, и надъ ней ветхая постройка съ соломенной крышей; кое-гдѣ разбросаны деревья. Все блѣдно-зелено, монотонно и скучно.

Художникъ-любитель Н. А. Сергѣевъ выставилъ двѣ картины малорусскаго содержанія «У заливнаго луга» и «Хутора». Эти картины напоминаютъ то мѣсто въ «Солдатскомъ портретѣ» Г. Ѳ. Квитки, гдѣ говорится про одного маляра, который «було якъ намалюе що небудь та пидпише, що се не кавунъ, а слива, такъ таки точнисинька слива». Можетъ быть, въ Петербургѣ и находятся люди, которые, смотря на картины г. Сергѣева, воображаютъ, что здѣсь воспроизведены малорусская природа и малорусскія крестьянскія хаты; но въ самой Малороссіи картины г. Сергѣева могутъ вызывать только недоумѣніе и подрывать въ довѣрчивомъ провинціалѣ уваженіе къ академическому искусству. Обѣ картины очень сходны по предметамъ и расположенію ихъ на холстѣ. Въ центрѣ картины непремѣнно хата, а затѣмъ во всѣ стороны идутъ поля, или лѣса, или огороды, и все это уходитъ съ холста куда-то къ потолку и стѣнамъ залы, безъ неба, безъ горизонта, безъ дали и перспективы; все зелено-презелено и грязновато.

«Въ лѣсу» А. Г. Сластіова—плохая жанровая картинка. Въ лѣсу сидитъ дѣвушка малороссіянка съ громаднымъ цвѣтнымъ вѣнкомъ на головѣ. Лѣсъ черный-пречерный, безъ деревьевъ и вѣтвей, болѣе похожій на занавѣску изъ чернаго коленкора. Дивчина—вѣшалка разнаго цвѣтнаго платья и украшеній. Странное дѣло, лучшія стороны народной жизни, простыя, безъискусственныя, не привлекаютъ вниманія художниковъ-малороссовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, и они прибѣгаютъ къ перцу и разнымъ пряностямъ, чтобы поддержать свой интересъ къ далекой Украйнѣ. Оттого на полотнѣ является одно тенденціозное, вздутое, вымученное. Имя г. Сластіона болѣе извѣстно по малорусскимъ иллюстраціямъ въ «Нивѣ» и по нѣсколькимъ удачнымъ иллюстраціямъ къ «Гайдамакамъ» Шевченка.

С.

Три »черкасскія« слободы XVIII в. по современному ихъ описанію.

Въ валуйскомъ уѣздѣ воронежской губерніи, въ послѣдней четверти XVIII в., въ царствованіе императрицы Екатерины II, су-

ществовали въ не близкомъ другъ отъ друга разстояніи три слободы, заселенныя такъ называвшимися еще тогда «черкасами», т. е. малороссіянами. Въ документѣ, изъ котораго мы заимствуемъ любопытныя объ нихъ свѣдѣнія, они называются: Александровка, Бѣло-куракина и Танюшевка. Это было время, когда народныя названія селъ изгонялись и когда имъ давались клички по фантазіи колонизаторовъ и владѣльцевъ, всего чаще по ихъ именамъ и прозваніямъ, иногда по имени какого либо заморскаго города, въ родѣ Ливорно и Генуи, оставшемуся въ памяти владѣльца отъ заграничнаго путешествія, нерѣдко по особому измышленію въ память какого либо случайнаго обстоятельства и впечатлѣнія владѣльца, въ родѣ Кинь-грусти, Нескучнаго и т. п. [1]). И дѣйствительно первая изъ этихъ слободъ называлась по имени владѣльца, другая по его фамиліи съ присоединеніемъ къ ней названія рѣчки Бѣлой, при которой поселилась слобода; получила-ли третья слобода названіе отъ какой либо Тани, или отъ чего либо другаго, отгадать трудно. Не можемъ также сказать, заселены-ли были эти слободы тогдашнимъ ихъ владѣльцемъ, или существовали раньше и попали уже къ нему по наслѣдству, либо пожалованію, такъ частому въ царствованіе щедродательной императрицы. Послѣднее болѣе вѣроятно, какъ потому, что черкасская колонизація воронежскихъ пустошей прекратилась значительно раньше, такъ и потому, что документъ, изъ котораго мы черпаемъ наши свѣдѣнія, въ самомъ началѣ упоминаетъ, правда глухо, о какомъ-то земельномъ спорѣ, бывшемъ въ этихъ слободахъ и кончившемся въ пользу владѣльца, чего не могло быть, если-бы слободы были вновь заселены. Споръ этотъ даетъ понять, что у поселившихся здѣсь черкасъ, какъ и во всѣхъ мѣстахъ Слободской Украйны, земли были старозаимочныя и что часть ихъ была занята владѣльцемъ.

Кто-же былъ этотъ владѣлецъ?

Документъ именуетъ его «превосходительнымъ ея императорскаго величества дѣйствительнымъ камергеромъ, орденовъ королевско-дацкихъ совершеннаго союза и святыя Анны кавалеромъ, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ». Вслѣдствіе-ли воз-

[1]) См. статью „Малорусская географическая номенклатура“ въ ноябрьской книжкѣ „Кіев. Старины“ 1886 г.

никшаго земельнаго между владѣльцемъ и жителями спора, или явившагося у владѣльца желанія пожить нѣкоторое время въ одной изъ названныхъ слободъ, для предварительнаго осмотра ихъ туда послано было довѣренное отъ князя лице, титулярный совѣтникъ Димитрій Малимоновъ. Побывавъ на мѣстѣ и всесторонне обслѣдовавъ положеніе слободъ и ихъ жителей, Малимоновъ представилъ своему патрону слѣдующее, въ высшей степени любопытное, «всепокорнѣйшее свѣдѣніе».

О валуйскихъ черкаскихъ слободахъ.

Первая слобода Бѣлокуракина стоитъ разстояніемъ отъ Валуекъ верстахъ во стѣ, менѣе или болѣе немѣрныхъ; отъ оной въ тридцати пяти Танюшевка, а въ сорока пяти верстахъ слобода Александровка; каждая изъ тѣхъ слободъ имѣетъ приписные къ себѣ хутора, какъ о томъ ваше сіятельство обстоятельно усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ особой описи онымъ.

Слобода Бѣлокуракина, посеeленная при рѣчкѣ Бѣлой, хотя по обширности своей и почитается первою изъ всѣхъ слободъ, но по весьма безпорядочному селенію своему, никакого виду въ себѣ не имѣетъ; слобода Танюшевка, будучи поселена на возвышенномъ мѣстѣ и при большой рѣкѣ, Гайдарѣ называемой, при томъ и нѣсколько лутчимъ порядкомъ въ расположеніи строенія, превосходнѣйшій видъ имѣетъ, а слобода Александровка, сколько мнѣ кажется, и того еще лутче населена; близь оной протекаетъ рѣчка Лазная.

Всѣ избы черкаскія, по ихъ *хаты* называемыя, имѣютъ видъ малыхъ каменныхъ, потому что сверхъ деревянныхъ стѣнъ обмазываются глиною и выбѣливаются мѣломъ, коего во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ имѣются преогромныя горы, а крыши имѣютъ соломенныя или тростниковыя.

Въ разсужденіи внутренней чистоты хатъ не можно ни малѣйшаго сравненія сдѣлать съ русскими черными крестьянскими избами, ибо онѣ столь чистоплотны и опрятны во внутреннемъ своемъ порядкѣ, что лутче на нихъ и требовать того не нужно-бы было: печи имѣютъ на подобіе голландскихъ, по ихъ называемыя *грубы*; стѣны и потолки внутри бѣлятъ мѣломъ, а иные моютъ оные столь часто, что всегда онѣ остаются бѣлыми и хорошей видъ въ хатѣ составляющми.

Жители слободъ почти всѣ состоятъ не весьма имущественные, или, сказать, и бѣдные, а по хуторамъ живущіе напротиву того

всѣ богатые черкасы, которые и правило свое въ томъ имѣютъ, чтобы имъ, не мѣшаяся съ бѣдными, жить особенно, на выгоднѣйшихъ по своему выбору мѣстахъ. О имуществѣ ихъ усердно желалъ-бы я подробныя каждому семейству порознь представить вашему сіятельству вѣдомости, но, по дикости тамошняго края и по необыкновенію ихъ къ столь подробному осматриванію, опасся я къ тому приступить, однако-же оставилъ форму и наставленія прикащику Попову, чтобъ онъ исподоволь старался тѣ описи имъ сдѣлать и прислалъ-бы по времени оныя на усмотрѣніе вашего сіятельства. А теперь вообще о имуществѣ ихъ донесу, что все оное состоитъ, во первыхъ, изъ хлѣба разныхъ родовъ, какъ-то: пшеница, рожь, овесъ, греча и ячмень, котораго имѣютъ изъ нихъ первостатейные—ржи четвертей до 100, пшеницы до 100, овса до 300, гречи до 50, ячменю до 150; по сему судя, посредственной имѣетъ въ половину, а бѣдной въ одну третъ менѣе противу первостатейнаго, да къ тому-жъ и не всѣхъ родовъ того хлѣба; во вторыхъ, имѣютъ они хорошее скотоводство, полагая по равнымъ-же степенямъ, что 1-й имѣетъ отъ 15-ти до 25-ти воловъ, до 10 коровъ, до 10 лошадей и 200 овецъ, 2-й въ половину, а 3 й еще менѣе; разной птицы, како-то: гусей, утокъ, индѣекъ, куръ, имѣютъ также довольное число. Изъ таковаго показанія ихъ имущества казалось-бы, что ни въ чемъ имъ недостатка быть не можетъ, но по отдаленности отъ городовъ, а къ тому и по сущей дешевизнѣ въ тамошнихъ мѣстахъ всѣхъ прописанныхъ продуктовъ имѣютъ они со всѣмъ тѣмъ несравненные недостатки противу низовыхъ вашего сіятельства крестьянъ; ибо хлѣбъ не дороже онъ продаетъ, какъ въ 50 и 60 коп. четверть ржи, развѣ уже въ дорогую пору что въ 80 к., пшеницу въ 2 руб. и въ 1 р. 50 к. четв., овса мѣшокъ мѣрою въ два четверика, кой въ другихъ мѣстахъ продаютъ по крайней мѣрѣ въ 40 коп., онъ продаетъ не болѣе 5 или 8-ми коп., сѣна возъ, стоющій 6 рублей, не болѣе 50 коп., вола, стоющаго въ другихъ мѣстахъ 8 и 10 рублей, не дороже продаютъ 4-хъ рублей, и такъ далѣе; слѣдовательно, при всемъ своемъ богатствѣ, несравненно менѣе имѣютъ, нежели иной имѣетъ неимущій, но при торговомъ мѣстѣ живущій.

Главный промыселъ ихъ состоитъ отъ того, что тѣ, кои имѣютъ у себя рабочіе волы, нагрузя телѣги двѣ, а иной и три хлѣбомъ, отвозятъ оной для продажи въ Черкаскъ, Ростовскую крѣпость и прочія мѣста, гдѣ выгоднѣе хлѣбъ продать могутъ, оттуда нанимаются уже подъ разныя купеческія клади и отвозятъ оныя въ разныя мѣста, какъ-то: Ярославль, Нижній Новгородъ, Казань, Саратовъ и Царицынъ, смотря по выгодамъ цѣны и дальности мѣста; а оттуда обратно

подряжаются опять подъ клади въ тѣ мѣста, кои по близости уже къ дому его прилежатъ. Отъ сего только превосходнѣйшій промыселъ имѣютъ тѣ, кои достаточнѣе, да къ тому-же и семью имѣющіе, на кого-бы домъ свой оставлять надежно было; маломощные-же большей частью промышляютъ торгомъ и продажею скота на бываемыхъ въ слободѣ Бѣлокуракиной въ году четырехъ ярмонкахъ, кои бываютъ 1-я къ Вербному воскресенію, 2-я къ Тройцыну дню, 3-я къ Рождеству, а 4-я—какъ случится. На оныя ярмонки пріѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ и зъ разною рухлядью, какъ-то: съ одеждою, обувью, холстами, платками и проч. Симъ случаемъ черкасы пользуются покупать себѣ нужное и сами продаютъ купцамъ скотину и хлѣбъ.

Пашни хотя имѣютъ отдѣленныя, слобода отъ слободы и хуторъ отъ хутора, но между собою никакъ не соразмѣрны и не расположены, а пашетъ всякъ столько, сколько можетъ или заблагоразсудитъ. Не имѣя порядка въ раздѣленіи даже озимаго и яроваго хлѣба особымъ полемъ, сѣютъ оной одинъ подлѣ другаго. Иной имѣетъ четыре поля, другой три, а иной и пять, разумѣя оныя пахатными полями и то занимая посѣвомъ одинъ годъ поле, остальныя три или четыре года отдыхаютъ. Сѣнныя полосы, лутчія полянки, между ими подѣлены по чиншу, на каждой рубль по десяти сажень въ длину, а ширина, какъ гдѣ придетъ, то есть лутчими полянами почитаютъ они тѣ, кои къ ихъ жилищамъ ближе; впротчемъ по обширной степи сѣнокосъ изобильнѣйшій и почти во всякомъ мѣстѣ добротою равной и сверхъ дѣловыхъ полянокъ всякой коситъ сѣна на пустомъ полѣ, сколько пожелаетъ и успѣетъ. Словомъ сказать, полемъ столь изобилуютъ, что ни скосить, ни скотинѣ потравить въ лѣто всѣхъ мѣстъ во внутренности дачи невозможно, чаютъ, да и возможности имъ (нѣтъ) занимать всю землю, пространствомъ столь обширную, что въ окружности всей границы трехъ слободъ едва ли не болѣе 500 верстъ будетъ.

Прилагая при семъ опись всѣмъ лѣснымъ буеракамъ, въ трехъ слободахъ находящимся, имѣю честь вашему сіятельству донести, что всѣ оные издавна еще заповѣданы, и по моему обозрѣнію оныхъ, кажется, что исправно сохраняемы; въ оныя никто не имѣетъ въѣзда, полѣсовщики объѣзжаютъ оныя каждой день, кои выбраны по одному изъ близь лежащихъ къ каждому буераку хуторовъ и сверхъ ихъ еще есть главный, который надъ всѣми смотрѣніе имѣетъ и по всѣмъ буеракамъ самъ наѣзжаетъ. Впротчемъ нѣтъ и опасности отъ похищенія заповѣдныхъ лѣсовъ, ибо всѣ черкасы имѣютъ у себя дѣловые пайки по малымъ буеракамъ изъ мелкаго лѣсу, на каждую хату по 40 квадратныхъ саженъ, и таковыхъ имѣется мѣстами столько, что всѣмъ имъ

на подѣлъ поровну доводится, а рѣдкость и драгоцѣнность въ тамошнемъ краѣ лѣса іріобучила ихъ къ соразмѣрному на необходимое домашнее продовольствіе употребленію онаго столь умѣренно и бережно, что иные, соблюдая лутчіе деревцы, имѣютъ въ своихъ пайкахъ и такія, кои, хотя по нуждѣ, но и на починку строенія домашняго пригодны.

О нравахъ ихъ сказать можно, что имѣютъ весьма добрый, чистосердечный и справедливы; изъ нихъ искусснымъ обращеніемъ все почти сдѣлать можно, что ни заблагоразсудится.

Къ святой церквѣ весьма прилѣплены: ни отдаленность, ни погода не препятствуетъ ему въ праздничный день отдать долгъ по закону. Усердіе ихъ къ храму и тѣмъ свидѣтельствуется, что всѣ три церкви въ слободахъ снабжены всѣмъ нужнымъ и притомъ достаточно; въ слободѣ Александровкѣ церковь по приходу довольно вмѣстительна и въ Танюшевкѣ также и еще новая, а въ Бѣлокуракиной хотя и не ветхая, но весьма малая и по приходу конечно требующая новаго созиданія оной. Священники и причетъ церковный во всемъ исправные и добраго поведенія, а особливо старшій іерей Бѣлокуракинской слободы Іяковъ, мужъ почтенный, въ званіи своемъ свѣдущій и одаренный отъ природы разумомъ и просвѣщеніемъ. Не преминулъ я имъ, въ всходственность повелѣнія вашего сіятельства, внушить привѣтливымъ образомъ о томъ, чтобы старались приводить духовныхъ дѣтей своихъ къ наблюденію всѣхъ ихъ должностей и взаимствъ, кое они со стороны вашего сіятельства во всякомъ случаѣ чрезъ то себѣ пріобрѣсти могутъ, на что они мнѣ и отозвались весьма съ признательными чувствіями.

Объяснивъ всѣмъ черкасамъ, сколь милостиво и попечительно къ доставленію въ ихъ странахъ просвѣщенія и блага въ жизни ихъ на будущія времена ваше сіятельство снисходить изволите, къ порадованію ихъ объявилъ имъ волю вашу о заведеніи въ слободѣ Бѣлокуракинской школы и, сдѣлавъ къ оной всѣ нужныя распоряженіи, открылъ оную еще при себѣ, добровольнымъ собраніемъ 17-ти учениковъ, отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ. На первый случай нашелъ имъ со стороны вольнаго учителя и всѣхъ ихъ въ главное надзираніе препоручилъ священнику Іякову, который охотно сіе порученіе на себя принялъ, а по времени, когда полной комплектъ 30 ти учениковъ соберутся, то не угодно-ли будетъ вашему сіятельству повелѣть другаго учителя выписать изъ Харькова, гдѣ изъ гимназіи можно способнѣе и за дешевую цѣну пригласить знающаго совершенно россійскую грамоту и ариѳметику, между тѣмъ прилагать честь имѣю на апробацію вашего сіятельства и штатъ всему годовому содержанію школы.

Домъ, пріуготовляемой къ прибытію вашего сіятельства въ Бѣлокуракину, нащелъ я не совсѣмъ въ желаемомъ успѣхѣ; однѣ только стѣны по окошки выведены, а двѣ далѣ, а въ мою бытность строенія произведено не было, за оплошностью архитектора Борсукова или, такъ сказать, за сущимъ его пьянствомъ. Съ моей стороны не упустилъ я сдѣлать ему увѣщаніе, а чрезъ то протрезвилъ его на все время моего пребыванія въ слободахъ и чрезъ то подалъ опять ему способъ лучшее о строеніи попеченіе имѣть. Надѣяться можно, что домъ въ готовности къ исходу мая мѣсяца будетъ.

Теперь, хотя къ сожалѣнію, но по долгу истины, довести имѣю вашему сіятельству и о прикащикѣ Поповѣ, что онъ равномѣрно же пристрастенъ къ пьянству, да къ тому еще и столь невоздержанному, что труденъ для него тотъ донь, которой онъ ие посвятитъ на удовольствіе своей страсти. По пріѣздѣ моемъ въ Бѣлокуракину три дня ожидалъ я его, пока опъ изъ Полатовскаго заводу, за 120 верстъ только отстоящаго, пріѣхать ко мнѣ могъ, да и то въ такомъ видѣ, какого-бъ я, по важности возложенной на него должности, никакъ ожидать не думалъ. Сіе предисловіе само по себѣ подаетъ уже непріятное ожиданіе и послѣдствій онаго; онъ, живучи всегда въ Полатовскомъ заводѣ, столь рѣдко посѣщаетъ слободы и Березовской заводъ, что въ слободахъ отъ того жалкое неустройство, а въ заводѣ сущая запутанность находится: никикого порядка въ письменномъ производствѣ нѣтъ; не по чему вывесть никакихъ справокъ, ни узнать точныхъ концовъ по заводу, по питейнымъ домамъ и выставочнымъ поставкамъ. Натурально, что когда главный подверженъ хотя малому, подчиненный и большему. Всѣ черкасы въ большомъ негодованіи, что, будучи обязаны покупать вино въ однихъ только обитающихъ ими слободахъ, не могутъ оного за чистыя деньги имѣть чистаго-же пробнаго, но большею половиною водой налитое покупаютъ. Сею жалобою меня они всѣ встрѣчали и ожидаемая изъ продажи вина прибыль вашему сіятельству уповательно несравненно лучше была бы, если-бы настоящее пробное вино и водка въ продажу пущаемы были, ибо, вмѣсто того, чтобы по добротѣ своей привлекая болѣе покупщиковъ, болѣе бы оного и въ продажу исходило, по нуждѣ уже и по одной привычкѣ черкасы оное покупаютъ, а отъ того гораздо менѣе оного исходитъ и черкасы генерально говорятъ, что охотно бы по 3 руб., вмѣсто 1 р. 50 кон., за ведро вина платили, лишь бы только цѣльное имѣли, а изъ сего заключается все плутовство какъ по заводу, такъ и по питейнымъ домамъ, невѣрный расходъ хлѣбу, усушкѣ, утечкѣ, а равно непомѣрнымъ расходамъ по заводу и по поставкамъ, въ города бываемымъ.

Приложенная при семъ смѣта по Березовскому винокуренному заводу покажетъ вашему сіятельству всю ожидаемую отъ него прибыль; впрочемъ построенъ въ разсужденіи воды хотя и на выгодномъ мѣстѣ и изрядномъ во внутренности расположеніемъ, только по степной странѣ весьма кажется къ выгодѣ и пользѣ неспособнымъ; единая и надежда отъ него теперь можетъ ожидаема быть отъ продажи вина по питейнымъ домамъ и выставочнымъ поставкамъ.

Въ разсужденіи умноженія платимаго черкасами малаго чиншу, говорилъ я о семъ съ Поповымъ и по довѣренности съ іереемъ Іяковомъ, но прибавку онаго весьма трудно кажется сдѣлать, налагая по хатамъ; но, что удобно да и полезно сдѣлать можно, то разложить окладъ на всѣхъ черкасъ по душамъ по 1 р. по 50 к. на каждую. Настоящій платежъ по 3 р. по 80 к. съ хаты сколь инымъ нечувствителенъ, столь напротивъ того другимъ отяготителенъ, потому что въ одной хатѣ живетъ достаточной и семьянистой, платя по 3 руб. 80 к., а въ другой бѣдной и одинокой платитъ равное же противу богатаго число, потому единственно, что съ хаты; а таковою раскладкою по душамъ семьянистой соразмѣрной съ своими помощниками чиншъ платить будетъ, а одинокій по своему одиночеству не отяготительной, также ему заплатить; чрезъ то между собою справедливо платежъ разравняется, да и вмѣсто платимыхъ вашему сіятельству въ годъ 4,000 р. будутъ платить слишкомъ 6000 р. А они, надѣяться можно, что охотно на сіе согласятся, если на первый случай окуражить ихъ тѣмъ, чтобъ поступнаго хлѣба избавить. Между тѣмъ позвольте ваше сіятельство присовокупить и о крестьянахъ тарабановскихъ и алексѣевскихъ, что лучше бы было, если ихъ по имуществу каждаго обложить денежнымъ оброкомъ, ибо они всѣ, сколько я слышалъ, согласятся дать по 4 р., а имущіе и по 5 р. съ души въ годъ оброку; то на число находящихся тамъ по ревизіи 161 душу обойдется годоваго оброку болѣе 700 р., слѣдовательно выгоднѣе, нежели получать пашнею до 700 четв. хлѣбомъ, который въ тамошнихъ мѣстахъ и въ дорогую пору не свыше 70 коп. четв. обходится, а въ дешевое время 60 и 50 к. четв. Къ тому жъ случиться можетъ неурожай, то тогда печего съ нихъ и получить, а оброкъ должны они будутъ и въ такомъ случаѣ платить, имѣя къ тому другіе свои способы.

Сообщилъ **Д. И. Багалѣй.**

По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности профессора А. А. Потебни.

Въ первыхъ числахъ марта исполнилось тридцатилѣтіе служебной дѣятельности отрдинарнаго профеесора харьковскаго университета *Александра Аѳанасьевича Потебни.*

Имя А. А. Потебни давно уже пріобрѣло почетную извѣстность въ Россіи и за границей, въ славянскихъ земляхъ, какъ имя одного изъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ въ области филологическихъ наукъ. Болѣе 25 лѣтъ назадъ (въ 1860 году) появились первые труды А. А. Потебни, и съ тѣхъ поръ почти не проходило года, чтобы имъ не былъ изданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ. Начавъ свою научную дѣятельность изслѣдованіями о строѣ русскаго языка, Александръ Аѳанасьевичъ въ послѣдніе годы работалъ преимущественно въ области народной поэзіи. Главнѣйшими его трудами являются въ области языка «Записки по русской грамматикѣ». а въ области народной поэзіи «Поэтическіе мотивы колядокъ». Покойный академикъ И. И. Срезневскій въ «Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи» А. А. Потебнѣ говоритъ: «читая произведенія пр. Потебни, нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и его умѣнью пользоваться знаніемъ языковъ и произведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ». Другой академикъ, нынѣ профессоръ вѣнскаго университета, И. В. Ягичъ также съ большой похвалой отзывается о научныхъ работахъ А. А. Потебни, причемъ въ особенности отмѣчаетъ то обстоятельство, что Александръ Аѳанасьевичъ обнаружилъ въ научной дѣятельности обширныя знанія, необыкновенное умѣнье пользоваться запасами своей памяти, независимость мышленія, основательность и осторожность въ выводахъ. Въ 1877 г. Александръ Аѳанасьевичъ былъ избранъ предсѣдателемъ состоящаго при харьковскомъ университетѣ историко-филологичскаго общества, въ 1878 г. членомъ - корреспондентомъ академіи наукъ, а спустя нѣсколько лѣтъ членомъ чешскаго королевскаго общества наукъ въ Прагѣ. Въ исторіи научнаго изученія малорусскаго языка и народной словесности А. А. Потебня давно уже за-

нялъ весьма почетное, чуть ли не первое мѣсто,—первое по глубинѣ научнаго анализа словъ и пѣсенъ. Проф. А. А. Потебня впервые обстоятельно изучилъ драгоцѣнные сборники народныхъ пѣсень Чубинскаго, Головацкаго и Кольберга и подвергнулъ многія малорусскія пѣсни научному изслѣдованію, съ примѣненіемъ къ нимъ въ самой широкой степени сравнительно-критическаго метода. Для объясненія историко-литературной важности южнорусскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ и въ сравненіе съ ними были привлечены народныя сказанія и пѣсни южныхъ и западныхъ славянъ и даже литовцевъ. Фонетика малорусскаго языка изслѣдована А. А. Потебней въ статьѣ о звукахъ малорусскаго языка въ «Филол. Записках» и въ обширной рецензіи на сочиненіе г. П. Житецкаго о звуковой исторіи малорусскаго языка. Лексической стороны А. А. Потебня болѣе или менѣе касается почти въ каждомъ своемъ трудѣ, и если по научному изученію фонетики малорусскаго языка мы еще можемъ на ряду съ г. Потебней поставить Миклошича, П. Лавровскаго, П. Житецкаго и проф. Ом. Огоновскаго, то въ отношеніи научнаго изученія лексическаго состава малорусскаго языка проф. Потебня занимаетъ почти исключительное, если не считать Миклошича, мѣсто въ русской наукѣ, безъ предшественниковъ и почти безъ продолжателей, что объясняется трудностью такого рода работы и, главное, личной отчужденностью ученыхъ отъ южнорусскаго народа. Впервые А. А. Потебня открылъ тайники художественной дѣятельности народа въ отдѣльныхъ словахъ, не говоря уже о пѣсенномъ сочетаніи ихъ. Мало того, со многихъ темныхъ словъ приподнято имъ таинственное покрывало, скрывавшее ихъ важное историко-бытовое значеніе. Укажемъ, напримѣръ, на объясненіе словъ «тума», «рожа спажа», «на чудъ», «бованити», «потороча», «щавидубъ», «гостець», «полелю», «рано-раненько» и «рай». Для будущихъ составителей толковаго словаря живаго малорусскаго языка филологическіе труды А. А. Потебни несомнѣнно будутъ необходимой настольной книгой. Правда, при этой трудной лексической работѣ А. А. Потебня иногда ошибался, напр., при объясненіи слова «міусы» въ думѣ про Алексѣя Поповича, но непрерывно работая, при полной научной добросовѣстности, онъ самъ же впослѣдствіи замѣчалъ свою ошибку и исправлялъ ее, на основаніи болѣе точныхъ филологическихъ соображеній. Оставляя въ дѣлѣ опредѣленія иностранныхъ

словъ въ славянскихъ языкахъ пальму первенства и главной заслуги безспорно Миклошичу, нужно признать, что въ приложеніи къ малорусскому языку А. А. Потебня шелъ по слѣдамъ Миклошича и опредѣлилъ цѣлый рядъ характерныхъ малорусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: напр. гарный, гиля, нигичъ, аркгатъ, бигме, море, паланка, душманъ, вурда, брынза, струнка, гринджолы и мн. др.

Изучая формы языка въ мельчайшихъ ихъ подробностяхъ, А. А. Потебня всегда опирается на широкій философскій взглядъ на сущность языка вообще, его значеніе въ общемъ строѣ духовнаго развитія индивидуума и народа, его основныя составныя части и взаимное ихъ отношеніе. Въ сочиненіяхъ проф. Потебни мы находимъ обширныя главы о томъ, что такое слово, о созданіи и разрушеніи грамматическихъ формъ, объ отношеніи граматики къ логикѣ. Въ частности, весьма цѣнныя замѣчанія объ отношеніи областныхъ нарѣчій къ литературному языку и о значеніи литературной разработки найболѣе крѣпкаго и сильнаго изъ нихъ, южнорусскаго, находятся въ обширной рецензіи А. А. Потебни на сборникъ галицкихъ и угорскихъ пѣсенъ г. Головацкаго.

Отъ изученія лексическаго состава языка остается одинъ шагъ до изученія народной поэзіи, преимущественно пѣсенъ, гдѣ слово сохраняетъ всю свою художественную силу и выразительность, и А. А. Потебня самымъ естественнымъ путемъ перешелъ отъ узкой работы филологической къ гораздо болѣе широкой и живой работѣ историко-литературной, точнѣе сказать, къ изученію народныхъ поэтическихъ мотивовъ. Съ усвоенной при филологическихъ работахъ привычкой къ точному анализу словъ, съ привычкой останавливаться на мельчайшихъ явленіяхъ языка, А. А. Потебня приступилъ къ изученію народныхъ пѣсенъ и вошелъ въ самую глубь ихъ содержанія путемъ обстоятельнаго изученія почти каждаго слова ихъ въ отдѣльности, каждой фразы и мелкихъ варіантовъ. Уже въ 1877 г. въ статьѣ о сборникѣ пѣсенъ г. Головацкаго А. А. Потебня высказалъ и развилъ свое мнѣніе о необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсенъ и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ вездѣ выдвигаетъ на первый планъ размѣръ изучаемыхъ пѣсенъ и по размѣру распредѣляетъ ихъ на разряды и отдѣлы. При частномъ изученіи отдѣльныхъ разрядовъ пѣсенъ, напримѣръ, колядокъ, вес-

нянокъ, коломыекъ, размѣръ имѣетъ важное значеніе, и лучшимъ тому подтвержденіемъ можетъ служить послѣдняя обширная работа проф. Потебни о поэтическихъ мотивахъ колядокъ. Можно однако сомнѣваться въ удобствѣ и приложимости формальнаго дѣленія пѣсенъ по размѣру при изданіи большихъ сборниковъ пѣсенъ, особенно пѣсенъ свадебныхъ.

Съ легкой руки М. А. Максимовича, начавшаго при изученіи «Слова о Полку Игоревѣ» сливать оба полы сего времени, т. е. опредѣлять историко-поэтическую связь южной Руси настоящаго времени съ до-монгольскою южною Русью въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ, выраженіяхъ и эпитетахъ, эта интересная работа въ большихъ размѣрахъ произведена А. А. Потебней въ примѣчаніяхъ къ «Слову о Полку Игоревѣ», вышедшихъ въ 1877 г. Признавая, подобно многимъ ученымъ, въ «Словѣ» произведеніе личное и письменное, проф. Потебня находитъ невѣроятнымъ, чтобы оно было сочинено по готовому византійско-болгарскому или иному шаблону, и указываетъ на обиліе въ немъ народно-поэтическихъ ситхій. Опредѣляя черты сходства «Слова» съ произведеніями устной словестности, проф. Потебня съ одной стороны объясняетъ нѣкоторыя темныя мѣста «Слова», съ другой возводитъ нѣкоторые народно-поэтическіе мотивы ко времени не позже конца двѣнадцатаго вѣка и такимъ образомъ вноситъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ.

Въ послѣдніе четыре года А. А. Потебня издалъ два весьма крупныя изслѣдованія: 1) «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ». 1883 г. и 2) «Поэтическіе мотивы колядокъ» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1884—1887 годовъ. Для всякаго, серьёзно занимающагося изученіемъ народной поэзіи, эти труды проф. Потебни имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, по методу научнаго изслѣдованія, по собранному и обслѣдованному матеріалу и сдѣланнымъ на основаніи этого матеріала научнымъ выводамъ. Въ первомъ изслѣдованіи говорится о распредѣленіи пѣсенъ по размѣрамъ, поэтическихъ образахъ и разныхъ темныхъ словахъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ. Во второмъ изслѣдованіи колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ, число которыхъ перевалило уже за 70, судя по послѣднему «продолженію» сочиненія въ только что вышедшей 1 кн. «Р. Фил. Вѣст.» за 1887 г.

О значеніи послѣдняго труда А. А. Потебни въ исторіи научной разработки колядокъ было уже говорено въ ст. Н. Ѳ. Сумцова «О научномъ изученіи колядокъ» («Кіев. Старина» 1886 г., II) и здѣсь остается только повторить высказанное въ этой статьѣ замѣчаніе, что предпринятый А. А. Потебней обстоятельный обзоръ содержанія колядокъ и щедривокъ, при полномъ вниманіи автора ко всѣмъ подробностямъ и мелочамъ ихъ относительно отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, а также въ высшей степени тщательный и подробный научный анализъ колядокъ, даютъ возможность опредѣлить ихъ внутреннее родство (стр. 25) и придаютъ большую научную цѣнность всему изслѣдованію (стр. 18).

Мимоходомъ здѣсь можно замѣтить, что А. А. Потебня, по просьбѣ харьковскй уѣздной земской управы, безвозмездно принялъ на себя редактированіе предпринятаго земствомъ полнаго собранія сочиненій Г. Ѳ. Квитки и давно уже выполнилъ эту трудную и копотливую работу. А. А. Потебня сличилъ изданія сочиненій Квитки, вездѣ поставилъ надъ словами ударенія, обозначилъ въ выноскахъ допущенныя П. А. Кулишемъ разночтенія и передѣлки и принялъ на себя послѣднюю корректуру этого общеполезнаго изданія.

Какъ предсѣдатель состоящаго при харьковскомъ университетѣ историко-филологическаго общества, А. А. Потебня содѣйствовалъ собиранію архивныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и изданію главнѣйшихъ архивныхъ дѣлъ, первый томъ котораго уже вышелъ въ 1886 г. подъ редакціей члена историко-филологическаго общества Д. И. Багалѣя. Въ настоящее время приготовляется къ печати второй томъ мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ.

На учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважаютъ въ лицѣ Александра Аѳанасьевича человѣка, глубоко преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ избранной имъ области филологическихъ знаній, независимаго, самостоятельнаго, строгаго и требовательнаго къ себѣ и къ другимъ. Александръ Аѳанасьевичъ профессоръ въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и опредѣляетъ пути для ихъ пріобрѣтенія, и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ ихъ путемъ само-

стоятельной работы и исключительно въ силу духовной пытливости. Студенты-филологи въ научной дѣятельности и въ нравственномъ характерѣ Александра Аѳанасьевича находятъ поддержку и опору для своихъ научныхъ представленій о значеніи профессора и университета.

Н. С.

Вниманію археологовъ.

Многіе курганы и вообще земляныя насыпи на югѣ Россіи уже изслѣдованы археологами, но очень многіе никому изъ интересующихся людей совершенно неизвѣстны, потому что находятся въ глуши, вдали отъ большихъ дорогъ, въ горахъ, лѣсахъ и т. п. На одинъ такой историческій памятникъ я намѣренъ указать.

Въ подольской губерніи, въ проскуровскомъ уѣздѣ, въ двухъ верстахъ отъ села Остапковецъ, въ имѣніи г. Залѣсскаго находится громадный валъ, образующій правильный кругъ, діаметръ котораго составитъ около трети версты или болѣе. Валъ этотъ находится на вершинѣ холма, по склонамъ котораго теперь еще уцѣлѣли два очень глубокихъ рва: первый глубиною почти въ десять саженей, а второй, находящійся у самаго подножія холма, почти вдвое глубже перваго, такъ что поражаетъ своею грандіозностію. Въ цѣломъ холмъ этотъ похожъ на тѣ остатки крѣпости, какія находятся преимущественно въ Литвѣ. Особенно онъ сходенъ съ крѣпостію новогрудской въ минской губерніи, воспѣтой Мицкевичемъ въ повѣсти «Гражина». По бокамъ холма уцѣлѣла еще дорога, которая вела на верхъ. Найти это укрѣпленіе безъ проводника теперь нельзя, потому что оно все совершенно покрыто очень густымъ лѣсомъ. Народъ зоветъ это мѣсто *Замчискомъ* и страшно боится его. Среди разныхъ легендъ, пріуроченныхъ къ Замчиску, болѣе распространена слѣдующая. «На горѣ этой когда-то жилъ панъ. У него былъ очень большой дворецъ и много прислуги. За грѣхи Богъ наказалъ пана и онъ провалился подъ землю со всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ день Пасхи теперь еще слышно чрезъ трубу, какъ подъ землею звонятъ въ колокола». Пріурочивается также къ «Замчиску» и миѳъ о подземномъ богѣ золота и серебра, которое онъ иногда выбрасываетъ черезъ трубу счастливцамъ. Ходятъ такіе

толки на счетъ «Замчиска» и такіе, что тамъ скрыто очень много бочекъ съ золотомъ, медомъ, или что тамъ зарыты военныя орудія. До послѣдняго времени говорили даже, что въ одномъ мѣстѣ виднѣлась еще дверь, которая вела въ подземелье.

С.

Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря.

Избраніе на высшія и низшія іерархическія должности, равно на уряды войсковые, гражданскіе и общественные было общераспространеннымъ во всей южной Руси и лежало, такъ сказать, въ самой основѣ жизни южно-русскаго народа. Выбирали всѣхъ отъ гетмана и митрополита до послѣдняго сельскаго атамана и дьячка. О выборахъ составлялись пространныя и краткія записи, въ которыхъ нерѣдко изображался и самый процессъ избранія съ результатами онаго и подписями выборщиковъ; но цѣльныхъ актовъ избранія нѣтъ, или почти нѣтъ въ печати.

Въ архивѣ министерства юстиціи, въ числѣ дѣлъ Сибирскаго приказа, подъ № 6815, мы нашли подлинный актъ избранія въ архимандриты кіево-печерской лавры Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи избраннаго на кіевскую митрополичью каѳедру. Къ сожалѣнію этотъ важный актъ не сохранился въ полномъ видѣ; уцѣлѣло лишь 8 листовъ, нынѣ крайне ветхихъ. Начало акта утрачено и мы не видимъ процедуры выборовъ. Кіево-печерская лавра считалась первѣйшею святынею въ странѣ и выборъ въ печерскіе архимандриты производился съ особою торжественностію. Въ числѣ участвовавшихъ въ выборѣ Варлаама Ясинскаго мы видимъ делегатовъ отъ гетмана, уполномоченныхъ блюстителя кіевской митрополіи Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, представителей кіевскаго магистрата, множество монаховъ разнаго сана и чина и нѣсколько нечиновныхъ мірянъ, по малому числу которыхъ (всего три) думаемъ, не утратился-ли и еще какой либо листъ съ конца акта.

Приводимъ этотъ рѣдкій актъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ сохранился.

. . . . . Варлаама Ясинскаго, игумена никольскаго кіевскаго, пречестнаго, его милости, господина, отца Ѳеодосія Углицкаго, игумена михайловскаго выдубецкаго, пречестнаго, его милости, господина, отца Антонія Радивиловскаго, намѣстника печерскаго на обраніе отъ ясне въ Бозѣ преосвященнаро, его милости, господина, отца архіепископа черниговскаго посланныхъ, вольными гласы и единогласными устами и сердцы обрали архимандритомъ печерскимъ честнаго въ Бозѣ, его милость, господина, отца Ясинскаго, игумена монастыря святаго Николая пустыннаго кіёвскаго, святостію, мудростію церкви Божіей прислуженнаго, къ тому чину высокому годнаго и достойнаго, при присланныхъ на то избраніе отъ ясневельможнаго, его милости, господина гетмана Ивана Самойловича, при ихъ милостяхъ, господахъ полковникахъ: при Васильѣ Бурковскомъ, полковникѣ черниговскомъ, при кіевскомъ Григоріѣ Карповичѣ, который пречестный, его милость, отецъ архимандритъ новообранный, при совоблюденной въ належащей чести и въ любви ихъ милостей пречестныхъ отцевъ избранныхъ печерскихъ, также всѣхъ отцевъ и братіи, при совоблюденіи всякихъ чиновъ древнихъ, при опасномъ намѣреніи, около благаго мѣста святаго отнынѣ будетъ имѣть полное строеніе и владѣніе монастыремъ и его принадлежностьми, церковію и украшеніемъ, братіею и всякими приходами и росходами тако, яко и прежніе архимандриты, даже недавно къ Богу отшедшаго, его милости, господина, отца Иннокентія Гизеля, архимандрита кіево-печерскаго, владѣли и строили. Для того при печати соборной печерской имена наши властными руками подписуемъ. Чинилось во святой, великой, чудотворной лаврѣ кіево-печерской, лѣта Господня 1682 г., мѣсяца генваря, 20 дня.

Ѳеодосій Углицкій, игуменъ монастыря св. архистратига Михаила выдубецкаго кіевскаго, рукою властною.

Силиверстъ Головчичъ, игуменъ монастыря св. архистратига Михаила золотоверхого, ректоръ братской кіевской.

Ѳеодосій Вансовскій, игуменъ межигорскій.

Иннокентій Монастырскій, игуменъ монастыря кирилловскаго кіевскаго.

Антоній Радивиловскій, намѣстникъ печерскій.

Василій Борковскій, полковникъ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго черниговскій, рукою властною.

Григорій Карповичъ, полковникъ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго кіевской, рукою властною.

Іеромонахъ Іоасафатъ, старшій печатарный кіево-печерскій, рукою своею.

Іеромонахъ Лукіанъ Моисеевичъ, счасный уставщикъ печерскій.

Іеромонахъ Паисій Клепецъ, старецъ соборный.

Іеромонахъ Пантелеимонъ Кохановскій, экономъ монастыря печерскаго.

Іеромонахъ Аѳанасій Одынецъ, старецъ соборный монастыря кіево-печерскаго.

Іеромонахъ Аѳанасій Мирославскій, намѣстникъ монастыря чолскаго Трубчевскаго, маршалокъ на избраніе архимандрита съ братіею множественною.

Іеромонахъ Митрофанъ Басковичъ, еклесіархъ великія церкви печерской.

Іеромонахъ Иннокентій, блюститель пещеры преп. Ѳеодосія и духовникъ всея братіи монастыря печерскаго.

Іеромонахъ Софоній, на время блюститель пещеры преп. отца Антонія.

Варламъ Куликъ.

Іеромонахъ Мардарій Конарскій.

Іеромонахъ Калистръ, намѣстникъ . . . .

Іеромонахъ Иларіонъ.

Іеромонахъ Геннадій.

Іером. . . . . .

Іеромонахъ Селиверстъ Маковскій.

Іеромонахъ Самоилъ.

Іеромонахъ Іоанникій.

Іеромонахъ Ѳеофилактъ.

Жданъ Ѳедоровичъ Тадрына, войтъ кіевскій.

Янъ Быковичъ, бурмистръ кіевскій.

Демидъ Мамоновичъ, бурмистръ кіевскій.

Иванъ Софоновичъ, бурмистръ кіевскій.

Захаръ Тадрына, райца старшій кіевскій.

Іеромонахъ Куартъ.

Іеромонахъ Германъ Кураевскій.

Іеромонахъ-іеродіаконъ Меѳодій.

Іеродіаконъ Пафнутій Притицкій.
Іеродіаконъ Іона дзигарнистъ.
Іеродіаконъ Зиновій.
Іеродіаконъ Іосафъ паламарь.
Іеродіаконъ Іосифъ.
— Пахомій.
— Іеронимъ.
— Іосафъ.
— Іоакимъ.
Схимникъ монахъ Григорій.
Елисей Милкѣевичъ, старецъ печерскій.
Арсеній Уруглецкій.
Монахъ Филаретъ Лесневичъ.
Монахъ Ипполитъ келарь.
Монахъ Паисій Акруйговичъ.
Монахъ Іосифъ Оснѣцкій.
Монахъ Кассіанъ полатный.
Монахъ, паламарь, Дуницкій.
Веніаминъ Братковскій.
Монахъ Герасимъ Величко.
Монахъ Герасимъ Климашевскій.
Монахъ Савостьянъ.
Монахъ Ипатій.
Монахъ Власій городничій.
. . . . . .
. . . . . .
Монахъ Варновъ.
— Вонифатій.
— Мартіанъ.
— Викторъ, паламарь печерскій.
— Дамаскинъ.
И прочая братія вся.
Исакій, экономъ больницы троицкой печерской, съ братіею.
Ѳедоръ Предримировскій, староста печерскій.
Максимъ Васильковскій.
Антоній Гавриловичъ.

Сообщ. **А. Востоковъ.**

Загадочный портретъ Шевченка.

Прошлой осенью мнѣ довелось быть у моей матери, Александры Степановны Бабичъ, живущей почти безвыѣздно въ Кіевѣ, на Гончарахъ, въ собственномъ домѣ. Однажды вечеромъ она увидала на моемъ столѣ «*Кобзарь*» (изд. 1883 г.), при чемъ обратила особенное вниманіе на приложенный къ изданію портретъ Шевченка. Портретъ этотъ, какъ она мнѣ тогда-же заявила, напомнилъ ей отчасти другой, находившійся у ней на храненіи слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ и изчезнувшій неизвѣстно куда. Вотъ исторія этого портрета.

У моей матери отдавались въ наймы квартиры. Одному жильцу (фамилію его она не помнитъ) нужно было внезапно выѣхать изъ города; такъ какъ у него находилось много мелкихъ вещей, то онъ и оставилъ ихъ на время въ своей квартирѣ. Въ числѣ оставленныхъ вещей былъ и портретъ Тараса Григорьевича. Портретъ этотъ величиною въ четверть листа, писанъ красками. Шевченко изображенъ на немъ въ красномъ кунтушѣ (по поясъ), въ шапкѣ и съ «оселедцемъ». Не придавая въ то время цѣны портрету, мать моя вынесла его вмѣстѣ съ другими мелочами на чердакъ. Жилецъ больше не являлся, портретъ безслѣдно пропалъ.

Существованіе такого портрета Шевченка крайне загадочно. Въ красныхъ жупанахъ ходили и «оселедцы» носили, какъ извѣстно, запорожцы. Но не возможно допустить, чтобы многодумному нашему поэту даже въ *веселыя* минуты жизни пришла фантазія изобразиться запорожскимъ рыцаремъ. Въ дѣтствѣ Шевченко могъ носить и вѣроятно носилъ чуприну, такъ какъ это было общимъ обычаемъ у подростковъ той мѣстности, которой онъ принадлежалъ по рожденію; и красную куртку съ соотвѣтственною шапкою онъ могъ носить, какъ дворовый козачекъ тамошней мѣстности, хотя самъ объ этомъ нигдѣ не упоминаетъ. Но отсюда до изображенія себя въ зрѣломъ возрастѣ въ костюмѣ и съ куафюрою отрочества или юности далеко. Не есть-ли скорѣе портретъ, о которомъ я говорю, фантазія кого либо изъ пламенныхъ почитателей поэта, которому пришло въ голову изобразить такимъ пѣвца козацкихъ подвиговъ?

Настоящею замѣткою желательно было бы вызвать разъясненіе этого загадочнаго портрета, и именно: извѣстно-ли еще кому либо существованіе такого портрета и каково его происхожденіе и значеніе.

Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2-й половины XVIII ст.

Исторія кіевскаго магистрата, если-бы она когда-либо была составлена, могла-бы представить поучительный примѣръ глубокаго паденія самоуправленія, построеннаго на самыхъ широкихъ началахъ равноправности и свободы. Съ половины прошлаго столѣтія этотъ, никому когда-то «неподлеглый», «упривилiованный» магистратъ сталъ видимо и быстро клониться къ упадку, ведя борьбу и съ русскими властями, и съ гетманскимъ региментомъ, съ софійскою катедрою и кіевскими монастырями, запутываясь въ хозяйственныхъ дѣлахъ, увеличивая недоимки въ городскихъ доходахъ и растраты городскихъ суммъ, и кончилъ полнымъ почти банкротствомъ ко времени упраздненія его въ 1834 году, оставивъ городъ въ такомъ печальномъ положеніи со стороны внѣшняго благоустройства, что жалобы на него слышались ото всѣхъ русскихъ и иностранныхъ посѣтителей Кіева конца прошлаго и начала нынѣшняго стлоѣтія. Произошло все это въ періодъ постепеннаго подчиненія Кіева общеимперскимъ порядкамъ и, помимо многихъ частныхъ причинъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ смѣшенія въ городскомъ управленіи двухъ принциповъ и порядковъ—автономнаго и бюрократическаго, естественнымъ послѣдствіемъ котораго было то, что контроль общества самъ собою слабѣлъ и контроль правительственный не могъ получить надлежащій силы.

Съ 1766 года, на высокомъ и трудномъ посту кіевскаго войта является надворный совѣтникъ Григорій Пивоваровъ, состоявшій передъ тѣмъ въ должности кіевскаго губернскаго прокурора [1]). Его кандидатура, предъявленная сперва не гласно кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, была рѣшительно отвергнута сходомъ кіевскихъ мѣщанъ, подтвержденная-же затѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ императрицы Екатерины II, хотя и принята, но сопровождалась отчаянными протестами мѣщанъ и едва не окончилась открытымъ бунтомъ и кровопролитіемъ. Вотъ эта-то темная личность, обманувшая довѣріе къ ней правительства, послѣ своего утвержденія въ должности войта, съумѣла обратить въ свою пользу выгоды службы коронной

[1]) А. А. Андреевскій. Историч. матеріалы, в. VIII, стр. 81.

съ порядками выборнаго общественнаго управленія, и о ней-то я хочу сказать нѣсколько словъ, какъ она хозяйничала въ «прародительской отчинѣ россійскихъ государей» и вводила въ участіе своимъ хозяйничаньемъ другихъ выборныхъ общественныхъ дѣятелей, въ качествѣ бургомистровъ и райцевъ.

Пивоваровъ занималъ должность войта свыше десяти лѣтъ и не смотря на то, что прочіе члены магистрата, бургомистры и райцы, по принятому издревле порядку переизбирались и отчасти мѣнялись каждый годъ, общій характеръ хозяйничанья оставался неизмѣннымъ во все время его управленія.

Бывшій при Пивоваровѣ райцею Василій Балабуха, по выходѣ изъ магистрата, составилъ въ 1780 году въ высшей степени любопытную записку о состояніи кіевскаго городскаго хозяйства и о магистратскихъ порядкахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ: «Свѣдѣніе 1780 года о бываемыхъ доходахъ кіевскаго магистрата». Въ запискѣ говорится впрочемъ не объ однихъ доходахъ, но и злоупотребленіяхъ магистрата, а также объ улучшеніяхъ въ городскомъ хозяйствѣ, произведенныхъ имъ, Василіемъ Балабухою, въ бытность его бурмистромъ.

По этимъ «свѣдѣніямъ» главный доходъ кіевскаго магистрата получался тогда отъ продажи водки въ магистратскихъ шинкахъ на Подолѣ. Такъ какъ продажа водки на Подолѣ составляла монополію магистрата, а пили тогда въ гомерическихъ размѣрахъ; то ежегодно продавалось въ магистратскихъ шинкахъ отъ 25 т. до 30 т. ведеръ, что доставляло магистрату доходу отъ 9 т. до 10 т. рублей. Доходъ отъ продажи меду и пива не показанъ въ запискѣ Балабухи и только замѣчено, что по этой статьѣ «особливо долженъ быть доходъ». Налоги на разныя торговыя предпріятія въ городѣ и предмѣстьяхъ давали городу до 3 т. и болѣе рублей и сверхъ того изъ кіевской губернской канцеляріи отпускалось ежегодно на разныя потребности тысяча двѣсти девять рублей, двѣнадцать копѣекъ и болѣе. Словомъ, всѣхъ городскихъ доходовъ составлялось отъ 13 т. до 15 т. рублей.

Этими денежными, по тому времени весьма значительными, доходами войтъ Пивоваровъ и городскіе урядники 1775 года распорядились, по свидѣтельству Балабухи такъ, что къ началу 1776 г. въ городской кассѣ наличныхъ суммъ изъ текущихъ доходовъ осталось лишь *два рубля*.

Не лучше распоряжались они и натуральными статьями дохода. Торговавшіе водкою изъ своихъ винокурень или имѣвшіе только шинки должны были за право торговли вносить налогъ натурою, называвшійся «помѣрное», отъ ста ведеръ по пяти ведеръ; и такъ какъ въ частныхъ шинкахъ продавалось ежегодно около 30 т. ведеръ, то магистрату приходилось 1,500 ведеръ «помѣрнаго». Изъ этого количества войтъ Пивоваровъ и райцы: Давидовскій и Дмитровичъ взяли въ свою пользу по 200 ведеръ, писарь Леонтовичъ 50 ведеръ, да «низшіе чиновники по меньшему числу», такъ что въ пользу города осталось лишь *250 ведеръ*.

Но городскіе урядники не довольствовались «зиномъ» мѣстнаго производства, а услаждали себя и заморскими винами, на покупку которыхъ расходовались значительныя суммы. «Когда только войтъ, говоритъ Балабуха, собрать вздумаетъ компаніи, или балы здѣлать, либо когда для увеселенія и проѣздиться съ компаніею, то всѣ на то ѣстные и питейные припасы и особливо вина: венгерское, шампанское, французское, пиво аглицкое, да и до малѣйшей вещи все покупается изъ магистратской суммы, а чтобы укрыть сіе, убавляютъ по книгамъ покупку и продажу вина».

Чтобы усилить свой питейный доходъ, Пивоваровъ выстроилъ, по словамъ Балабухи, «на городской землѣ и магистратскимъ всѣмъ коштомъ винокуренный заводъ, который магистратскимъ-же коштомъ всегда и починяется, съ котораго завода войтъ все свое вино отпускаетъ въ магистратскіе шинки цѣною такою, какою ему угодно. И хотя оной войтъ съ бурмистромъ и райцею рочными и при другихъ бурмистрахъ и райцахъ о цѣнѣ и договариваются; но и тѣ бурмистры и райцы, яко имѣютъ такъ-же свои заводы и чтобъ и свое вино тако-жъ дорогою цѣною туда-жъ вольно было отпускать, соглашаются охотно съ войтомъ. У сторонныхъ-же и кіевскихъ обывателей таково горячее вино гораздо дешевлее можно купить. А отъ сего какая гибель магистратской денежной прибыли, удобно видѣть можно».

Изыскалъ Пивоваровъ и другую статью дохода для себя и своихъ служителей. Куплено было лѣсу за магистратскія деньги до трехъ тысячъ бревенъ сосновыхъ и кромѣ того дровъ немалое число, «и съ того, говоритъ, отпускается войту, бурмистру и райцѣ по 100 бревенъ, да по 40 возовъ и болѣе, сколько имъ заугодно, дровъ,

писарю-же 50 бревенъ и 20 возовъ дровъ, а другимъ чинамъ по ихъ, «рочныхъ», распоряженію, развозя всѣмъ по домамъ наемными подводами или магистратскими; весь же тотъ расходъ записывается въ книги единственно якобы для одного магистрата».

«Продавцы вина горячего, заканчиваетъ эту картину Балабуха, въ шинкахъ магистратскихъ, просто называемые шинкари, перемѣняются по волѣ войта, бурмистра и райцы рочныхъ, для того только, кто изъ шинкарей больше имъ денегъ дастъ, и взымаютъ отъ нихъ отъ пятидесяти до ста рублей, а кромѣ того отъ всякой бочки взымаютъ же отъ нихъ себѣ по одному рублю и о праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова дары праздничные. Чрезъ тоже имѣютъ волю шинкари продавать то горячее вино на такову мѣру, на какую они хотятъ».

Принявъ въ 1776 году въ свое завѣдываніе разоренное городское хозяйство, Василій Балабуха сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя улучшенія, которыя еще болѣе раскрываютъ злоупотребленія Пивоварова и его сообщниковъ.

Магистрату принадлежали подгородья Преорка и Куреніовщина съ прилежащими землями. Въ этихъ двухъ предмѣстьяхъ числилось до 300 крестьянскихъ дворовъ, хозяева которыхъ платили въ магистратъ 250 рублей окладу въ годъ. Въ 1776 году, по докладу Балабухи, денежный окладъ былъ замѣненъ натуральной повинностью: магистратскіе крестьяне должны были работать по одному дню въ недѣлю; они свозили съ берега Днѣпра купленный магистратомъ лѣсъ, косили сѣно, очищали мосты, вывозили навозъ, набивали ледники льдомъ и «протчие гродские надобности исправляли». «На все это было отъ магистрата на заплату большая сумма исходить, а нынѣ, за исправленіемъ всѣхъ выше изображенныхъ надобностей, съ тѣхъ мужиковъ, кои не отработаютъ всѣхъ дней, взымають за всякій день по пяти копѣекъ». Эти штрафы образовали за годъ сумму въ сто двадцать четыре рубля, да столько же осталось недоимки за крестьянами. Конечно, что отъ этою измѣненія «найдена магистрату большая польза».

Главнымъ расходомъ кіевскаго магистрата было содержаніе конной почты; приходилось издерживать на уплату подрядчикамъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей и болѣе, кромѣ даровыхъ пастьбищъ на городскихъ лугахъ и прогонныхъ денегъ. Оказалось,

что и эту услугу городу оказывали достославный войтъ Пивоваровъ и писарь Леонтовичъ, участвовавшіе секретно въ подрядѣ. Когда въ 1776 году явились подрядчики на торги и запросили 3,600 р.; то Балабуха рѣшился взять содержаніе почты на свой отвѣтъ. Онъ купилъ сорокъ лошадей, закупилъ на цѣлый годъ сѣна и овса, исправилъ повозки, упряжь, нанялъ ямщиковъ и на все это издержалъ въ годъ лишь 1,800 рублей. При сдачѣ должности бурмистра въ концѣ 1776 года, онъ передалъ тридцать шесть лошадей «самыхъ годныхъ и въ лучшемъ состояніи и все остальное почтовое имущество и сверхъ того пятсотъ рублей прогонныхъ денегъ».

Къ концу 1776 года, благодаря стараніямъ Балабухи, въ городской кассѣ, помимо всѣхъ расходовъ, образовалась сумма въ 5,711 рублей, такъ что, по возвратѣ истраченныхъ прежними урядниками 1,662 рублей, для текущихъ расходовъ въ 1777 году оставалось болѣе 4,000 рублей.

Чтобы предупредить на будущее время возможность хищенія, Балабуха предложилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ магистратскихъ порядкахъ. Главнымъ недостаткомъ магистратскаго управленія Балабуха считалъ сеединеніе распорядительной и исполнительной власти въ рукахъ «рочныхъ» бургомистра и райцы, вслѣдствіе чего, «чѣмъ бы зависѣть рочнымъ отъ предписаній магистрату, тѣмъ самимъ они-жъ управляя, получаютъ резолюціи почти отъ самихъ себе и по своему желанію, да и о дѣйствительномъ исполненіи никакой ексекуціи не имѣютъ, а потому сами они для себе законъ и все состоитъ въ полной ихъ волѣ». Чтобы устранить это самоуправство и, какъ слѣдствіе его, хищенія, Балабуха предложилъ, чтобы въ противность прежнему обыкновенію, когда выбывавшіе бургомистры и райцы передавали городскія суммы вновь выбраннымъ, учредить особую коммисію изъ пяти членовъ, именно вновь выбранныхъ «правящихъ» бургомистра и райцы, двухъ «присутствующихъ» бургомистровъ и одного медоваго шафаря, съ тѣмъ, чтобы магистратскія суммы передавались ей подъ росписку въ книгахъ, а она содержала-бъ ихъ въ магистратской скарбовой избѣ, за печатьми и ключами, и безъ ея разрѣшенія «рочные» не имѣли-бы права производить какой либо расходъ. При существованіи такой коммиссіи «ежегодно можно было-бы видѣть прибыль и знать мож-

но-жъ, сколько суммы будетъ имѣть магистратъ. Если же въ который годъ чіего либо правленія окажется расходъ болѣе прихода, то бы тѣ рочные докладали, почему то сдѣлалось, и ежели усмотрится правильной расходъ, въ то время магистратъ приступилъ-бы къ выдачѣ наличной означенной суммы, сколько надобно». Но магистратъ, или, лучше сказать, войтъ Пивоваровъ отвергъ такое благое предложеніе Балабухи и продолжалъ хозяйничать по прежнему, радѣя лишь о своей пользѣ, а не о пользѣ города.

С. Н—й.

Двѣ поправки къ статьѣ: „Свадьба Тимоша Хмельницкаго".

Въ названной статьѣ, помѣщенной въ мартовской и майской книжкахъ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, въ самомъ концѣ допущены нѣкоторыя неточности, которыя считаю нужнымъ исправить.

Разсказывая о смерти и погребеніи Тимоша Хмельницкаго, авторъ утвердительно говоритъ (майск. кн., стр. 49), что Тимошъ похороненъ «въ Субботовѣ, въ церкви, построенной Богданомъ».

Въ Субботовѣ дѣйствительно построена была Богданомъ Хмельницкимъ въ послѣдніе годы его жизни каменная церковь, которая, не смотря на всѣ превратности, сохранилась и доселѣ и въ послѣднее время была не разъ возобновляема. Но не въ этой церкви предано землѣ тѣло Тимоша. Онъ умеръ и погребенъ въ концѣ 1653 г., а каменную церковь во имя св. пророка Иліи Богданъ Хмельницкій началъ строить въ своемъ родовомъ имѣніи лишь въ слѣдующемъ 1654 году. Между тѣмъ въ Субботовѣ была въ это время другая, деревянная церковь во имя св. архистратига Михаила и въ ней-то и похоронены остатки гетманскаго первенца. Здѣсь надъ его могилой совершалъ въ 1654 году заупокойную службу антіохійскій патріархъ Макарій, слѣдовавшій чрезъ Украйну въ Москву, какъ объ этомъ замѣчаетъ въ любопытныхъ своихъ запискахъ сопутствовавшій ему алепскій діаконъ Павелъ [1]).

---

[1]) Свидѣтельство его о семъ см. въ отрывкахъ его Записокъ въ „Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ" за 1872 г.

Другая неточность допущена авторомъ названной статьи на стр. 51 той-же майской книжки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ ожерельѣ Домны Хмельницкой, снимокъ съ котораго приложенъ къ его статьѣ. По словамъ автора, ожерелье это принесъ въ даръ Семенъ Палій церкви Спаса, построенной имъ въ Бѣлой Церкви, о чемъ сохранилось будто-бы досель мѣстное преданіе.

Церковь Спаса, или во имя Преображенія Господня, построена въ Бѣлой Церкви въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія графинею Александровною Браницкою, племянницею кн. Гр. Потемкина, по образцу одесскаго каѳедральнаго собора, и здѣсь погребено тѣло строительницы. Она построена на разстояніи лишь нѣсколькихъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стояла построенная Паліемъ около 1700 г. трехъ-престольная церковь, не оконченная за ссылкою его въ Сибирь. Въ этой-то церкви, доконченной кѣмъ то впослѣдствіи и затѣмъ перешедшей въ руки уніатовъ, сохранилось ожерелье Домны и запись о немъ и о принадлежности его женѣ гетманича найдена мною въ уніатской описи этой церкви, составленной около 1740 года, о чемъ заявлено мною въ описаніи Бѣлой Церкви и ея церквей, помѣщенномъ въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1855—1856 гг. Сооруженіе Палія, памятникъ его великой любви къ родинѣ и церкви святой, во время обладанія имъ уніатовъ, дошло до совершеннаго разрушенія и въ 50-е годы нынѣшняго столѣтія представляло громадную кучу развалинъ, среди которыхъ сохранились массивныя стѣны одного изъ придѣловъ. Этотъ-то придѣлъ во имя св. Николая, возобновленный въ 1852 г. и находящійся и понынѣ въ сѣверо-восточномъ углу обширной ограды бѣло-церковской спасо-преображенской церкви, хранитъ въ себѣ ожерелье Домны Хмельницкой. Преданія о томъ, что бы это ожерелье принесено было въ эту церковь самимъ Паліемъ, въ Бѣлой Церкви не было и нѣтъ, и отъ кого поступило ожерелье, остается неизвѣстнымъ.

П. Л—въ.

Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 г., въ статьѣ о «Самійлѣ Кошкѣ» В. П. Науменкомъ была помѣщена, какъ образчикъ новослагаемыхъ пѣсенъ, пѣсня объ убійствѣ Томиленками Ярмилки. Она представляетъ намъ самый, такъ сказать, процессъ созданія новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ по образцамъ старыхъ. Тутъ поразившій народное воображеніе случай хотя выливается въ пѣснѣ, но не создаетъ уже новыхъ образовъ, новыхъ красокъ; какъ мозаика, новая пѣсня создается изъ обломковъ старыхъ пѣсенъ, созданныхъ подъ впечатлѣніемъ другихъ, болѣе сильныхъ и душу трогающихъ произшествій. Новыя, оригинальныя черты въ высшей степени рѣдки.

Намъ удалось записать въ с. Сушкахъ (полт. губ., золот. уѣзда) варіантъ этой пѣсни, отступающій отъ уже напечатаннаго; при пѣснѣ мы записали и разсказъ самой пѣвицы о Томиленкахъ и Ярмилкѣ. Пѣсня сложена въ тюрьмѣ двумя братьями убійцами и выражаетъ то позднее ихъ сокрушеніе о своей злой участи, то просьбу къ матери объ освобожденіи ихъ отъ бѣды цѣною послѣдняго ея достоянія.

«Я сама, говорила намъ разсказчица, оцихъ Томиленкивъ бачила; було їздять до насъ у Сушки. Ихъ було чотыри брата, гарни вони були, якъ малюнки. Двое пишло у Сибиръ за Ярмилку, двое й теперъ дома живуть. Кажуть, що вони непросыпно пьянствували. Ярмилку, казали мени (не знаю, чи правда), одъ царя прислано дивитись, якъ у полтавській губерніи люде живуть. Ярмилка водився зъ Томиленками, бувъ у ихъ кумпаніи. Хтось пидкупивъ Томиленкивъ, вони зъ пьяну й убили ёго. Якъ седили вони у тюрми, у Золотоноши, то й прислали листъ, у котрому оцю пѣсню списали. Вони іи тамъ и зкомпонували у двохъ; зъ того часу вона й ходить помижъ нами».

Вотъ самая пѣсня:

Не хилися ты, яворку, ще-жъ ты зелененькій,
Не журися, козаченьку, ще ты молоденькій.
Не радъ явиръ хилитися, вода коринь мые,
Не радъ козакъ журитйся, та серденько мліе.
Ой по морю, морю синенькому, два лебеди вьютьця,

А на тихъ, на Томиленкивъ, кайданы куються.
Ой забили й закували, повезли селомъ.
Селомъ везуть, селомъ везуть, селомъ выряжають,
А за ними та ихъ стара мати плаче та рыдае.
—Не плачъ, мати, не плачъ, стара, не плачъ, не журися,
Сама провинила, що хорошихъ сынивъ породила, чомъ не оженила?
—Було-бъ вамъ, мои сыночки, въ корчму не ходити,
Було-бъ-же вамъ, тай сыночки, Ярмилки не бити.
—Продай, мати, продай, стара, волы крутороги,
Та выкупай насъ, ридна мати, зъ темнои неволи.
Продай, мати, продай, стара, бычки и телички,
Та выкупай насъ, ридна мати, зъ темнои темнички.
Лучче-бъ було, моя мати, у поли орати,
Нижъ теперъ намъ, моя мати, зъ тюрмы выглядати.
Лучче-бъ було, моя мати, у лузи зъ косою,
А нижъ теперъ, моя мати, у тюрми зъ красою!

В. К—шъ.

Свѣдѣніе объ Иванѣ Головатомъ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ.

«Иванъ Головатый въ царствованіе Екатерины II-й былъ сосланъ въ Сибирь и жилъ въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ подъ строжайшимъ надзоромъ военнымъ и монастырскимъ. Въ инструкціи, данной архимандриту Иліѣ, сказано между прочимъ, что Головатому запрещается не только посѣщать и принимать постороннихъ людей, но и ходить въ церковь. Въ послѣдствіи времени, по его желанію, разрѣшено было ему посѣщать церковь въ сопровожденіи часоваго солдата, неотлучно при немъ находившагося, но съ тѣмъ, чтобы Головатый стоялъ въ церкви на особомъ отъ народа мѣстѣ, не оглядывался назадъ и по сторонамъ и при входѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. На содержаніе его назначено было изъ казны въ годъ по сто руб. ассигн., которые выдавались ему помѣсячно, въ полученіи-жъ ихъ, по его безграмотству, росписывались другіе. Такимъ образомъ Головатый, въ совершенномъ уединеніи, про-

жилъ въ монастырѣ 20 лѣтъ, не подавая никакого повода къ жалобамъ или доносамъ на себя начальству. По прибытіи въ Сибирь ему показывали 60 лѣтъ; значитъ, онъ умеръ 80 лѣтъ отъ роду. О смерти его немедленно было донесено военному начальству.

Сообщено архимандритомъ новгородъ-сѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Венедиктомъ, бывшимъ ректоромъ тобольской семинаріи. 5 декабря 1856 года».

Приведенная справка, 50 лѣтъ назадъ сему сдѣланная, найдена мною въ старыхъ бумагахъ отца моего. Она написана на маленькой отдѣльной четвертушкѣ бѣлой почтовой бумаги, кѣмъ же и по какому случаю испрошена, мнѣ неизвѣстно. Какъ справку, сдѣланную несомнѣнно по мѣстнымъ архивнымъ документамъ, я счелъ нужнымъ привести ее въ общую извѣстность путемъ печати.

А. С. Лашкевичъ.

Запорожская пѣсня.

Ой не знавъ козакъ,
Ой да не знавъ Супрунъ,
Та й де славоньки зажити,
Ой да зибравъ військо,
Славне запорижське,
Ой да пишовъ орды бити.
Ой що въ субботу проти недиленьки
Супрунъ зъ ордою истявся,
Ой а въ недилю до сходу сонця
Та въ неволеньку попався.
Ой почали превражи бусурманци
Та Супруна вьязати,
Охъ и ставъ Супрунъ превражимъ бусурманцямъ
Та всю правдоньку казати.
Ой не вьяжите, превражи бусурманци,
Та й назадъ рученьками,
Охъ и ведить же мене въ чистее поле
А зъ моими козаками.
Ой и въ чистимъ поли, въ широкимъ роздоли
Сизый орелъ пролитае,
Охъ и стоить військо славне запорозьске,

Охъ такъ, якъ макъ процвитае.
—Ой, вы, хлопци, вы добри молодци,
Накажите ажъ до кошового,
Ажъ до товариша мого:
Ой нехай-же винъ Супрунове добро
За безцинокъ збувае,
Ой нехай-же мене козака Супруна
Изъ неволи выкупае.
—Ой то не слава, то и не козацькая,
За безцинокъ избувати.
Охъ и лучче бъ тебе, козака Супруна,
Намъ та й у вичи не видати!
—Ой, що вы, хлопци, преудали молодци,
На що намъ битьця, на що воюватьця,
Будемъ примиряти ця [1]).
—Ой, пидождите, премилее братьтя,
Дайте до сестры знати!
Уже-жъ писали, вже й переписали,
Мабуть мои листы до неи не доходять
Ой, вже-жъ мои дрибни слезы
Та все марно переходять!
Эй, а не вспила, а ридная сестра
Супрунови листы получити,
Якъ почала своимъ добрымъ конемъ,
Якъ огнемъ, летити.
—Ой, и здоровъ, здоровъ, а ты, милый брате,
Чомъ не давъ до сестры знати?
Почавъ битись, воювати,
Не давъ сестри знати.
Ой не вспила тая сестра
Зъ коника упасти,
Почала бусурманцивъ въ полонъ гнати.
—Охъ и зоставайся здоровъ, милый брате,
Та и давай-же ты сестри завчасу вже знати.
—Сестро-жъ моя дорогая,
Яка-жъ ты слуга силная!

Зап. **Иванъ Пономаревъ.**

Записано въ 1886 г. въ херсонской губерніи, александрійскомъ уѣздѣ, отъ крестьянина кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда 30-ти лѣтъ, живущаго тамъ около 3 лѣтъ.

[1]) Тутъ очевиденъ пропускъ.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *непремѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутрь Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1887 г. (VI годъ изданія.) **1887 г.**

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

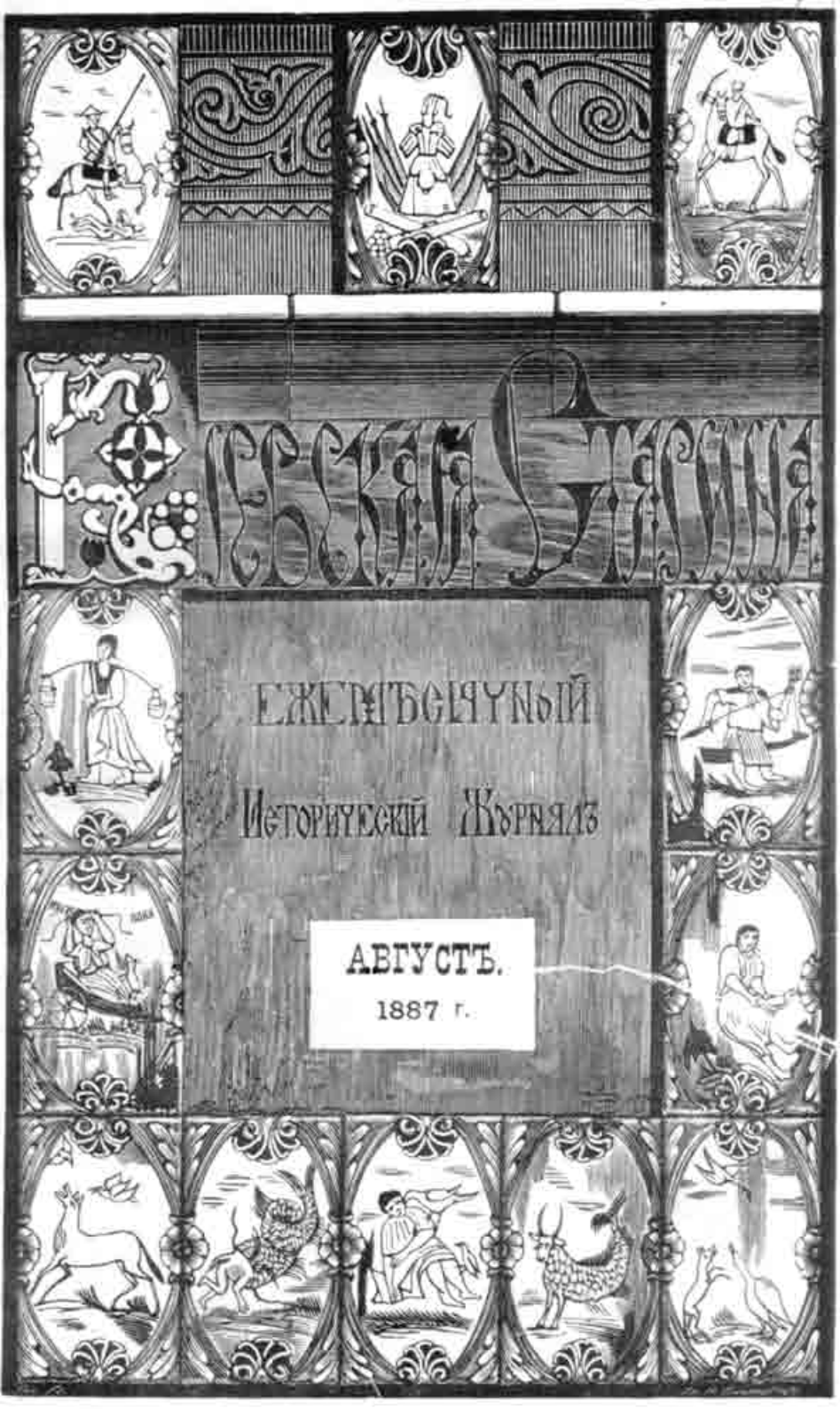
1) Записки гофмейстера И. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосвѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арен. Л. Штаммомъ.